

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегисhev И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голыченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, эксперт Вологодского областного информационно-аналитического центра культуры (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маликина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)

Сerrano-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский
инновационный
университет имени
В. Г. Тимирязова»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитмат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК
по специальностям:
5.2.1. Экономическая
теория;
5.2.3. Региональная
и отраслевая экономика;
5.1.4. Уголовно-правовые
науки

Индексируется в HeinOnline,
CyberLeninka, RePEc, DOAJ,
ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному
каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков
Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:

ООО «Голос Науки»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 36,25. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 25.11.2024. Заказ № 100.

Дата выхода в свет 25.12.2024. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова», ООО «ТЦО «Таглитмат», 2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)

T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Economics), expert at Vologda regional information-analytical culture center (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolny, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkovich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleio, Greece)

J. Shabbbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Universität Freiburg (Freiburg, Germany)

G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

A. Serrano-Maillou, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmut, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПН № 077-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 36,25. Circulation 1000 copies. Signed for printing 25.11.2024. Order № 100.

Date of publishing 25.12.2024. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2024.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:

Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

Website audio content:

"Golos Nauki" LLC

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

849

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Волынский А. И.** Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия 849
- Карпинская В. А.** Экосистемный стиль мышления в экономическом анализе: принцип единства непрерывного и дискретного 863

876

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Кадочникова Е. И., Багаутдинова Н. Г., Хомидов С. О.** Отраслевые тенденции совокупной факторной производительности: где потенциал роста? 876
- Кобылко А. А., Рыбачук М. А.** Сравнительный анализ стратегий мезоуровня: регион, отрасль, корпорация 898
- Селиверстова Н. С.** Направления формирующихся структурных изменений при использовании биометрических данных в России 912

926

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Афанасьев А. Ю.** Дисбаланс в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию 926
- Шутова А. А.** Обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами 936

954

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

- Адамс О. Л., Бэл Дж.** Теория двойной паники: новый взгляд на концепцию моральной паники 954
- Ганнисон Э.** Отказ от преступной деятельности: гендерные сходства и различия 971

849

ECONOMIC THEORY

- A. I. Volynskii.** Industrial policy and the State of development: to actualization of the notion 849
- V. A. Karpinskaya.** Ecosystem style of thinking in economic analysis: principle of unity of the continuous and the discrete 863

876

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- E. I. Kadochnikova, N. G. Bagautdinova, S. O. Khomidov.** Sector trends of total factor productivity: where is the growth potential? 876
- A. A. Kobyлко, M. A. Rybachuk.** Comparative analysis of meso-level strategies: region, industry, corporation 898
- N. S. Seliverstova.** Directions of emerging structural changes in the use of biometric data in Russia 912

926

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- A. Yu. Afanasyev.** Imbalance in the duality of criminal activity and its proving 926
- A. A. Shutova.** Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means 936

954

TRANSLATED ARTICLES

- O. L. Adams, J. Behl.** Dual panic theory: new Insight into moral panics 954
- E. Gunnison.** Desistance from criminal offending: exploring gender similarities and differences 971

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ

- Белоусов А. Л.** Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения 993
- Яковлева Е. Л., Григорьев Р. А.** Назад в будущее: примитивизация, варваризация или новые сценарии развития человека? 1007

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

INTERDISCIPLINARY ARTICLES

- A. L. Belousov.** Institute of bankruptcy in the Russian Federation: establishment and ways of development of the legal provision 993
- E. L. Iakovleva, R. A. Grigoryev.** Back to the future: primitivization, barbarization, or new scenarios of human development? 1007

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики *Е. В. Маслюкова* / Rubric editor *E. V. Maslyukova*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

УДК / UDC 330.3:332:338.2

JEL: O1, O2, O25, R58

А. И. Волынский¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики
Российской академии наук

E-mail: ava3003@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Аннотация

Цель: анализ траекторий эффективной реализации промышленной политики посредством определения степени актуальности ключевых элементов модели государства развития в современных международных реалиях.

Методы: монографический, исторический, абстрактно-логический методы, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты: описанные на примере ряда азиатских стран характеристики понятия «государства развития» позволили правительствам этих стран в сжатые сроки совершить промышленную модернизацию национальных экономик и перейти на траекторию устойчивого экономического развития. Долгие годы государство развития воспринималось исследователями как часть истории. Это определялось действовавшим консенсусом относительно существующих границ вмешательства государства в экономику.

В последние годы растет интерес правительств различных стран к промышленной политике. Реализация мер в рамках промышленной политики рождает новые вызовы перед государственным управлением, вероятно, схожие с теми, через которые прошли государства развития. Показано, что имеющиеся формулировки качественных характеристик, присущих понятию «государство развития» и свойственные ряду азиатских стран в определенном периоде их развития, значимы для современной теории государственного управления в контексте реализации мер промышленной политики.

Научная новизна: состоит в осмыслении понятия «государство развития» в контексте современности.

Практическая значимость: положения и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния экономической теории на общественно-политические дискурсы и политические решения.

Ключевые слова:

экономическая теория, государство развития, экономика развития, азиатские тигры, промышленная политика

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волынский, А. И. (2024). Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 849–862. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

Scientific article

A. I. Volynskii¹

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Industrial policy and the State of development: to actualization of the notion

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 1255-0666, AuthorID: 651331

Abstract

Objective: to analyze the trajectories of industrial policy effective implementation by determining the relevance of key elements of the “development state” model in modern international realities.

Methods: monographic, historical, abstract-logical, comparative methods.

Results: the characteristics of the “development states” concept described on the example of some Asian countries allowed their governments to carry out industrial modernization of national economies in a short time and switch to the sustainable economic development trajectory. For many years, the “development state” has been perceived by researchers as part of history. This was determined by the consensus on the existing boundaries of state intervention in the economy.

In recent years, the interest of governments in industrial policy has been growing. The implementation of measures within the industrial policy gives rise to new challenges to public administration, probably similar to those that the development states have gone through. The author shows that the available formulations of the qualitative characteristics inherent both in the “development state” concept and in some Asian countries in a certain period of their development are significant for the modern theory of public administration in the context of industrial policy measures.

Scientific novelty: it consists in understanding the concept of the “development state” in the modern context.

Practical significance: the research provisions and conclusions can be used in the future studies of the economic theory influence on socio-political discourses and political decisions.

Keywords:

economic theory, development state, development economy, Asian tigers, industrial policy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2024). Industrial policy and the State of development: to actualization of the notion. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 849–862. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.849-862>

Введение

Кризисы последних лет: от пандемии вируса *COVID-19* до обострения геополитических противоречий, скачкообразного роста числа взаимных санкций и ограничительных мер¹ – оказывают влияние не только на пересмотр карты международной экономической интеграции (Gopinath et al., 2024), но и в каждом конкретном случае могут влиять на концептуальную структуру взаимодействия между государством, политикой, обществом и самой экономикой. И страны Западной Европы, и США, будучи родиной неоллиберального консенсуса, в свое время ставшие главными инициаторами и драйверами снижения торговых барьеров и интенсификации развития международной торговли на основе представлений о сравнительных преимуществах и взаимном выигрыше участников торговых отношений, возвращают в свой политический дискурс понятие международной конкуренции. Рост китайской экономики, ставший возможным в том числе благодаря выгодам от международной экономической интеграции и по мере становления в современном Китае рыночных институтов, начал восприниматься странами Запада не как знамение «конца истории» в том виде, в каком о нем писал Френсис Фукуяма (Fukuyama, 1992), но, напротив, как источник экзистенциального вызова для западных демократий и существующего статус-кво в политической картине мира². «Конец истории» обернулся «концом конца истории» (Hochuli et al., 2021). Сам Фукуяма стал говорить о либеральной демократии и соответствующих ей экономических институтах как о том, за что следует бороться, что можно утратить, и что в глобальных масштабах все еще не достигнуто³. Опыт Китая показал возможность реализации альтернативной неоллиберальной эффективной модели общественного развития. Это стало вызовом той ценностной структуре, выразителем которой в свое время стал Фукуяма (Волынский, 2022. С. 15). Даже успехи национальных правительств в борьбе с пандемией *COVID-19* были восприняты в том числе научным сообществом через призму противопоставления демократических и авторитарных политических режимов: допущение лишь вероятности сравнительно большей или сопоставимой эффективности авторитарий в борьбе с вирусом вошло в противоречие с определенной ценностной системой и подхлестнуло соответствующую волну академических публикаций на Западе (Biondo et al., 2022; Cassan & Steenvoort, 2021).

В дискурс экономистов и политиков вернулось понятие конкуренции: прямой с Китаем⁴ и технологической между странами⁵. На этом фоне экономический национализм, привычный для стран Азии (D'Costa, 2012), возродился и на Западе (Maull, 2024), и рассматривается, например, таким авторитетным экономистом, как Дани Родрик, не как постыдный рудимент прошлого или атрибут политического популизма, но как разумный отход от экономического либерализма⁶. Вместе с ростом восприятия международной торговли не только как системы взаимного выигрыша, но и как арены геополитической и экономической конкуренции, вернулась и потребность в переосмыслении роли государства в экономике. Рожденное на уровне политического восприятия стремление к экономической и технологической конкуренции логически предполагает развитие отдельных отраслей национальной экономики, что едва ли возможно вне целенаправленных усилий со стороны правительства и государственного аппарата. Государство как регулятор экономической деятельности неизбежно усиливает степень своего влияния не только в развивающихся странах, но и в развитых экономиках Запада (Hinterleitner et al., 2024): косвенным тому подтверждением можно считать снижение индекса экономической свободы (Gwartney et al., 2023).

¹ Глава МВФ: количество торговых ограничений в мире за последние годы выросло в четыре раза. (2024, 28 апреля). ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/20677957>

² Roberts, D. (2022, September 22). At Stake in the U.S.-China Rivalry: The Shape of the Global Political Order. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/books/2022/09/22/stake-us-china-rivalry-shape-global-political-order/>

³ Fukuyama, F. (2022, October 17). More Proof That This Really Is the End of History. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/>

⁴ Al-Haschimi, A., Emter, L., Gunnella, V., Ordoñez, I. M., Schuler, T., & Spital, T. (2024, September 3). Why competition with China is getting tougher than ever. European Central Bank. <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2024/html/ecb.blog240903~57f1b63192.en.html>

⁵ Thomas, Ch. (2023). Technology competition between nations: Views from industry leaders. The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/articles/technology-competition-between-nations-views-from-industry-leaders/>

⁶ Rodrik, D. (2023, November 7). Doing Economic Nationalism the Right Way. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/east-asian-model-vindicates-economic-nationalism-by-dani-rodrik-2023-11>

Артикуляция в общественно-политическом дискурсе существования экономической конкуренции между странами, протекающей на фоне геополитических конфликтов и расширяющихся торговых ограничений, отчасти может оказаться сведенной к технологической конкуренции: многие из действующих в современной мировой экономике торговых ограничений связаны со стремлением одних стран замедлить технологический рост и ослабить промышленный потенциал экономик своих геополитических конкурентов посредством введения санкционных ограничений. Это подталкивает и тех, в отношении кого вводятся санкции, и тех, кто их вводит, к идее об укреплении технологического и торгового суверенитета⁷, так как применение эффективных санкционных инструментов влечет издержки для обеих сторон⁸. Сама идея технологического суверенитета возвращает в поле экономического дискурса понятия государственного и национального суверенитета⁹. Все это дает дополнительный импульс росту интереса правительств различных государств к активизации так называемой промышленной политики, возрождает дискуссии о стратегическом управлении экономикой (Клейнер, 2023). Как мы покажем далее, промышленная политика как аспект деятельности того или иного правительства и как элемент широкого общественно-политического и узкоспециализированного экономического дискурса вернулась не только в странах Востока и России, но и на Западе.

Актуализация этого понятия ставит, впрочем, и перед политиками, и перед исследователями новые вопросы о способах эффективной реализации промышленной политики, так как долгое время считалось, что неэффективность государственных мер промышленной политики априорна. Очевидно, что существующий критический взгляд экономической теории на возможности участия государства в экономической деятельности не только как ночного сторожа, но и как актора экономической деятельности нуждается в очередной волне уточнений. И в данном случае свой интерес может представлять модель так называемого государства развития (*developmental state*). Эта концепция родилась из опыта изучения экономической политики Японии в середине XX в. и была множество раз применена в исследованиях экономик стран «азиатских тигров»: Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга. Их роднила высокая степень участия государства в экономической жизни страны, и все они продемонстрировали свою историю успеха.

Таким образом, целью своего исследования мы видим определение, в какой степени рост актуальности идеи промышленной политики как целенаправленных усилий правительств к развитию отдельных отраслей промышленного производства ради достижения национального суверенитета делает жизнеспособной концепцию государства развития, не только легитимирующую идею вмешательства государства в экономические процессы, но и определяющую механизмы этого вмешательства. В первой части исследования мы рассмотрим особенности современного экономического дискурса относительно понятия промышленной политики, во второй изложим основные положения концепции государства развития и подведем определенные итоги. В третьей, заключительной, части мы поднимем вопрос о релевантности модели государства развития применительно к современной российской экономике.

⁷ Интересно, что само понятие технологического суверенитета довольно сложно артикулируется вне проблемы не просто взаимного доверия между странами, но и такого вопроса, как сходство политических режимов и ценностной близости между странами: «...государственное вмешательство в экономические отношения может быть обосновано требованием технологического суверенитета, если для этого есть основание на уровне общих ценностей (например, демократии, прав человека, устойчивого развития и др. (Гареев, 2023. С. 42).

⁸ Этот логический «парадокс санкций» был описан в 1999 г. в исследовании Drezner (1999).

⁹ Логическую несовместимость представлений о свободном рынке с понятием суверенитета и критику последнего можно встретить, например, у Ф. Хайека: «Концепция суверенитета основана на ложной логической конструкции, исходящей из допущения, что существующие правила и институты суть порождение единой творческой воли. Но нет воли, способной навязать людям какие угодно правила. Сообщество свободных людей исходит из того, что всякая власть ограничена общими представлениями, объединяющими людей. Где нет этого согласия, нет и власти» (Хайек, 1990. С. 63). Размышлявший об экономике в направлении, заданном Хайеком, Ф. Фуко также видел противоречие между суверенитетом и свободным рынком, процессы в котором находятся вне воли и понимания регулятора (Греньё, Орлеан, 2009. С. 135–142).

Результаты исследования

От промышленной политики к государству развития

OECD определяет промышленную политику как «государственную помощь предприятиям для стимулирования или переформатирования конкретной экономической деятельности»¹⁰. Определение предполагает, что правительство прибегает к мерам промышленной политики в случаях, когда рынки демонстрируют свою неспособность к самостоятельному решению задач структурных изменений: зеленого перехода, повышения безопасности производственных цепочек и т. д. Однако авторы выпущенного *OECD* доклада, посвященного вопросам промышленной политики, отмечают, что, несмотря на возвращение этой темы не только в политический, но и академический дискурс, единое определение понятия отсутствует, что выражается и в различиях в классификации мер промышленной политики как таковой, и в определении инструментария промышленной политики (Criscuolo, et al., 2022. Р. 14). Предлагаемое в связи с этим самими авторами определение подразумевает под промышленной политикой меры правительственной поддержки бизнес-сектора, реализуемые при условии существующего акцента на структурные преобразования как всей экономики в целом, так и отдельных отраслей (Criscuolo, et al., 2022. Р. 14). Широта определения позволяет авторам указать на то, что меры фискального стимулирования, денежная и макропруденциальная политика также могут быть рассмотрены как косвенный фактор реализации промышленной политики. Предложенная авторами таксономия инструментов промышленной политики предполагает как сочетание «горизонтальных» мер промышленной политики, направленных на создание эффективной инновационной среды, так и точечных мер поддержки. В первом случае авторы опираются на шумпетерианское представление о развитии инноваций, подразумевающее распространение новых технологий и решений посредством сетевого взаимодействия агентов (Criscuolo, et al., 2022. Рр. 19–21)¹¹: принципиальным в современном понимании моментом в этом вопросе применительно к теме промышленной политики как направленного регуляторного воздействия является возможность формирования сетей распространения инноваций в ситуации, когда устойчивые социальные связи в экономической среде еще не выстроены (Голиченко, 2023).

Несколько иное определение мы находим в докладе Дани Родрика и соавторов. В их версии промышленная политика – это «те государственные меры (*government policies*), что явно нацелены на преобразование структуры экономической деятельности в достижении какой-то общественной цели» (Juhász et al., 2023. Р. 4). Авторы отмечают, что в сравнении с прежними трактовками, исторически предполагавшими стимулирование развития отдельных отраслей промышленности, они предлагают под объектами промышленной политики понимать и поддержку определенного вида услуг, исследований и разработок. Что интересно в рамках нашего исследования: говоря об определении, авторы указывают на одно из вытекающих из логики промышленной политики как таковой узких мест для критики: промышленная политика предполагает осуществление принимающей решения бюрократией поддержки той или иной отрасли или корпорации в ущерб другой: «мы продвигаем X, но не Y» (Juhász et al., 2023. Р. 4).

Существующие различия в определении и понятия, и инструментария промышленной политики осложняют стоящую перед исследователями задачу межстрановых сопоставлений и объемов реализуемых мер и их результативности в разных странах. Однако попытки межстрановых сопоставлений и формирования баз данных существуют: мы имеем в виду проект «Обсерватория новой промышленной политики» (*New Industrial Policy Observatory, NIPO*), созданный на основе базы *Global Trade Alert*¹². Авторы проекта учитывают 66 типов инструментов реализации промышленной политики: от субсидирования отдельных отраслей и предприятий и мер макропруденциальной политики до торговых ограничений: как введения мер экспорт-

¹⁰ OECD. Industrial policy. <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/industrial-policy.html>

¹¹ В данном случае авторы приближают себя к нешумпетерианскому подходу в создании инновационной среды, предполагающему наличие в экономике горизонтальных связей, связывающих между собой центры разработок, в том числе университеты, различных производителей и бюрократический аппарат. В России этот подход развивается О. Г. Голиченко (2014).

¹² New Industrial Policy Observatory 2.0. (2017). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

ного контроля, так и повышенных тарифов на импорт отдельных видов продукции¹³. В части результатов основная база проекта – *Global Trade Alert* – демонстрирует рост искажающих рыночный характер мировой экономики мер, начавшийся в 2019-м. Среди искажающих мер, включающих и торговые ограничения, доминируют субсидии – они составляют 56,5 % действующих в мировой экономике мер правительственных интервенций¹⁴. Более подробный анализ по данным за 2023 г. показал, что: 1) на Китай, страны Европейского союза и США приходится 48 % принятых мер промышленной политики; 2) развитые экономики в 2023 г. реализовывали меры промышленной политики чаще, чем правительства развивающихся стран; 3) наиболее часто используемый инструмент – корпоративные субсидии. Интересны и иные особенности: в 2023 г. наиболее часто встречающейся декларируемой правительствами целью вводимых мер стало решение стратегической задачи повышения конкурентоспособности экономики, а лидеры среди отраслей – медицина, продукция двойного назначения, высокотехнологичные сектора, в том числе производство полупроводников. В части используемых мер важно обратить также внимание на различие в каналах предоставления субсидий: если в развитых странах основными каналами субсидирования стали гранты и государственные кредиты, то в развивающихся – государственные кредиты, налоговые льготы и вливания капитала (Evenett et al., 2024. P. 7)¹⁵.

Несмотря на рост популярности экономической политики как явления, вопрос о ее эффективности все еще широко дискутируется как на примере развитых, так и развивающихся стран. Так, существуют исследования, показывающие отсутствие долгосрочного положительного эффекта от реализуемой промышленной политики в Китае в рамках принятых планов пятилетнего развития страны: предполагается, что в краткосрочной перспективе реализуемые китайским правительством стимулирующие меры показывают положительный эффект, что удовлетворяет бюрократию, однако в долгосрочной перспективе эффект затухает (Wu et al., 2019). Часть авторов идет дальше, доказывая, что субсидии, предоставляемые китайским производителям в рамках реализации стратегии *Made in China 2025*, не оказывают положительного воздействия на инновационную деятельность основных компаний-реципиентов (Branstetter & Li, 2022)¹⁶. В другом исследовании на примере Эфиопии показывается неэффективность стимулирования промышленного развития посредством финансового стимулирования при отсутствии благоприятной институциональной среды (Gebrewolde & Rockey, 2022).

В случае изучения китайского опыта скепсис авторов зачастую основывается на широко разделяемом в прежние годы предположении о неэффективности промышленной политики («политика, которую нельзя назвать») (*the Policy That Shall Not Be Named*) – так резюмируют доминировавшее многие годы в экономической науке отношение к промышленной политике авторы одного из исследований (Cherif & Hasanov, 2019). Однако актуальные исследования, исчерпывающий обзор которых приводится в работе Juhász с соавторами (2023), показывают, что в разных исторических условиях меры промышленной политики могут оказывать как нейтральное или негативное воздействие, так и, напротив, давать положительные результаты. Реабилитация промышленной политики, основанная на множестве исторических примеров, показывает, помимо прочего, что «азиатское чудо», построенное на четких стратегиях реализации промышленной политики, – это не исключение из правил, как считалось прежде, а один из череды положительных случаев.

Проведенный Дани Родриком и соавторами метаанализ исследовательской литературы показывает, что решающее значение имеет не сама идея промышленной политики, а вопрос применения необходимых мер в нужном месте, и в нужное время. Однако, сняв базовый вопрос о потенциальной эффективности промышленной политики как таковой, мы приходим к вопросу о существующих слабых местах реализации промышленной политики. Проблема выбора нужной меры в нужном месте и в нужное время отчасти может

¹³ The New Industrial Policy Observatory 2.0 (NIPO 2.0). Methodological note (p. 5). Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/reports/112>

¹⁴ Total Number of Implemented Interventions Since November 2008. (2008). Global Trade Alert. https://www.globaltradealert.org/global_dynamics

¹⁵ Уточним, что в случае с Китаем речь может идти о предоставлении кредитов государственным предприятиям, но с процентом ниже рыночного.

¹⁶ Стоит оговориться, что проведенный анализ затронул только публичные китайские компании и основывается на их публичной отчетности, таким образом, полученные результаты раскрывают лишь часть общей картины инновационного развития китайской экономики и трудно согласуются, например, с ростом количества международных патентных заявок, поданных китайскими корпорациями.

пониматься как вопрос случайности, отчасти же решаться в рамках существующих теорий, в частности, в российском научном дискурсе построенных на основе теории институциональных реформ¹⁷ и, например, теории мезоинститутов и – шире – мезоуровня как промежуточного между микро- и макроуровнями, позволяющего бюрократии специфицировать набор реализуемых мер исходя из институциональных и иных реалий национальной экономики (Маевский, Кирдина-Чэндлер, 2020; Golichenko, 2019).

С другой стороны, проблема эффективности мер промышленной политики выводит нас на вопрос об эффективности бюрократии и государственного управления, в решении которого можно выделить два уровня. Во-первых, это способность бюрократии оценивать ту или иную ситуацию, абстрагируясь от технократического стремления к формализации управляемой реальности (подробнее мы касались этого вопроса в работе (Волынский, 2023. С. 242–243). Во-вторых, речь идет о проблеме государственного управления, теоретизируемой экономистами и в рамках теории общественного выбора, и с применением модели принципал-агента (подробнее об этом см. (Тамбовцев, Рождественская, 2022)). Модель принципал-агента объясняет гипотетические провалы промышленной политики в Китае¹⁸, случаи, когда бюрократия работает на достижение целевого показателя, не сообразуясь с долгосрочными эффектами своих действий. В иных же случаях мы можем исходить из предположения о том, что «промышленная политика открывает дверь для корыстного лоббирования и политического влияния» (Juhász et al., 2023. P. 6).

Таким образом, промышленная политика становится очередным вызовом для идеала веберовской бюрократии: ситуация «мы продвигаем X, но не Y» открывает перед лицами, принимающими решения, пространство и для ошибок, и для оппортунистического поведения, при котором спектр искажающих общественный интерес решений будет варьироваться от реализации целевых показателей во что бы то ни стало во имя достижения самих целевых показателей до прямого лоббирования интересов отдельных отраслевых сообществ и корпораций. В качестве одного из существующих решений проблемы эффективности промышленной политики можно назвать модель государственного предпринимательства и государственного капитализма, подразумевающую наличие экономических акторов – компаний, находящихся в собственности государства, но ведущих свою деятельность на рискованных условиях, присущих свободному рынку (Смотрицкая, Фролова, 2024). Однако модель государственного капитализма, во-первых, предполагает наличие предприятий в государственной собственности, но функционирующих на рыночных основаниях и независимо от правительства, что ограничивает возможности самого государства координировать деятельность этих предприятий, во-вторых, она не отменяет рисков оппортунистического поведения и ограничений рациональности при принятии решений в силу неполноты информации. Цитируя Уильямсона, частные фирмы «не могут имитировать мощные побудительные мотивы рынка без возникновения дополнительных затрат» (Уильямсон, 1996. С. 234): как он стремился показать, организация всей экономической деятельности в рамках одной фирмы невозможна, этот же вывод можно экстраполировать на проблемы государственного управления экономикой. Однако все же нам известны истории успеха реализации мер промышленной политики, когда государство напрямую вмешивалось в экономические процессы, и главным образом речь идет об «азиатских тиграх» и росте их экономик во второй половине XX в. Относительно модели достижения структурной перестройки экономик азиатских стран существуют различные версии подходов к выявлению причин успеха, одной из которых можно назвать так называемую модель государства развития, примененную правительствами азиатских стран.

Типология государства развития

Появление термина «государство развития» (*developmental state*) принято связывать с работой Чалмерса Джонсона (Johnson, 1982), в которой рассматривалось чудо послевоенного восстановления экономики Японии, обусловленное, согласно автору, реализацией мер промышленной политики. Отдавая едва ли не ключевую роль в успехе специфической модели бюрократии в лице Министерства международной торговли и промышленности, учрежденного после 1949 г., Джонсон противопоставляет государство развития регуля-

¹⁷ Обзор соответствующих теорий см. (Волынский, 2018).

¹⁸ Подчеркнем, мы не делаем утверждений о неэффективности промышленной политики в современном Китае, а лишь на уровне теоретизирования объясняем результаты отдельных исследований, нуждающиеся, впрочем, в дополнительной верификации.

торному государству (*regulatory state*) (Johnson, 1982. P. 10) по образцу США, и, более того, советской модели плановой экономики, подразумевая тем самым значительное влияние государства на промышленность, но не связанное с сокращением рыночных стимулов. В части вопроса о стимулировании бюрократии он, во-первых, указывает на ее исключительную взаимосвязь с бизнесом и, во-вторых, в части политэкономического обоснования возводит идею японской модели государства развития к немецкой исторической школе (Johnson, 1982. Pp. 17–18).

Интересно, что, хотя сам Джонсон уделил в своей работе значительное внимание концептуализации понятия, в первоначальных отзывах на монографию авторы рецензий не уделяли ему значительного внимания (Yasuba, 1983), порой и вовсе переключая внимание с бюрократии на роль дзайбачу – японских финансово-промышленных конгломератов (Tyabji, 1984). Спустя более чем десятилетие Джонсон конкретизировал свое понимание модели государства развития, выделив его ключевые компоненты: 1) тонкая настройка системы взаимодействия между бюрократией и бизнесом, сочетающая элементы государственного контроля, самоконтроля, кооперации власти и бизнеса. Со стороны бюрократии это предполагает необходимость определения ключевых отраслей, выбора механизмов и средств развития отраслей, способность бюрократии контролировать здоровую конкуренцию в выбранных отраслях; 2) архитектура политической системы, предполагающая свободу бюрократии в выборе цели и методов развития, предоставленная бюрократии возможность брать на себя инициативу; 3) совершенствование рыночных методов вмешательства государства в экономику; 4) наличие в бюрократической системе органа, обладающего широкими полномочиями в части определения стратегии экономического развития и ее реализации по примеру Министерства международной торговли и промышленности в Японии (Johnson, 1999. Pp. 38–39). Отвечая на существующую критику, Джонсон отмечал, что его модель государства развития не предполагает утверждения решающей и исключительной роли правительства в послевоенном росте японской экономики. Его утверждение о значительной координирующей роли бюрократии, получающей в модели государства развития более широкие полномочия, чем в регуляторном государстве¹⁹, как он пояснял впоследствии, не должно пониматься как тезис об отклонении японской системы управления в сторону плановой экономики (Johnson, 1999. P. 34).

Помимо перечисленных нами выше четырех составляющих, являющихся базой устоявшегося понимания того, чем является государство развития и повторяемых в различных вариациях в исследованиях других авторов (см., например, (Caldentey, 2008)), существует и та, на наш взгляд, необходимая часть, проливающая свет на поставленный нами выше вопрос о мотивах бюрократии. В одном из определений мы находим указание на существование социальной коалиции между бюрократией, политиками, бизнесом и обществом (Woo, 2022). Как об этом писал сам Джонсон: государство, стремящееся повторить опыт Японии, «...должно принять те же приоритеты, что и Япония. Прежде всего, это должно быть государство развития, и только затем регулирующее государство, государство благосостояния (*welfare state*), государство, обеспечивающее принцип социального равенства (*equality state*) или любое другое функциональное государство (*functional state*), которое общество может захотеть принять» (Johnson, 1999. P. 37). Этой оговоркой, с одной стороны, Джонсон стремился снять проблему соотношения государства развития и демократических институтов, с другой – вводил в рамки модели государства развития иную, помимо экономической, мотивацию, вытекающую из наличия социальной коалиции и существующих в обществе политических установок. Таким образом, фактически в модели государства развития оказывался поднят вопрос существования необходимых этических установок, проблема которых в рамках экономической теории и определения связи между этическими установками и экономической политики все еще дискутируется (Клейнер, 2024).

Говоря о последнем тезисе, можно затронуть относительно очевидную проблему экономического национализма: государство развития, как показывает исследовательская литература, состоялось как модель стимулирующего промышленного развития прежде всего в национальных государствах Азии, где экономический национализм исторически силен. В нашем же представлении более важным элементом идейной и идеологической переоценки может стать изменение существующих представлений о характере международной торговли. В работе 1999 г. Джонсон писал о том, что его модель государства развития была оценена многими

¹⁹ «Politicians reign and that the bureaucrats rule» («Политики правят, бюрократы управляют») – яркая формула Джонсона (Johnson, 1982. P. 316).

экономистами как содержащая в себе идеологический вызов неолиберальной парадигме и консенсусному представлению о характере международной торговли: оправдывая на примере Японии торговый протекционизм и государственные интервенции в экономику, эта модель предлагала иной взгляд на имеющиеся проблемы экономического развития. Логика модели государства развития предполагает структуралистский подход к экономике: идею направленной поддержки отдельных отраслей, что имеет своей целью изменение характерной для той или иной национальной экономики отраслевой и производственной структуры ВВП. А это может казаться как экономистам, так и бюрократии чем-то сродни авантюре. Так, Роберт Уэйд в статье с показательным названием «The Developmental State: Dead or Alive?» вспоминает об опыте Джастина Линь Ифу, китайского экономиста, работавшего в период с 2008 по 2012 г. на должности главного экономиста Всемирного банка. Занимая эту должность, он стремился вернуть в дискурс Всемирного банка понятие промышленной политики, цель которой – в структурном изменении национальной экономики (см. его доклад (Lin & Monga, 2010)). Его система аргументации основывалась на том, что азиатское чудо таких стран, как Япония и Корея, строилось на продвижении отраслей экономики с более высокой добавленной стоимостью при условии, что развитие этих отраслей находилось в пределах доступных для стран сравнительных преимуществ, однако его идеи так и не нашли понимания со стороны коллег из Всемирного банка, считавших опыт Кореи и Японии, стимулировавших развитие целой группы отраслей с нуля, лишь исключением из общего правила, вера в возможность повторения которого развивающимися странами скорее опасна (Wade, 2018. P. 4)²⁰.

Актуально ли для России?

Государство развития воспринимается сейчас скорее как исторический феномен, модель описания реформ в послевоенной Японии и ряде других азиатских государств. Более того, если в англоязычном академическом пространстве можно зафиксировать незначительный рост интереса авторов к проблематике государства развития²¹, то в российской академической среде понятие оказывается практически невостребованным, на что указывают, например, вьетнамские авторы (Ле и др., 2024. С. 79): база данных eLIBRARY.RU по запросу «государство развития» за весь период обнаруживает всего 64 публикации, часть авторов которых повторяется (например, К. С. Саблин стал автором и соавтором пяти публикаций из выдачи). Однако мы полагаем, что российскими авторами тема государства развития подвергнута забвению незаслуженно: описанная на множестве реальных исторических кейсов, она предполагает выход государственного регулирования за рамки существующих технократических конструкций, подсвечивая необходимое условие успеха: наличие широкого общественного консенсуса относительно целей экономического развития страны.

Модель государства развития позволяет говорить о взаимоотношении между обществом, властью и бизнесом, специализировать представления о механизмах демократического выбора применительно к развивающимся странам, тем, где вмешательство государства в экономику – жизненная необходимость, обусловленная потребностью в структурной трансформации экономики. Англоязычная исследовательская литература полна примеров исследований, доказывающих, что государство развития не уводит общество от демократического пути развития, но, напротив, является способом пути к инклюзивному обществу посредством выхода на траекторию устойчивого экономического развития и стабилизации социально-экономических институтов (Nagar, 2021; Tapscott et al., 2018; Lim & Jang, 2006; Brown & Fisher, 2019). В современных реалиях рос-

²⁰ Справедливости ради отметим, что классический структурализм (а Джастин Ифу позиционирует себя как новый структуралист ([6.3 Conference] Justin Yifu Lin: The Role of State in New Structural Economics. (2017, July 4). Institute of New Structural Economics at Peking University. <https://www.nse.pku.edu.cn/en/ywsw/news/245640.htm>)) порой радикально расходится с теорией сравнительных преимуществ. Так, Эрик Райнерт в своем обширном историческом исследовании стремился показать, что сравнительные преимущества в международной торговле консервируют состояние неэквивалентного обмена, при котором товары с низкой добавленной стоимостью обмениваются на товары с высокой добавленной стоимостью. Производители первой группы товаров оказываются в ситуации, консервирующей их отсталость в отношении производителей второй группы товаров (Reinert, 2008). Ссылаясь на это же выступление Ифу, добавим, что для него государство развития есть проявление классического структурализма, что позволяло выстраивать экономическую политику, идя в разрез со сравнительными преимуществами.

²¹ Так, поисковая машина системы Google Scholar по запросу “developmental state” (запрос введен в кавычках) обнаруживает 5360 публикаций, датированных 2023 г., и 4200 публикаций, датированных 2013 г., 5320 – в 2022 г. и 3870 – в 2012 г.

сийской экономики, находящейся под жестким внешним санкционным давлением, вопрос выстраивания общественного консенсуса и инклюзивного общества не является абстракцией. Как справедливо указывает академик В. М. Полтерович, ни мобилизационная, ни либерализационная стратегии, дискутируемые сейчас в российской академической среде и практике, не являются выигрышными в долгосрочной перспективе (Полтерович, 2023. С. 8–9), а эффективное развитие в долгосрочной перспективе возможно лишь при условии выстраивания стабильных связей между бизнесом, бюрократическими и академическими структурами и гражданским обществом. В этом контексте модель государства развития становится актуальным для изучения историческим примером. Стоит отметить, что, хотя и редкие, но в российской литературе существуют упоминания концепции государства развития именно в связи с этической составляющей. Так, в работе Левина и Саблина (2021. С. 67–68) успех азиатской модели и провалы реализации стратегии государственного развития в Бразилии в последней четверти XX в. связываются с коррупционностью бюрократической системы в последней и отсутствием необходимых этических установок у чиновников. В этическом смысле на проблему государства развития и ее применение в России смотрит и Я. М. Миркин (2021). Эта же мысль отчасти коррелирует с идеей трансформации стратегии государственного развития от представлений о бюрократии как менеджменте в модели сервисного государства²² к модели государства развития, формирующего и реализующего стратегии развития национальной экономики с учетом интересов общества (Смотрицкая, 2018).

Заключение

Международный политический ландшафт ощутимо изменился, равно как изменилось и восприятие международной политики в общественно-политическом дискурсе. Международная политика на уровне соответствующего восприятия отныне не только может быть охарактеризована стремлением прийти к единству перед общими вызовами бедности, дефицита ресурсов и климатических изменений, но и стала ареной конкуренции. Экономический и технологический рост одних стран стал восприниматься другими странами как угроза, а мировой рынок превращается в территорию растущих торговых барьеров и конкуренции за национальные рынки. Возникшая вследствие вводимых ограничений потребность к достижению технологического суверенитета для одних стран и стремление других выиграть в технологической гонке – все это возродило понятие промышленной политики, которое, в свою очередь, заставило по-новому взглянуть на проблему государственного управления экономикой и возможностей государственной политики.

В своем исследовании мы стремились показать, что забытое в прежние годы понятие государства развития, воспринимаемое прежде как историографический феномен опыта описания экономической политики ряда стран Азии в середине XX в., может стать актуальной основой дорожной карты для современных политиков в части реализации последними задач промышленной политики или, по крайней мере, позволит исследователям предвидеть возможные траектории поведения политиков и правительств. Среди идей, сосредоточенных в модели государства развития и, вероятно, актуализируемых в современных реалиях, укажем на имплицитное отрицание теории сравнительных преимуществ при планировании стратегий промышленной политики, что прямо вытекает из логики существующих торговых и геополитических конфликтов, возвращающих понятие экономического суверенитета, а также на необходимость существования в обществе социальной коалиции: единства понимания целей социально-экономического развития страны, определяющего возможности координации политики, бюрократии и бизнеса.

Список литературы

- Волынский, А. И. (2018). Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе. *Terra economica*, 16(4), 29–40.
- Волынский, А. И. (2022). К концу истории. *Восточный курьер / Oriental Courier*, 4, 11–19. <https://doi.org/10.18254/S268684310023799-6>

²² Имеется в виду модель нового государственного управления (New public management), рассматривающая государство как набор сервисов.

- Волынский, А. И. (2023). Политэкономия социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.237-252>
- Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Голиченко, О. Г. (2014). Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. *Вопросы экономики*, 7, 35–50. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
- Голиченко, О. Г. (2023). Передача знаний и трансформация мезоединиц: роль сетевых взаимодействий на мезотраектории развития экономической системы. *Дружковский вестник*, 4(54), 5–23. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-5-23>
- Гренье, Ж. И., Орлеан, А. (2009). Мишель Фуко, политэкономия и либерализм. В сб. *Государство. Научные тетради Института восточной Европы*, 3, 133–166.
- Клейнер, Г. Б. (2023). Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки*, 13(1), 6–19. <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-6-19>
- Клейнер, Г. Б. (2024). Экономические парадигмы, общественная этика, социально-экономические институты: динамика и взаимосвязь. *Экономическая наука современной России*, 2(105), 7–16. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-7-16](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16)
- Левин, С. Н., Саблин, К. С. (2021). Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 12(4), 60–70. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхыонг, До Тхи Ван Фыонг (2024). Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама). *Право и государство: теория и практика*, 5(233), 78–82. EDN: CIUXPY
- Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г. (ред.) (2020). *Мезоэкономика: элементы новой парадигмы*: монография. Москва: ИЭ РАН.
- Миркин, Я. М. (2021). Новая экономическая политика для России. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 227(1), 115–127. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127>
- Полтерович, В. М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Смотрицкая, И. И. (2018). Стратегические подходы к повышению эффективности институтов государственного управления. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 1, 45–60.
- Смотрицкая, И. И., Фролова, Н. Д. (2024). К вопросу развития предпринимательской деятельности государства. *Общество и экономика*, 4, 5–16.
- Тамбовцев, В. Л., Рождественская, И. А. (2022). Экономическая теория в составе научных оснований государственного управления. *Terra Economicus*, 20(2), 6–20. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-20>
- Уильямсон, О. И. (1996). *Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция*. Санкт-Петербург: Лениздат; CEV Press.
- Хайек, Ф. А. (1990). *Общество свободных* (пер. с англ. А. Кустарева; под ред. Ю. Колкера; предисл. и пояснения к рус. изд. Эмона Батлера). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Biondo, A. E., Brosio, G., Pluchino, A., & Zanola, R. (2022). Authoritarianism vs. democracy: Simulating responses to disease outbreaks. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 594. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2022.126991>
- Branstetter, L. G., & Li, G. (2022, November). Does “Made in China 2025” Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms. *NBER Working Paper*, 30676.
- Brown, S., & Fisher, J. (2019). Aid donors, democracy and the developmental state in Ethiopia. *Democratization*, 27(2), 185–203. <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1670642>
- Caldentey, E. (2008). The Concept and Evolution of the Developmental State. *International Journal of Political Economy*, 37, 27–53. <https://doi.org/10.2753/ijp0891-1916370302>
- Cassan, G., & Van Steenvoort, M. (2012). Political regime and COVID 19 death rate: Efficient, biasing or simply different autocracies? An econometric analysis. *SSM - Population Health*, 16, 100912. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100912>
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019, March 26). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. *IMF Working Paper, Institute for Capacity Development*.
- Crisuolo, C., Gonnet, N., Kitazawai, K., & Lalannei, G. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- D'Costa, A. P. (Ed.) (2012, September 20). *Globalization and Economic Nationalism in Asia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199646210.001.0001>
- Drezner, D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper January.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press.
- Gebrewolde, T. M., & Rockey, J. (2022). The effectiveness of industrial policy in developing countries: causal evidence from Ethiopian manufacturing firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>

- Golichenko, O. (2019). Regulation of meso trajectories in the national innovation system. In *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE*, Kalamata, 19–20 September, 2019 (Vol. 1, pp. 336–344). Kalamata.
- Gopinath, G., Gourinchas, P., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2024, April 5). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working paper*. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357>
- Gwartney, J., Lawson, R., Murphy, R., Abubaker, M., Celico, A., Hammond, A., McMahon, F., & Rode, M. (2023). *Economic Freedom of the World. 2023 Annual Report*. Fraser Institute. <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/economic-freedom-of-the-world-2023.pdf>
- Hinterleitner, M., Knill, C., & Steinebach, Y. (2024). The growth of policies, rules, and regulations: A review of the literature and research agenda. *Regulation & Governance*, 18(2), 637–654. <https://doi.org/10.1111/rego.12511>
- Hochuli, A., Hoare, G., & Cunliffe, P. (2021). *The End of the End of History: Politics in the Twenty-First Century*. Winchester: Zero Books.
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75*. Stanford University Press.
- Johnson, C. (1999). Chapter Two. The Developmental State: Odyssey of a Concept. In M. Woo-Cumings (Ed.). *The Developmental State* (pp. 32–60). Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501720383-004>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. *Working Paper*, 31538. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Lim Hyun-Chin, Jang Jin-Ho. (2006). Between Neoliberalism and Democracy: The Transformation of the Developmental State in South Korea. *Development and Society*, 35(1), 1–28.
- Lin, J., & Monga, C. (2010). *Growth identification and facilitation: the role of the state in the dynamics of structural change (English)*. Policy Research Working Paper WPS 5313. Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/438321468164948980/Growth-identification-and-facilitation-the-role-of-the-state-in-the-dynamics-of-structural-change>
- Maull, H. W. (2024). The Rise of Economic Nationalism. *Survival*, 66(2), 157–164. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2332067>
- Nagar, M. F. (2021). The (Democratic) Developmental State: A Theoretical Overview – Underlying Internal Relations and Inherent Entrepreneurial Logic. In *The Road to Democratic Development Statehood in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73523-4_3
- Polterovich, V. M. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Reinert, E. (2008, October 7). How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. *Public Affairs*.
- Tapscott, Ch., Halvorsen, T., & Rosario, T. Cruz-Del. (Eds.) (2018). *The Democratic Developmental State North-South Perspectives*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Tyabji, N. (1984). Japanese Miracle. [Review of *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–75*, by C. Johnson]. *Social Scientist*, 12(4), 73–90. <https://doi.org/10.2307/3517087>
- Wade, R. (2018). The Developmental State: Dead or Alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. <https://doi.org/10.1111/dech.12381>
- Woo, M. (2022). The Developmental State. In J. Han, R. Pardo, & Y. Cho (Eds), *The Oxford Handbook of South Korean Politics*, Oxford Handbooks (pp. 104–119). <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780192894045.013.7>
- Wu, Y., Zhu, X., & Groenewold, N. (2019). The determinants and effectiveness of industrial policy in China: A study based on Five-Year Plans. *China Economic Review*, 53(C), 225–242. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.09.010>
- Yasuba, Y. (1983). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. By Chalmers Johnson. Stanford: Stanford University Press, 1982. *The Journal of Economic History*, 43(2), 520–521. <https://doi.org/10.1017/S0022050700029958>

References

- Biondo, A. E., Brosio, G., Pluchino, A., & Zanola, R. (2022). Authoritarianism vs. democracy: Simulating responses to disease outbreaks. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 594. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2022.126991>
- Branstetter, L. G., & Li, G. (2022, November). Does "Made in China 2025" Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms. *NBER Working Paper*, 30676.
- Brown, S., & Fisher, J. (2019). Aid donors, democracy and the developmental state in Ethiopia. *Democratization*, 27(2), 185–203. <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1670642>
- Caldentey, E. (2008). The Concept and Evolution of the Developmental State. *International Journal of Political Economy*, 37, 27–53. <https://doi.org/10.2753/ijp0891-1916370302>
- Cassan, G., & Van Steenvoort, M. (2012). Political regime and COVID 19 death rate: Efficient, biasing or simply different autocracies? An econometric analysis. *SSM - Population Health*, 16, 100912. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100912>
- Cherif, R., & Hasanov, F. (2019, March 26). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. *IMF Working Paper, Institute for Capacity Development*.

- Criscuolo, C., Gonnet, N., Kitazawai, K., & Lalannei, G. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- D'Costa, A. P. (Ed.) (2012, September 20). *Globalization and Economic Nationalism in Asia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199646210.001.0001>
- Drezner, D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evenett, S., Jakubik, A., Martín, F., & Ruta, M. (2024). *The Return of Industrial Policy in Data*. IMF Working Paper January.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press.
- Gareev, T.R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Gebrewolde, T. M., & Rockey, J. (2022). The effectiveness of industrial policy in developing countries: causal evidence from Ethiopian manufacturing firms. *Journal of Development Effectiveness*, 15(2), 196–222. <https://doi.org/10.1080/19439342.2022.2090997>
- Golichenko, O. (2014). National Innovation Systems: From Conception toward the Methodology of Analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 35–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
- Golichenko, O. (2023). Transfer of knowledge and transformation of mesounits: the role of network interactions on the mesotrajectories of the development of the economic system. *Drucker's Herald*, 4 (54), 5–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-5-23>
- Golichenko, O. (2019). Regulation of meso trajectories in the national innovation system. In *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE*, Kalamata, 19–20 September, 2019 (Vol. 1, pp. 336–344). Kalamata.
- Gopinath, G., Gourinchas, P., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2024, April 5). Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working paper*. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357>
- Greyne, Zh. I., & Orlean, A. (2009). Michel Foucault, political economy and liberalism. In *State. Academic records of the Eastern Europe Institute*, 3, 133–166. (In Russ.).
- Gwartney, J., Lawson, R., Murphy, R., Abubaker, M., Celico, A., Hammond, A., McMahon, F., & Rode, M. (2023). *Economic Freedom of the World. 2023 Annual Report*. Fraser Institute. <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/economic-freedom-of-the-world-2023.pdf>
- Hayek, F. A. (1990). *The political order of a free people* (transl. from English by A. Kustarev; ed. Yu. Kolker; foreword and comments to the Russian edition by Eamonn Butler). London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Hinterleitner, M., Knill, C., & Steinebach, Y. (2024). The growth of policies, rules, and regulations: A review of the literature and research agenda. *Regulation & Governance*, 18(2), 637–654. <https://doi.org/10.1111/rego.12511>
- Hochuli, A., Hoare, G., & Cunliffe, P. (2021). *The End of the End of History: Politics in the Twenty-First Century*. Winchester: Zero Books.
- Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75*. Stanford University Press.
- Johnson, C. (1999). Chapter Two. The Developmental State: Odyssey of a Concept. In M. Woo-Cumings (Ed.). *The Developmental State* (pp. 32–60). Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501720383-004>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. *Working Paper*, 31538. <https://doi.org/10.3386/w31538>
- Kleiner G. B. (2024). Economic paradigms, public ethics, socio-economic institutions: dynamics and relationships. *Economics of Contemporary Russia*, 2(105), 7–16. (In Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-7-16](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16)
- Kleiner, G. B. (2023). System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Management sciences*, 13(1), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2023-13-1-6-19>
- Le Huin Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong. (2024). The role of the state in development: the concept of the "state of development" (the experience of Vietnam). *Law and State: The Theory and Practice*, 5(233), 78–82.
- Levin, S. N., & Sablin, K. S. (2021). Catch-Up Development VS. Forward-Looking Development: from Theoretical Models to Developmental State Practices. *Journal of Economic Regulation*, 12(4), 60–70. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Lin, J., & Monga, C. (2010). *Growth identification and facilitation: the role of the state in the dynamics of structural change (English)*. Policy Research Working Paper WPS 5313. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/438321468164948980/Growth-identification-and-facilitation-the-role-of-the-state-in-the-dynamics-of-structural-change>
- Lim Hyun-Chin, & Jang Jin-Ho. (2006). Between Neoliberalism and Democracy: The Transformation of the Developmental State in South Korea. *Development and Society*, 35(1), 1–28.
- Maull, H. W. (2024). The Rise of Economic Nationalism. *Survival*, 66(2), 157–164. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2332067>
- Mayevsky, V. I., & Kirdina-Chandler, S. G. (Eds.) (2020). *Mesoeconomics: elements of a new paradigm*: monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Mirkin, Ya. M. (2021). New economic policy for Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 227(1), 115–127. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-115-127>

- Nagar, M. F. (2021). The (Democratic) Developmental State: A Theoretical Overview – Underlying Internal Relations and Inherent Entrepreneurial Logic. In *The Road to Democratic Development Statehood in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73523-4_3
- Reinert, E. (2008, October 7). How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. *Public Affairs*.
- Smotrinskaya, I. I. (2018). Strategic approaches to increasing the efficiency of state governance institutions. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 1, 45–60.
- Smotrinskaya, I. I., & Frolova, N. D. (2024). On the issue of development of entrepreneurial state activity. *Society and Economy*, 4, 5–16. (In Russ.).
- Tambovtsev, V. L., & Rozhdestvenskaya, I. A. (2022). Foundations of public administration: The role of economics. *Terra Economicus*, 20(2), 6–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-20>
- Tapscott, Ch., Halvorsen, T., & Rosario, T. Cruz-Del (Eds.) (2018). *The Democratic Developmental State North-South Perspectives*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Tyabji, N. (1984). Japanese Miracle Review Article of MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–75 by Chalmers Johnson. *Social Scientist*, 12, 73–90.
- Volynskii, A. I. (2018). Institutional design and theory of reforms in Russian economic discourse. *Terra Economicus*, 16(4), 29–40. (In Russ.).
- Volynskii, A. I. (2022). To the End of History. *Oriental Courier*, 4, 11–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S268684310023799-6>.
- Volynskii, A. I. (2023). Political economy of socialism with Chinese characteristics: on the issue of intra- and interdisciplinary synthesis. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.237-252>.
- Wade, R. (2018). The Developmental State: Dead or Alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. <https://doi.org/10.1111/dech.12381>
- Williamson, O. I. (1996). *The economic institutions of capitalism*. Saint Petersburg: Lenizdat; CEV Press. (In Russ.).
- Woo, M. (2022). The Developmental State. In J. Han, R. Pardo, & Y. Cho (Eds.), *The Oxford Handbook of South Korean Politics*, Oxford Handbooks (pp. 104–119). <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780192894045.013.7>
- Wu, Y., Zhu, X., & Groenewold, N. (2019). The determinants and effectiveness of industrial policy in China: A study based on Five-Year Plans. *China Economic Review*, 53(C), 225–242. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.09.010>
- Yasuba, Y. (1983). MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. By Chalmers Johnson. Stanford: Stanford University Press, 1982. *The Journal of Economic History*, 43(2), 520–521. <https://doi.org/10.1017/S0022050700029958>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 11.10.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.863-875>

УДК / UDC 330.1:330.342:334:658

JEL: D02, D2, L2, O1, P00

В. А. Карпинская¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

Экосистемный стиль мышления в экономическом анализе: принцип единства непрерывного и дискретного

Карпинская Венера Абдрахмановна, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук

E-mail: karpinskaya.venera@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1112-1030>

Web of Science Researcher ID: AAN-6258-2020

eLIBRARY SPIN-код: 3076-3298

Аннотация

Цель: обоснование единства дискретного и непрерывного в развитии теории социально-экономических экосистем.

Методы: системная экономическая теория, теория влияния системной структуры на изменение однородности внутриэкосистемного пространства-времени, системно-интеграционная теория фирмы, принцип дополнительности.

Результаты: обоснована целесообразность введения в научный оборот понятия «экосистемный стиль мышления». Показано, что основным принципом экосистемного стиля мышления является принцип дополнительности в виде единства непрерывного и дискретного. Данный принцип обусловлен имманентной характеристикой экосистемы – сочетанием непрерывности и дискретности ее внутриэкосистемного пространства-времени (в частности, сочетанием однородности и разнообразия взаимоотношений участников экосистемы). С целью формирования методов определения качественного соотношения между однородностью и неоднородностью экосистемы предложена типология взаимоотношений участников экосистемы, сформированная на базе системно-интеграционной теории фирмы. Обоснована значимость рационального для функционирования экосистемы соотношения однородности и разнообразия пространства-времени экосистемы и выявления диспропорций в пространственно-временном развитии экосистемы.

Научная новизна: выявлено, что основной характеристикой экосистемного стиля мышления является приверженность принципу единства непрерывного и дискретного в экономическом анализе. Сделан вывод о том, что экосистемный стиль мышления базируется на постнеклассическом стиле мышления в смысле В. С. Степина. Предложена типология принципов экономического анализа. Обоснована типология взаимоотношений в экосистеме на базе системно-интеграционной теории фирмы. Обращено внимание на необходимость рационального для функционирования экосистемы соотношения однородности и разнообразия взаимоотношений в экосистеме.

Практическая значимость: практическая значимость исследования связана с расширением арсенала объективных методов исследования экономических явлений и процессов за счет применения принципов экосистемного подхода.

Ключевые слова:

экономическая теория, экосистема, социально-экономические системы, стиль экономического анализа, единство дискретного и непрерывного, единство однородности и разнообразия, менеджмент экосистемы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Карпинская, В. А. (2024). Экосистемный стиль мышления в экономическом анализе: принцип единства непрерывного и дискретного. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 863–875. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.863-875>

Scientific article

V. A. Karpinskaya¹

¹ Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ecosystem style of thinking in economic analysis: principle of unity of the continuous and the discrete

Venera A. Karpinskaya, Senior Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences
E-mail: karpinskaya.venera@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1112-1030>
Web of Science Researcher ID: AAN-6258-2020
eLIBRARY SPIN-code: 3076-3298

Abstract

Objective: to substantiate the unity of the discrete and the continuous in the socio-economic ecosystems theory development.

Methods: system economic theory; the theory of the system structure influence on the changing homogeneity of the intra-ecosystem space-time; the systemic-integrational theory of an enterprise; the principle of complementarity.

Results: the article substantiates the expediency of introducing the “ecosystem style of thinking” concept into scientific circulation. It is shown that the basic principle of the ecosystem style of thinking is the principle of complementarity, expressed as the unity of the continuous and the discrete. This principle is due to the inherent characteristic of the ecosystem – a combination of continuity and discreteness of its intra-ecosystem space-time (in particular, a combination of homogeneity and diversity of relationships between ecosystem participants). In order to form methods for determining the qualitative relationship between the ecosystem homogeneity and heterogeneity, the author proposes a typology of relationships between ecosystem participants, formed on the basis of the systemic-integrational theory of an enterprise. The paper substantiates the importance of a rational correlation of the homogeneity and diversity of the ecosystem space-time for the ecosystem functioning and for identifying the imbalances in the ecosystem spatiotemporal development.

Scientific novelty: It was found that the main characteristic of the ecosystem style of thinking is the principle of unity of the continuous and the discrete in economic analysis. The author concludes that the ecosystem style of thinking is based on the post-non-classical style of thinking as interpreted by V. S. Stepin. The article proposes a typology of the economic analysis principles and substantiates the typology of relationships in the ecosystem based on the system integration theory of an enterprise. The author draws attention to the need for a rational balance between homogeneity and diversity in the ecosystem relationships for its functioning.

Practical significance: the research expands the arsenal of objective methods for studying economic phenomena and processes by applying the ecosystem approach principles.

Keywords:

economic theory, ecosystem, socio-economic systems, style of economic analysis, unity of the discrete and the continuous, unity of homogeneity and diversity, ecosystem management

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Karpinskaya, V. A. (2024). Ecosystem style of thinking in economic analysis: principle of unity of the continuous and the discrete. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 863–875. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.863-875>

Введение

Изучение таких сложных систем, как социально-экономические экосистемы, показывает, что построение стратегий устойчивого развития экосистем и управление ими должны основываться на особом стиле мышления, отличном от стиля мышления, на базе которого осуществляется изучение хозяйственных субъектов традиционной формы управления (предприятия, корпорации, холдинги). В данной статье экосистема рассматривается как «обособленный многопрофильный комплекс не контролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способный к длительному, относительно самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем» (Клейнер, 2018). «Типовая экосистема включает обычно четыре взаимосвязанных подсистемы: производственный кластер, инфраструктурную платформу, логистическую сеть, инновационный инкубатор» (Клейнер, 2018; Клейнер и др., 2020).

В последнее десятилетие наблюдается всплеск интереса к теме социально-экономических экосистем (Jacobides et al., 2024). Это обусловлено беспрецедентным ростом крупных технологических (так называемых Big Tech) компаний, реализующих экосистемные стратегии, и их значимым вкладом в экономику. Сегодня 8 из 10 самых дорогих компаний мира по такому показателю, как рыночная капитализация, реализуют экосистемные стратегии¹. Такие экосистемы, как *Google*, *Apple*, *Amazon*, *Microsoft*, контролируют сегодня экономические системы, масштабы которых превышают масштабы экономических систем многих стран (за исключением крупнейших национальных экономик) (Parker et al., 2016; George, 2023).

В России пространство социально-экономических экосистем сформировалось в течение последних 20 лет. Некоторые авторы воспринимают такой результат как цифровое чудо (см., напр., Платформенная экономика..., 2023). Сегодня на российском рынке функционируют более десятка платформенных экосистем (Платформенная экономика..., 2023). Среди них – «Сбер», «Т-банк», ВТБ, «Яндекс», VK, МТС, Wildberries, Ozon и др. Пользователи платформенных экосистем составляют большую часть российской интернет-аудитории, численность которой составляет около 130 млн человек, или 90 % населения страны (Платформенная экономика..., 2023. С. 24). В этих условиях развитие платформенных экосистем в ходе цифровой трансформации мировых и страновых рынков, формирования новых моделей взаимодействия между потребителями и поставщиками, изменения условий международной конкуренции приобретает для страновых экономик стратегическое значение.

Широкое распространение экосистем как форм организации и анализа экономики привело к формированию особого стиля экономического мышления, который можно назвать экосистемным.

Введенное Л. Флеком в 1935 г. понятие «стиль научного мышления» (Флек, 1999) стало общепризнанным после публикации популярной книги М. Борна «Физика в жизни моего поколения» (Борн, 1963). По мнению Б. Пружинина (2011. С. 66), в трактовке М. Борна смысл понятия «стиль научного мышления» является общенаучным, общеметодологическим. «Я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение «стили»: стиль мышления – стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. <...> Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере, можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени» (Борн, 1963. С. 227–228). Ю. В. Сачков отмечает: «...основу определенных стилей мышления составляют базовые (базисные) модели мира и его познания <...>. Изменения в базисных моделях характеризуют внутреннюю логику развития познания и соответствуют переходам к новым стилям мышления <...>. Базисная модель – это исходные, первичные представления о принципах строения и эволюции материи (ее фрагментов)...» (Сачков, 2011. С. 13–14).

¹ Daly, L. (2024). The Largest Companies by Market Cap in 2024. The Motley Fool. <https://www.fool.com/research/largest-companies-by-market-cap/>

Смена стилей мышления, в отличие от смены научных парадигм, происходит постепенно. В этой связи разные стили мышления могут сосуществовать одновременно (Микешина, 2005. С. 346). Таким образом, восприятие и учет в качестве основных тех или иных характеристик картины мира формируют стиль мышления при анализе действительности, независимо от того, идет ли речь о физической, социальной или биологической природе.

Стиль мышления, на базе которого анализируется деятельность экосистем, должен учитывать следующие их характеристики: значительное количество различных предприятий – участников экосистемы, взаимодействующих друг с другом; гибкость экосистемы, способность адаптироваться к новым условиям с учетом динамики взаимосвязей между участниками экосистемы; особенности внутрифирменной среды, в которой каждое предприятие – участник экосистемы получает выгоду от развития других ее участников, при этом все участники экосистемы постоянно развиваются и адаптируются как друг к другу, так и к внутрифирменной и окружающей среде; развитие открытых моделей экосистемного взаимодействия, в рамках которых создаются инновации и др.

Определение отличительных особенностей нового стиля мышления возможно в результате анализа характеристик стилей мышления и принципов экономического анализа на основе этих стилей на разных этапах социально-экономического развития. Предлагаемая нами в данной статье типология стилей экономического анализа (классический, неклассический, постнеклассический стили) с выделением принципов каждого стиля анализа (см. табл.) базируется на концепции доминирования одного из трех типов научной рациональности: классической, неклассической, постнеклассической – на разных этапах развития науки (Степин, 2013), а также типологии стилей общенаучного мышления Ю. В. Сачкова² (Сачков, 1968, 2011). Мы уточняем типологию Ю. В. Сачкова и предлагаем типологию стилей мышления, включающую такие стили научного мышления, как: 1) классический; 2) неклассический; 3) постнеклассический (см. табл.).

Приведенная типология принципов экономического анализа на базе классического, неклассического и постнеклассического стилей мышления (табл.) позволяет сделать вывод о том, что экосистемный стиль мышления относится к постнеклассическому стилю мышления, поскольку принципы постнеклассического стиля анализа отвечают указанным выше требованиям к экосистемному стилю мышления в экономическом анализе.

Цель статьи состоит в выявлении и структуризации особенностей экосистемного стиля мышления в экономическом анализе. Поставлены следующие задачи: 1) выявить основные характеристики экосистем, отличающие их от других способов организации производства; 2) рассмотреть принципы экосистемного подхода в контексте развития общих принципов научного анализа; 3) обосновать условия единства и дополнительности категорий непрерывного и дискретного в экономическом анализе как основного принципа экосистемного стиля мышления; 4) классифицировать типы взаимоотношений участников экосистемы с целью характеристики качественного соотношения между однородностью и разнообразием внутриэкосистемного пространства-времени; 5) разработать метод выявления и контроля диспропорций в пространственно-временном развитии и поддержания рационального соотношения между процессами гомогенизации и гетерогенизации в экосистеме.

В данной статье сделана попытка охарактеризовать экосистемный стиль мышления в экономическом анализе. Показано, что основным принципом экосистемного стиля анализа является принцип дополнительности в виде принципа единства непрерывного и дискретного. Показано, что данный принцип обусловлен имманентной характеристикой экосистемы – сочетанием непрерывности и дискретности ее внутриэкосистемного пространства (в частности, сочетанием однородности и разнообразия). Для определения качественного соотношения между однородностью и разнообразием экосистемы предложена типология взаимоотношений участников экосистемы, сформированная на базе системно-интеграционной теории фирмы. На основе синтеза предложенной типологии взаимоотношений участников экосистемы и теории влияния этих взаимоотношений на изменение однородности пространственно-временного универсума (Клейнер, 2008а) предложен метод выявления диспропорций в пространственно-временном развитии экосистемы, что позволяет сделать выводы о том, какие взаимоотношения в экосистеме требуют интенсивного развития и какие – замораживания или завершения.

² Ю. В. Сачков выделял три стиля физического мышления: жестко-детерминистический, вероятностный и кибернетический (Пружинин, 2011. С. 67).

Принципы классического, неклассического и постнеклассического стилей экономического анализа Principles of classical, non-classical and post-non-classical styles of economic analysis

Стили экономического анализа / Styles of economic analysis

Принципы экономического анализа / Principles of economic analysis

Классический стиль экономического анализа на базе классического стиля мышления (XVII в. – первая половина XIX в.) / Classical style of economic analysis based on the classical style of thinking (18th – first half of the 19th c.)

- Принцип редукционизма;
- принцип детерминизма;
- принцип объективности;
- принцип линейности;
- принцип монотеоретизма;
- принцип тождества мышления и бытия;
- принцип позитивизма;
- принцип активности в деятельности и др. /
- The principle of reductionism;
- the principle of determinism;
- the principle of objectivity;
- the principle of linearity;
- the principle of monotheoretism;
- the principle of the identity of thinking and being;
- the principle of positivism;
- the principle of activity; etc.

Неклассический стиль экономического анализа на базе неклассического стиля мышления (вторая половина XIX в. – 60-е гг. XX в.) / Non-classical style of economic analysis based on the non-classical style of thinking (second half of the 19th – 60s of the 20th c.)

- Принцип учета влияния на содержание знаний об изучаемой системе используемых исследовательских методов, средств, процедур познания;
- принцип вероятности;
- принцип изучения и описания систем на базе теории корпускулярно-волнового дуализма;
- принцип эволюционности и изменчивости;
- принцип философского конструктивизма;
- принцип активности в деятельности и др. /
- The principle of taking into account the influence of the used research methods, tools, and cognition procedures on the content of knowledge about the studied system;
- the principle of probability;
- the principle of studying and describing systems based on the theory of wave-particle dualism;
- the principle of evolution and variability;
- the principle of philosophical constructivism;
- the principle of activity; etc.

Постнеклассический стиль экономического анализа на базе постнеклассического стиля мышления (60–70-е гг. XX в. – наст. время) / Post-non-classical style of economic analysis based on the post-non-classical style of thinking (60–70-ies of the 20th c. – present)

- Принцип восприятия субъектом результатов исследования (Буданов, 2009);
- принцип изучения систем на базе системной экономической теории (Клейнер, 2013);
- принцип анализа систем на базе теории синергетики – метанауки, объединяющей теорию хаоса, теорию катастроф, теорию сложных систем, теорию самоорганизации и т. д. (Курейчик, Писаренко, 2013) (принципы синергетики: гомеостатичность, иерархичность, нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность, наблюдаемость (Буданов, 2009));
- принцип взаимодействия порядка и хаоса (Пригожин, Стенгерс, 1986; Лаврикова и др., 2023);
- принцип многомерности и многослойности систем (Ломакина и др., 2015);
- принцип изучения систем на базе многофакторного анализа (Жуковская, Мучник, 1976);
- принцип эволюционности и динамичности (Nelson & Winter, 1982);
- междисциплинарный принцип (Кирдина, 2014);
- принцип гуманистической трактовки философского конструктивизма (Лепский, 2016) и др. /
- The principle of perception of research results by the subject (Budanov, 2009);
- the principle of studying systems based on systemic economic theory (Kleiner, 2013);
- the principle of analyzing systems based on the theory of synergetics – meta-science combining chaos theory, catastrophe theory, theory of complex systems, theory of self-organization, etc. (Kureichik, Pisarenko, 2013) (principles of synergetics: homeostaticity, hierarchy, nonlinearity, relentlessness, openness, dynamic hierarchy, observability (Budanov, 2009));
- the principle of the interaction of order and chaos (Prigogine & Stengers, 1986; Lavrikova et al., 2023);
- the principle of multidimensionality and multilayering of systems (Lomakina et al., 2015);
- the principle of studying systems based on multifactorial analysis (Zhukovskaya, Muchnik, 1976);
- the principle of evolutionarity and dynamism (Nelson & Winter, 1982);
- the interdisciplinary principle (Kirdina, 2014);
- the principle of humanistic interpretation of philosophical constructivism (Lepsky, 2016); etc.

Методология исследования базируется на системной экономической теории, теории влияния на изменение однородности пространственно-временного универсума, системно-интеграционной теории фирмы. Учитывается значимость принципа дополнительности Н. Бора.

Результаты исследования

Раздел 1. Принцип дополнительности: единство дискретного и непрерывного в экономическом анализе структуры экосистем

Одним из ключевых принципов экономического анализа экосистемы является принцип дополнительности в виде принципа единства дискретного и непрерывного. Согласно открытому Н. Бором в 1927 г. принципу дополнительности (комплементарности), «для полного описания квантово-механических объектов нужны два взаимоисключающих („дополнительных“) класса понятий, каждый из которых применим в особых условиях, а их совокупность необходима для воспроизведения целостности этих объектов» (Порус, 2010). «Описания любого физического объекта как частицы и как волны дополняют друг друга, одно без другого лишено смысла» (Кузнецов, 1969. С. 141). Н. Бор применил понятие дополнительности к другим областям знаний. Родственным принципу дополнительности является методологический принцип единства дискретности и непрерывности (частица рассматривается как дискретная, волна – как непрерывная). Данный принцип также применяется для описания систем с введением взаимоисключающих понятий, совокупность которых позволяет воспроизвести целостность системы. Объединив принцип дополнительности и принцип единства дискретности и непрерывности в рамках единой ментальной конструкции, сделаем попытку применить такой принцип при анализе социально-экономической экосистемы.

Экосистемный стиль мышления характерен тем, что он выявляет и ставит во главу угла характеристики реальности, которые свойственны экосистемам. Экосистемный стиль экономического мышления ставит во главу картины экономического мира экосистему как пример устойчивого взаимодействия разнокачественных элементов экономики, своего рода метафору единства и борьбы несовпадающих интересов. В основе экосистемного стиля мышления лежит уподобление изучаемого фрагмента реальности социально-экономической экосистеме как своеобразной модели (образца) жизнедеятельности сложных экономических систем.

Характерными чертами, выделяющими экосистему из состава других экономических систем, являются следующие:

- подвижность состава участников экосистемы;
- неполная определенность границ экосистемы в экономическом пространстве;
- возможность длительного функционирования экосистемы с использованием собственных ресурсов и процессов их рекомбинации;
- существенное влияние экосистемы как единого целого на окружающее социально-экономическое пространство;
- гибкость экосистемы, способность адаптироваться к новым условиям окружающей среды.

Экосистема представляет собой пример интегрального образования, включающего совокупность самостоятельных участников, механизмы координации, потоки инновационных проектов, средства абсорбции знаний и других ресурсов из окружающей среды. Соответственно, экосистемный стиль экономического анализа предполагает выявление и исследование подобных качеств при изучении деятельности любых экономических систем и экономики в целом (Hodgson & Spours, 2016; Walton, 2017).

Рассмотрим компоненты типовой экосистемы с точки зрения дискретности и непрерывности.

Как было отмечено выше, экосистема в данной статье рассматривается как «интегральный комплекс, включающий производственный кластер (объектная система), инструментально-информационную платформу (средовая система), логистическую сеть (процессная система), инновационный инкубатор (проектная система)» (Клейнер, 2018; Клейнер и др., 2020). «Производственный кластер как объектная система, имеющий неограниченный доступ к ресурсам времени и ограниченный к ресурсам пространства, является непрерывным во времени и дискретным в пространстве; инструментально-информационная платформа как средовая система, имеющая неограниченный доступ к ресурсам пространства и времени, является непрерывной во времени и в пространстве; логистическая сеть как процессная система, имеющая неограниченный доступ к ресурсам пространства и ограниченный к ресурсам времени, является дискретной во времени и непре-

рывной в пространстве; инновационный инкубатор как проектная система, имеющий ограниченный доступ к ресурсам пространства и времени, является дискретным во времени и в пространстве» (Клейнер, 2018; Клейнер и др., 2020). Отдельные элементы экосистемы – предприятия (в рамках объектной подсистемы), а также проекты, реализуемые в рамках данных предприятий, могут рассматриваться как дискретные частицы. Межсубъектная среда, в рамках которой функционируют участники экосистемы, а также бизнес-процессы, развиваемые данными предприятиями, по своей сути являются непрерывными волнами. При этом в рамках тетрады частица (предприятие) является непрерывной во времени, волна (процесс) – дискретной во времени.

Мы видим, что функционирование социально-экономической экосистемы обусловлено сочетанием непрерывности и дискретности ее пространственно-временного универсума. Опираясь на принцип дополнителности Н. Бора (Бор, 1970–1971) и концепцию двойственности (Farjoun, 2010; Клейнер, 2019), можем исходить из того, что понятия «непрерывность» и «дискретность» дополняют друг друга. При этом они являются взаимозависимыми. Фактором устойчивости и резильентности системы часто является организация механизмов, вызывающих событийные (импульсные) процессы, т. е. различные изменения в системе. Такую взаимосвязь отражает пример с канатоходцем, который гибкостью рук в условиях нестабильности обеспечивает устойчивость системы в целом (Farjoun, 2010).

Из этого можно сделать вывод, что поведение систем в сложных условиях демонстрирует единство дискретного и непрерывного как фактор устойчивости системы. Так, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «В сильно неравновесных условиях процессы самоорганизации соответствуют тонкому взаимодействию между случайностью и необходимостью, флуктуациями и детерминистическими законами. Мы считаем, что вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты» (Пригожин, Стенгерс, 1986. С. 235). Таким образом, взаимодействие между случайностью и необходимостью, флуктуациями и детерминистическими законами, детерминистическим миром и миром произвольных событий является проявлением единства непрерывного и дискретного и, следовательно, фактором устойчивости системы.

Рассмотрим проявление единства непрерывного и дискретного в экосистеме на примере сочетания ее свойств однородности и разнообразия и сделаем попытку ответить на вопрос, каким должно быть регулирование экосистемы на принципах сочетания однородности (непрерывности) и разнообразия (дискретности).

Раздел 2. Управление взаимоотношениями в экосистеме на принципах рационального соотношения однородности и разнообразия

Значимой характеристикой экосистемы является сочетание свойств однородности и разнообразия присоединившихся к ней предприятий по таким характеристикам, как интеллектуальный уровень работников, уровень абсорбционных способностей (в частности, уровень способностей к ассимиляции инноваций), уровень используемых технологий, характеристики деловой культуры и др. (Карпинская, 2021).

На базе синтеза предлагаемой ниже типологии межфирменных взаимоотношений, системной типологии взаимоотношений в социально-экономической экосистеме и теории влияния взаимоотношений на изменение однородности пространственно-временного универсума (Клейнер, 2008а) менеджмент экосистемы может осуществлять поддержание системной сбалансированности пространства экосистемы. Для достижения такой цели целесообразна организация системного менеджмента, направленного на регулирование взаимоотношений предприятий – участников экосистемы, или так называемого *ERM-менеджмента* (*Ecosystem Relationship Management*)³ (Карпинская, 2019). О регулировании взаимоотношений в экосистеме см. также в работах Adner (2017), Thomas и Autio (2018), Dong с соавторами (2024), Hong с соавторами (2024). Системный *ERM-менеджмент* включает такие подсистемы, как средовой *ERM-менеджмент*, процессный, проектный, объектный *ERM-менеджмент*.

Мы предлагаем следующую типологию межфирменных взаимоотношений в экосистеме: 1) ментальные; 2) культурные; 3) институциональные; 4) когнитивные; 5) технологические; 6) имитационные; 7) исторические. Данная типология основана на системно-интеграционной теории фирмы, согласно которой «система

³ Meffert, J., & Swaminathan, A. (2017, October 27). Management's next Frontier: Making the Most of the Ecosystem Economy. McKinsey Digital. <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/managements-next-frontier>

представляется виде пирамиды из 7 слоев (подсистем), определенным образом влияющих друг на друга: 1) ментальная подсистема; 2) культурная подсистема; 3) институциональная подсистема; 4) когнитивная подсистема; 5) имущественно-технологическая подсистема; 6) имитационная подсистема; 7) историческая подсистема» (Клейнер, 2008б. С. 173–176). Ментальная подсистема отражает особенности мышления участников экосистемы; культурная – особенности культуры взаимоотношений между участниками экосистемы; институциональная – характеристики укоренившихся норм и регламентов; когнитивная – состав знаний, доступных участникам экосистемы; имущественно-технологическая – характеристику активов и технологий, применяемых участниками; имитационная – результаты импринтинга информации о деятельности других экосистем; историческая – информацию о значимых для развития экосистемы ситуациях в истории самой экосистемы и ее участников.

1. *Ментальные взаимоотношения.* Значимыми условиями успешного создания ценностного предложения экосистемы являются ментальная однородность ее участников, обуславливаемая чувством их принадлежности к данной экосистеме. Одной из значимых функций средового *ERM*-менеджмента экосистемы, реализующего стратегию развития ментальных взаимоотношений, является формирование с участием всех членов экосистемы ее миссии как основы для закрепления ценностей и целей организации и разработки стратегии ее устойчивого развития. Таким образом, ментальные взаимоотношения относятся к взаимоотношениям средового типа.

2. *Культурные взаимоотношения.* Построение стратегии устойчивого функционирования экосистемы предусматривает анализ культурной подсистемы экосистемы и, соответственно, культурных взаимоотношений. В стратегии формирования и развития культурных взаимоотношений в экосистеме целесообразно предусматривать анализ деловой культуры каждого предприятия – участника экосистемы на базе модели анализа деловых культур Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера (Trompenaars & Hampden-Turner, 2012), поскольку деловая культура каждого предприятия на базе данной модели анализируется с помощью семи шкал, отражающих сочетание непрерывного и дискретного. Это универсализм – партикуляризм (или всеобщность – разделенность); конкретность (специфичность) – диффузность; индивидуализм – коллективизм; эмоциональность – нейтральность; ориентация на достижение – ориентация на статус; отношение к использованию времени и отношение к окружающей среде. На базе семи шкал анализируется деловая культура каждого сотрудника, на основании чего определяется деловая культура каждого предприятия – участника экосистемы.

Изучение деловой культуры предприятия по модели качественного анализа деловых культур Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера средовым *ERM*-менеджментом позволяет определить степень различия предприятий по указанным параметрам.

Стратегия развития культурных взаимоотношений в экосистеме, реализуемая средовым *ERM*-менеджментом, должна предусматривать механизмы выравнивания культурной среды экосистемы путем формирования духовных ценностей экосистемы в качестве ориентиров во взаимоотношениях экосистемы с каждым предприятием – участником экосистемы, с каждым сотрудником этих предприятий, с потребителями, с обществом в целом. Значимым фактором формирования культурной среды экосистемы являются создание и развитие ценностной архитектуры экосистемы – теории, описывающей, как именно в экосистеме создается ценность (Adner, 2021). Таким образом, культурные взаимоотношения также относятся к взаимоотношениям средового типа.

3. *Институциональные взаимоотношения.* Процессы взаимодействия предприятий – участников экосистемы друг с другом, а также с центральной фирмой экосистемы должны быть стандартизированы. Целесообразно формирование институциональным *ERM*-менеджментом системы правил: об уровне открытости экосистемы; об условиях участия предприятия в экосистеме, принципах распределения доходов и др. Стратегия развития институциональных взаимоотношений в экосистеме должна предусматривать организацию заключения соглашений об уровне предоставления услуги (*Service Level Agreement, SLA*), содержащих, в частности, согласованный уровень качества предоставления услуги; создание центров передового *API (application programming interface)*, регулирование, проектирование и разработку *API* и др. Институциональные взаимоотношения относятся к взаимоотношениям процессного типа.

4. *Когнитивные взаимоотношения.* Значимым фактором развития экосистемы являются формирование и систематизация различных баз данных (в частности, о потребителях, контрагентах экосистемы и др.), проведение НИОКР. Помимо организации системы формирования различных баз данных, в функции проектного

ERM-менеджмента входит организация: регулярных исследований (в частности, в сфере разработки нового программного обеспечения, новых подходов к разработке ПО; разработки новых бизнес-процессов, в сфере предпочтений потребителей и др.); проведения опытов применения разработанных участниками экосистемы технологий, технологической архитектуры, бизнес-процессов и др. Отдельным направлением исследований является изучение способов интеграции искусственного интеллекта с системой принятия решений.

В функции проектного *ERM*-менеджмента, формирующего и реализующего стратегию развития когнитивных взаимоотношений, должна входить организация: различных мероприятий (конференции, хакатоны) с целью поддержания когнитивной однородности участников экосистемы; различных центров компетенций на базе целевых показателей экосистемы (в частности, по таким направлениям, как базы данных, технологическая архитектура и др.), взаимодействующих с участниками экосистемы и др.⁴

Таким образом, когнитивные взаимоотношения относятся к взаимоотношениям проектного типа.

5. *Технологические взаимоотношения.* Модульность платформенной экосистемы обуславливает взаимодополняемость членов экосистемы в процессе создания ценностного предложения (Jacobides et al., 2018; Baldwin, 2008, 2020). Функцией объектного *ERM*-менеджмента экосистемы является определение потенциальных партнеров в различных отраслях экономики, изучение их бизнес-моделей, продуктов, услуг, уровня их инновационности, человеческого капитала, корпоративной культуры. С этой целью осуществляется постоянный анализ рынка, рассматриваются варианты компромиссов между потенциальными партнерами. Объектный *ERM*-менеджмент определяет возможности предприятий – участников экосистемы, а также потенциальных партнеров в создании компонентов ценностного предложения, в частности, анализирует используемые ими технологии для совместного создания инновационных продуктов/услуг экосистемы (Adner, 2021). Объектный *ERM*-менеджмент осуществляет взаимодействие с проектным *ERM*-менеджментом, определяя для центров компетенций целевые показатели ценностного предложения. Технологические взаимоотношения относятся к взаимоотношениям объектного типа.

6. *Имитационные взаимоотношения.* Проектный *ERM*-менеджмент осуществляет: постоянный мониторинг внедрения и реализации экосистемами инновационных стратегий, бизнес-моделей, технологий; моделирование внедрения определенных технологий в экосистеме с учетом анализа взаимосвязей между всеми участниками экосистемы. В функции проектного менеджмента входит организация: системы виртуального экспериментирования на базе контрфактического мышления («что, если»); моделирования наступления непредвиденных событий; планирования соответствующих действий; обучения сотрудников на чужих ошибках (так называемый способ избежания неудач (Farjoun, 2010; Taleb, 2012)).

Имитационные взаимоотношения относятся к взаимоотношениям проектного типа.

7. *Исторические взаимоотношения.* Каждая экосистема имеет свою историю успеха, фирменные ответы на различные вызовы окружающей и внутрифирменной среды. Задача объектного *ERM*-менеджмента – формирование базы данных о трансформации взаимоотношений при наступлении различных событий. Такой исторический ресурс является существенным для управления экосистемой и предсказания реакции предприятий – участников экосистемы, их сотрудников и экосистемы в целом. Исторические взаимоотношения относятся к взаимоотношениям объектного типа.

Таким образом, во взаимоотношениях между предприятиями – участниками экосистемы присутствуют все четыре типа отношений (объектные, средовые, процессные, проектные). Отношения каждого типа анализируются менеджментом экосистемы с точки зрения их влияния на изменение однородности внутри-экосистемного пространства-времени (Клейнер, 2008а). Объектная и средовая подсистемы увеличивают однородность времени; средовая и процессная подсистемы увеличивают однородность пространства; объектная и проектная подсистемы снижают однородность пространства; процессная и проектная подсистемы снижают однородность времени.

Анализ влияния развития взаимоотношений всех типов на изменение однородности пространства-времени позволяет выявить диспропорции в пространственно-временном развитии, сделать выводы о том, какие взаимоотношения в экосистеме требуют интенсивного развития и какие – замораживания или завершения.

⁴ 4 уровня управления: как происходит цифровая трансформация в экосистемной компании. (2022). CNews. https://corp.cnews.ru/articles/2022-06-30_4_urovnya_upravleniya_kak_proishodit

Заключение

«То, что возникает буквально на наших глазах, есть описание, промежуточное между двумя противоположными картинками – детерминистическим миром и произвольным миром чистых событий» (Пригожин, Стенгерс, 1994. С. 224). Проведенное исследование стилей экономического мышления позволяет выделить экосистемный стиль экономического анализа как перспективный подход, в основе которого лежит принцип единства непрерывного и дискретного.

В результате исследования можно сделать следующие методологические выводы.

1. Взаимодействие между детерминистическим миром и миром произвольных событий является проявлением единства дискретного и непрерывного. Таким образом, постнеклассический стиль мышления, частным случаем которого является экосистемный стиль мышления, сформирован на базе сочетания классического и неклассического стилей.

2. К основным характеристикам экосистем, отличающим их от других способов организации производства, следует отнести: подвижность состава участников экосистемы; неполную определенность границ экосистемы в экономическом пространстве; возможность длительного функционирования экосистемы с использованием собственных ресурсов и процессов их рекомбинации и др.

3. Функционирование и устойчивость социально-экономической экосистемы обусловлены сочетанием непрерывности и дискретности внутриэкосистемного пространства-времени. Понятия «непрерывность» и «дискретность» являются взаимозависимыми, дополняющими друг друга.

4. Одним из основных принципов управления взаимоотношениями в экосистеме должен быть принцип рационального для эффективного развития экосистемы соотношения однородности (непрерывности) и разнообразия (дискретности) внутриэкосистемного пространства-времени. На базе синтеза предложенной типологии межфирменных взаимоотношений, системной типологии взаимоотношений в социально-экономической экосистеме и анализа влияния взаимоотношений в экосистеме на изменение однородности внутриэкосистемного пространства-времени менеджмент экосистемы выявляет диспропорции в пространственно-временном развитии и контролирует соотношение между процессами гомогенизации и гетерогенизации в экосистеме.

5. Основным принципом экономического анализа на базе экосистемного стиля мышления является принцип сочетания непрерывного и дискретного, частным случаем которого является принцип сочетания однородности и разнообразия внутриэкосистемного пространства-времени.

Анализ экономики на базе экосистемного стиля мышления на принципах единства непрерывного и дискретного (включая принципы рационального соотношения оппозиций, таких как однородность и разнообразие, стабильность и изменчивость, коллективизм и индивидуализм, кооперация и конкуренция), должен стать неотъемлемой составляющей процесса разработки стратегии устойчивого развития систем на микро-, мезо- и макроэкономическом уровнях.

Список литературы

- Абдрахманова, Г. И., Гохберг, Л. М., Демьянова, А. В. и др. *Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад* (2023). Москва: ИСИЭЗ ВШЭ.
- Бор, Н. (1970–1971). *Избранные научные труды*: в 2 т. Москва: Наука.
- Борн, М. (1963). *Физика в жизни моего поколения*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Буданов, В. Г. (2009). *Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании* (изд. 3-е, доп.). Москва: Издательство ЛКИ.
- Жуковская, В. М., Мучник, И. Б. (1976). *Факторный анализ в социально-экономических исследованиях*. Москва: Статистика.
- Карпинская, В. А. (2019). Управление взаимоотношениями в социально-экономических экосистемах. В сб. Е. Ю. Баженова (отв. ред.), *Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2019 (Знания как цель, средство и катализатор общественного развития в цифровом мире)*: в 3 т. (т. 2, ч. 2(2), с. 109–118). Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ.
- Карпинская, В. А. (2021). Проблема выравнивания взаимоотношений участников социально-экономической экосистемы. В сб. Г. Б. Клейнер (ред.), *Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXII Всероссийского симпозиума (Москва, 13–14 апреля 2021 г.)* (с. 53–57). Москва: ЦЭМИ РАН.

- Кирдина, С. Г. (2014). Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии. *Общественные науки и современность*, 5, 60–75.
- Клейнер, Г. Б. (2008а). Системная парадигма и системный менеджмент. *Российский журнал менеджмента*, 6(3), 27–50.
- Клейнер, Г. Б. (2008б). *Стратегия предприятия*. Москва: Дело.
- Клейнер, Г. Б. (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. *Вопросы экономики*, 6, 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>
- Клейнер, Г. Б. (2018). Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы. В сб. Г. Б. Клейнер, С. Е. Щепетова (ред.), *Системный анализ в экономике – 2018: сборник трудов V Международной научно-практической конференции – биеннале (21–23 ноября 2018)*. (с. 5–14). Москва: Прометей.
- Клейнер, Г. Б. (2019). Принципы двойственности в свете системной экономической теории. *Вопросы экономики*, 11, 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149>
- Клейнер, Г. Б., Рыбачук, М. А., Карпинская, В. А. (2020). Развитие экосистем в финансовом секторе России. *Управленец*, 11(4), 2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
- Кузнецов, Б. Г. (1969). *Относительность. Эволюция принципа относительности от древности до наших дней*. Москва: Знание.
- Курейчик, В. М., Писаренко, В. И. (2013). Синергетические принципы в моделировании педагогических систем. *Открытое образование*, 6, 6–23.
- Лаврикова, Ю. Г., Бучинская, О. Н., Мыслякова, Ю. Г. (2023). Теория хаоса: расширение границ экономических исследований. *AlterEconomics*, 20(1), 79–109. <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2023.20-1.5>
- Лепский, В. Е. (2016). *Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике)*. Москва: Когито-Центр.
- Ломакина, Л. С., Соловьева, И. В., Зеленцов, С. А. (2015). Методологические аспекты диагностирования состояний многомерных объектов. *Фундаментальные исследования*, 7 (часть 2), 328–332.
- Микешина, Л. А. (2005). *Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования*. Москва: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта.
- Порус, В. Н. (2010). Дополнительности принцип. *Новая философская энциклопедия: в 4 т. (2-е изд., испр. и доп.)*. Москва: Мысль. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010f99d9f716fdde37713f0f>
- Пригожин, И. Стенгерс, И. (1986). *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. Москва: Прогресс.
- Пригожин, И., Стенгерс, И. (1994). *Время, хаос, квант: к решению парадокса времени*. Москва: Прогресс.
- Пружинин, Б. И. (2011). «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки. *Вопросы философии*, 6, 64–74.
- Сачков, Ю. В. (1968). Эволюция стиля мышления в естествознании. *Вопросы философии*, 4, 70–81.
- Сачков, Ю. В. (2011). Научный метод: базовые компоненты и современные особенности. *Электронный философский журнал*, 11. <https://vox-journal.org/content/Vox11-Sachkov.pdf>
- Степин, В. С. (2013). Типы научной рациональности и синергетическая парадигма. *Сложность. Разум. Постнеклассика*, 4, 45–59.
- Флек, Л. (1999). *Возникновение и развитие научного факта*. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Adner, R. (2017). Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*, 43(1), 39–58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>
- Adner, R. (2021). *Winning the Right Game. How to Disrupt, Defend, and Deliver in a Changing World*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England. <https://doi.org/10.7551/mitpress/12752.001.0001>
- Baldwin, C. Y. (2008). Where do transactions come from? Modularity, transactions, and the boundaries of firms. *Industrial and Corporate Change*, 17(1), 155–195. <https://doi.org/10.1093/icc/dtm036>
- Baldwin, C. Y. (2020). *Ecosystems and Complementarity*. Harvard Business School. Working Paper.
- Dong, J., Zhang, Q., Teng, H., Jiang, L., & Lu, W. (2024). Cooperation Mode Selection Strategies in Platform Ecosystems: Analyzing Brand Value, Cross-selling, and Platform Empowerment. *Journal of Modelling in Management*. <https://doi.org/10.1108/jm2-03-2024-0065>
- Farjoun, M. (2010). Beyond Dualism: Stability and Change as a Duality. *Academy of Management Review*, 35(2), 202–225. <https://doi.org/10.5465/amr.2010.48463331>
- George, A. S. (2023). Silicon Valley Rising: How Big Tech May Eclipse Nation States. *Partners Universal Innovative Research Publication*, 1(1), 102–119.
- Hodgson, A., & Spours, K. (2016). *The Evolution of Social Ecosystem Thinking: its Relevance for Education, Economic Development and localities*. A stimulus paper for the Ecosystem Seminar – 22 June, 2016. Organised by the Centre for Post-14 Education and Work, UCL Institute of Education. https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1537510/3/Spours_Ecosystem%20thinking%20Stimulus%20Paper.pdf
- Hong, Z., Zhang, Q., Xu, X., & Lyu, Z. (2024). Competition and Cooperation in a Platform-Based Business Ecosystem within Complementary Partners. *International Journal of Production Economics*, 275. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2024.109337>
- Jacobides, M., Cennamo, C., & Gawer, A. (2018). Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*, 39(8), 2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>

- Jacobides, M., Cennamo, C., & Gawer, A. (2024). Externalities and Complementarities in Platforms and Ecosystems: From Structural Solutions to Endogenous Failures. *Research Policy*, 53(1), 104906. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104906>
- Nelson, R. R., & Winter, S. G. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Parker, G., Alstyne, M., & Choudary, S. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. W. W. Norton & Company, New York.
- Taleb, N. (2012). *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House, New York.
- Thomas, L. D. W., & Autio, E. (2018). Ecosystem Value Potential: An Organizational Field Perspective. In *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*. <https://doi.org/10.5465/ambpp.2018.17112abstract>
- Trompenaars, F., & Hampden-Turner, C. (2012). *Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business* (3rd Ed.). McGraw Hil, New York.
- Walton, N. (2017). Ecosystems Thinking and Modern Platform-Based Ecosystem Theory. In *The Internet as a Technology-Based Ecosystem* (pp. 85–117). Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60077-6_4

References

- Adner, R. (2017). Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*, 43(1), 39–58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>
- Adner, R. (2021). *Winning the Right Game. How to Disrupt, Defend, and Deliver in a Changing World*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England. <https://doi.org/10.7551/mitpress/12752.001.0001>
- Baldwin, C. Y. (2008). Where do transactions come from? Modularity, transactions, and the boundaries of firms. *Industrial and Corporate Change*, 17(1), 155–195. <https://doi.org/10.1093/icc/dtm036>
- Baldwin, C. Y. (2020). *Ecosystems and Complementarity*. Harvard Business School. Working Paper.
- Bor, N. (1970–1971). *Selected scientific works: in 2 volumes*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Born, M. (1963). *Physics in My Generation*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russ.).
- Budanov, V. G. (2009). *Methodology of synergetics in post-non-classical science and in education (3rd ed., complemented)*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
- Dong, J., Zhang, Q., Teng, H., Jiang, L., & Lu, W. (2024). Cooperation Mode Selection Strategies in Platform Ecosystems: Analyzing Brand Value, Cross-selling, and Platform Empowerment. *Journal of Modelling in Management*. <https://doi.org/10.1108/jm2-03-2024-0065>
- Farjoun, M. (2010). Beyond Dualism: Stability and Change as a Duality. *Academy of Management Review*, 35(2), 202–225. <https://doi.org/10.5465/amr.2010.48463331>
- Fleck, L. (1999). *Genesis and development of a scientific fact*. Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Books. (In Russ.).
- George, A. S. (2023). Silicon Valley Rising: How Big Tech May Eclipse Nation States. *Partners Universal Innovative Research Publication*, 1(1), 102–119.
- Hodgson, A., & Spours, K. (2016). *The Evolution of Social Ecosystem Thinking: its Relevance for Education, Economic Development and localities*. A stimulus paper for the Ecosystem Seminar – 22 June, 2016. Organised by the Centre for Post-14 Education and Work, UCL Institute of Education. https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1537510/3/Spours_Ecosystem%20thinking%20Stimulus%20Paper.pdf
- Hong, Z., Zhang, Q., Xu, X., & Lyu, Z. (2024). Competition and Cooperation in a Platform-Based Business Ecosystem within Complementary Partners. *International Journal of Production Economics*, 275. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2024.109337>
- Jacobides, M., Cennamo, C., & Gawer, A. (2018). Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*, 39(8), 2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
- Jacobides, M., Cennamo, C., & Gawer, A. (2024). Externalities and Complementarities in Platforms and Ecosystems: From Structural Solutions to Endogenous Failures. *Research Policy*, 53(1), 104906. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104906>
- Karpinskaya, V. A. (2019). Managing interrelations in socio-economic ecosystems. In E. Yu. Bazenova (Ed.), *Interdisciplinarity in the modern socio-humanitarian knowledge – 2019 (Knowledge as a goal, means and catalyst of social relations in the digital world): in 3 vol. (Vol. 2, part 2(2), pp. 109–118)*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFedU Publishing House. (In Russ.).
- Karpinskaya, V. A. (2021). Problem of levelling interrelations of the participants in socio-economic ecosystems. In G. B. Kleiner (Ed.), *Strategic planning and development of enterprises: works of the 22nd All-Russian symposium (Moscow, April 13–14, 2021)* (pp. 53–57). Moscow: Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Kirdina, S. G. (2014). Interdisciplinary research in economics and sociology: methodology issues. *Social Sciences and Modernity*, 5, 60–75. (In Russ.).
- Kleiner, G. (2013). System Economics as a Platform for development of modern Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 4–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>
- Kleiner, G. B. (2008a). System paradigm and system management. *Russian Journal of Management*, 6(3), 27–50. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (2008b). *Strategy of an enterprise*. Moscow: Delo. (In Russ.).

- Kleiner, G. B. (2018). socio-economic ecosystems in the light of a system paradigm. In G. B. Kleiner, & S. E. Shchepetova (Eds.), *System analysis in economics – 2018: collection of works of the 5th International scientific-practical conference – biennale* (November 21–23, 2018) (pp. 5–14). Moscow: Prometheus. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (2019). The Principles of Duality in the Light of the System Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 127–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149>
- Kleiner, G. B., Rybachuk, M. A., & Karpinskaya, V. A. (2020). Development of ecosystems in the financial sector of Russia. *Upravlenets – The Manager*, 11(4), 2–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
- Kureichik, V. M., & Pisarenko, V. I. (2013). Synergetic principles in modeling pedagogical systems. *Open education*, 6, 6–23. (In Russ.).
- Kuznetsov, B. G. (1969). *Relativity. Evolution of the relativity principle from antiquity until today*. Moscow: Znaniye. (In Russ.).
- Lavrikova, Yu. G., Buchinskaia, O. N., & Myslyakova, Yu. G. (2023). Chaos Theory: Expanding the Boundaries of Economic Research. *AlterEconomics*, 20(1), 79–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2023.20-1.5>
- Lepsky, V. E. (2016). *Management techniques in information wars (from classics to post-non-classics)*. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.).
- Lomakina, L. S., Solovieva, I. V., & Zelentsov, S. A. (2015). Methodological aspects of diagnosing the states of multidimensional objects. *Fundamental research*, 7 (part 2), 328–332. (In Russ.).
- Mikeshina, L. A. (2005). *Philosophy of science: modern epistemology. Scientific knowledge in culture dynamics. Methodology of scientific research*. Moscow: Progress-Tradition: MPSI: Flinta. (In Russ.).
- Nelson, R. R., & Winter, S. G. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Parker, G., Alstyne, M., & Choudary, S. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. W. W. Norton & Company, New York.
- Porus, V. N. (2010). Principle of complementarity. *New philosophical encyclopedia: in 4 vol. (2nd ed., amended and complemented)*. Moscow: Mysl. (In Russ.). <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010f99d9f716fdde37713f0f>
- Prigogine, I., & Stengers, I. (1986). *Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Prigogine, I., & Stengers, I. (1994). *Time, Chaos, Quant: on the solution of the time paradox*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Pruzhinin, B. I. (2011). “Style of scientific thinking” in the Russian philosophy of science. *Questions of Philosophy*, 6, 64–74. (In Russ.).
- Sachkov Yu.V. (1968). Evolution of thinking style in natural science. *Questions of Philosophy*, 4, 70–81. (In Russ.).
- Sachkov, Yu. V. (2011). Scientific method: basic components and modern features. *Electronic Philosophical Journal*, 11. (In Russ.). <https://vox-journal.org/content/Vox11-Sachkov.pdf>
- Stepin, V. S. (2013). Types of scientific rationality and synergetic paradigm. *Complexity. Reason. Postnonclassics*, 4, 45–59. (In Russ.).
- Taleb, N. (2012). *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House, New York.
- Thomas, L. D. W., & Autio, E. (2018). Ecosystem Value Potential: An Organizational Field Perspective. In *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*. <https://doi.org/10.5465/ambpp.2018.17112abstract>
- Trompenaars, F., & Hampden-Turner, C. (2012). *Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business* (3rd Ed.). McGraw Hil, New York.
- Walton, N. (2017). Ecosystems Thinking and Modern Platform-Based Ecosystem Theory. In *The Internet as a Technology-Based Ecosystem* (pp. 85–117). Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60077-6_4
- Zhukovskaya, V. M., & Muchnik, I. B. (1976). *Factor analysis in socio-economic research*. Moscow: Statistics. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 12.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.10.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.876-897>

УДК / UDC 330.3:331.101.6:338.312:338.4

JEL: D24, E24, L52, O3, O4, O47

Е. И. Кадочникова¹,

Н. Г. Багаутдинова¹,

С. О. Хомидов²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

² Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Отраслевые тенденции совокупной факторной производительности: где потенциал роста?

Контактное лицо:

Кадочникова Екатерина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>

Web of Science Researcher ID: M-4027-2013

eLIBRARY SPIN-код: 5868-0889

Багаутдинова Наиля Гумеровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и эконометрики Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: nailya.mail@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3959-7134>

Web of Science Researcher ID: O-4764-2016

eLIBRARY SPIN-код: 8692-0457

Хомидов Сохибмалик Олимович, доктор философии по экономике, PhD, доцент кафедры бухгалтерского учета и статистики, Бухарский государственный университет

E-mail: soxibmalik1981@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8617-3740>

Аннотация

Цель: выявление отраслевых тенденций совокупной факторной производительности, производительности труда и фондоотдачи в отраслях экономики. Гипотезы исследования: продолжает наблюдаться замедление совокупной факторной производительности в отраслях экономики России; наблюдается разрыв в совокупной факторной производительности для различных комплексов отраслей.

Методы: производственная функция Кобба – Дугласа, множественная регрессия, агрегация Домара, коэффициент Джини, графическая визуализация.

Результаты: выявлено более эффективное использование ресурсов труда в отличие от капитала, накопление которого отмечено повсеместно; наиболее высокий рост производительности труда отмечен в финансовой и страховой деятельности, обрабатывающих отраслях, профессиональной, научной и технической деятельности; наблюдается цикличность динамики совокупной факторной производительности, ее наиболее устойчивый рост и положительный совокупный технологический сдвиг в период с 2017 по 2021 г. наблюдаются в комплексах обрабатывающих и инвестиционных отраслей российской экономики (финансовая и страховая деятельность), в сельском хозяйстве. Снижение совокупной факторной производительности обнаружено в отрасли добычи полезных ископаемых, транспортировке и хранении, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, строительстве, образовании, здравоохранении.

Научная новизна: состоит в измерении совокупной факторной производительности и совокупного технологического сдвига в разрезе отраслей и комплексов отраслей российской экономики за период с 2011 по 2021 г.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для политики стимулирования внутренних источников роста экономики, для совершенствования отраслевых рекомендаций инновационной политики.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, экономический рост, производственная функция, совокупная факторная производительность, инновации

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кадочникова, Е. И., Багаутдинова, Н. Г., Хомидов, С. О. (2024). Отраслевые тенденции совокупной факторной производительности: где потенциал роста? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 876–897. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.876-897>

Scientific article

E. I. Kadochnikova¹,
N. G. Bagautdinova¹,
S. O. Khomidov²

¹ Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

² Bukhara State University, Bukhara, Republic of Uzbekistan

Sector trends of total factor productivity: where is the growth potential?

Contact:

Ekaterina I. Kadochnikova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory and Econometrics of the Institute for Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University

E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>

Web of Science Researcher ID: M-4027-2013

eLIBRARY SPIN-code: 5868-0889

Nailya G. Bagautdinova, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Economic Theory and Econometrics of the Institute for Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University

E-mail: nailya.mail@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3959-7134>

Web of Science Researcher ID: O-4764-2016

eLIBRARY SPIN-code: 8692-0457

Sokhibmalik O. Khomidov, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Accounting and Statistics, Bukhara State University
E-mail: soxibmalik1981@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8617-3740>

Abstract

Objective: to identify industry trends in aggregate factor productivity, labor productivity and capital productivity in economic sectors. The hypotheses are: there is a continuing slowdown in aggregate factor productivity in the Russian economy sectors; there is a gap in aggregate factor productivity in various complexes of industries.

Methods: Cobb–Douglas production function, multiple regression, Domar aggregation, Gini coefficient, graphical visualization.

Results: the study revealed a more efficient use of labor resources in contrast to capital, the latter being accumulated everywhere. The highest increase in labor productivity was noted in financial and insurance activities, manufacturing industries, professional, scientific and technical activities. There is a cyclical dynamics of aggregate factor productivity, its most stable growth and a positive cumulative technological shift marked from 2017 until 2021. They are observed in the manufacturing and investment complexes of the Russian economy (financial and insurance activities), and in agriculture. A decrease in total factor productivity was found in the mining industry, transportation and storage, hotels and catering, construction, education, and healthcare.

Scientific novelty: it consists in a change in the total factor productivity and the total technological shift in the context of sectors and complexes of sectors of the Russian economy from 2011 to 2021.

Practical significance: the study results can be used for the policy of stimulating internal sources of economic growth, to improve sectoral recommendations of innovation policy.

Keywords:

regional and branch economics, economic growth, production function, aggregate factor productivity, innovation

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kadochnikova, E. I., Bagautdinova, N. G., Khomidov, S. O. (2024). Sector trends of total factor productivity: where is the growth potential? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 876–897. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.876-897>

Введение

Определяющим моментом устойчивого развития российской экономики является эффективное использование производственных ресурсов: труда, капитала, инноваций. Общеизвестно, что «устойчивый интенсивный рост происходит в значительной мере за счет снижения удельных затрат факторов производства – труда, капитала, сырья, энергии и услуг. Он противопоставляется экстенсивному росту, формируемому в основном за счет роста этих факторов» (Воскобойников и др., 2020а. С. 4). Экстенсивный характер роста российской экономики в целом после 2008 г. объясняется преобладанием отраслей добывающего комплекса и первичной обработки. «Рост капиталовооруженности в расширенном добывающем комплексе; рост производительности в сельском хозяйстве; улучшение качества рабочей силы за счет повышения доли отработанных часов более производительными группами работников» (Воскобойников, 2020б. С. 5) являются схожими для роста после 1998 и 2008 гг.

Альтернативу экстенсивной модели развития представляют посткризисные меры экономической политики 2020 г.: повышение эффективности российского расширенного добывающего комплекса по всей цепочке: добыча, продажа, транспортировка; стимулирование технологического наверстывания через снижение барьеров для адаптации передовых технологий; сохранение сложных успешных экспортно ориентированных производств (Воскобойников, 2020а). Эти меры направлены на преодоление сырьевой зависимости, технологического отставания, рост эффективности использования производственных ресурсов.

В настоящее время публичная статистика свидетельствует о самом высоком за последнее десятилетие темпе экономического роста: рост ВВП по итогам 2023 г. составил +3,6 %, к уровню двухлетней давности показатель вырос на +2,3 %¹. Поэтому представляет интерес оценка эффективности использования производственных ресурсов на основе показателей совокупной факторной производительности (далее – СФП) и производительности труда (далее – П) и капитала (фондоотдачи, далее – Ф) в разрезе видов экономической деятельности, представленная в данном исследовании. Одной из причин такого дифференцированного измерения эффективности использования ресурсов является специфичность технологического прогресса в разрезе отдельных секторов экономики, видов деятельности и связанных с этим отличий в наклоне производственной функции (Battisti et al., 2018). Целью данной статьи является выявление отраслевых тенденций СФП, производительности труда и фондоотдачи в российской экономике для формирования ориентиров институциональным структурам при стимулировании внутренних источников роста экономики.

Обзор литературы

С позиции экзогенного характера технологий уровень СФП определяется как неучтенная в производственных затратах часть выпуска, которая не может быть объяснена накоплением традиционных производственных ресурсов (Solow, 1956, 1957). Теория эндогенного роста объясняет устойчивый характер экономического роста эндогенной природой технологических изменений через генерацию новых технологий и знаний, НИОКР, что приводит к экономическим спилloverам, увеличению отдачи от масштаба (Romer, 1990). Rymes отмечает, что «измерение СФП – это попытка измерить в течение некоторого определенного периода времени пропорциональную скорость изменения общей эффективности экономической системы, обусловленную предполагаемым существованием технического прогресса. Проблема измерения связана с наиболее подходящим способом выражения агрегированных и дезагрегированных цен и количества продукции» (1983. Р. 299). СФП измеряет рост, стимулируемый технологическим прогрессом в стране, отражает вызванный им сдвиг общеизвестной производственной функции Кобба – Дугласа (Barro, 1999). В таком контексте уровень СФП отражает степень правильного и эффективного распределения и использования производственных ресурсов, в результате чего производство будет близким к оптимальному сочетанию ресурсов и продукции (Balk, 2001), а рост СФП объясняет рост производительности труда работника, не зависящий от увеличения производственных ресурсов (Comin, 2010). Совершенствование технологий отодвигает границу производственных возможностей и позволяет производить больше продукции для данных производственных ресурсов. В работе (Cuevas et al., 2022) для объяснения концепции СФП использована функция Mankiw, Romer, Weil (Mankiw et al., 1992), которая аналогично производственной функции Кобба – Дугласа, наряду с переменными физического капитала и труда, включает переменную человеческого капитала. В таком представлении СФП учитывает разницу между темпами роста производительности труда работника и средневзвешенными темпами роста человеческого капитала, физического капитала, соотношения капитала и рабочей силы (Cuevas et al., 2022). Чем больше производство знаний и быстрее внедрение инноваций, тем ниже удельные затраты и больше результат производственной функции и уровень СФП, что может вызвать неожиданные изменения и неравновесные уровни на рынках производственных ресурсов и продукции (Antonelli, 2018. Р. 15). Положительные внешние эффекты знаний объясняют рост СФП, поскольку знания за счет взаимодополняемости внешних и внутренних источников являются неисчерпаемым производственным ресурсом для генерирования дополнительных знаний (Antonelli & Amidei, 2011. Р. 58). В целом же концепция роста СФП включает в себя технологические изменения и повышение экономической эффективности использования производственных ресурсов.

Обратим внимание на еще одно свойство СФП как остаточной вариации выпуска. Она измеряет влияние на измерение выпуска тех причин, которые ведут к сокращению удельных затрат производственных факторов: технологических инноваций, улучшений институциональной среды, степени монополизации и структуры рынка, государственной политики, эффектов масштаба (Bosworth & Collins, 2008). Поэтому показатель (СФП) удобен для оценки технологической сходимости – сближения производительности с отраслями и территори-

¹ Министерство экономического развития РФ. (2024). О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a30ffe689e1cd3fa8f083b2d7aa36cb1/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2023_goda.pdf

ями – технологическими лидерами, благодаря более высоким темпам сокращения удельных затрат факторов производства. Следует отметить, что СФП «по сравнению с производительностью труда лучше отражает процесс технологической сходимости, поскольку не обязательно будет расти с приростом капитала» (Воскобойников, 2020а. С. 8). Наряду с этим свойством динамика совокупной факторной производительности позволяет оценить конкурентоспособность: более высокая СФП предполагает лучшие технологии производства с теми же ресурсами, которые позволяют поставлять на рынки более привлекательные товары и услуги. В этом смысле СФП является синонимом повышенной конкурентоспособности (Motohashi, 2007. Р. 215).

Отдельный пул работ касается дискуссии о влиянии СФП на темпы экономического роста. Теоретически общепризнано, что СФП является движущей силой устойчивого роста (Schumpeter, 1934; Solow, 1957; Irmen & Tabakovic, 2017). Рост за счет ресурсов труда и капитала является экзогенным и временным в силу убывающей предельной отдачи факторов производства, тогда как рост, вызванный технологическими изменениями и накоплением знаний и обусловленный СФП, демонстрирующей растущую предельную отдачу факторов производства, является эндогенным и более устойчивым (Wang et al., 2020; Jia et al., 2020). В настоящее время есть уже достаточно много эмпирических доказательств того, что эволюция СФП является ключевым фактором увеличения доходов и роста ВВП на душу населения (Yalçinkaya et al., 2017; Lambert, 2016). Также было показано, что регионы с более низкими темпами роста доходов на душу населения более чувствительны к колебаниям в СФП (Cazzavillan et al., 2013), а сокращение разрыва СФП между территориями или отраслями является основной причиной снижения неравенства доходов (Duran, 2019; Zhou & Tyers, 2019). Так, для экономики Пакистана была обнаружена взаимосвязь роста СФП с ростом ВВП за период с 1972 по 2021 г., показано, что более высокий рост СФП был сопряжен с либерализацией экономики (Siddique, 2022). За период с 1990 по 2022 г. для стран Африки установлена двунаправленная причинность между скоростью роста СФП и скоростью роста ВВП в условиях снижения общей занятости (Worku, 2024).

Исследователями эмпирически продемонстрирована основная роль СФП в экономическом росте России после 1991 г., тогда как ранее это место принадлежало накоплению капитала (Воскобойников, 2003). Для этапа переходной экономики в период с 1990 по 2002 г. наихудшая динамика СФП характерна для благополучных отраслей – естественных монополистов (электроэнергетика, цветная металлургия, топливная промышленность) и отраслям, имеющим стабильный сбыт на внутреннем и внешнем рынках (строительство, транспорт, торговля, общественное питание, сельское хозяйство). Отрасли экономики, испытывающие влияние конкурентной среды и ограничения спроса (машиностроение, металлообработка, химическая, нефтехимическая, лесная, деревообрабатывающая отрасли промышленности), показали рост СФП, обусловленный более эффективным использованием факторов производства за счет снижения издержек (Бессонов, 2004). Тем самым в переходный этап российской экономики происходило перераспределение ресурсов (капитала и труда) в более высокопроизводительные отрасли. Анализ данных российской экономики с 1998 по 2007 г. показал, что сектор услуг оказался эффективнее, чем традиционный сектор производства товаров (Brock & Ogloblin, 2018). Усредненные региональные данные с 2000 по 2015 г. показали, что густонаселенные российские регионы, имеющие высокие доли кредита в ВРП, более восприимчивы к переливам СФП из соседних территорий; положительное влияние на СФП оказывают плотность занятости и степень агломерации, а отрицательное – доля государственных расходов в ВРП, незначимое – инновационная и изобретательская активность, плотность автомобильных дорог (Мясников, 2018). Эти выводы для периода стагнации говорят о недостаточной эффективности государственной поддержки, инновационной деятельности и согласуются с исследованием Бессонова (2004) в том, что СФП измеряет адаптивность, способность к выживанию, эффективность вложенных ресурсов в менее благоприятных условиях. Данное суждение еще раз подтверждают результаты анализа региональных данных с 2008 по 2016 г. о снижении СФП в регионах, которые быстрее других накапливали основные средства (Бабурин, Ростислав, 2019). Динамика совокупной факторной производительности с 2004 по 2018 г. по видам деятельности отражает нерациональное распределение труда и капитала: ресурсы сосредоточены в благоприятных отраслях, испытывающих снижение СФП, а отрасли, в которых наблюдается рост СФП, имеют недостаток ресурсов за счет низкой мобильности рынков труда и капитала, высокой доли государственных инвестиций. Снижение совокупного спроса, рост капитальных издержек, замедление темпов цифровизации, рост экспортных цен являются причинами замедления роста СФП (Мицек, 2021). На основе анализа показателей экономического развития РФ в 1997–2017 гг. также получен вывод о том, что отрасли с относительно благополучной динамикой выпуска не имеют достаточных

стимулов к повышению производительности труда, а рост СФП возможен за счет технического обновления производств (Соболевская, 2019). Уменьшение производительности в середине 2000-х гг. в мировой экономике отразилось и на России: сокращение СФП на 0,22 % в среднем за период 2011–2016 гг. с замедлением производительности труда. В этот же период ухудшились конвергенция технологий со странами-лидерами и устойчивость роста экономики в целом. Наибольшее снижение СФП наблюдалось в добывающем комплексе, замедление – в финансах и бизнес-услугах, ускорение – в сельском хозяйстве (Воскобойников, 2020б), эта же тенденция прослеживалась и на уровне средних компаний (Бессонова, 2018). На этом фоне заслуживает внимания вывод о том, что обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство в условиях оттока рабочей силы «вынуждены постоянно искать источники снижения издержек и рынки сбыта... повышать эффективность производства и потому в новых условиях могут сохранить свою роль драйверов интенсивного роста» (Воскобойников, 2020б. С. 32). Следует отметить, что в 2016–2018 гг. санкции повлияли на снижение доступа к финансовым ресурсам и освоение известных в мире технологий, что вызвало замедление СФП в финансовых и бизнес-услугах (Воскобойников, 2020б. С. 33). Согласно оценке исследователей, в 2012–2020 гг. на основании микроданных российских компаний рост СФП наблюдался только в сельском хозяйстве, добыче и торговле, при этом во всех отраслях выше оказалась СФП малых и средних частных компаний. СФП в компаниях с прямым государственным участием не была ниже, чем у частных компаний (Абрамов и др., 2023). Аналогично за период 2009–2015 гг. более высоким приростом СФП характеризуются частные компании по сравнению с государственными (Бессонова, Гончар, 2022).

Ключевые закономерности динамики СФП в зарубежных странах также сопряжены с влиянием глобальной ситуации в мировой экономике. На фоне замедления роста СФП в экономике Китая в период с 1981 по 2000 г. наблюдается рост числа отраслей с отрицательным ростом СФП: с семи в период 1981–84 и 1984–88 гг. до восьми в 1988–94 гг. и до 16 в 1994–2000 гг. Такими отраслями являются добывающая отрасль, обработка леса и производство мебели, финансовое страхование и операции с недвижимостью. Сельское хозяйство, имеющее наибольшую долю валовой продукции в совокупной добавленной стоимости, внесло наибольший вклад в СФП в целом по экономике, за период 1981–2000 гг., согласно методике Домара (Ren & Sun, 2007). В исследовании Li и Liu (2011) на примере китайских провинций за период с 1986 по 2006 г. показано, что рост технологических затрат объясняет важный процент роста производительности, а наличие человеческого капитала недостаточно. Также на примере экономики Китая показано снижение СФП в лесном хозяйстве в 2004–2015 гг. (Shi et al., 2017) и ее рост в гостиничном бизнесе в 2001–2015 гг. (Liu & Tsai, 2021). Оценка СФП по данным 27 подотраслей обрабатывающей промышленности Китая с 1980 по 2019 г. показала рост ее среднего значения при решающей роли капитала (1981–2011 гг.) и труда (2012–2019 гг.) (Qiu et al., 2023). Для стран Восточной Азии (Гонконг, Сингапур, Япония, Южная Корея) за период с 1987 по 1993 г. показан рост СФП в условиях более быстрого роста технологического прогресса (Han et al., 2002). За период с 1998 по 2017 г. динамичная экономика Сингапура, ориентированная на финансовые, банковские и логистические услуги, демонстрирует более высокий рост СФП в сравнении с экономиками Гонконга с немного менее развитым сектором услуг и Шэньчжэня, где доминирует традиционное производство (Sharif et al., 2021).

При оценке промышленной конкурентоспособности Японии с 1981 по 2000 г. было обнаружено замедление темпов роста СФП в сравнении с Китаем, Кореей, Тайванем и США, разрыв темпов роста увеличился в 1990-е гг., сохраняя лидирующие позиции Японии в уровне производительности, особенно в отраслях обрабатывающей промышленности: производстве электрооборудования, автомобилей, инструментов, металлообработке и машиностроении (Motohashi, 2007). Для стран Европейского союза за период с 1965 по 2010 г. обнаружены различные модели роста СФП у мировых технологических лидеров и стран с низким исходным уровнем производительности, что послужило аргументом для вывода о том, что изменения эффективности могут быть основным результатом эволюции запаса знаний в этих странах (Colino et al., 2014). В исследовании (Arazmuradov et al., 2014) на примере 15 государств постсоветского пространства на период 1995–2008 г. сделан вывод о положительном влиянии человеческого капитала на рост СФП. Выполненный в исследовании O. Siddique (2022) анализ роста СФП и ВВП Пакистана показал снижение темпов как для сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, так и для экономики в целом, отмечены наиболее высокие темпы в 1980-е гг.

На основе изложенных закономерностей нами сформулированы две гипотезы. Во-первых, продолжает наблюдаться замедление СФП в отраслях экономики России. Во-вторых, наблюдается разрыв в СФП для различных комплексов отраслей.

Материалы и методы

В данной статье нами использованы доступные статистические данные по укрупненным видам экономической деятельности с 2011 по 2022 г., размещенные в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС)²: Q – валовая добавленная стоимость (далее – ВДС) в основных ценах, пересчитанная в цены 2016 г. (2022 г. – в цены 2021 г.), млн руб.; K – наличие основных фондов на конец года по полной учетной стоимости, млн руб.; L – количество фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг, тыс. чел.-час (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики для используемых в исследовании показателей в 2022 г.

Table 1. Descriptive statistics for the 2022 indicators used in the research

Показатели / Indicators	Среднее / Average	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum
ВДС в ценах 2021 г., млн руб. / GVA in 2021 prices, mln rubles	5 993 698	4 756 508	5 161 299	357 967,7	16 982 087
Наличие основных фондов на конец года по полной учетной стоимости, млн руб. / Available capital assets by the end of year at full accounting value, mln rubles	7 428 297	3 808 282	7 159 607	97 258,5	26 491 238
Количество фактически отработанного времени, тыс. чел.-час / Amount of time actually worked, thousand people-hour	21 370 067	6 332 636	43 938 312	523 898	194 936 793

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС.

Source: compiled by the authors based on the data of Unified Interdepartmental Statistical Information System.

В исследовании нами использован укрупненный перечень отраслей согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД 2). Этот перечень сгруппирован нами по комплексам отраслей (табл. 2).

Таблица 2

Перечень отраслей по группам

Table 2. List of sectors by groups

Комплекс отраслей / Complex of sectors	Отрасли ОКВЭД 2 / OKVED 2 sectors
Первичные ресурсы и энергоносители / Primary resources and energy carriers	Добыча полезных ископаемых; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; обеспечение электрической энергией, газом и паром; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Mining; agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming; provision of electricity, gas and steam; water supply; wastewater disposal, organization of waste collection and utilization, pollution elimination activities
Обрабатывающие отрасли / Processing sectors	Обрабатывающие производства / Processing industries
Инвестиционные отрасли / Investment sectors	Строительство; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность финансовая и страховая / Construction; real estate operations; financial and insurance activities

² Федеральная служба государственной статистики РФ. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://rosstat.gov.ru/emiss>

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Комплекс отраслей / Complex of sectors	Отрасли ОКВЭД 2 / OKVED 2 sectors
Инфраструктура / Infrastructure	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг / Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles; transportation and storage; activities of hotels and catering enterprises; activities in the field of information and communication; professional, scientific and technical activities; administrative activities and related additional services; public administration and military security; social security; education; activities in the field of health care and social services; activities in the field of culture, sports, leisure activities

Источник: составлено авторами на основе ОКВЭД 2.

Source: compiled by the authors based on OKVED 2.

Указанные в табл. 1 показатели позволяют выполнить достаточно грубую оценку СФП и производительностей труда и капитала, поскольку не учитывают различий в производительности отдельных видов активов и групп работников внутри отраслей, влияния перетока рабочей силы между отраслями. Ограничением исследования является наличие данных за 2022 г. о валовой добавленной стоимости в основных ценах, пересчитанных в цены 2021 г., что несопоставимо с ценами 2016 г. и не дает возможности определить темпы роста показателей производительности в 2022 г. относительно 2017 г., включить данные 2022 г. в расчет средней СФП. Еще одним ограничением являются изменения в ОКВЭД, согласно которым с 2017 г. расширился состав видов экономической деятельности за счет выделения новых: деятельность в области информации и связи; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений. Поэтому расчет средней СФП по указанным видам экономической деятельности выполнен за период с 2017 по 2021 г.

Для измерения СФП используется производственная функция (Масленников, 2015), отражающая технологическую взаимосвязь между объемом выпускаемой продукции Q и затратами факторов производства $x_1, x_2, \dots, x_m$:

$$Q = f(x_1, x_2, \dots, x_m),$$

где f – функция как способ преобразования затрат в продукцию, который определяется технологией и ее эффективностью.

Для двух факторов производства – капитала K и труда L – функция имеет вид:

$$Q = f(K, L).$$

Факторы труда и капитала являются взаимодополняющими, а функция – непрерывной и превращается в ноль, если один из факторов равен нулю: $f(0, L) = f(K, 0) = 0$. Свойство аддитивности означает, что при объединении двух групп факторов (K_1, L_1) и (K_2, L_2) производят, по крайней мере, такой же объем продукции, как и при раздельном использовании этих комбинаций факторов: $f(K_1 + K_2, L_1 + L_2) \geq f(K_1, L_1) + f(K_2, L_2)$. Свойство делимости характерно для отрасли или экономики в целом и означает, что производственный процесс может осуществляться в сокращенных масштабах $f(K/n, L/n) \geq 1/n \times f(K, L)$.

Классическая производственная функция Кобба – Дугласа имеет формулу: $Q = Ax_1^{\alpha_1} x_2^{\alpha_2} \dots x_m^{\alpha_m}$, где x_i – затраты факторов производства. Если сумма показателей $(\alpha_1 + \alpha_2 + \dots + \alpha_m) = 1$, то функция является линейно однородной функцией факторов производства. Это означает, что рост выпуска прямо пропорционален равному относительному увеличению каждого элемента затрат. Если сумма показателей больше (меньше) единицы, то выпуск растет быстрее (медленнее), чем затраты. Для двух факторов производства функция имеет вид:

$$Q = AK^{\alpha} L^{\beta},$$

где A – константа, учитывающая качественные изменения труда и капитала за счет технологических улучшений (изменения эффективности технологии и технологической отдачи от масштаба производства, которые неодинаково воздействуют на затраты труда и капитала); α , β – частные эластичности выпуска, отражающие воздействие технологии на выпуск.

При $\alpha + \beta = 1$ отношение доли дохода, полученного на капитал, к той доле дохода, что приходится на труд, равно отношению постоянных эластичностей выпуска, которые определяются технологией, лежащей в основе производственной функции. Если $\alpha > \beta$, то доля капитала в доходе больше, чем доля труда, и наоборот. Если технология не меняется, то изменение соотношения факторных цен вызывает компенсирующее изменение соотношения затрат факторов. Компенсирующее изменение состоит в том, что если цена капитала понижается, то его потребляют больше, а труда – меньше, и наоборот, так что затраты факторов в денежной форме не меняются. В период стагнации возможна переоценка вклада капитала, которая приводит к ошибкам его измерения и, как следствие, недооценке роли СФП (Timmer & Voskoboynikov, 2014).

Наиболее распространенным способом определения СФП является расчет остатка Р. Солоу для двух регрессоров (капитала и труда) в предположении постоянной отдачи от масштаба, совершенной конкуренции на ресурсных рынках и нейтральных, по Харроду, технологических улучшений (Solow, 1957):

$$\ln Q = \alpha_0 + \alpha_1 \ln K + (1 - \alpha_1) \ln L + \varepsilon,$$

$$\frac{dA}{A} = \frac{dQ}{Q} - \alpha_1 \frac{dK}{K} - (1 - \alpha_1) \frac{dL}{L},$$

где α_0 – натуральный логарифм совокупной факторной производительности, α_1 , $1 - \alpha_1$ – эластичность объема производимой продукции по затратам капитала и труда; dA/A , dQ/Q , dK/K , dL/L – темпы прироста совокупной факторной производительности, объемов выпускаемой продукции, затрат капитала и труда; ε – ошибка регрессии.

Среди индексных методов оценки СФП наиболее распространенной является формула Дж. Кендрика (Kendrick, 1961):

$$A(t) = \frac{\ln Q_t}{\alpha \ln K_t + \beta \ln L_t},$$

$$A(t) = \frac{Q_t}{K_t^\alpha \cdot L_t^\beta},$$

где $A(t)$ – индекс совокупной факторной производительности в периоде t .

Динамика СФП взаимообусловлена технологическими ограничениями производственных ресурсов для достижения максимального объема производства и ограничениями емкости рынков для достижения максимального спроса. Поэтому динамика СФП «может отражать как сдвиг технологической границы, так и движение в направлении технологической границы» (Мицек, 2021). Заметим, что СФП не может учитывать тот факт, что некоторые аспекты технологических изменений, возможно, уже были учтены при измерении основного капитала и занятости. Следуя R. Ren и L. Sun (2007. С. 104, 106), совокупный технологический сдвиг – переход к более прогрессивной технологии – можно измерить на основе агрегации Домара (Domar, 1961) как взвешенную сумму изменений производительности на отраслевом уровне, весом является отношение валовой добавленной стоимости отрасли к валовой добавленной стоимости комплекса отраслей.

Для оценки различий СФП между отраслями и комплексами отраслей использован расчет коэффициента Джини в программной среде *Gretl*, который принимает значения от 0 (в случае равного значения СФП в отраслях) до 1 (в случае максимального неравенства).

Результаты и обсуждение

За период с 2017 по 2022 г. среднегодовой прирост стоимости основных фондов в постоянных ценах составил плюс 4,92 %, для фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг наблюдалось снижение на 0,26 % в среднем за год. За период с 2017 по 2021 г. для всех обследуемых

видов экономической деятельности среднегодовой прирост валовой добавленной стоимости в основных ценах, пересчитанной в цены 2016 г., составил плюс 2,91 %, с 2021 по 2022 г. наблюдалось снижение на 1,27 %. За этот же период среднегодовой прирост производительности труда (по отработанному времени) составил плюс 3,50 % (с 2021 по 2022 г. – снижение на 1,93 %), для фондоотдачи наблюдалось снижение на 19,07 % (с 2021 по 2022 г. – на 7,54 %). Эта статистика говорит о росте эффективности использования затрат труда при экстенсивном характере накопления капитала. Обратимся к анализу динамики валовой добавленной стоимости и затрат ресурсов в отдельных видах деятельности (табл. 3).

Как видно из табл. 3, в 2022 г. самая благополучная динамика валовой добавленной стоимости наблюдалась в инвестиционных отраслях и инфраструктуре (строительство; государственное управление; финансовая и страховая деятельность), отраслях первичных ресурсов и энергоносителей (сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство), она была обеспечена ростом производительности труда в этих отраслях. Как и прежде, конкуренция этих отраслей с внешними рынками является одним из факторов роста эффективности использования производственных ресурсов (Бессонов, 2004). Накопление основного капитала отмечено в каждом виде экономической деятельности. Увеличение затрат труда состоялось в отраслях первичных ресурсов и энергоносителей (добыча полезных ископаемых), инвестиционных отраслях (строительство), инфраструктуре (транспортировка и хранение, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность в области информатизации и связи, административная деятельность, здравоохранение).

Таблица 3

Изменения ВДС и затрат ресурсов по видам экономической деятельности
Table 3. Changes in GVA and expenditures of resources by types of economic activities

№	Виды экономической деятельности / Types of economic activities	$\frac{Q^*_{2021}}{Q^*_{2017}}$	$\frac{Q^*_{2022}}{Q_{2021}}$	$T(Q_{\min})$	$\frac{K_{2022}}{K_{2017}}$	$\frac{L_{2022}}{L_{2017}}$
1	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство / Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming	104,6	104,4	2017	128,5	95,1
2	Добыча полезных ископаемых / Mining	101,8	99,4	2020	135,9	106,7
3	Обрабатывающие производства / Processing industries	113,5	99,2	2017	128,4	97,9
4	Обеспечение электрической энергией, газом и паром / Provision of electricity, gas and steam	104,0	100,3	2020	122,1	94,9
5	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Water supply; wastewater disposal, organization of waste collection and utilization, pollution elimination activities	119,5	91,2	2017	122,4	96,3
6	Строительство / Construction	101,9	109,0	2020	154,4	107,4
7	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов / Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles	106,3	83,0	2017	138,9	95,4
8	Транспортировка и хранение / Transportation and storage	100,5	96,7	2020	117,1	108,5
9	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания / Activities of hotels and catering enterprises	102,1	98,8	2020	114,2	108,9
10	Деятельность в области информации и связи / Activities in the field of information and communication	125,1	95,9	2017	121,9	111,7
11	Деятельность финансовая и страховая / Financial and insurance activities	158,0	103,3	2017	191,0	92,1
12	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом / Real estate operations	109,6	101,0	2017	113,3	94,2

№	Виды экономической деятельности / Types of economic activities	$\frac{Q^*_{2021}}{Q^*_{2017}}$	$\frac{Q^*_{2022}}{Q^*_{2021}}$	$T(Q_{min})$	$\frac{K_{2022}}{K_{2017}}$	$\frac{L_{2022}}{L_{2017}}$
13	Деятельность профессиональная, научная и техническая / Professional, scientific and technical activities	112,4	99,2	2017	124,1	90,3
14	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги / Administrative activities and related additional services	100,3	101,8	2020	140,8	113,1
15	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение / Public administration and military security; social security	107,4	105,6	2017	113,5	97,3
16	Образование / Education	97,3	100,2	2020	110,1	95,5
17	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг / Activity in the sphere of healthcare and social services	117,8	98,4	2017	112,5	100,2
18	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений / Activity in the sphere of culture, sports, leisure and entertainment	114,4	101,3	2020	112,7	98,4
19	Предоставление прочих видов услуг / Rendering other services	109,0	94,5	2017	124,0	98,5
20	Деятельность домашних хозяйств / Household activity	65,6	94,0	2020	–	86,0
21	Все виды деятельности / All types of activities	109,0	98,4	2017	121,7	99,0

Примечание: Q^*_{2021} , Q^*_{2017} – валовая добавленная стоимость в основных ценах в пересчете к постоянным ценам 2016 г., Q^*_{2022} – валовая добавленная стоимость в основных ценах в пересчете к постоянным ценам 2021 г.

Note: Q^*_{2021} , Q^*_{2017} – gross value added in the basic prices in conversion to steady prices of 2016, Q^*_{2022} – gross value added in the basic prices in conversion to steady prices of 2021.

В среднесрочной ретроспективе, в период с 2017 по 2021 г., в большинстве отраслей экономики отмечен рост производительности труда (рис. 1).

Как видно из рис. 1 и 2, наиболее интенсивный рост производительности труда состоялся в инвестиционных (финансовая и страховая деятельность), обрабатывающих отраслях и инфраструктуре (профессиональная, научная и техническая деятельность). В шести отраслях наблюдалось ее снижение: добыча полезных ископаемых, строительство, транспортировка и хранение, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, административная деятельность, деятельность домашних хозяйств. В 2022 г. наиболее высокие значения производительности труда отмечены в отраслях первичных ресурсов и энергоносителей (добыча полезных ископаемых), инвестиционных отраслях (финансовой и страховой деятельности, деятельности по операциям с недвижимым имуществом).

Динамика фондоотдачи в период с 2017 по 2021 г. демонстрирует ситуацию, противоположную динамике производительности труда (рис. 3).

За период с 2017 по 2021 г. только в двух отраслях экономики наблюдался рост фондоотдачи: водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов; предоставлении прочих видов услуг (до 2020 г.). Лидерами снижения фондоотдачи были деятельность по операциям с недвижимым имуществом и административная деятельность.

Как видно из рис. 4, в 2022 г. наиболее высокие значения фондоотдачи имели обрабатывающие отрасли и инфраструктура (торговля, предоставление прочих услуг).

Регрессионная оценка линеаризованной производственной функции Кобба – Дугласа для комплексов отраслей и каждой отрасли в отдельности позволила применить индексную формулу Дж. Кендрика, определить СФП и ее динамику (табл. 4, 5).

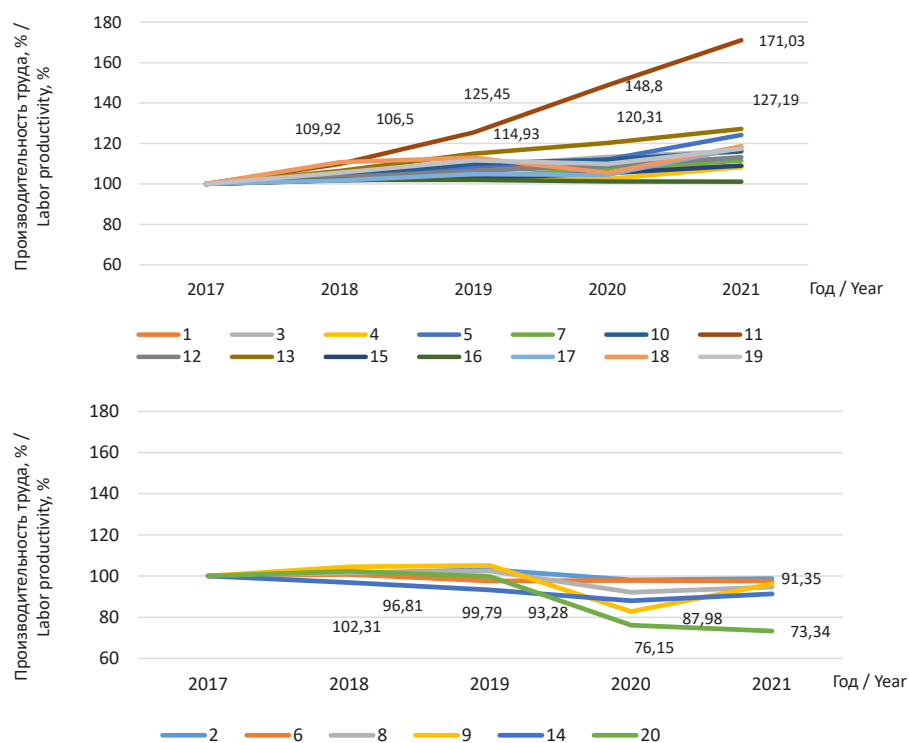

Рис. 1. Темпы роста (сверху) и снижения (снизу) производительности труда в отраслях экономики, в % к 2017 г.

Источник: составлено авторами согласно перечню отраслей в табл. 3.

Fig. 1. Growth (above) and decrease (below) rates of labor productivity in economy sectors, % to 2017

Source: compiled by the authors according to the list of sectors in Table 3.

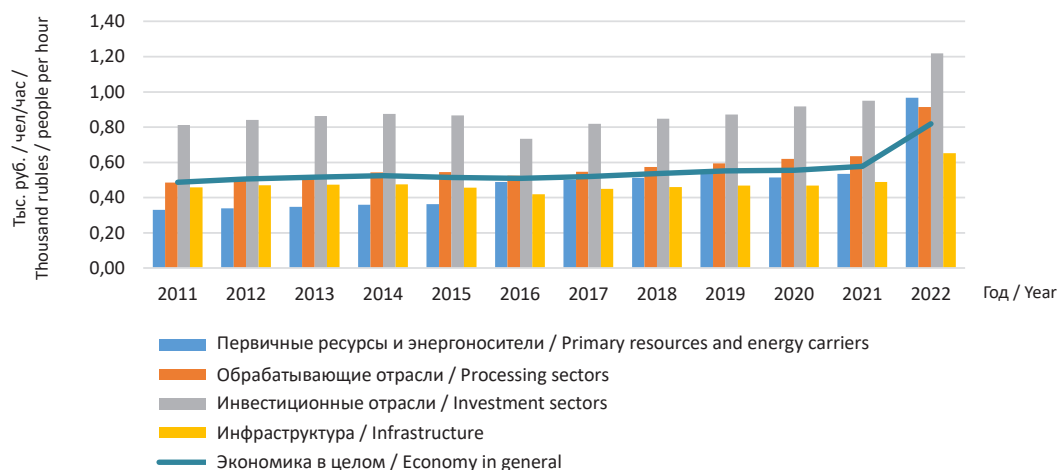

Рис. 2. Динамика производительности труда в комплексах отраслей и по экономике в целом

Примечание: ВДС 2022 г. в ценах 2021 г.

Fig. 2. Dynamics of labor productivity in complexes of sectors and in the economy in general

Note: GVA of 2022 in prices of 2021.

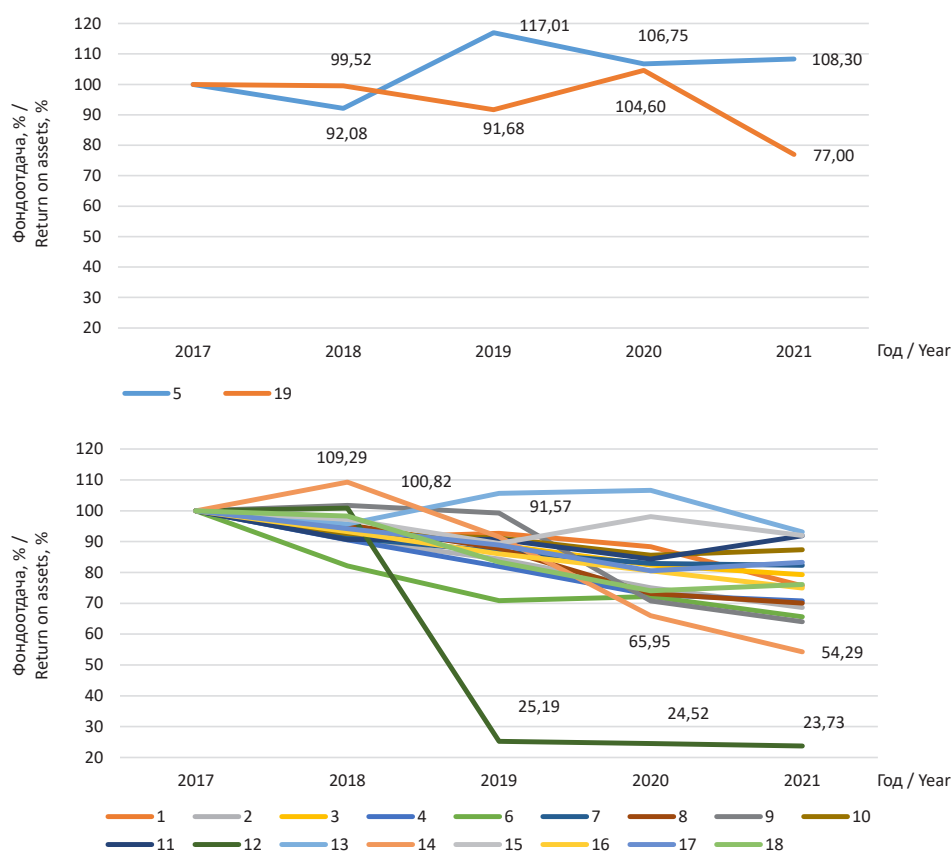

Рис. 3. Темпы роста (сверху) и снижения (снизу) фондоотдачи в отраслях экономики, в % к 2017 г.

Источник: составлено авторами согласно перечню отраслей в табл. 3.

Fig. 3. Growth (above) and decrease (below) rates of return on assets in economy sectors, % to 2017

Source: compiled by the authors according to the list of sectors in Table 3.

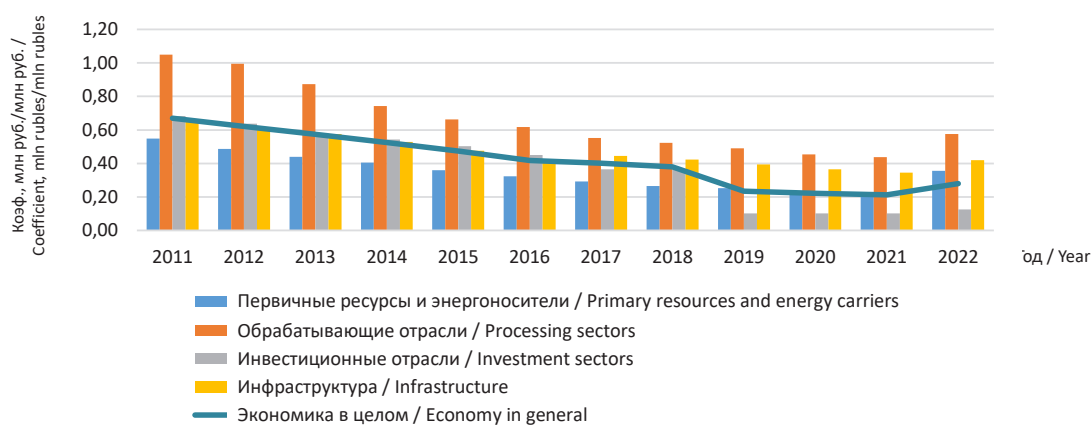

Рис. 4. Динамика фондоотдачи в комплексах отраслей и по экономике в целом

Примечание: ВДС 2022 г. в ценах 2021 г.

Fig. 4. Dynamics of return on assets in complexes of sectors and in the economy in general

Note: GVA of 2022 in prices of 2021.

Таблица 4

Темпы роста СФП и совокупный технологический сдвиг в комплексах отраслей
Table 4. Growth rates of TFP and cumulative technology shift in complexes of sectors

Комплексы отраслей / Complexes of sectors	Год / Year									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Цепные темпы роста СФП, % / Chain growth rates of TFP, %										
Первичные ресурсы и энергоносители / Primary resources and energy carriers	0,95	0,96	0,97	0,94	1,08	0,95	0,96	0,99	0,93	0,97
Обрабатывающие отрасли / Processing sectors	1,02	0,98	0,97	0,97	0,95	0,99	1,02	1,01	1,00	1,01
Инвестиционные отрасли / Investment sectors	1,02	1,01	1,00	0,98	0,85	1,08	1,03	0,90	1,05	1,03
Инфраструктура / Infrastructure	1,00	0,99	0,97	0,94	0,90	1,08	1,00	0,99	0,98	1,01
Экономика в целом / Economy in general	1,01	1,00	0,99	0,97	0,96	1,01	1,01	0,92	1,00	1,02
Совокупный технологический сдвиг, % / Cumulative technology shift, %										
Первичные ресурсы и энергоносители / Primary resources and energy carriers	-2,10	-1,42	0,30	-3,17	5,46	-5,11	-0,66	0,74	-4,09	-0,60
Обрабатывающие / Processing sectors	0,49	-0,07	-0,02	-0,25	-0,55	0,16	0,42	0,24	0,28	0,20
Инвестиционные / Investment sectors	2,10	2,29	0,39	-2,06	-14,85	...*	1,66	0,14	2,79	4,92
Инфраструктура / Infrastructure	-0,95	-2,84	-3,59	-5,88	-8,41	0,14	-0,12	-0,75	-2,29	1,81
Экономика в целом / Economy in general	0,32	-0,85	-1,37	-3,80	-7,33	10,01	0,61	0,04	-0,87	2,06

Примечание: * ОКВЭД 2 с 2017 г. изменен порядок учета отработанного времени в деятельности по операциям с недвижимым имуществом.

Note: * Since 2017, Russian National Classifier of Types of Economic Activity 2 changed the procedure for recording time worked in real estate operations.

Таблица 4 демонстрирует снижение СФП по экономике в целом в период с 2013 по 2016 г., 2019 и 2020 г., ее рост наблюдается в периоды 2012, 2017, 2021 гг. Рост СФП в большей мере наблюдается в обрабатывающих и инвестиционных отраслях, которым в период с 2017 по 2021 г. принадлежат положительные значения совокупного технологического сдвига. Снижение СФП и отрицательный совокупный технологический сдвиг в отраслях первичных ресурсов и энергоносителей произошли за счет монополизированной отрасли добычи полезных ископаемых, что согласуется с рассуждениями ряда исследователей (Бессонов, 2004; Бессонова, 2018; Соболевская, 2019). Значительный отрицательный совокупный технологический сдвиг в комплексе инвестиционных отраслей в 2016 г. объясняется ростом отработанного времени более чем в 1,24 раза в деятельности по операциям с недвижимым имуществом. Повышенный спрос на инвестиции в недвижимость на внутреннем рынке привел к росту СФП в 2017–2018 гг. в двух сопряженных отраслях: деятельности по операциям с недвижимым имуществом и в финансовой и страховой деятельности, и, как следствие, к положительному значению совокупного технологического сдвига в комплексе инвестиционных отраслей, тогда как на самом деле технологии могли сохраниться на прежнем уровне. Аналогично, рост СФП в отрасли сельского хозяйства отчасти можно объяснить высокой урожайностью и объемами экспорта зерновых культур (табл. 5).

Таблица 5

Темпы роста СФП и производительностей труда и капитала в отраслях экономики
Table 5. Growth rates of the total factor productivity and labor and capital productivity in economic sectors

№	Виды экономической деятельности / Types of economic activities	$\frac{П_{2021}}{П_{2017}}$	$\frac{П_{2022}}{П_{2021}}$	$\frac{Ф_{2021}}{Ф_{2017}}$	$\frac{Ф_{2022}}{Ф_{2021}}$	$\frac{СФП^*_{2021}}{СФП^*_{2017}}$	$\frac{СФП^*_{2021}}{СФП^*_{2011}}$
1	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство / Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming	108,62	107,98	75,64	100,42	101,77	145,52
2	Добыча полезных ископаемых / Mining	98,76	96,93	68,61	94,18	87,89	71,39
3	Обрабатывающие производства / Processing industries	116,32	97,13	79,26	89,78	108,56	106,44
4	Обеспечение электрической энергией, газом и паром / Provision of electricity, gas and steam	108,31	101,28	70,75	95,63	107,39	77,32
5	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Water supply; wastewater disposal, organization of waste collection and utilization, pollution elimination activities	124,18	93,14	108,30	86,80	124,13	128,54
6	Строительство / Construction	97,57	102,15	65,57	95,10	95,27	75,79
7	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов / Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles	111,55	87,16	82,31	81,81	108,87	90,37
8	Транспортировка и хранение / Transportation and storage	94,64	96,12	70,03	91,99	73,05	46,41
9	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания / Activities of hotels and catering enterprises	96,20	101,69	63,98	100,71	87,59	57,73
10	Деятельность в области информации и связи / Activities in the field of information and communication	116,13	96,98	87,38	97,45	110,65	–
11	Деятельность финансовая и страховая / Financial and insurance activities	171,03	103,64	91,85	121,09	129,29	116,62
12	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом / Real estate operations	113,27	103,05	23,73	92,41	108,08	194,63
13	Деятельность профессиональная, научная и техническая / Professional, scientific and technical activities	127,19	92,89	93,15	99,04	123,29	–
14	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги / Administrative activities and related additional services	91,35	99,37	54,29	104,74	86,72	–
15	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение / Public administration and military security; social security	109,09	105,30	91,95	101,43	110,02	131,64
16	Образование / Education	101,16	100,83	74,89	94,32	71,59	46,57
17	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг / Activity in the sphere of healthcare and social services	117,96	96,44	83,26	90,76	79,85	39,16
18	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений / Activity in the sphere of culture, sports, leisure and entertainment	118,72	99,66	76,10	92,46	107,18	–
19	Предоставление прочих видов услуг / Rendering other services	117,47	92,20	77,00	111,75	93,90	103,14
20	Деятельность домашних хозяйств / Household activity	73,34	97,75	–	–	–	–
21	Все виды деятельности / All types of activities	110,87	98,07	53,01	92,46	95,38	90,15

Примечание: П – производительность труда; Ф – фондоотдача.

Note: П – labor productivity; Ф – return on assets.

Как видно из табл. 5, почти наполовину уменьшилась СФП в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (наряду со снижением производительности труда и фондоотдачи), образовании, деятельности в области здравоохранения и социальных услуг. Это может быть следствием высокой доли государственных инвестиций, низкой мобильности рынков труда и капитала, достаточно стабильного спроса на услуги в этих сферах. Наибольший прирост СФП наблюдался в инфраструктуре (деятельность по операциям с недвижимым имуществом (+94 %)), государственное управление и обеспечение военной безопасности (+32 %)), который сопровождался снижением фондоотдачи; отраслях первичных ресурсов и энергоносителей (сельское хозяйство (+46 %)), водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (+28 %)). Однако такой прирост может быть следствием роста выпуска в этих отраслях за счет рыночной конъюнктуры и экономической ситуации, а не внедрения новых технологий. Также прирост СФП продемонстрировали обрабатывающие производства (+6 %), деятельность в области информатизации и связи (+11 % за период с 2017 по 2021 г.), финансовая и страховая (+17 %), профессиональная, научная и техническая (+23 % за период с 2017 по 2021 г.), предоставление прочих видов услуг (+3 %).

Таблица 6

Динамика коэффициента Джини в отраслях экономики и комплексах отраслей
Table 6. Dynamics of Gini coefficient in sectors and complexes of sectors

Год / Year	Отрасли экономики / Sectors of economy				Комплексы отраслей / Complexes of sectors			
	ВДС / GVA	Капитал / Capital	Труд / Labor	СФП / TFP	ВДС / GVA	Капитал / Capital	Труд / Labor	СФП / TFP
2011	0,426 (0,802)	0,552 (1,241)	0,455 (0,904)	0,353 (0,680)	0,252 (0,539)	0,287 (0,604)	0,270 (0,594)	0,125 (0,265)
2012	0,428 (0,808)	0,559 (1,258)	0,453 (0,896)	0,347 (0,664)	0,251 (0,537)	0,283 (0,594)	0,269 (0,593)	0,141 (0,294)
2013	0,432 (0,817)	0,559 (1,250)	0,451 (0,890)	0,346 (0,660)	0,249 (0,530)	0,268 (0,559)	0,268 (0,593)	0,151 (0,317)
2014	0,434 (0,820)	0,564 (1,254)	0,451 (0,888)	0,350 (0,669)	0,248 (0,526)	0,260 (0,543)	0,271 (0,601)	0,158 (0,334)
2015	0,432 (0,816)	0,556 (1,219)	0,451 (0,887)	0,349 (0,666)	0,241 (0,509)	0,250 (0,526)	0,273 (0,606)	0,168 (0,356)
2016	0,428 (0,802)	0,555 (1,208)	0,421 (0,794)	0,355 (0,685)	0,234 (0,494)	0,259 (0,546)	0,278 (0,657)	0,130 (0,278)
2017	0,431 (0,810)	0,567 (1,234)	0,459 (0,937)	0,350 (0,717)	0,271 (0,635)	0,254 (0,557)	0,335 (0,832)	0,147 (0,313)
2018	0,430 (0,807)	0,563 (1,212)	0,459 (0,936)	0,350 (0,720)	0,269 (0,627)	0,256 (0,550)	0,336 (0,832)	0,160 (0,340)
2019	0,428 (0,802)	0,696 (2,033)	0,457 (0,929)	0,354 (0,720)	0,266 (0,619)	0,351 (0,737)	0,336 (0,834)	0,141 (0,294)
2020	0,432 (0,809)	0,691 (1,987)	0,458 (0,924)	0,366 (0,737)	0,262 (0,606)	0,340 (0,713)	0,337 (0,830)	0,164 (0,342)
2021	0,427 (0,801)	0,685 (1,960)	0,457 (0,920)	0,372 (0,747)	0,266 (0,613)	0,335 (0,700)	0,335 (0,831)	0,174 (0,362)
2022	0,433 (0,815)	0,692 (1,994)	0,454 (0,914)	0,430 (1,034)	0,218 (0,502)	0,337 (0,706)	0,336 (0,835)	0,184 (0,299)

Примечание: в скобках указан коэффициент вариации представленных показателей, в столбце «Капитал» – наличие основных фондов на конец года по полной учетной стоимости, в столбце «Труд» – количество фактически отработанного времени.

Note: the coefficient of variation of the presented indicators is given in brackets, in the column “Capital” – availability of fixed assets at the end of the year at full accounting value, in the column “Labor” – the amount of time actually worked.

Таблица 6 демонстрирует усиление различий СФП и капитала между отраслями экономики в период 2020–2022 гг., где наибольшее накопление капитала состоялось в деятельности по операциям с недвижимым имуществом, меньшие различия наблюдаются для комплексов отраслей при их усилении для СФП и труда также в период 2020–2022 гг., где наиболее заметный рост затрат труда наблюдался в обрабатывающей промышленности и инвестиционных отраслях.

С учетом сложившихся обстоятельств и характеристик внутренней и внешней среды представленные закономерности, имевшие место до 2022 г., в настоящее время могут измениться. Ожидаем рост производительности труда и фондоотдачи в отраслях обрабатывающей промышленности, уменьшение накопления капитала в комплексе инвестиционных отраслей и инфраструктуре, рост производительности труда в отраслях первичных ресурсов и энергоносителей.

Заключение

Выполненное исследование позволило сформулировать следующие выводы, основанные на теоретическом анализе и эмпирических результатах. Во-первых, согласно закону убывающей предельной отдачи факторов производства повсеместный рост накопленного капитала сопровождается длительным периодом снижения эффективности его использования, особенно в деятельности по операциям с недвижимым имуществом. При этом трудовые ресурсы демонстрируют стабильный рост производительности труда, особенно высокие темпы наблюдаются в финансовой и страховой деятельности, обрабатывающих отраслях и профессиональной, научной и технической деятельности. Во-вторых, динамика СФП имеет цикличность, сопряженную с мировой экономикой. В период с 2017 по 2021 г. в комплексах обрабатывающих и инвестиционных отраслей российской экономики (финансовая и страховая деятельность), в сельском хозяйстве наблюдается наиболее устойчивый рост СФП, рост производительности труда и снижение производительности капитала – фондоотдачи. В-третьих, оживление темпов роста СФП в 2020–2022 гг. сопряжено с усилением различий в ее уровне между отраслями и комплексами отраслей, сохраняющимися тенденциями совокупного технологического сдвига в обрабатывающих и инвестиционных отраслях и снижением СФП в отраслях первичных ресурсов и энергоносителей. Указанные выводы фокусируют практические рекомендации на поддержке тенденции роста СФП.

Особенного внимания со стороны мер экономической политики требует комплекс отраслей первичных ресурсов и энергоносителей, нуждающийся в модернизации производственных мощностей. Здесь целесообразны налоговые преференции инвесторам в новые технологии, использование современных методов управления инновационной деятельностью, стимулирование разработки и реализации целевых программ.

В комплексе обрабатывающих отраслей целесообразно обратить внимание на сочетание внутренней мотивации к инновациям с мерами государственной поддержки по созданию новых высококвалифицированных рабочих мест, к примеру, через адресные субсидии работодателям; по совершенствованию системы патентных заявок и интеллектуальной собственности для мобилизации инициатив в сфере инноваций.

В комплексе инвестиционных отраслей наблюдается низкая фондоотдача при положительном совокупном технологическом сдвиге и росте СФП. При принятии решений, связанных с повышением эффективности использования капитала, целесообразно повышение времени рационального использования оборудования за счет внедрения цифровых технологий и привлечения трудовых ресурсов (в строительстве), освоение высокопроизводительных цифровых технологий, в том числе в финансовой сфере, использование современных методов управления, денежно-кредитная политика стимулирования финансовых операций и операций с недвижимостью.

В отраслях инфраструктуры в 2021 г. выполнен разворот к росту СФП и положительному совокупному технологическому сдвигу за счет деятельности в торговле, государственном управлении, профессиональной, научной и технической деятельности. Для сохранения этой тенденции рекомендуется продолжать внедрение цифровизации складских операций и логистики, государственных онлайн-услуг, современного оборудования для научных исследований. Для устранения снижения СФП в сфере транспорта, образования, здравоохранения и других социально ориентированных отраслях уместны меры государственной финансовой поддержки инноваций (в том числе за счет цифровых технологий), льготного и гибкого ценообразования на услуги этих отраслей.

В целом для экономики полезна разработка дорожных карт технологического развития каждой отрасли в соответствии с присущей ей структурой производственных ресурсов. Чем новее капитал, тем современнее представленные в капитальных товарах технологии. Поэтому в условиях повсеместного накопления капитала каждой отрасли экономики нужна мотивация применения технологических достижений, увеличивающих приток трудовых ресурсов и фондоотдачу. Нарастание инновационного потенциала требует сотрудничества различных заинтересованных сторон – от работодателей до политиков, исследователей и профессиональных сообществ.

В будущих исследованиях мы планируем уделить внимание факторам изменения СФП, а также измерению вклада производственных ресурсов и СФП в выпуск продукции.

Список литературы

- Абрамов, А. Е., Джаохадзе, Е. Д., Радыгин, А. Д., Чернова, М. И. (2023). Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики. *Вопросы экономики*, 11, 5–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-5-27>
- Бабуринов, В. Л., Ростислав, К. В. (2019). Изменение совокупной производительности факторов российских регионов в 2008–2016 гг. *Journal of New Economy*, 20(3), 5–22.
- Бессонов, В. А. (2004). О динамике совокупной факторной производительности в российской переходной экономике. *Экономический журнал ВШЭ*, 8(4), 542–587.
- Бессонова, Е. В. (2018). Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009–2015 гг.). *Вопросы экономики*, 7, 96–118. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-96-118>
- Бессонова, Е., Гончар, К. (2022). Могут ли рост конкуренции и жесткие бюджетные ограничения снизить потери эффективности государственных предприятий? *Деньги и кредит*, 81(3), 22–53.
- Воскобойников, И. Б. (2003). Оценка совокупной факторной производительности российской экономики в период 1961–2001 гг. с учетом корректировки динамики основных фондов. Препринт WP2/2003/03. Москва: ГУ ВШЭ.
- Воскобойников, И. Б., Баранов, Э. Ф., Бобылёва, К. В. и др. (2020б). Источники роста производительности труда после шоков 1998 и 2008 годов в России в контексте перспектив восстановления экономики после кризиса COVID-19: доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Воскобойников, И. Б., Баранов, Э. Ф., Бобылева, К. В., Капелюшников, Р. И., Пионтковский, Д. И., Роскин, А. А., Толоконников, А. Е. (2020а). *Постшоковый рост российской экономики. Опыт кризисов 1998 и 2008 годов и взгляд в будущее*. Препринт WP3/2020/06. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
- Масленников, О. В. (2015). Классификация методов расчета совокупной факторной производительности. *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*, 4, 172–175.
- Мицек, С. А. (2021). Анализ макроэкономической динамики совокупной факторной производительности экономики России. *Экономика региона*, 17(3), 799–813. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-6>
- Мясников, А. А. (2018). Анализ факторов совокупной факторной производительности российских регионов. *Экономика региона*, 14(4), 1168–1180. <https://doi.org/10.17059/2018-4-9>
- Соболевская, Т. Г. (2019). Динамика совокупной факторной производительности в экономике России. *Регион: системы, экономика, управление*, 4(7), 35–38.
- Antonelli C., & Amidei, F. B. (2011). A model of localized technological change cum pecuniary knowledge externalities. In *The Dynamics of Knowledge Externalities* (pp. 51–71). Edward Elgar Publishing Limited. <https://doi.org/10.4337/9780857930828.00012>
- Antonelli, C. (2018). The engines of the creative response: the introductory framework. In *The Evolutionary Complexity of Endogenous Innovation* (pp. 1–20). Edward Elgar Publishing Limited. <https://doi.org/10.4337/9781788113793.00005>
- Arazmuradov, A., Martini, G., & Scotti, D. (2014). Determinants of total factor productivity in former Soviet Union economies: A stochastic frontier approach. *Economic Systems*, 38(1), 115–135. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2013.07.007>
- Balk, B. M. (2001). Scale efficiency and productivity change. *Journal of Productivity Analysis*, 15, 159–183.
- Barro, R. J. (1999). Inequality, growth, and investment. *NBER Working Paper*, 7038. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Battisti, M., Del Gatto, M., & Parmeter, Ch. F. (2018) Labor productivity growth: disentangling technology and capital accumulation. *Journal of Economic Growth*, 23(1), 111–143. <https://doi.org/10.1007/s10887-017-9143-1>
- Bosworth, B., & Collins, S. M. (2008). Accounting for growth: Comparing China and India. *Journal of Economic Perspectives*, 22(1), 45–66. <https://doi.org/10.1257/jep.22.1.45>
- Brock, G., & Ogloblin, C. (2018). Russian 1998–2007 TFP decomposed: Some inspiration emerging from inherited Soviet legacy. *Economic Change and Restructuring*, 51(2), 135–151. <https://doi.org/10.1007/s10644-016-9196-8>

- Cazzavillan, G., Donadelli, M., & Persha, L. (2013). Economic growth and poverty traps in sub-saharan africa: the role of education and TFP shocks. *Research in Economics*, 67(3), 226–242. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2013.05.001>
- Colino, A., Benito-Osorio, D., & Rueda-Armengot, C. (2014). Entrepreneurship culture, total factor productivity growth and technical progress: Patterns of convergence towards the technological frontier. *Technological Forecasting and Social Change*, 88, 349–359. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.10.007>
- Comin, D. (2010). Total factor productivity. In S. Durlauf & L. Blume (Eds.). *Economic Growth* (pp. 260–263). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230280823_32
- Cuevas Ahumada, V. M., & Calderón Villarreal, C. (2022). Oil rents, institutional development, and total factor productivity. *Investigación Económica*, 81(322), 52–72. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2022.322.82218>
- Domar, E. D. (1961) On the Measurement of Technological Change, *Economic Journal*, LXXI, 709–729. <https://doi.org/10.2307/2228246>
- Duran, H. E. (2019). Asymmetries in regional development: does TFP or capital accumulation matter for spatial inequalities? *Journal of Economic Asymmetries*, 20, e00119. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00119>
- Han, G., Kalirajan, K., & Singh, N. (2002). Productivity and economic growth in East Asia: innovation, efficiency and accumulation. *Japan and the World Economy*, 14(4), 401–424. [https://doi.org/10.1016/s0922-1425\(02\)00028-2](https://doi.org/10.1016/s0922-1425(02)00028-2)
- Irmen, A., & Tabakovic, A. (2017). Endogenous capital- and labor- augmenting technical change in the neoclassical growth model. *Journal of Economic Theory*, 170, 346–384. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2017.05.002>
- Jia, F., Ma, X., & Xu, X. (2020). The differential role of manufacturing and non manufacturing TFP growth in economic growth. *Structural Change and Economic Dynamics*, 52, 174–183. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.10.006>
- Kendrick, J. W. (1961). *Productivity Trends in the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Lambert, J. (2016). *Productivity is everything. GAM Insights*. Dublin: GAM Investments.
- Li, K.-W., & Liu, T. (2011). Economic and productivity growth decomposition: An application to post-reform China. *Economic Modelling*, 28(1–2), 366–373. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2010.08.013>
- Liu, H., & Tsai, H. (2021). A stochastic frontier approach to assessing Total Factor Productivity change in China's star-rated hotel industry. *Journal of Hospitality & Tourism Research*, 45(1), 1–24. <https://doi.org/10.1177/1096348020946363>
- Mankiw, G., Romer, D., & Weil, D. (1992). A contribution to the empirics of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 107(2), 407–437. <https://doi.org/10.2307/2118477>
- Motohashi, K. (2007). Assessing Japan's industrial competitiveness by international productivity level: comparison with China, Korea, Taiwan and the United States. In D. Jorgenson, M. Kuroda & K. Motohashi (Eds.), *Productivity in Asia* (pp. 215–238). Edward Elgar Publishing, Inc. <https://doi.org/10.4337/9781847208743.00015>
- Qiu, Y., Han, W., & Zeng, D., (2023). Impact of biased technological progress on the total factor productivity of China's manufacturing industry: The driver of sustainable economic growth. *Journal of Cleaner Production*, 409, 137269. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137269>
- Ren, R., & Sun, L. (2007). Total factor productivity growth in Chinese industries, 1981–2000. In D. Jorgenson, M. Kuroda, & K. Motohashi (Eds.), *Productivity in Asia* (pp. 76–112). Edward Elgar Publishing, Inc. <https://doi.org/10.4337/9781847208743.00011>
- Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98, 71–102. <https://doi.org/10.1086/261725>
- Rymes, T. K. (1983). More On The Measurement Of Total Factor Productivity, Review of Income and Wealth. *International Association for Research in Income and Wealth*, 29(3), 297–316. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1983.tb00646.x>
- Schumpeter, J. A. (1934). *The Theory of Economic Development*. Harvard University Press, Cambridge.
- Sharif, N., Kevin, C., Mansoor, A., & Sinha, K. B. (2021). A comparative analysis of research and development spending and total factor productivity growth in Hong Kong, Shenzhen, Singapore. *Structural Change and Economic Dynamics*, 57, 108–120. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.02.004>
- Shi, C., Jie, C., Shi, F., & Wen, Y. (2017). Estimation of the technical efficiency and the decomposition of TFP of Chinese forestry: Basing on sfa-Malmquist method. *Scientia Silvae Sinicae*, 53(12), 126–135.
- Siddique, O. (2022). Total Factor Productivity and Economic Growth in Pakistan: A Five-Decade Overview. *The Pakistan Development Review*, 61(4), 583–601. <https://doi.org/10.30541/v61i4pp.583-602>
- Solow, R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 327–368. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- Solow, R. M. (1957). Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 39(3), 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>
- Timmer, M. P., & Voskoboynikov, I. B. (2014). Is Mining Fuelling Long-Run Growth in Russia? Industry Productivity Growth Trends since 1995. *Review of Income and Wealth*, 60(S2), S398–S422. <https://doi.org/10.1111/roiw.12132>
- Wang, Y., Ye, G., & Zhang, Y., (2020). Is the Chinese construction industry moving towards a knowledge and technology-intensive industry? *Journal of Cleaner Production*, 259, 120964. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120964>
- Worku, Urgaia R. (2024). Factor productivity nexus economic growth in Sub-Saharan Africa: Symmetric and asymmetric panel approaches. *World Development Sustainability*, 5, 100169. <https://doi.org/10.1016/j.wds.2024.100169>

Yalçinkaya, N. (2017). The impact of total factor productivity on economic growth for development and emerging countries: A second-generation panel data analysis. *The Journal of Applied Economic Research*, 11(4), 404–417. <https://doi.org/10.1177/0973801017722266>

Zhou, Y., & Tyers, R. (2019). Automation and inequality in China. *China Economic Review*, 58, 101202. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.07.008>

References

- Abramov, A. E., Dzhaokhadze, E. D., Radygin, A. D., & Chernova, M. I. (2023). Total factor productivity of Russian companies: Assessments, trends, and dynamic factors. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 5–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-5-27>
- Antonelli, C. (2018). The engines of the creative response: the introductory framework. In *The Evolutionary Complexity of Endogenous Innovation* (pp. 1–20). Edward Elgar Publishing Limited. <https://doi.org/10.4337/9781788113793.00005>
- Arazmuradov, A., Martini, G., & Scotti, D. (2014). Determinants of total factor productivity in former Soviet Union economies: A stochastic frontier approach. *Economic Systems*, 38(1), 115–135. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2013.07.007>
- Baburin, V. L., & Rostislav, K. V. (2019). Total factor productivity changes in Russian regions in 2008–2016. *Journal of New Economy*, 20(3), 5–22. (In Russ.).
- Balk, B. M. (2001). Scale efficiency and productivity change. *Journal of Productivity Analysis*, 15, 159–183.
- Barro, R. J. (1999). Inequality, growth, and investment. *NBER Working Paper*, 7038. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Battisti, M., Del Gatto, M., & Parmeter, Ch. F. (2018) Labor productivity growth: disentangling technology and capital accumulation. *Journal of Economic Growth*, 23(1), 111–143. <https://doi.org/10.1007/s10887-017-9143-1>
- Bessonov, V. A. (2004). On Dynamics of total factor productivity in the Russian economy in transition. *HSE Economic Journal*, 8(4), 542–587. (In Russ.).
- Bessonova, E. V. (2018). Analysis of Russian firms' TFP growth in 2009–2015. *Voprosy ekonomiki*, 7, 96–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-96-118>
- Bessonova, E., & Gonchar, K. (2022). Can the growth of competitive pressure and hardening of budget constraints reduce the efficiency loss due to state ownership? *Russian Journal of Money and Finance*, 81(3), 22–53. (In Russ.).
- Bosworth, B., & Collins, S. M. (2008). Accounting for growth: Comparing China and India. *Journal of Economic Perspectives*, 22(1), 45–66. <https://doi.org/10.1257/jep.22.1.45>
- Brock, G., & Ogloblin, C. (2018). Russian 1998–2007 TFP decomposed: Some inspiration emerging from inherited Soviet legacy. *Economic Change and Restructuring*, 51(2), 135–151. <https://doi.org/10.1007/s10644-016-9196-8>
- Cazzavillan, G., Donadelli, M., & Persha, L. (2013). Economic growth and poverty traps in sub-saharan africa: the role of education and TFP shocks. *Research in Economics*, 67(3), 226–242. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2013.05.001>
- Colino, A., Benito-Osorio, D., & Rueda-Armengot, C. (2014). Entrepreneurship culture, total factor productivity growth and technical progress: Patterns of convergence towards the technological frontier. *Technological Forecasting and Social Change*, 88, 349–359. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.10.007>
- Comin, D. (2010). Total factor productivity. In S. Durlauf & L. Blume (Eds.). *Economic Growth* (pp. 260–263). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230280823_32
- Cuevas Ahumada, V. M., & Calderón Villarreal, C. (2022). Oil rents, institutional development, and total factor productivity. *Investigación Económica*, 81(322), 52–72. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2022.322.82218>
- Domar, E. D. (1961) On the Measurement of Technological Change, *Economic Journal*, LXXI, 709–729. <https://doi.org/10.2307/2228246>
- Duran, H. E. (2019). Asymmetries in regional development: does TFP or capital accumulation matter for spatial inequalities? *Journal of Economic Asymmetries*, 20, e00119. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00119>
- Han, G., Kalirajan, K., & Singh, N. (2002). Productivity and economic growth in East Asia: innovation, efficiency and accumulation. *Japan and the World Economy*, 14(4), 401–424. [https://doi.org/10.1016/s0922-1425\(02\)00028-2](https://doi.org/10.1016/s0922-1425(02)00028-2)
- Irmen, A., & Tabakovic, A. (2017). Endogenous capital- and labor- augmenting technical change in the neoclassical growth model. *Journal of Economic Theory*, 170, 346–384. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2017.05.002>
- Jia, F., Ma, X., & Xu, X. (2020). The differential role of manufacturing and non manufacturing TFP growth in economic growth. *Structural Change and Economic Dynamics*, 52, 174–183. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.10.006>
- Kendrick, J. W. (1961). *Productivity Trends in the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Lambert, J. (2016). *Productivity is everything*. GAM Insights. Dublin: GAM Investments.
- Li, K.-W., & Liu, T. (2011). Economic and productivity growth decomposition: An application to post-reform China. *Economic Modelling*, 28(1–2), 366–373. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2010.08.013>
- Liu, H., & Tsai, H. (2021). A stochastic frontier approach to assessing Total Factor Productivity change in China's Starrated hotel industry. *Journal of Hospitality & Tourism Research*, 45(1), 1–24. <https://doi.org/10.1177/1096348020946363>

- Mankiw, G., Romer, D., & Weil, D. (1992). A contribution to the empirics of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 107(2), 407–437. <https://doi.org/10.2307/2118477>
- Maslennikov, O. V. (2015). Classification of methods of calculating the total factor productivity. *Vestnik of VSU. Series: Economy and Management*, 4, 172–175. (In Russ.).
- Mitse, S. A. (2021). Macroeconomic Dynamics of the Total Factor Productivity of the Russian Economy. *Economy of the region*, 17(3), 799–813. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-6>
- Motohashi, K. (2007). Assessing Japan's industrial competitiveness by international productivity level: comparison with China, Korea, Taiwan and the United States. In D. Jorgenson, M. Kuroda & K. Motohashi (Eds.), *Productivity in Asia* (pp. 215–238). Edward Elgar Publishing, Inc. <https://doi.org/10.4337/9781847208743.00015>
- Myasnikov, A. A. (2018). Analysis of the Determinants of Total Factor Productivity in Russian Regions. *Economy of the Region*, 14(4), 1168–1180. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2018-4-9>
- Qiu, Y., Han, W., & Zeng, D., (2023). Impact of biased technological progress on the total factor productivity of China's manufacturing industry: The driver of sustainable economic growth. *Journal of Cleaner Production*, 409, 137269. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137269>
- Ren, R., & Sun, L. (2007). Total factor productivity growth in Chinese industries, 1981–2000. In D. Jorgenson, M. Kuroda, & K. Motohashi (Eds.), *Productivity in Asia* (pp. 76–112). Edward Elgar Publishing, Inc. <https://doi.org/10.4337/9781847208743.00011>
- Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98, 71–102. <https://doi.org/10.1086/261725>
- Rymes, T. K. (1983). More On The Measurement Of Total Factor Productivity, Review of Income and Wealth, *International Association for Research in Income and Wealth*, 29(3), 297–316. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1983.tb00646.x>
- Schumpeter, J. A. (1934). *The Theory of Economic Development*. Harvard University Press, Cambridge.
- Sharif, N., Kevin, C., Mansoor, A., & Sinha, K. B. (2021). A comparative analysis of research and development spending and total factor productivity growth in Hong Kong, Shenzhen, Singapore. *Structural Change and Economic Dynamics*, 57, 108–120. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.02.004>
- Shi, C., Jie, C., Shi, F., & Wen, Y. (2017). Estimation of the technical efficiency and the decomposition of TFP of Chinese forestry: Basing on sfa-Malmquist method. *Scientia Silvae Sinicae*, 53(12), 126–135.
- Siddique, O. (2022). Total Factor Productivity and Economic Growth in Pakistan: A Five-Decade Overview. *The Pakistan Development Review*, 61(4), 583–601. <https://doi.org/10.30541/v61i4pp.583-602>
- Sobolevskaya, T. G. (2019). Dynamics of total factor productivity in the economy of Russia. *Region: Systems, Economy, Management*, 4(7), 35–38. (In Russ.). Antonelli C., & Amidei, F. B. (2011). A model of localized technological change cum pecuniary knowledge externalities. In *The Dynamics of Knowledge Externalities* (pp. 51–71). Edward Elgar Publishing Limited. <https://doi.org/10.4337/9780857930828.00012>
- Solow, R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 327–368. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- Solow, R. M. (1957). Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 39(3), 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>
- Timmer, M. P., & Voskoboinikov, I. B. (2014). Is Mining Fuelling Long-Run Growth in Russia? Industry Productivity Growth Trends since 1995. *Review of Income and Wealth*, 60(S2), S398–S422. <https://doi.org/10.1111/roiw.12132>
- Voskoboinikov, I. B. (2003). *Estimating the total factor productivity of the Russian economy in 1961–2001 with the correction of capital assets dynamics*. Preprint WP2/2003/03. Moscow: HSE. (In Russ.).
- Voskoboinikov, I. B., Baranov, E. F., Bobyleva, K. V. et al. (2020b). *Sources of labor productivity growth after 1998 and 2008 shocks in Russia in the context of the prospects for economy recovery after the COVID-19 crisis: report to the XXI April International scientific conference on the issues of economy and society development*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).
- Voskoboinikov, I. B., Baranov, E. F., Bobyleva, K. V., Kapelyushnikov, R. I., Piontkovsky, D. I., Roskin, A. A., Tolokonnikov, A. E. (2020a). *Post-shock growth of the Russian economy. Experience of the 1998 and 2008 crises and a glance into the future*. Preprint WP3/2020/06. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, Series WP3 "Problems of the Labor Market". (In Russ.).
- Wang, Y., Ye, G., & Zhang, Y., (2020). Is the Chinese construction industry moving towards a knowledge and technology-intensive industry? *Journal of Cleaner Production*, 259, 120964. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120964>
- Worku, Urgaia R. (2024). Factor productivity nexus economic growth in Sub-Saharan Africa: Symmetric and asymmetric panel approaches. *World Development Sustainability*, 5, 100169. <https://doi.org/10.1016/j.wds.2024.100169>
- Yalçinkaya, N. (2017). The impact of total factor productivity on economic growth for development and emerging countries: A second-generation panel data analysis. *The Journal of Applied Economic Research*, 11(4), 404–417. <https://doi.org/10.1177/0973801017722266>
- Zhou, Y., & Tyers, R. (2019). Automation and inequality in China. *China Economic Review*, 58, 101202. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2018.07.008>

Вклад авторов

Е. И. Кадочникова: методологические основы измерения совокупной факторной производительности, эмпирические результаты исследования.

Н. Г. Багаутдинова: методологические основы измерения совокупной факторной производительности.

С. О. Хомидов: обзор зарубежных источников литературы, эмпирические результаты исследования.

The author's contributions

E. I. Kadochnikova: methodological bases of measuring the total factor productivity, empirical research results.

N. G. Bagautdinova: methodological bases of measuring the total factor productivity.

S. O. Khomidov: review of foreign literature sources, empirical research results.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 01.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

А. А. Кобылко¹,

М. А. Рыбачук¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сравнительный анализ стратегий мезоуровня: регион, отрасль, корпорация

Кобылко Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук

E-mail: kobylko@cemi.rssi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0178-106X>

Web of Science Researcher ID: I-4015-2016

eLIBRARY SPIN-код: 5926-0405

Контактное лицо:

Рыбачук Максим Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук

E-mail: m.ribachuk@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0788-5350>

Web of Science Researcher ID: E-4002-2016

eLIBRARY SPIN-код: 9480-6850

Аннотация

Цель: выявление особенностей стратегий различных объектов мезоэкономического уровня: территориальных систем (регионов), отраслей и крупных корпораций (экосистем) на базе выполнения сравнительного анализа их структуры, ключевых элементов и атрибутов.

Методы: структурный подход к стратегическим документам макро-, мезо- и микроуровней, сравнительный анализ и синтез, обзор теоретических исследований и практики формирования и реализации стратегии.

Результаты: в статье определены особенности формирования стратегий на уровне региона, отрасли и корпорации. Установлено, что ключевым отличием региональных и отраслевых стратегий является длительный горизонт планирования, при этом корпоративные стратегии чаще подвергаются корректировке. Показано, что в стратегиях объектов мезоэкономического уровня существует ряд системных проблем, относящихся к их формированию и реализации. Установлено, что из-за изменчивости и турбулентности условий внешней среды объекты мезоуровня экономики вынуждены постоянно корректировать свои стратегии, но корпоративные стратегии, в отличие от региональных и отраслевых, не ограничены действием стратегии верхнего уровня. Выявлены недостатки взаимодействия и согласования (институциональный вакуум) стратегий объектов макро-, мезо- и микроуровня экономики в части согласованности и координации действий при формировании долгосрочных планов.

Научная новизна: состоит в применении структурного подхода к анализу стратегий объектов мезоуровня, их сопоставлению, выявлению общих черт и различий в подходах к их формированию и реализации.

Практическая значимость: заключается в развитии прикладных методов формирования и реализации стратегий и повышении эффективности процессов стратегического планирования на мезоэкономическом уровне.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, стратегия, стратегическое планирование, структура стратегии, корпоративная стратегия, стратегия региона, стратегия отрасли

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобылко, А. А., Рыбачук, М. А. (2024). Сравнительный анализ стратегий мезоуровня: регион, отрасль, корпорация. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 898–911. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.898-911>

Scientific article

A. A. Kobylko¹,
M. A. Rybachuk¹

¹ Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Comparative analysis of meso-level strategies: region, industry, corporation

Aleksandr A. Kobylko, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

E-mail: kobylko@cemi.rssi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0178-106X>

Web of Science Researcher ID: I-4015-2016

eLIBRARY SPIN-code: 5926-0405

Contact:

Maksim A. Rybachuk, Cand. Sci. (Econ.), Leading researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

E-mail: m.ribachuk@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0788-5350>

Web of Science Researcher ID: E-4002-2016

eLIBRARY SPIN-code: 9480-6850

Abstract

Objective: to identify the features of strategies of various entities at mesoeconomical level: territorial systems (regions), industries and large corporations (ecosystems) based on a comparative analysis of their structure, key elements and attributes.

Methods: a structural approach to strategic documents at the macro-, meso- and microlevels, comparative analysis and synthesis, review of theoretical research and practice of strategy formation and implementation.

Results: the article defines the features of strategy formation at the regional, industry and corporate levels. The author states that the key difference between regional and sectoral strategies is a long planning horizon, while corporate strategies are more often subject to adjustment. The article shows that the strategies of mesoeconomical level entities have a number of systemic problems related to their formation and implementation. It was found that due to the variability and turbulence of environmental conditions, the entities at meso-level are forced to constantly adjust their strategies, while corporate strategies, unlike regional and sectoral ones, are not limited by the top-level strategy. The author reveals the shortcomings of interaction and coordination (institutional vacuum) of strategies of macro-, meso- and micro-level entities in terms of coherence and coordination of actions in long-term planning.

Scientific novelty: it consists in applying a structural approach to the analysis of strategies of meso-level entities, comparing them and identifying common features and differences in approaches to their formation and implementation.

Practical significance: it consists in the developing applied methods for the formation and implementation of strategies and improving the effectiveness of strategic planning at the mesoeconomical level.

Keywords:

regional and branch economics, strategy, strategic planning, strategy structure, corporate strategy, regional strategy, industry strategy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobylko, A. A., & Rybachuk, M. A. (2024). Comparative analysis of meso-level strategies: region, industry, corporation. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 898–911. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.898-911>

Введение

Подходы к определению понятия «стратегия» существенным образом варьируются в зависимости от исследовательского контекста. Существуют десятки различных определений, адаптированных как к объекту и предмету конкретного исследования, так и к рассматриваемым проблемным ситуациям. Под стратегией могут пониматься вектор развития, конечная цель такого развития, набор решений и/или указаний, формирующих модель поведения объекта, или набор алгоритмизированных шагов, каждый из которых отличается от предыдущих (Катькало, 2003, 2008; Dirlik & Aydin-Unal, 2014; Grant, 2016; Johnson et al., 2020; Bailys et al., 2022; Клейнер, 2022. С. 293–302; Клейнер и др., 2022. С. 31–32). Общими чертами определений стратегии независимо от уровня иерархии, масштаба и сложности объекта являются: а) указание на желаемые результаты развития объекта в будущем; б) долгосрочная цель; с) планируемые показатели и способы ее достижения.

Стратегии объектов мезоэкономического уровня экономики (Никонова и др., 2022), несмотря на различия последних, имеют также и общие черты. Мезоэкономическими в данном случае будем называть системы, занимающие промежуточное место между макроэкономикой и микроэкономикой. К их числу относятся регионы, отрасли (секторы), крупные межотраслевые комплексы, экосистемы. Как отмечается Балацким и Екимовой (2021), современные социально-экономические стратегии в первую очередь должны не подстраиваться под прогнозируемое (желаемое) состояние объекта, а как бы проектировать это состояние. Какие параметры могут повлиять на выбор такого целевого ориентира? Здесь можно выделить две базовые составляющие – экономическую и социальную, значимость которых отличается в зависимости от типа мезоэкономической системы. Очевидно, что для территориальных систем социальная составляющая превалирует над экономической. Главным приоритетом развития регионов является постоянное повышение качества жизни населения. В крупных корпоративных системах и экосистемах, несмотря на постепенное внедрение в их деятельность принципов устойчивого развития, неотъемлемой частью развития является требование роста финансовых показателей со стороны акционеров и, как следствие, увеличение прибыли. Различные аспекты социально-экономического развития мезоэкономических систем рассмотрены многими исследователями (см., например (Alibasic, 2018; Pomeranz & Decker, 2018; Sartori et al., 2014. P. 6; Tretiakova & Kurganov, 2023. P. 670; Коршунов, 2023. С. 25)).

Целью данной работы является выявление особенностей стратегий различных объектов мезоэкономического уровня: территориальных систем (регионов), отраслей и крупных корпораций (экосистем) на базе выполнения сравнительного анализа их структуры, ключевых элементов и атрибутов.

Основная задача исследования заключается в поиске отличительных черт и сходства между стратегиями объектов мезоэкономического уровня путем последовательного сравнения их характеристик.

Статья состоит из шести основных разделов. В первом разделе рассматриваются характеристики стратегий объектов мезоэкономического уровня (региона, отрасли и корпорации) и проводится их сопоставление. Во втором разделе сравниваются горизонты планирования таких стратегий. В третьем – оценивается частота их корректировки. Четвертый раздел посвящен изучению вопроса согласования стратегий различных уровней экономики. Пятый – оценке публичности стратегий мезоуровня. В шестом разделе акцентируется внимание на особенностях разработки и реализации стратегий региона, отрасли и корпорации.

Результаты исследования

1. Сопоставление характеристик стратегий объектов мезоэкономического уровня

При сравнении особенностей стратегий таких мезоуровневых образований, как регион, отрасль и корпорация, стратегические документы корпораций, как правило, стоят особняком. При этом ряд авторов обосновывают необходимость именно стратегического планирования в деятельности объектов (Bryson, 2021; Holmgren et al., 2017; Johanson, 2009 и др.). Основное отличие региональных и отраслевых стратегий заключается в том, что данные документы обнародуются и публикуются открыто, т. е. доступ любых желающих к ним не ограничен. Корпоративные стратегии, в свою очередь, далеко не всегда являются открытыми. В табл. 1 выделены ключевые элементы трех указанных типов стратегий и проведено сопоставление их характерных особенностей.

Таблица 1

Сопоставление характеристик стратегий региона, отрасли и корпорации
Table 1. Comparison of the characteristics of the region, sector and corporation strategies

Структура / Structure	Стратегия / Strategy		
	региона / region	отрасли / sector	корпорации / corporation
Текущее состояние, актуальные показатели / Current state, actual indices	Описано подробно в виде ключевых показателей / Described in detail as key indices	Описано кратко в виде проблемной составляющей / Described briefly as a problem component	Описано подробно в виде ключевых показателей / Described in detail as key indices
Цель / Goal	Сформулирована развернуто / Formulated in detail	Сформулирована развернуто / Formulated in detail	Сформулирована одной фразой / Formulated in one phrase
Задачи / Objectives	Определены развернуто / Defined in detail	Определены развернуто / Defined in detail	Определены кратко или не определены / Defined briefly or undefined
Прогноз развития / Forecast for development	Представлен в виде тезисов из прочих документов / Presented as theses from other documents	Представлен в виде тенденций развития из прочих документов / Presented as development trends from other documents	Представлен кратко или не представлен / Presented briefly or not presented
Целевые показатели / Target indices	Определены кратко / Defined briefly	Определены редко / Rarely defined	Определены подробно / Defined in detail
Направления деятельности / Directions of activity	Описаны подробно / Described in detail	Описаны подробно / Described in detail	Описаны кратко / Described briefly
Долгосрочные решения / Long-term solutions	Описаны подробно, в виде подцелей или решения проблем; конкретизируются прочими региональными документами / Described in detail, as subgoals or problem solutions; concretized in other regional documents	Описаны подробно; конкретизируются прочими отраслевыми документами / Described in detail; concretized in other sectoral documents	Описаны подробно, обычно для каждого направления деятельности; иногда для разных функциональных направлений / Described in detail, usually for each directions of activity; sometimes for various functional directions
Шаги реализации решений / Steps for solutions implementation	Подготовлены в виде дорожных карт и/или долгосрочных программ развития / Prepared as roadmaps and/or long-term development programs	Подготовлены в виде дорожных карт и/или долгосрочных программ развития / Prepared as roadmaps and/or long-term development programs	Формируются на тактическом уровне / Formulated at tactical level

Структура стратегии региона и отрасли, как правило, строится согласно законодательно утвержденному шаблону в отличие от корпоративных стратегий, структура которых в различных компаниях различна. Основным документом, определяющим структуру региональных и отраслевых стратегий развития, является Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. При этом необходимо отметить, что региональные стратегии проходят согласование в Министерстве экономического развития РФ и по этой причине имеют однотипный структурный каркас; отраслевые стратегии также проходят согласование, а чаще непосредственно разрабатываются в профильных министерствах.

Формат представления региональных и отраслевых стратегий – текстовые документы, описывающие текущее и планируемое состояние соответствующего объекта мезоуровня (см., например, (Братченко, 2024; Сасаев, 2022)). Региональные стратегии, в отличие от отраслевых, зачастую дополняются презентационными материалами.

Основным отличием региональных и отраслевых стратегий от корпоративных является долгосрочный горизонт планирования и структурированный план мероприятий по реализации стратегии, подробно раскрывающий, каким образом должен происходить процесс достижения целей. Такие стратегии также делятся на последовательные этапы – фиксированные временные интервалы длительностью около пяти лет, а все шаги по достижению целей разрабатываются еще на этапе подготовки и согласования стратегии. Принятый комплекс мер не изменяется, и корректировок в процессе реализации стратегии не происходит (Коршунов, 2023).

2. Горизонт планирования стратегий объектов мезоэкономического уровня

Каждый объект мезоэкономического уровня: регион, отрасль или корпорация – зависит от действия внешних факторов, оказывающих влияние на его деятельность в долгосрочной перспективе. Причем результативность стратегии будет тем выше, чем точнее определены тренды развития соответствующих рынков. Как показано в работе Ленчук (2020), планирование на государственном уровне связано с проблемами организации эффективного контроля и недостатком ответственности исполнителей за принятые управленческие решения, что существенно влияет на точность прогнозирования и возможности исполнения подобных планов в целом (Ленчук и др., 2020).

По результатам опроса 2015 г., проведенного Институтом национальных проектов, фактический горизонт планирования развития страны составляет около трех лет. В работе Аузана (2017. С. 185–186) показано, что реальный эффективный срок странового планирования ограничен трехлетним интервалом, зависимым от срока формирования федерального бюджета; в то же самое время желательно, чтобы горизонт планирования на государственном уровне составлял не менее 9–10 лет. Аналогичные цифры приводят В. Л. Квинт и С. Д. Бодрунов (2021. С. 5): горизонт планирования для стратегий социально-экономического развития страны должен составлять около 10–15 лет.

Очевидно, что в условиях турбулентности последних лет и санкционного давления на экономику России разрыв между желательным и фактическим горизонтами планирования сложно сократить, поэтому стратегия любого уровня должна либо предусматривать программу действий в случае возможных кризисных ситуаций, либо корректироваться в ходе реализации. При этом внесение корректировок должно быть обусловлено серьезной необходимостью и стратегические документы не должны корректироваться слишком часто. Другими словами, должен поддерживаться баланс между устойчивостью исходных стратегических планов и их изменениями в процессе реализации стратегии.

На планирование социально-экономического развития в Российской Федерации влияет ряд основополагающих стратегических документов. В первую очередь это национальные цели развития РФ, национальные проекты России, формирующие комплекс долгосрочных целей по приоритетным направлениям социально-экономического развития страны, и государственные программы. В настоящий момент формируется Единый план по достижению национальных целей развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., который должен связать между собой и скоординировать реализацию данных стратегических документов с учетом региональных и отраслевых стратегий, а также других нормативно-правовых актов. Здесь необходимо упомянуть и другие стратегические документы макроэкономического уровня, например, Стратегию пространственного развития РФ на период до 2025 г., Стратегию экономической безопасности РФ на период до 2030 г., Стратегию научно-технологического развития РФ (срок реализации не указан), Стратегию национальной безопасности РФ (срок реализации не указан) и др. Также существуют более прикладные документы, непосредственно определяющие процесс реализации конкретной стратегии: планы, дорожные карты, инвестиционные программы и т. д. Срок действия таких документов сильно разнится: в некоторых случаях ограничен несколькими годами, в других – не имеет ограничений (бессрочный срок действия).

Региональные стратегии в большинстве своем характеризуются стандартными интервалами действия, определенными в соответствии со стратегическими документами странового уровня. Горизонт планирования действующей стратегии социально-экономического развития регионов, как правило, ограничен 2030 или 2035 г. (продолжительность ~ 6–11 лет).

Отраслевые стратегические документы имеют срок действия, сопоставимый с региональными стратегиями, так как их горизонт планирования также привязан к стратегическим документам макроуровня. Ниже представлены примеры отраслевых стратегий с указанием их продолжительности:

- Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов России до 2030 г. (8 лет);
- Стратегии развития металлургической промышленности до 2030 г. (8 лет);
- Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ до 2030 г. (8 лет);
- Транспортная стратегия до 2030 г. (10 лет);
- Стратегия развития автомобильной промышленности до 2035 г. (14 лет);
- Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения до 2030 г. (14 лет);
- Стратегия развития туризма до 2035 г. (16 лет);
- Стратегия развития электросетевого комплекса до 2030 г. (18 лет);
- Энергетическая стратегия до 2030 г. (21 год) и др.

Подобные документы соотносятся со стратегией социально-экономического развития страны и отчасти выполняют актуализацию стратегических документов макроэкономического уровня. По сравнению с региональными и корпоративными стратегиями разброс по продолжительности отраслевых стратегий достаточно велик (~ 8–21 год).

Планирование в рамках региональных и отраслевых стратегий можно рассматривать как скользящее, когда каждая конечная точка рассматривается как отправная для нового стратегического документа. При этом сроки завершения таких стратегий устанавливаются в стратегических документах верхнего уровня и ограничиваются 2030 или 2035 г. Принципиальное отличие в сроках действия региональных и отраслевых стратегий от корпоративных стратегий заключается в том, что длительность последних обуславливается такими факторами, как сложность возведения инфраструктуры, средний срок реализации инвестиционных проектов, отраслевой спецификой и скоростью развития рынка и технологий (Кобылко, 2023). Исключения составляют только государственные корпорации, деятельность которых тесно связана с профильными для них отраслями экономики.

3. Корректировки стратегий объектов мезоуровня экономики

Практика показывает, что частота изменений корпоративных стратегий существенно выше, чем частота изменений региональных и отраслевых стратегий. В большинстве своем корпоративные отменяются раньше установленных сроков действия и заменяются новыми документами, учитывающими изменившиеся реалии (Кобылко, 2022).

Как показано ранее, региональные и отраслевые стратегии привязаны к документам макроэкономического уровня и, соответственно, корректируются в случае изменений приоритетов и установок социально-экономического развития страны. Такого рода изменения, в свою очередь, могут сигнализировать о наличии системных проблем странового развития, требующих всестороннего анализа (Клейнер, 2022. С. 275–276).

Уже упоминавшийся Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривает возможность корректировки стратегии развития страны каждый год и чаще при возникновении необходимости. Любые изменения такого рода отражаются в стратегиях регионов (см., например (Антипин, 2021. Гл. 2)). В этом смысле показательны примеры, приведенные в работе (Трифонов, 2021), где выделяется несколько волн формирования региональных стратегий, которые соотносятся с изменениями в стратегических документах верхнего уровня. При этом учитываются случаи как принятия новых документов, так и актуализации уже имеющихся. На рис. 1 показано, как изменяются стратегии некоторых регионов России.

Каждый блок схемы (таймлайн) отмечен для наглядности отличным от других блоков цветом и представляет собой принятый в регионе документ стратегического развития. Заштрихованные области показывают интервал времени от момента, когда документ был заменен новой версией, до момента своего планового завершения. Так, стратегия социально-экономического развития Республики Карелия менялась четыре раза, причем все прошлые версии документа были пересмотрены раньше запланированного. Таким образом, можно заключить, что региональные стратегии строго подчиняются долгосрочным планам более высокого уровня, вплоть до досрочного отказа от ранее выбранной региональной стратегии. Фактический срок реализации может не превышать нескольких лет (рис. 1), после чего следует отмена или пересмотр стратегии.

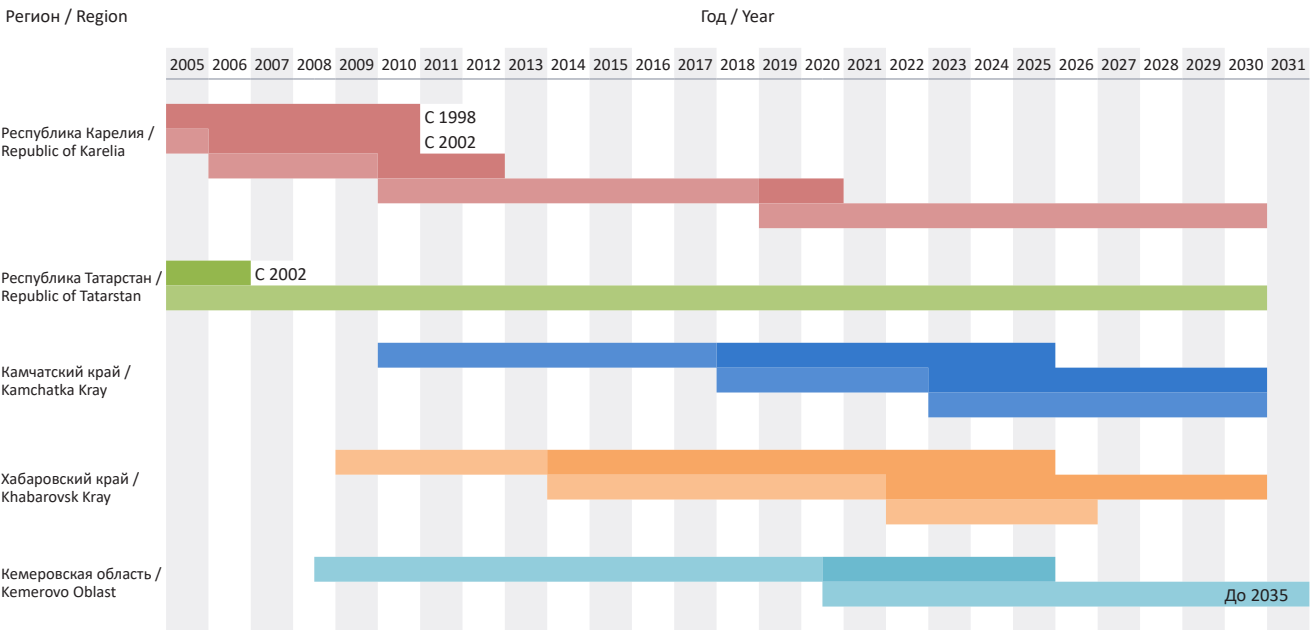

Рис. 1. Сроки действия и корректировки стратегий некоторых регионов России

Источник: составлено авторами по материалам (Трифонов, 2021), правовых документов и материалов официальных сайтов субъектов РФ.

Fig. 1. Terms of validity and adjustments of strategies of some Russian regions

Source: compiled by the authors based on (Trifonov, 2021), legal documents and materials from official websites of the Russian subjects.

Аналогичными характеристиками обладают и отраслевые стратегии: изменения в документах верхнего уровня обуславливают их частую смену и актуализацию (Плеханов, 2016). Другими причинами для пересмотра отраслевых стратегий могут быть: недостаточное привлечение представителей бизнеса к разработке отраслевых стратегий, отсутствие ресурсного обеспечения и механизмов контроля исполнения и др. Отраслевые стратегии, так же как и региональные, формируются по целевому принципу, поэтому там указываются ключевые показатели отрасли и сроки их достижения (Братченко, 2024. С. 557–558; Сасаев, 2023. С. 8–9). Ввиду того, что разработка конкретных мер по реализации положений стратегии начинается после ее формирования, в дальнейшем могут возникнуть сложности в сопоставлении имеющихся ресурсов с ресурсами, требующимися фактически для успешной реализации стратегии.

Отметим некоторые важные аспекты реализации стратегических планов в общем. Основной задачей любой стратегии является попытка заглянуть в будущее объекта планирования, при этом адекватность стратегии будет обусловлена выявлением и точностью прогноза долгосрочных тенденций социально-экономического развития. Реальным ограничителем действия стратегии в таком случае будет являться не установленный заранее горизонт планирования, а тот срок, который заложен в основу стратегии, прогноз будет оставаться релевантным. Как указано в монографии «Системно-ориентированное моделирование...» (Клейнер и др., 2023. С. 31): «Суть стратегии – сочетание желаемого, возможного и своевременного».

Процесс стратегирования на страновом уровне предусматривает внесение корректировок в ранее принятые решения (Никонова, 2020. Рис. 3). Региональные и отраслевые стратегии, в отличие от корпоративных стратегий, должны подстраиваться и следовать за данными изменениями. Однако такие корректировки не происходят мгновенно и/или в автоматическом режиме, поэтому возникает временной лаг длиной в несколько лет, пока будут проведены все необходимые правовые процедуры и согласования. Сроки принятия решений и подготовки изменений в бизнесе существенно короче. Скорость реакции позволяет учитывать изменения как внутренней, так и внешней среды и лучшим образом адаптироваться к новым условиям.

4. Согласование стратегий разных уровней экономической иерархии

Идеальной конфигурацией странового стратегического планирования являются согласование и взаимосвязь стратегий субъектов макро-, мезо- и микроуровней экономики. Однако в действительности такие связи выстраиваются не всегда и чаще существуют только между стратегическими документами макроэкономического уровня и региональными стратегиями или документами макроуровня и отраслевыми стратегиями. Горизонтальные связи между стратегическими документами внутри уровней практически полностью отсутствуют.

Отсутствие согласованности между региональными и отраслевыми стратегиями (Ленчук, 2020. С. 25) часто является критичным и ставит под угрозу гармоничное развитие территорий (Бобылев и др., 2024; Макеева и др., 2021). Особенно актуальной необходимостью согласования таких стратегий становится для регионов, в которых одна из отраслей народного хозяйства является доминирующей (добыча различных видов полезных ископаемых, металлургия и т. п.). Без согласования и координации действий объективное долгосрочное планирование становится крайне проблематичным как на региональном, так и отраслевом уровне, что негативно влияет и на деятельность предприятий конкретного региона.

Отметим также, что ряд отраслей имеют достаточно разветвленную систему запланированных показателей и достижимых результатов, направленных на развитие как самих отраслей, так и предприятий в них (см. напр., (Андрюшин, Григорьев, 2022; Самыгин и др., 2024)).

Частный бизнес, даже крупный, практически никогда не берет на себя обязательства по реализации региональных, отраслевых или даже страновых целей (Камынин, 2021), формируя стратегии исключительно на базе собственных приоритетов и внутренних ориентиров. Внутренние горизонтальные связи учитываются в корпоративных стратегиях только в случае ведения бизнеса в экосистемной форме. Согласование действий участников экосистемы является императивом ее успешного развития в долгосрочной перспективе. Внешние горизонтальные связи могут учитываться в стратегиях различных объединений, союзов, ассоциаций, консорциумов и т. д.

Для оценки общих черт и различий трех типов стратегий мезоэкономического уровня выделим базовые элементы каждой стратегии и дадим им характеристику. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение базовых элементов трех типов стратегий мезоэкономического уровня
Table 2. Comparison of the basic elements of three types of meso-level economic strategies

Элементы / Elements	Стратегия / Strategy		
	корпорации / corporation	региона / region	отрасли / sector
Объект планирования / Object of planning	Предприятие / Corporation	Регион / Region	Отрасль / Sector
Концепт развития / Development concept	Коммерческая выгода / Commercial benefit	Социальное развитие / Social development	Технологическое развитие / Technological development
Базис планирования / Basis of planning	Прогноз развития рынка, технологического развития / Forecast of market development, technological development	Прогноз развития территории, страны / Forecast of territory or country development	Прогноз развития отрасли, технологического развития, страны / Forecast of sector development, technological development of the country
Ориентиры / Landmarks	Внутренние / Internal	Внешние / External	Внешние / External
Источники формирования целей / Sources for goal forming	Цель корпорации, миссия корпорации, видение корпорации / The corporation goal, mission, vision	Стратегия страны, национальные проекты, другие долгосрочные документы макроуровня / The country's strategy, national projects, other long-term macro-level documents	Стратегия страны, национальные проекты, другие долгосрочные документы макроуровня / The country's strategy, national projects, other long-term macro-level documents

На основе данных, представленных в табл. 2, можно сделать вывод о том, что стратегии региона и отрасли имеют много общего, в первую очередь одинаковые источники формирования целей, поэтому взаимное согласование целей развития и способов их достижения в рамках данных документов не выглядят невыполнимыми. Корпоративные стратегии стоят особняком от региональных и отраслевых стратегий отчасти из-за отсутствия практики согласования таких стратегий в рыночных условиях, отчасти из-за коммерческой тайны и необходимости неразглашения конфиденциальной информации. При этом крупные предприятия, кроме коммерческих задач, решают также и общественные.

5. Публичность стратегий объектов мезоэкономического уровня

Корпоративные стратегии далеко не всегда находятся в свободном доступе в отличие от стратегий регионов и отраслей, которые, как говорилось выше, наоборот, публичны и открыты для широкой общественности в оригинальном виде, без адаптаций или искажений в попытке приукрасить достижения или запутать конкурентов. В корпоративной теории раскрытие стратегических документов часто применяется для достижения лидерства в конкурентной борьбе. Так, Г. Минцберг в рамках модели 5П (5P's)¹ выделяет подход к стратегии как приему, уловке или маневру, когда компания стремится выглядеть в глазах конкурентов угрожающе за счет амбициозности своих целей, или попытке скрыть свои настоящие планы (Mintzberg, 1987, 1994). Альтернативное мнение о необходимости обнародования стратегии высказывается М. Портером, который указывает на то, что стратегия должна содержаться лишь в голове руководителя, а основные положения стратегии транслируются им при возникновении необходимости (Porter, 1980).

Конкуренция между регионами и конкуренция между отраслями внутри страны в явном виде отсутствуют. Очевидно, что регионы и отрасли могут конкурировать за бюджетное финансирование или участвовать в различных рейтингах. Однако между регионами нет прямой конкурентной борьбы за «клиента» на «рынке», может быть только косвенная конкуренция, например, за жителей, привлекаемых более высоким уровнем жизни в одном регионе по сравнению с другим. Отрасли в данном контексте вообще не конкурируют друг с другом, но косвенная конкуренция может возникать, например, за привлечение узкопрофильных специалистов из одной отрасли в другую. Причем игроки в данном случае не взаимодействуют друг с другом напрямую, не скрывают своих намерений, а потребности регионов и отраслей удовлетворяются с помощью соответствующих мер экономической политики.

В корпоративном сегменте можно выделить два подхода к представлению стратегии в публичном поле. Это «стратегия решений», которая показывает сокращенные варианты положений документа – цели и пути их достижения, или «стратегия преимуществ», которая транслирует не тезисы и показатели, а ожидаемые позитивные результаты с точки зрения целевой аудитории. Положения корпоративных стратегий в полном объеме и в оригинальном виде далеко не всегда выходят за пределы топ-менеджмента корпорации, а обнародуется сокращенная версия – тезисные элементы, презентация, адаптированная для широкого круга лиц.

Презентационные и мультимедийные материалы по региональным и отраслевым стратегиям, как правило, тоже готовятся, но не всегда обнародуются в открытом доступе.

6. Особенности разработки и реализации стратегий объектов мезоуровня экономики

Как происходит формирование стратегии и кто отвечает за ее создание и реализацию? Здесь можно выявить несколько направлений исследования данного вопроса. Во-первых, определение ряда лиц, ответственных за создание, разработку и конструирование стратегии. Во-вторых, выявление тех, на кого нацелена стратегия, кто является ее главным «потребителем», целевой аудиторией. И, в-третьих, установление тех, кто будет непосредственно исполнять стратегию, претворять в жизнь заложенные в нее цели, сопоставлять плановые результаты с фактическим состоянием, а также вносить корректировки. Основные отличия между корпоративными, отраслевыми и региональными стратегиями заключаются в определении трех данных составляющих.

¹ Модель Г. Минцберга 5П (5P's) раскрывает пять альтернативных подходов к стратегии: стратегия как план (plan), поведение (pattern), позиция (position), перспектива (perspective) или прием (ploy).

Спектр мнений относительно вопросов о том, кто должен разрабатывать стратегию и кто должен иметь к ней доступ, весьма широк. Анализ тендерных площадок, на которых размещаются сведения о государственных закупках, показывает, что достаточно часто к разработке стратегии региона, округа или города привлекаются сторонние исполнители. По данным Единой информационной системы в сфере закупок, за прошедшие десять лет было размещено около 500 таких заявок. В то же самое время в литературе подчеркивается, что к формированию стратегии территорий должны быть привлечены местные акторы, в частности, руководство (Антипин, 2021. С. 82).

Корпорации, наоборот, далеко не всегда прибегают к услугам сторонних организаций в данном вопросе. Аутсорсинг подобного функционала могут позволить себе далеко не все компании, также существует риск утечки материалов, составляющих коммерческую тайну, недостаточной вовлеченности сторонних исполнителей в процесс планирования и погружение в специфику деятельности корпорации и особенности ее внутренней среды. Теория до сих пор не дает однозначного ответа на данный вопрос. В работах (Pidun, 2019; Reeves & Candelon, 2022. Ch. 2; Yu, 2021) предлагается разрабатывать стратегию на уровне топ-менеджмента и только потом доносить ее до сотрудников. Однако существует и иное мнение – к разработке стратегии бизнеса изначально необходимо привлекать максимально широкий круг лиц: работников корпорации, внешних экспертов, представителей общественности и пр. (Клейнер, 2008; Weinberger, 2019; Березной, Снегирев, 2023).

Целевой аудиторией корпоративных стратегий являются стейкхолдеры, чьи интересы стратегия так или иначе учитывает и на чью деятельность существенным образом влияет. Отдельно здесь необходимо выделить руководителей бизнеса, имеющих непосредственное отношение не только к процессу подготовки стратегии, но и к процессу ее реализации, а также акционеров и потенциальных инвесторов.

Целевой аудиторией региональных и отраслевых стратегий в узком смысле является управленческий аппарат объекта планирования. Реализация положений территориальных и отраслевых стратегий является важной целевой установкой всей вертикали «сверху-вниз». В широком смысле целевой аудиторией региональных и отраслевых стратегий является социум как совокупность граждан, на повышение благосостояния и качества жизни которых направлены данные документы.

Заключение

В результате сравнительного анализа стратегий мезоэкономического уровня установлено, что региональные и отраслевые стратегии более близки по формату в отличие от корпоративных стратегий. Так, региональные и отраслевые стратегии формируются на базе соответствующих шаблонов, за счет чего обладают четкой структурой и могут достаточно легко сравниваться между собой. Корпоративные стратегии, как правило, сложно сопоставлять друг с другом из-за существенных отличий в подходах к формированию, различной структуры и характерных элементов.

Региональные и отраслевые стратегии имеют долгосрочный горизонт планирования, который обычно составляет 5–10 лет, в то время как корпоративные стратегии могут изменяться значительно чаще в ответ на внутренние и внешние вызовы. В то же самое время более высокая частота изменений в корпоративных стратегиях указывает на динамичную природу бизнеса и необходимость быстрой адаптации корпораций к меняющимся условиям внешней среды. Региональные и отраслевые стратегии, напротив, более устойчивы к изменениям, так как они привязаны к государственным приоритетам и долгосрочным планам макроэкономического уровня.

Социальные аспекты играют значительную роль в формировании стратегий территориальных и отраслевых систем, в которых основным приоритетом является улучшение качества жизни населения. Корпоративные стратегии, в свою очередь, чаще ориентированы на финансовые показатели, удовлетворенность акционеров и рост прибыли.

Полученные в работе результаты позволяют лучше понимать специфику стратегий для каждой категории образований мезоэкономического уровня и для эффективного их применения в практике управления. Важной темой для дальнейших исследований остается проблема согласованности стратегий социально-экономического развития на макро-, мезо- и микроэкономических уровнях.

Список литературы

- Андрюшин, С. А., Григорьев, Р. А. (2022). Обработывающая промышленность России, антикризисные меры, кредитный перегрев и предложения для Банка России в условиях новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 294–314. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.294-314>
- Антипин, И. А. (2021). *Региональное стратегическое планирование и управление: теоретические и методологические основы*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та.
- Аузан, А. А. (2017). Стратегия-2035: предварительные гипотезы. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(35), 185–192.
- Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2021). Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование. *Управленец*, 12(1), 18–31. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-1-2>
- Березной, А. В., Снегирев, А. Ю. (2023). Операционализация стратегий компаний в области инновационного развития: возможности использования технологических дорожных карт. *Российский журнал менеджмента*, 21(4), 453–480. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.401>
- Бобылев, С. Н., Пакина, А. А., Тарасова, Ю. А. (2024). Низкоуглеродная повестка в региональных и корпоративных стратегиях развития. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 21(2), 74–92. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-74-92>
- Братченко, С. А. (2024). Использование стратегий при разработке государственных программ: обзор практики и анализ ситуаций. *AlterEconomics*, 21(3), 553–570. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.7>
- Камынин, В. А. (2021). *Управление долгосрочным развитием крупной компании*. Москва: МАКС Пресс. <https://doi.org/10.29003/m2451.978-5-317-06688-8>
- Катькало, В. С. (2003). Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка. *Российский журнал менеджмента*, 1(1), 7–30.
- Катькало, В. С. (2008). *Эволюция теории стратегического управления (2-е изд.)*. Санкт-Петербург: Высшая школа менеджмента; Издат. дом С.-Петерб. ун-та.
- Квинт, В. Л., Бодронов, С. Д. (2021). *Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика*. Санкт-Петербург: ИНИР им. С. Ю. Витте.
- Клейнер, Г. Б. (2008). *Стратегия предприятия*. Москва: Дело.
- Клейнер, Г. Б. (ред.) (2022). *Мезоэкономика России: стратегия разбега: монография*. Москва: Издательский дом «Научная библиотека».
- Клейнер, Г. Б., Агафонов, В. А., Бендилов, М. А., Бушанский, С. П., Данилин, В. И., Денисов, В. И., Евсеева, О. В., Егорова, Н. Е., Жданов, Д. А., Жуковская, Л. В., Карпинская, В. А., Колесник, Г. В., Королева, Е. А., Куропаткина, Л. В., Никонова, А. А., Рыбаков, М. Б., Рыбачук, М. А., Смоляк, С. А., Филькин, М. Е., Хрусталева, Е. Ю., Чернавский, С. Я. (2023). *Системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики*. Москва: Издательский дом «Научная библиотека».
- Кобылко, А. А. (2022). Стратегия предприятия, устойчивая к кризисам: уроки пандемии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 21(1), 3–18. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.101>
- Кобылко, А. А. (2023). Планируемый и фактический сроки реализации стратегии. *Российский журнал менеджмента*, 21(2), 255–274. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.205>
- Коршунов, И. В. (2023). Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения. *Экономика региона*, 19(1), 15–28. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
- Ленчук, Е. Б. (2020). Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения. *Инновации*, 2, 24–28. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>
- Ленчук, Е. Б., Войтоловский, Ф. Г., Кувалин, Д. Б. (2020). Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования*, 6, 46–55. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55>
- Макеева, Е. Ю., Ивашковская, И. В., Ружанская, Л. С., Попов, К. А. (2021). Взаимосвязь социально-экономического развития регионов и корпоративных рейтингов российских компаний. *Экономика региона*, 17(1), 86–102. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-7>
- Никонова, А. А. (2020). Стратегирование новой экономики – «новая системность» планирования. *Экономическая наука современной России*, 3, 90–102. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-90-102](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-90-102)
- Никонова, А. А., Красильникова, Е. В., Иванова, О. П. (2022). Экосистемное мышление в стратегировании экономики. *BENEFICIUM*, 1(42), 74–84.
- Плеханов, Д. А. (2016). Обзор отраслевых документов стратегического планирования в России. *ЭКО*, 2, 123–135.
- Самыгин, Д. Ю., Барышников, Н. Г., Куликова, Т. А. (2024). Принципы стратегирования агропродовольственного сектора региона: отраслевой аспект. *Экономика региона*, 20(3), 802–818. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-13>
- Сасаев, Н. И. (2022). Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции. *Управленческое консультирование*, 9, 106–115. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-106-115>
- Сасаев, Н. И. (2023). Основы отраслевого стратегирования: от концепции стратегии до ее реализации. *Экономика промышленности*, 16(1), 7–19. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-7-19>

- Трифонов, П. С. (2021). Основные стратегические документы субъектов Российской Федерации: анализ, актуализация, индивидуализация. *Вестник университета*, 6, 31–43. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43>
- Alibasic, H. (2018). *Sustainability and Resilience Planning for Local Governments: The Quadruple Bottom Line Strategy*. Cham: Springer International Publishing.
- Bailys, J., Wirtz, J., & Johnson, J. (2022). *Strategy in the Contemporary World*. (7th ed.). Oxford University Press: Oxford.
- Bryson, J. M. (2021). The Future of Strategizing by Public and Nonprofit Organizations. *PS: Political Science & Politics*, 54(1), 9–18. <https://doi.org/10.1017/S104909652000181X>
- Dirlik, O., & Aydin-Unal, D. (2014). Re-reading the Term “Strategy”. *International Journal of Business and Social Research (IJBSR)*, 4(4), 112–119.
- Grant, R. (2016). *Contemporary Strategy Analysis Text Only*. Wiley: New York.
- Holmgren, J., Lystbæk, C., & Friis, O. (2017). *The Need for Strategy in the Public Sector?* Copenhagen, EGOS.
- Johanson, J. (2009). Strategy formation in public agencies. *Public Administration*, 87(4), 872–891. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2009.01767.x>
- Johnson, G., Whittington, R., Regner, P., Angwin, D., & Scholes, K. (2020). *Exploring Strategy*. Pearson Education Limited: London.
- Mintzberg, H. (1987). The Strategy Concept I: Five Ps for Strategy. *California Management Review*, 30(1), 11–24. <https://doi.org/10.2307/41165263>
- Mintzberg, H. (1994). Rethinking Strategic Planning Part 1: Pitfalls and Fallacies. *Long Range Planning*, 27(3), 12–21.
- Pidun, U. (2019). *Corporate strategy: Theory and Practice*. Springer Gabler. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25426-1>
- Pomeranz, E., & Decker, D. (2018). Designing regional-level stakeholder engagement processes: striving for good governance while meeting the challenges of scale. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 4, 403–418. <https://doi.org/10.1080/1523908X.2017.1417119>
- Porter, M. (1980). *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York: Free Press.
- Reeves, M., & Candelon, F. (2022). *New Leadership Imperatives*. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110775174>
- Sartori, S., Latronico, F., & Campos, L. (2014). Sustainability and sustainable development: A taxonomy in the field of literature. *Ambiente & Sociedade*, 17(1), 1–20.
- Tretiakova, E. A., & Kurganov, M. A. (2023). Stakeholder Approach to the Regional Sustainable Development: Empirical Study. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 19(3), 668–682. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-5>
- Weinberger, D. (2019). *Everyday Chaos: Technology, Complexity, and How We’re Thriving in a New World of Possibility*. Harvard Business Review Press.
- Yu, X. (2021). *The Fundamental Elements of Strategy: Concepts, Theories and Cases*. Springer Nature Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-33-4713-7>

References

- Alibasic, H. (2018). *Sustainability and Resilience Planning for Local Governments: The Quadruple Bottom Line Strategy*. Cham: Springer International Publishing.
- Andryushin, S. A., & Grigoryev, R. A. (2022). Processing industry of Russia, anticrisis measures, credit excess and offers for the Bank of Russia under new anti-Russia sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 294–314. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.294-314>
- Antipin, I. A. (2021). *Regional strategic planning and management: theoretical and methodological bases*. Yekaterinburg, Ural State University of Economics. (In Russ.).
- Auzan, A. A. (2017). Strategy-2035: Preliminary hypotheses. *Journal of the New Economic Association*, 3(35), 185–192. (In Russ.).
- Bailys, J., Wirtz, J., & Johnson, J. (2022). *Strategy in the Contemporary World*. (7th ed.). Oxford University Press: Oxford.
- Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2021). Public administration tools: Forecasting vs Designing. *Upravlenets – The Manager*, 12(1), 18–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-1-2>
- Berezhnoy, A. V., & Snegirev, A. Y. (2023). Operationalization of the corporate strategies for innovation development: Capabilities of technology roadmaps. *Russian Management Journal*, 21(4), 453–480. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.401>
- Bobylev, S. N., Pakina, A. A., & Tarasova, Yu. A. (2024). Low-carbon agenda in regional and corporate development strategies. *Lomonosov Public Administration Journal. Series* 21(2), 74–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-74-92>
- Bratchenko, S. A. (2024). Strategising in the Development of Government Programs: A Practice Review and Case Studies. *AlterEconomics*, 21(3), 553–570. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.7>
- Bryson, J. M. (2021). The Future of Strategizing by Public and Nonprofit Organizations. *PS: Political Science & Politics*, 54(1), 9–18. <https://doi.org/10.1017/S104909652000181X>

- Dirlik, O., & Aydin-Unal, D. (2014). Re-reading the Term “Strategy”. *International Journal of Business and Social Research (IJBSR)*, 4(4), 112–119.
- Grant, R. (2016). *Contemporary Strategy Analysis Text Only*. Wiley: New York.
- Holmgren, J., Lystbæk, C., & Friis, O. (2017). *The Need for Strategy in the Public Sector?* Copenhagen, EGOS.
- Johanson, J. (2009). Strategy formation in public agencies. *Public Administration*, 87(4), 872–891. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2009.01767.x>
- Johnson, G., Whittington, R., Regner, P., Angwin, D., & Scholes, K. (2020). *Exploring Strategy*. Pearson Education Limited: London.
- Kamynin, V. A. (2021). *Management by Longterm Development of a Large Company*. Moscow: MAKSPress. (In Russ.). <https://doi.org/10.29003/m2451.978-5-317-06688-8>
- Katkalo, V. S. (2003). The founding concepts of strategic management and their contemporary assessment. *Russian Management Journal*, 1(1), 7–30. (In Russ.).
- Katkalo, V. S. (2008). *Эволюция теории стратегического управления (2-е изд.)*. Saint Petersburg: GSOM SPBU, St. Petersburg University Press. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (2008). *Strategy of Enterprise*. Moscow: Delo Publ. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (Ed.) (2022). *Meso-economy of Russia: strategy of run-up: monograph*. Moscow: Science Library Publ. (In Russ.).
- Kleiner, G. B., Agafonov, V. A., Bendikov, M. A., Bushanskiy, S. P., Danilin, V. I., Denisov, V. I., Evseeva, O. V., Egorova, N. E., Zhdanov, D. A., Zhukovskaya, L. V., Karpinskaya, V. A., Kolesnik, G. V., Koroleva, E. A., Kuropatkina, L. V., Nikonova, A. A., Rybakov, M. B., Rybachuk, M. A., Smolyak, S. A., Filkin, M. E., Khrustalev, E. Yu., & Chernavskiy, S. Ya. (2023). *System-oriented modeling of the real sector of Russian mesoeconomics*. Moscow, Science Library Publ. (In Russ.).
- Kobylko, A. A. (2023). Planned and actual timeline of the strategy. *Russian Management Journal*, 21(2), 255–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.205>
- Kobylko, A. A. (2022). Crisis resilient strategy: Lessons from the pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 21(1), 3–18. (In Russ.). <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.101>
- Korshunov, I. V. (2023). Sustainable Development in Regional Strategies: Approaches and Solutions. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 19(1), 15–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
- Kvint, V. L., & Bodrunov, S. D. (2021). *Strategizing the society transformation: knowledge, technology, noonomics*. Saint Petersburg: S.Y. Witte INIR. (In Russ.).
- Lenchuk, E. B. (2020). Strategic planning in Russia: Challenges and Solution. *Innovations*, 2, 24–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>
- Lenchuk, E. B., Voitlovskii, F. G., & Kuvalin, D. B. (2020). Strategic planning in public administration: experience, opportunities and prospects. *Problemy prognozirovaniya*, 6, 46–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55>
- Makeeva, E. Yu., Ivashkovskaya, I. V., Ruzhanskaya, L. Y., & Popov, K. A. (2020). Relationship between Regional Socio-Economic Development and Corporate Ratings of Russian Companies. *Economy of region*, 17(1), 86–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-7>
- Mintzberg, H. (1987). The Strategy Concept I: Five Ps for Strategy. *California Management Review*, 30(1), 11–24. <https://doi.org/10.2307/41165263>
- Mintzberg, H. (1994). Rethinking Strategic Planning Part 1: Pitfalls and Fallacies. *Long Range Planning*, 27(3), 12–21.
- Nikonova A.A., Krasilnikova E.V., & Ivanova O.P. Ecosystem Thinking in Strategizing the Economy. *BENEFICIUM*, 1(42), 74–84. (In Russ.).
- Nikonova, A. A. (2020). Strategizing a New Economy – “New Systemic” Planning. *Economics of Contemporary Russia*, 3, 90–102. (In Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-90-102](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-90-102)
- Pidun, U. (2019). *Corporate strategy: Theory and Practice*. Springer Gabler. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25426-1>
- Plekhanov, D. A. (2016). Review of sectoral strategic planning documents in Russia. *ECO*, 2, 123–135. (In Russ.).
- Pomeranz, E., & Decker, D. (2018). Designing regional-level stakeholder engagement processes: striving for good governance while meeting the challenges of scale. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 4, 403–418. <https://doi.org/10.1080/1523908X.2017.1417119>
- Porter, M. (1980). *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York: Free Press.
- Reeves, M., & Candelon, F. (2022). *New Leadership Imperatives*. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110775174>
- Samygin, D. Yu., Baryshnikov, N. G., & Kulikova, T. A. (2024). Principles of Strategising in the Regional Agri-Food Sector: Industry Aspect. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(3), 802–818. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-13>
- Sartori, S., Latronico, F., & Campos, L. (2014). Sustainability and sustainable development: A taxonomy in the field of literature. *Ambiente & Sociedade*, 17(1), 1–20.
- Sasaev, N. I. (2022). Fundamentals of Industrial Strategizing: Formation of the Concept. *Administrative consulting*, 9, 106–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-106-115>
- Sasaev, N. I. (2023). Fundamentals of industrial strategizing: from strategy concept to its implementation. *Russian Journal of Industrial Economics*, 16(1), 7–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-7-19>
- Tretiakova, E. A., & Kurganov, M. A. (2023). Stakeholder Approach to the Regional Sustainable Development: Empirical Study. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 19(3), 668–682. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-5>

Trifonova, P. S. (2021). The main strategic documents of the Russian Federation's subjects: analysis, actualization, individualization. *Vestnik Universiteta*, 6, 31–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43>

Weinberger, D. (2019). *Everyday Chaos: Technology, Complexity, and How We're Thriving in a New World of Possibility*. Harvard Business Review Press.

Yu, X. (2021). *The Fundamental Elements of Strategy: Concepts, Theories and Cases*. Springer Nature Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-33-4713-7>

Вклад авторов

А. А. Кобылко: общая идея исследования, разработка концепции и дизайна исследования, подбор литературы исследования, аккумуляция фактологических материалов.

М. А. Рыбачук: формулировка цели исследования, сбор статистической информации, участие в обсуждении и согласовании финальной версии статьи, редактирование статьи, проверка соответствия требованиям и стандартам оформления.

The author's contributions

A. A. Kobylko formulated the general idea of the study, developed the concept and design of the study, selected research literature, and accumulated factual materials.

M. A. Rybachuk: formulated the study objective, collected statistical information, discussed and approved the final text of the article, edited the article, checked the compliance with the design requirements and standards.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 05.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 12.10.2024

Н. С. Селиверстова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Направления формирующихся структурных изменений при использовании биометрических данных в России

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: nat-grig17@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>
Web of Science Researcher ID: F-9231-2015
eLIBRARY SPIN-код: 1416-3100

Аннотация

Цель: выявление формирующихся структурных изменений использования биометрических данных в России, а именно кратного роста участников рынка и брендов, кратного роста количества образцов биометрии в единой биометрической системе, кратный рост объема рынка, институционального оформления использования биометрии в России.

Методы: общенаучные, абстрактно-логический, диалектический, феноменологический методы, наблюдение, описание.

Результаты: в статье раскрыты подходы к использованию биометрических данных в некоторых регионах мира, описаны риски и потенциальные преимущества более широкого использования биометрических данных, обобщены основные тренды использования биометрических персональных данных в России, представлен комплексный авторский подход по анализу структурных изменений в экономике на примере развития решений по идентификации физических лиц с помощью биометрических персональных данных.

Научная новизна: предложено рассматривать формирование структурного сдвига через выделение его четырех содержательных компонентов и качественную оценку их сформированности (низкий, средний, высокий уровни); показано формирование макросдвигов от инициатив микроуровня с последовательным прохождением этапов частных структурных изменений, комплексных микросдвигов, институционализации и закрепления новых практик. Кроме того, прослежен процесс реализации структурных сдвигов от макроуровня к микроуровню, заключающийся в более широком охвате экономических агентов изменениями по сравнению со стадией формирования структурного сдвига. Все вместе это составляет комплексный авторский подход к закономерностям развития структурных сдвигов в экономике.

Практическая значимость: подобное уточнение взаимосвязей между процессами структурных изменений позволит не только усовершенствовать разработку программ социально-экономического развития регионов, промышленной политики для средне- и высокотехнологичных отраслей промышленности за счет использования современных технологичных способов идентификации и аутентификации клиентов и сотрудников с помощью биометрии, но и создаст основу для углубления имеющихся знаний в сфере развития биометрических технологий в России и расширения практик их применения.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, биометрия, биометрические персональных данные, ИКТ, структурный сдвиг, структурное изменение, промышленность, экономическое развитие

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Селиверстова, Н. С. (2024). Направления формирующихся структурных изменений при использовании биометрических данных в России. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 912–925. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.912-925>

Scientific article

N. S. Seliverstova¹

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Directions of emerging structural changes in the use of biometric data in Russia

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economics and Econometrics, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>

Web of Science Researcher ID: F-9231-2015

eLIBRARY SPIN-code: 1416-3100

Abstract

Objective: to identify the emerging structural changes in the use of biometrics in Russia, namely the multiple growth of market participants and brands, the multiple growth of the number of biometrics samples in a single biometric system, and the multiple growth of market volume and institutional design of biometrics use in Russia.

Methods: general scientific, abstract-logical, dialectical, phenomenological methods, observation, description.

Results: the article describes approaches to the use of biometric data in some regions of the world, identifies the risks and potential benefits of wider use of biometric data, summarizes the main trends in the use of biometric personal data in Russia, presents a comprehensive author's approach to the analysis of structural changes in the economy, taking as an example the development of solutions using biometric personal data for the identification of individuals.

Scientific novelty: the author proposes to consider the formation of structural shift by identifying its four components and qualitatively assessing their level of formation (low, medium, and high); shows the formation of macro-shifts from micro-level initiatives and sequential passage of the stages of specific structural changes, complex micro-shifts, institutionalization and consolidation of new practices. In addition, the process of implementation of structural shifts from the macro- to the micro-level is traced, which consists in the changes more widely covering economic agents compared to the stage of a structural shift formation. All this constitutes a comprehensive author's approach to the regularities of the structural shifts development in the economy.

Practical significance: clarification of interrelations between the processes of structural change will improve the programs of socio-economic development of regions, industrial policy for medium- and high-tech industries through the use of modern technological methods of identification and authentication of customers and employees with biometrics. It may also create a basis for deepening the existing knowledge in the development of biometric technologies in Russia and expanding the practice of their application.

Keywords:

regional and branch economics, biometrics, biometric personal data, ICT, structural shift, structural change, industry, economic development

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Seliverstova, N. S. (2024). Directions of emerging structural changes in the use of biometric data in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 912–925. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.912-925>

Введение

Биометрические данные (синонимы – биометрия, биометрические персональные данные) – это сведения об уникальных характеристиках человека, использование которых позволяет точно идентифицировать его личность; в настоящее время технические средства позволяют обрабатывать с высокой точностью данные о лице, сетчатке глаза, отпечатке пальца и/или рисунке вен. Использование биометрии регулируется в большинстве стран мира внутренним законодательством. Так, в ЕС существует *General Data Protection Regulation (GDPR)* как Закон о защите данных, где в статье 4-й биометрические данные (*biometric data*) определяются как персональные данные, полученные в результате определенной технической обработки, касающейся физических, физиологических или поведенческих характеристик физического лица, которые позволяют подтвердить уникальную идентификацию этого физического лица, например, изображения лица или дактилоскопические данные¹. В России используется понятие «биометрические персональные данные», под которыми, согласно ст. 11 ФЗ-152 «О защите персональных данных», понимаются «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность...»²

Развитие технологий и нормативной базы в этой сфере привело к формированию нового сегмента решений, и, по мнению некоторых субъектов этого рынка, например оператора единой биометрической системы в России АО «Центр биометрических технологий», объемы нового рынка биометрии в мире оцениваются в настоящее время в 33–35 млрд долл., с прогнозом на конец десятилетия в 80–100 млрд долл. В то время как, по расчетам Gelb и Clark, можно оценить (Gelb & Clark, 2013. Р. 72), что к 2010 г. объем рынка биометрических решений (по объему ежегодных продаж) оценивался всего в 5–7 млн долл. с ежегодным ростом в тот период на 25–35 % в зависимости от стран и региона мира. Это существенные количественные структурные изменения, которые слабо изучены в настоящее время. Более детальное рассмотрение структурных сдвигов в развитии рынка биометрических технологий позволит расширить имеющиеся знания о закономерностях технологического развития и управления им.

Под структурными изменениями мы понимаем значимые количественные изменения, а под структурными сдвигами – существенные количественные и качественные изменения, ведущие к изменению паттернов поведения и распределения ресурсов в экономике. И если ранее структурные сдвиги преимущественно рассматривались применительно к макропоказателям или показателям отраслей народного хозяйства – в условиях необходимости анализа трансформационных процессов российской экономики в 1990–2000-х гг. (Красильников, 2001; Селищева, 2006), то сейчас в условиях других вызовов, в том числе усиления роли технологических факторов, мы считаем целесообразным рассматривать структурные сдвиги на разных уровнях (микро-, мезо-, макроэкономики) как авторский методологический подход к изучению вопросов экономического развития (Селиверстова, 2024), который позволяет оценить качественные параметры процессов развития и снизить за счет этого неопределенность многих современных феноменов и явлений для экономических агентов.

Цель исследования заключается в выявлении направлений формирующихся структурных сдвигов при использовании биометрических данных в России.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть подходы к использованию биометрических данных в регионах мира;
- 2) описать риски и потенциальные преимущества более широкого использования биометрических данных в системе социально-экономических отношений;
- 3) обобщить основные тренды использования биометрических персональных данных в России;
- 4) предложить авторский подход к анализу структурных изменений в экономике на примере развития решений по идентификации физических лиц с помощью биометрических персональных данных.

¹ General Data Protection Regulation (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European parliament and of the Council. <https://gdpr-info.eu>.

² Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 08.08.2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154>

Результаты исследования

1. Подходы к использованию биометрических данных в регионах мира

Некоторые исследователи считают, что определенные данные о них должны быть вне любых форм рыночных отношений из-за этических соображений (Sandel, 2012). Другие считают, что в современном мире этические нормы в части некоторых персональных данных меняются (Floridi et al., 2018) и существенно размываются (Bakir et al., 2023), совершенствуются юридические нормы регулирования обращения персональных данных в большинстве стран мира; и поэтому не стоит ограничивать развитие таких новых рыночных ниш, как предоставление сервисов с использованием биометрических данных.

Gelb и Clark по результатам изучения 160 кейсов использования биометрии в развивающихся странах отмечают, что внедрение решений с идентификацией по биометрическим данным оправданно рассматривать как компонент политики экономического развития, а не просто как расходы на еще одну информационную систему (Gelb & Clark, 2013). Особенно это суждение применимо к странам третьего мира и некоторым развивающимся странам, где системы идентификации граждан остаются достаточно неточными³. А без надежной идентификации государства не могут с ними взаимодействовать и люди исключаются из многих общественных отношений, что приводит к недопроизводству ВВП и косвенным экономическим потерям, которые сложно количественно оценить.

Хотя исследователями ранее отмечалось, что требования к новому оборудованию, такому как сканеры и другие технические средства, а также к наложенным на них средствам защиты информации являются обременительными (Espinoza, 2011), эта ситуация сохраняется и сейчас.

По данным ООН⁴, практические кейсы использования биометрических данных существенно различаются в разных странах и регионах мира – решения с использованием биометрии активно применяются в большинстве стран Европы и Америки и слабо распространены в странах Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки с низким уровнем дохода на душу населения. Одним из сдерживающих факторов расширения применения биометрических данных является необходимость дополнительных затрат на приобретение технических средств, регистрирующих и обрабатывающих биометрические данные в соответствии с регуляторными нормами. В связи с этим, по данным ООН, в 2021 г. «в 118 из 193 государств – членов ООН был достигнут незначительный прогресс в ведении биометрии в контртеррористических целях»⁵.

Применительно же к современной России, которая является одним из лидеров в области цифровизации государственных услуг и использования ряда подтверждающих документов в электронном виде (например, водительских прав через подтвержденную учетную запись на портале Госуслуг), разумное использование биометрических данных позволяет в дальнейшем сокращать время на транзакционные виды деятельности, такие как идентификация физических лиц, что по мере роста зрелости технологий повысит удобство использования многих сервисов и приведет не только к созданию новых высокотехнологичных рабочих мест, но и к косвенным экономическим эффектам в связи с высвобождением времени за счет снижения транзакционных издержек.

Системы идентификации развивались сотни лет и имеют достаточно богатую историю в развитых и некоторых развивающихся странах (Higgs, 2011). С развитием информационных технологий появились инфраструктурные, технические возможности использования биометрических данных для персональной идентификации и аутентификации.

Международные исследовательские коллективы изучают применение биометрических данных преимущественно с позиций решения проблем идентификации физических лиц в странах Африки, странах с низким уровнем дохода, а также для решения проблем в области устойчивого развития (снижение дискриминации

³ UNICEF (2005). The “Rights” Start to Life: A Statistical Analysis of Birth Registration. New York: The United Nations Children’s Fund (UNICEF).

⁴ ООН. (2022). Аналитический доклад ИДКТК: биометрия и борьба с терроризмом. https://www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org/securitycouncil.ctc/files/files/documents/2022/Jan/cted_analytical_brief_biometrics_ru.pdf

⁵ Там же.

в доступе к услугам по полу, возрасту и др.)⁶. В то время как прямые экономические эффекты от внедрения биометрии в более развитых странах, на наш взгляд, заслуживают не меньшего внимания, поскольку и являются проявлением развития новых технологий, и влияют на структурные преобразования в экономических системах разного уровня.

Некоторые исследователи, например, П. Заборцев, В. В. Котилко и некоторые другие, считают, что применение даже отдельных сервисов с использованием биометрических данных «могло бы перевести Россию на новый экономический уровень» (Котилко, 2024). Применение технологий биометрической идентификации и аутентификации является перспективным направлением цифровой трансформации банковского сектора, а также логистической отрасли (Борисевич и др., 2024) и позволит обеспечивать более высокий уровень безопасности. Биометрия отмечается как одна из ведущих технологий в развитии современных финансовых рынков и финтеха в целом (Сурина, Клушина, 2023).

Биометрические и эмоциональные данные имеют возможность натурализовать и улучшить опыт людей и общества в целом по использованию технологий (Bakir et al., 2023), хотя и создают новые риски в области информационной безопасности и некоторые другие. В докладе НИУ ВШЭ 2021 г. отмечалось, что биометрические технологии являются одним из перспективных технологических направлений, развивающихся в европейских странах, но «пока еще не попадают в фокус внимания» в России (Цифровая трансформация отраслей..., 2021). В рамках указанной НИУ ВШЭ необходимой регулярной актуализации приоритетов можно отметить, что по состоянию на 2024 г. биометрия в России начинает развиваться ускоренными темпами.

2. Риски и преимущества более широкого использования биометрии

Развитие технологий обработки биометрических данных создает, во-первых, возможности для увеличения производительности труда многих рабочих мест, особенно в сфере сервисного обслуживания – за счет экономии времени на процессах идентификации и аутентификации субъектов – физических лиц. Во-вторых, развитие нового класса решений создает предпосылки для экономического роста и развития – за счет диверсификации хозяйствующей деятельности высокотехнологичных компаний в области финансов, производства электронных компонентов, системных интеграторов в связи с производством новых видов продукции – например, биометрических считывателей, биометрических терминалов, и освоения новых решений.

Развитие биометрических технологий было изначально связано с вопросами национальной и международной безопасности. Как отмечают Jung и Virgil (2024), с XIV в. запись данных о физических характеристиках преступников служила базовым методом защиты за счет их идентификации по зафиксированным параметрам и отличительным чертам. Поэтому и в современном мире первыми сферами массового применения биометрии в цифровом виде были биометрические данные в заграничных паспортах и при досмотрах на границах государств. По мере развития этой практики были приняты и наднациональные регламенты. Так, в документе Совета Безопасности ООН от 2016 г. (резолюция № 2322) рекомендовалось государствам наладить обмен биометрическими данными террористов, а в 2017 г. (резолюция № 2396) это стало обязательным требованием⁷.

При этом важно уделять особое внимание вопросам информационной безопасности хранения и обработки биометрических данных. Согласно международным исследованиям, даже если такие данные хранятся в виде зашифрованных векторов, все равно существует вероятность того, что биометрические изображения могут быть восстановлены из шаблонов с достаточным качеством для совершения с их помощью правонарушений (Chu et al., 2012; Sao & Jain, 2015). И некоторые исследования демонстрируют неспособность современного программного обеспечения по распознаванию биометрических образов полностью исключить риск ошибок (Yang et al., 2019; Faundez-Zanuy, 2004; Perkowitz, 2021).

И в настоящее время в области биометрии продолжает оставаться актуальной подсвеченная исследователями в 2011 г. и ранее явная необходимость в четких правилах, которые бы уравнивали защиту конфиденциальности с соображениями удобства использования многих сервисов, которыми пользуются физические лица и в некоторых случаях организации (Lai et al., 2011).

⁶ GSMA. (2019). Exploring the Gender Gap in Identification. London, UK: GSMA. <https://www.gsma.com/mobilefordevelopment/blog/exploring-the-gender-gap-in-identification-policy-insights-from-10-countries>

⁷ ООН. (2022). Аналитический доклад ИДКТО: биометрия и борьба с терроризмом. https://www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org/securitycouncil.ctc/files/files/documents/2022/Jan/cted_analytical_brief_biometrics_ru.pdf

В последние годы в России наблюдается рост интереса различных структур к использованию биометрических персональных данных и заметны существенные институциональные изменения в этой области – введен новый Федеральный закон № 572-ФЗ, создана единая биометрическая система и отлаживаются схемы взаимодействия с ней, появляются первые внедрения в общественных местах – в метрополитене, технопарках и др.

В связи с этим представляется целесообразным анализ процессов развития биометрии в России с применением положений теории структурных сдвигов, основателями которой являются О. С. Красильников, С. Ю. Глазьев и другие исследователи, структурных изменений – поскольку в данном случае все более широкое использование этих технологий в России, поддерживаемое государством, выходит за рамки отдельно взятой инновации и приведет к изменениям в бизнес-процессах предприятий, поведенческих паттернах людей, структуре затрат на технические средства и средства защиты, развитию рынка биометрических технологий. Подобный подход позволяет шире трактовать структурные изменения – отслеживать их формирование и развитие, что позволит снизить неопределенность внешней среды для многих участников рынка. В условиях ускорения темпов социально-экономического и научно-технологического развития в анализе структурных сдвигов в экономике следует усилить методологию оценки качественных параметров существенных изменений – это не только позволит дополнить результаты количественного анализа, но и дать материал для сравнения разных состояний экономических систем – как показывают тенденции развития методов формальной математики и системотехники, даже в алгоритмах машинного обучения все более популярными становятся методы сравнения с человеческой обратной связью (Ouyang и др., 2022; Casper, 2023) на основании качественной оценки наблюдаемых феноменов и явлений.

3. Использование биометрии в России

В России использование биометрических данных началось позже, чем в некоторых других регионах мира. Так, в странах Африки использование биометрических данных было призвано помочь в решении проблем неравенства, доступа к услугам и образованию для женщин⁸ и реализации некоторых других целей устойчивого развития⁹. А в странах Северной Америки и ЕС распространение биометрических решений было связано с поощрением инноваций и поддержкой новых технологий (Jung & Virgil, 2024; Gayel, 2016).

Развитие технологий сбора и обработки биометрических данных привело к формированию отрасли – *biometry industry*, на это указывают зарубежные исследователи (Gelb & Clark, 2013). Первые упоминания об оценках рынка биометрии в России относятся к 2015 г. – 110 млн долл., по расчетам компании *BioLink Solutions*¹⁰. По оценкам Центра биометрических технологий (далее – ЦБТ), к 2023 г. он составил уже более 320 млн руб., что отражает более трехкратный рост за 7–8 лет (официальная статистика отсутствует) – устойчивая поступательная динамика, которая, на наш взгляд, отражает качественные изменения рынка, постепенный рост охвата и узнаваемости ключевых решений по мере роста зрелости технологий вместе с развитием норм государственного регулирования.

Официальные статистические данные отсутствуют по подобным социально-экономическим феноменам, однако, на наш взгляд, их возможно оценивать через призму структурных изменений в экономике, под которыми понимаются существенные количественные перемены, и структурных сдвигов – как существенных количественных и качественных изменений.

Разработанная авторская методика управления структурными изменениями в экономике сводится к воздействию на процессы формирования, реализации и воспроизводства структурных изменений в экономических системах таким образом, чтобы эти изменения позволяли расширять возможности хозяйствующих субъектов по производству новых товаров и/или услуг и содействовали бы тем самым экономическому

⁸ GSMA. (2019). Exploring the Gender Gap in Identification. London, UK: GSMA. <https://www.gsma.com/mobilefordevelopment/blog/exploring-the-gender-gap-in-identification-policy-insights-from-10-countries>

⁹ Moving towards racial equality: study of the Advisory Committee on appropriate ways and means of assessing the situation. (2021). Report of the Human Rights Council Advisory Committee. A/HRC/48/72. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g21/224/59/pdf/g2122459.pdf>

¹⁰ В 2015 г. объем рынка достигнет \$110 млн (2014). BioLink Solutions. [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Биометрическая_идентификация_\(рынок_России\)#2014:_BioLink_Solutions:_D0.92_2015_.D0.B3_.D0.BE.D0.B1.D1.8A.D0.B5.D0.BC_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0_.D0.B4.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.B3.D0.BD.D0.B5.D1.82_.24110_.D0.BC.D0.BB.D0.BD](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Биометрическая_идентификация_(рынок_России)#2014:_BioLink_Solutions:_D0.92_2015_.D0.B3_.D0.BE.D0.B1.D1.8A.D0.B5.D0.BC_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0_.D0.B4.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.B3.D0.BD.D0.B5.D1.82_.24110_.D0.BC.D0.BB.D0.BD)

росту. Это частично дополняет существующие теории и методологические подходы к развитию инноваций и позволяет глубже содержательно исследовать феномены и явления, по которым отсутствуют официальные статистические данные – в силу трудности их сбора или естественной инертности систем национальных счетов и показателей.

Подобный подход выявления значимых структурных изменений и их содержательное изучение предполагают аккуратное регулирование социально-экономических процессов. Например, развитие технологий обработки биометрических данных привело к появлению в России решений по их практическому применению в сфере финансовых расчетов (биоэквайринг), использования на пунктах пропуска (решения в области так называемых биоСКУДов) и т. п.

Появление технологий распознавания лиц, совершенствование алгоритмов привело к внедрениям подобных решений на предприятиях, появлению продуктов видеоаналитики с функцией распознавания лиц и других систем в 2010–2017 гг. На этом этапе биометрические данные хранились и обрабатывались на самих предприятиях, решения не выделялись в отдельный сегмент или рынок, и с ростом зрелости технологии шли формирование когнитивного компонента в виде узнаваемости этих решений, расширение практики их применения – сформировались микросдвиги в результате комплексного использования технологий обработки биометрических данных в организациях (рис. 1) – на предприятиях внедрялись соответствующие технические и инфраструктурные решения, информационные системы (инфраструктурный компонент), была осознанная целесообразность этих мер (когнитивный компонент), были изменены некоторые внутренние процессы (поведенческий компонент) с упором на действующее на тот момент законодательство (инвестиционно-нормативный компонент) (Ахметшина, Селиверстова, 2024).

Структурным изменением сейчас, в 2023–2024 гг., является рост применения биометрической идентификации в России – развитие рынка аппаратных и программных решений по обработке биометрических образов, появление новых программных решений по распознаванию лиц и некоторых других типов биометрических данных.

Согласно открытым источникам, «в 2021 г. НСФР оценивал количество россиян, сдавших свои слепки, на уровне 180 тыс. А в середине 2023-го <...> на всю Россию было всего около 250 тыс. подтвержденных образцов биометрии»¹¹. «...в ноябре 2023 г. в ЕБС были зарегистрированы полмиллиона человек <...>. А в феврале 2024-го <...> глава Минцифры Максуд Шадаев заявил, что около 18 млн россиян имеют биометрические профили»¹². Примерно в это же время появились публикации о том, что общее количество слепков в Единой биометрической системе (далее – ЕБС) превысило 50 млн, заявил на форуме «Кибербезопасность в финансах» и. о. директора департамента финансовых технологий Банка России Станислав Короп»¹³. И к осени 2024 г. «ежедневно в ЕБС регистрируются около 1,5–2 тыс. новых пользователей, уверяют в ЦБТ, притом что многие “охватные” сервисы, предусматривающие упрощенный порядок регистрации, только ожидают своего запуска»¹⁴. Подобный кратный рост показателей отражает количественно структурный сдвиг в использовании биометрии в России. А столь большие темпы прироста данных сейчас объясняются достаточно низкой базой сравнения, тем не менее они подтверждают происходящие качественные изменения в развитии биометрических технологий в России и расширение практики и направлений их применения.

По данным опроса ВЦИОМ 2023 г., с понятием «биометрия» знакомы более половины опрошенных россиян (55 %). Результаты опроса показывают, что среди россиян преобладает нейтрально-отрицательное отношение к сдаче биометрических данных: 34 % относятся к ней безразлично (среди молодежи 18–24 лет – 46 %), 32 % – негативно¹⁵.

¹¹ Биометрические технологии: большой провал или большая надежда. (2024, 18 марта). РБК. <https://www.rbc.ru/industries/news/65cb21be9a794734397a1da3>

¹² Там же.

¹³ Банк России отметил кратное ускорение сбора биометрии банковских клиентов. (2024, 15 февраля). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/business/946278>

¹⁴ Биометрические технологии: большой провал или большая надежда. (2024, 18 марта). РБК. <https://www.rbc.ru/industries/news/65cb21be9a794734397a1da3>

¹⁵ Делиться биометрическими данными: выгоды и риски. (2023, 4 июля). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delitsja-biometricheskimi-dannymi-vygody-i-riski>

Таким образом, структурные изменения в использовании новой технологии идут, но когнитивный компонент структурного сдвига на макроуровне находится в процессе формирования – он не сформировался – нет принятия этой технологии у большинства населения. Это подтверждается и зарубежными исследованиями, где такая ситуация объясняется в том числе существующей дискриминацией по возрасту и некоторым другим параметрам в новых технологиях – на примере искусственного интеллекта и машинного обучения (Chu и др., 2022). Так, пожилые люди имеют меньший доступ к Интернету и менее осведомлены о том, что делают алгоритмы искусственного интеллекта (Gran et al., 2020).

На наш взгляд, подобная же ситуация наблюдается и в отношении биометрических данных и алгоритмов их обработки. В связи с этим были собраны данные и подробно рассмотрены процессы формирования и реализации наблюдаемых структурных изменений в области использования биометрии в России.

4. Формирование структурного сдвига применения биометрической идентификации в экономике России

После внедрения на ряде предприятий решений по распознаванию лиц и ряда крупных проектов в этой сфере, примерно к 2016–2017 гг., прослеживается точечное использование биометрических данных в разных отраслях экономики (что мы можем назвать структурными микросдвигами), которые привели к существенным качественным изменениям в виде применения новых технологий и перестройки в связи с этим некоторых бизнес-процессов. Определенные перемены в структурных показателях, характеризующих практику хозяйственной деятельности в социально-экономических микро-, мезо- и макросистемах, меняют паттерны поведения и восприятие некоторых процессов экономическими агентами – становясь тем самым структурными сдвигами, приводящими к новому количественному и качественному состоянию рассматриваемых явлений (Селиверстова, 2023). Это в полной мере относится к развитию применения биометрии в России на протяжении последнего десятилетия.

Далее по мере накопления опыта точечного использования решений по распознаванию лиц происходит институционализация структурных изменений – растет количество законодательных инициатив (482-ФЗ и др.), решаются проблемы информационной безопасности в этой сфере и пр. Результатом становится появление в 2018 г. Единой биометрической системы как централизованного хранилища биометрических персональных данных о всех гражданах России. ЕБС получила статус государственной информационной системы – ГИС ЕБС – в 2021 г., и ее оператором является АО «Центр биометрических технологий». Окончательно фиксирует сложившуюся новую инфраструктуру для использования биометрии в России Федеральный закон № 572-ФЗ 2022 г.¹⁶

Эти созданные институты начинают работать в соответствии со спроектированными показателями эффективности по распространению технологии обработки биометрических данных, решения организационных вопросов по подключению компаний к ГИС ЕБС и др. Происходит распространение информации об имеющихся технологиях и решениях посредством выставок, конференций и других отраслевых мероприятий, что помогает ускорить формирование поведенческого и когнитивного компонентов структурного сдвига использования биометрических данных как сдвига макроуровня.

Отражающая этот процесс логическая схема формирования структурного макросдвига за счет микро- и мезосдвигов посредством диффузии технологий и практик между экономическими субъектами представлена на рис. 1. И хотя она представляет собой результат выявления закономерностей развития рассматриваемого феномена структурных сдвигов в экономике на базе эмпирических данных (в частности, кейса развития биометрических технологий и решений в России), на наш взгляд, она является достаточно обоснованной и позволяет закрыть имеющийся дефицит знаний и представления о динамике развития подобных комплексных изменений в экономике.

Объемы хозяйственной деятельности в сфере обработки биометрических данных в России измеряются сотнями миллионов рублей в год, а по некоторым оценкам, даже сотнями миллионов долларов. По данным *J'son and Partners Consulting*, объем российского рынка биометрических услуг в 2022 г. оценивался более чем в 300 млн долларов¹⁷.

¹⁶ Федеральный закон № 572-ФЗ от 29.12.2022. Гарант. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405951675/>

¹⁷ https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_2022/cases/litsevuyu_biometriyu_v_rossii_ozhidaet

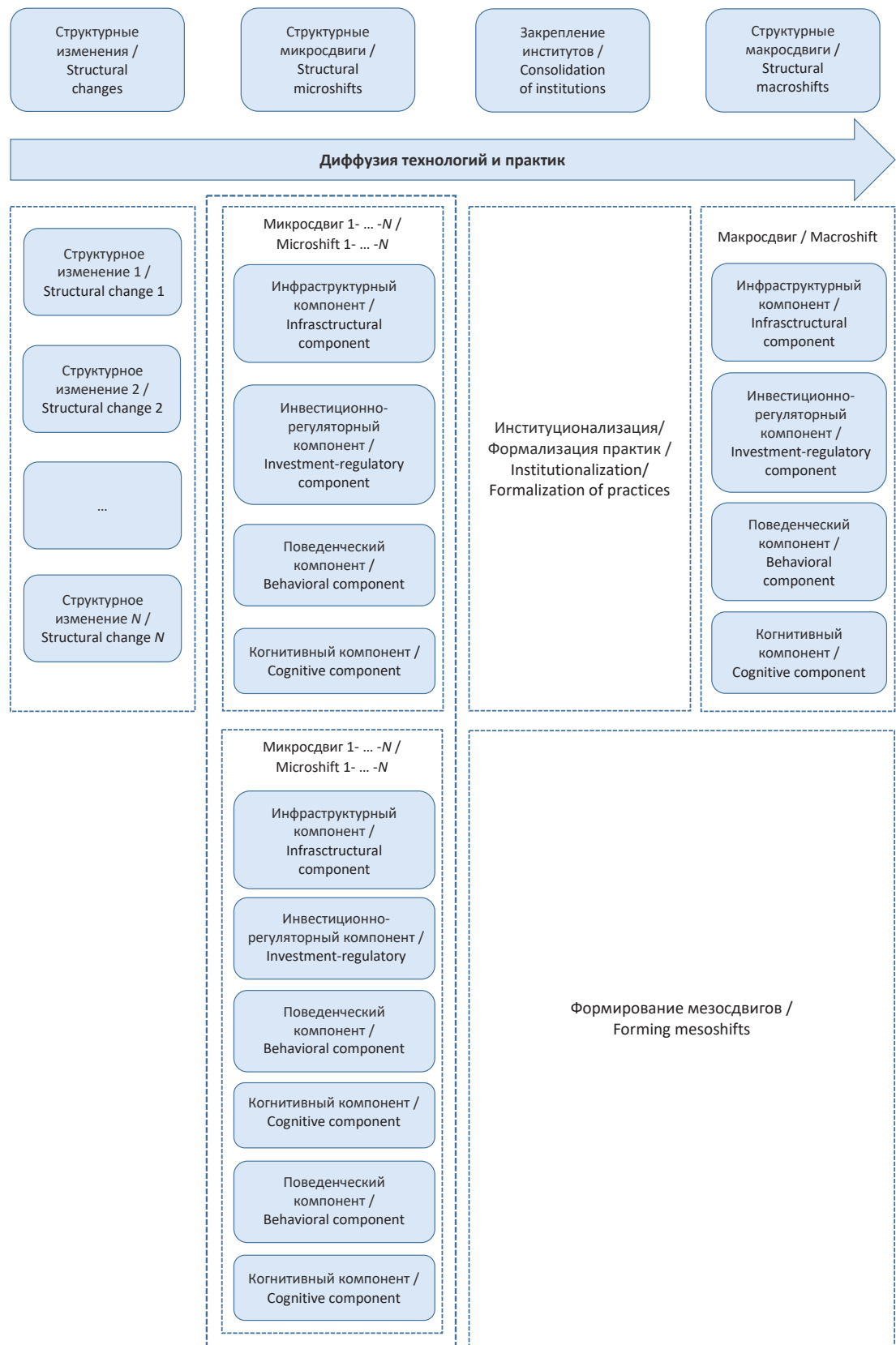

Рис. 1. Логическая схема формирования структурного макродвижка за счет сдвигов меньшего масштаба посредством диффузии технологий

Fig. 1. Logical scheme of forming a structural macroshift by smaller shifts through technology diffusion

Появляется новый сегмент рынка, представленный компаниями и брендами *RecFaces*, *Recognition-X*, дивизион «Биометрия» Сбера, решение по биометрии «Визирь.СКУД» группы компаний ЦРТ, *VisionLabs*, *OVISION*, *Face2* и др. Это отражает в целом процесс формирования структурного сдвига макроуровня – когда произойдет институционализация нового рынка с набором зрелых продуктов и технологических решений, бизнес-моделями и другими компонентами – при росте объемов продаж, который будет отражать изменение поведения хозяйствующих субъектов в виде перестройки бизнес-процессов на использование биометрической идентификации и положительного когнитивного восприятия использования биометрии для совершения транзакций.

5. Реализация структурного сдвига роста использования биометрической идентификации в транзакционном секторе экономики России

Проявление структурного сдвига на макроуровне с появлением достаточного количества производителей определенного класса решений и их апробация с закреплением в институтах, регулирующих взаимоотношения между хозяйствующими субъектами, поведении и бизнес-процессах хозяйствующих субъектов – на наш взгляд, является завершающим этапом процесса формирования структурного сдвига в экономике. После этого начинается реализация структурного сдвига в виде перестройки процессов, которые затрагивает структурный сдвиг, на уровне отраслей или регионов, и отдельных предприятий.

Таким образом, происходит движение в обратном направлении от макро- к микроуровню в виде широкого внедрения этих ставших более зрелыми решений (в рассматриваемом в настоящей статье случае – в области использования биометрии в России). Решения начинают запускаться в метрополитенах при государственной поддержке и по мере удешевления технологии становятся все более доступными широкому кругу организаций – создавая предпосылки к реализации структурного сдвига работы с биометрическими данными на микроуровне в России в 2024–2030 гг., но в качественно новом виде по сравнению с процессом формирования этого сдвига в период 2010–2021 гг.

В этот период смежные структурные сдвиги макроуровня, такие как цифровизация, способствуют ускорению реализации структурного сдвига обработки биометрических данных за счет процессов конвергенции – включения решений по биометрии в дорожную карту или планы по цифровизации предприятий (рис. 2).

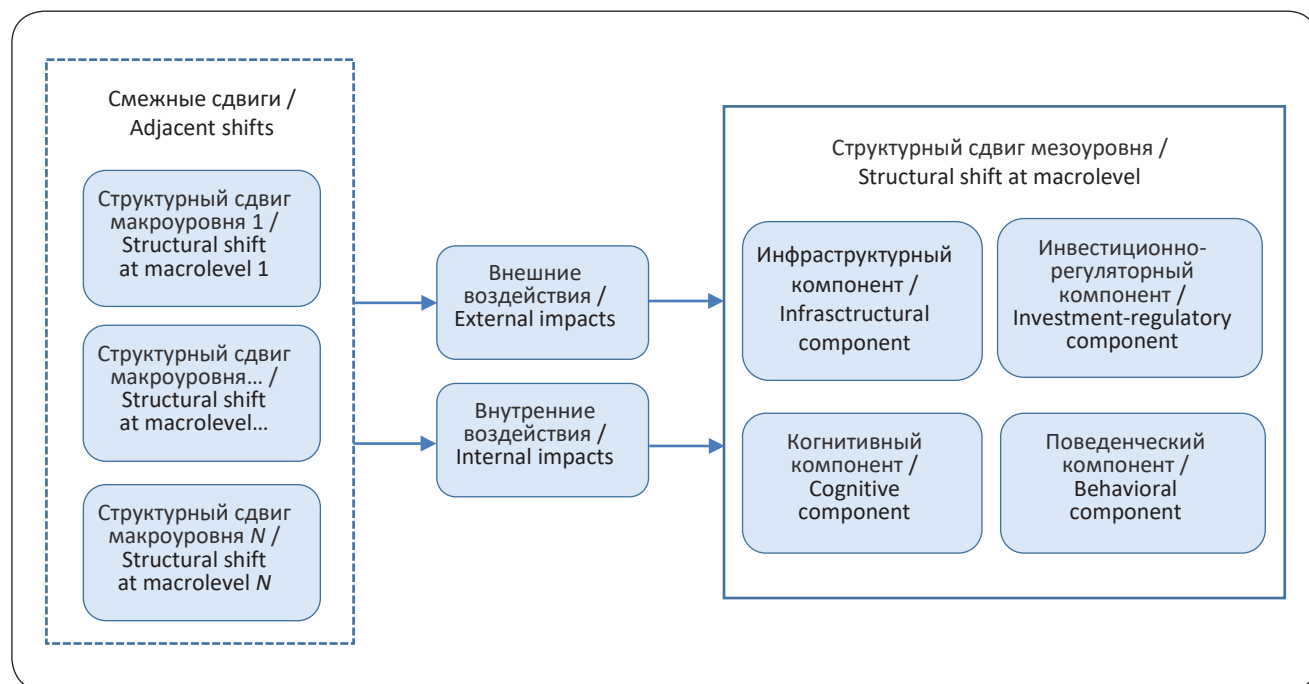

Рис. 2. Логическая схема реализации структурных сдвигов на мезоуровне

Fig. 2. Logical scheme of implementing structural shift at mesolevel

Применение теории структурных сдвигов к анализу этого процесса развития практики применения решений по обработке биометрических данных позволяет декомпозировать процессы развития экономики на частные феномены и явления, изучение которых по отдельности позволяет более точно проследить влияющие на них факторы для выработки управленческих воздействий.

А предложенная автором комплексная методика управления структурными изменениями позволяет управлять процессами экономического развития за счет выявления наименее сформированных компонентов и фокусировки усилий по их развитию, а также за счет понимания этапа жизненного цикла структурного сдвига – формирования, реализации или воспроизводства.

Заключение

В ходе исследования были выявлены различия в подходах к использованию биометрических данных в регионах мира: так, в странах с низким уровнем доходов использование биометрии направлено на решение проблем идентификации физических лиц в части доступа к общественным благам (государственным услугам в области образования, принятия участия в выборах и др.), а в странах со средним и высоким уровнем дохода, где проблемы идентификации граждан во многом уже решены, – на сокращение транзакционных издержек (снижение временных затрат на транзакционные виды деятельности и повышение удобства).

Основные потенциальные преимущества более широкого использования биометрических данных в обществе заключаются в возможностях для увеличения производительности труда рабочих мест в сфере сервисного обслуживания; экономического роста за счет развития нового класса решений (путем диверсификации хозяйствующей деятельности высокотехнологичных компаний в области финансов, производства электронных компонентов, системных интеграторов и др.) автоматизации части процессов обеспечения национальной и международной безопасности.

Рисками более широкого использования биометрических данных являются: угрозы новых видов правонарушений с применением подложных биометрических данных; высокие требования регуляторов к решениям с использованием биометрических данных и их относительная дороговизна; несовершенство программных и аппаратных элементов комплексных решений по обработке биометрических данных и появление новых векторов для кибератак.

Решением могут стать использование существующих и выработка новых организационных форм кооперации участников рынка ИТ для решения имеющихся проблем (что заслуживает детального рассмотрения в рамках отдельного исследования) и дальнейшего развития передовых технологий в этой сфере.

Таким образом, в статье изложен авторский комплексный подход к содержательному анализу структурных сдвигов, который проиллюстрирован на практиках применения биометрических персональных данных в России. В качестве формирующихся структурных сдвигов на рынке биометрии выделены:

- кратный рост количества биометрических данных, хранимых в ГИС ЕБС, с 2019 по 2024 г.;
- кратный рост объемов рынка – и международного, и российского в частности – с появлением новых участников рынка и брендов.

Предложены формальные описания механизмов формирования и реализации структурных сдвигов в экономике.

Раскрыто формирование макросдвигов от инициатив микроуровня с последовательным прохождением этапов частных структурных изменений, комплексных микросдвигов, институционализации и закрепления новых практик, становление компонентов макросдвига.

Кроме того, прослежен процесс реализации структурных сдвигов от макроуровня к микроуровню, заключающийся в более широком охвате экономических агентов изменениями по сравнению со стадией формирования структурного сдвига. Все вместе это составляет комплексный авторский подход к закономерностям развития структурных сдвигов в экономике.

В рамках описанного подхода предложено рассматривать формирование структурного сдвига через выделение его четырех содержательных компонентов и качественную оценку их сформированности – низкий, средний, высокий уровни.

Полученные результаты могут служить базой для дальнейших исследований в области структурных изменений в экономике России, а также могут быть дополнены количественными оценками в рамках развития обозначенных автором подходов.

Список литературы

- Ахметшина, А. Р., Селиверстова, Н. С. (2024). Компоненты структурных сдвигов в экономике. *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*, 2, 10–18. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-2-10-18>
- Борисевич, Я. Р., Лохвицкая, П. Е., Сечко, В. В., Сухинина, К. А. (2024). Концептуальные направления и тенденции цифровой трансформации в функционировании современных транспортно-логистических кластеров и мировых логистических хабов. В сб.: *Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции*, 7 июня 2024 г., г. Иркутск (с. 22–25). Уфа: Omega Science.
- Котилко, В. В. (2024). Биометрия и экономика России. В сб.: *Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции*, 7 июня 2024 г., г. Иркутск (с. 93–100). Уфа: Omega Science.
- Красильников, О. Ю. (2001). *Структурные сдвиги в экономике*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Селиверстова, Н. С. (2023). Систематизация методологических подходов к структурному анализу экономики, идентификации структурных изменений и сдвигов. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*, 17(3), 122–131. <https://doi.org/10.14529/em230311>
- Селиверстова, Н. С. (2024). Структурные сдвиги в электронной промышленности России. *Экономика промышленности. Russian Journal of Industrial Economics*, 17(1), 67–75. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255>
- Селищева, Т. А. (2006). Структурные трансформации и проблемы формирования информационной экономики России: дис. ... д-ра экон. наук.
- Сурина, И. В., Клушина, Е. С. (2023). Цифровые финансовые активы как разновидность ценных бумаг, преимущества и проблемы их использования на территории РФ. В сб.: *Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края, Сочи, 4–8 ноября 2022 г.* (с. 432–437). Краснодар: Перспективы образования.
- Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г.* (2021). Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Sandel, M. (2012). *What money can't buy: the moral limits of markets*. Macmillan. Penguin, London.
- Bakir, V., Laffer, A., & McStay, A. (2023). Blurring the moral limits of data markets: biometrics, emotion and data dividends. *AI & Society*, 39, 2569–2583. <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01739-5>
- Cao, K., & Jain, A. K. (2015). Learning Fingerprint Reconstruction: From Minutiae to Image. *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*, 10(1), 104–117. <https://doi.org/10.1109/tifs.2014.2363951>
- Casper, S., Davies, X., Shi, C., Gilbert, Th. K., Scheurer, J., Rando, J., Freedman, R., Korbak, T., Lindner, D., Freire, P., Wang, T., Marks, S., Segerie, Ch.-R., Carroll, M., Peng, A., Christoffersen, Ph., Damani, M., Slocum, S., Anwar, U. ... Hadfield-Menell, D. (2023). *Open Problems and Fundamental Limitations of Reinforcement Learning from Human Feedback*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.15217>
- Chu, C. H., Nyrup, R., Leslie, K., Shi, J., Bianchi, A., Lyn, A., McNicholl, M., Khan, Sh., Rahimi, S., Grenier, A. (2022). Digital ageism: challenges and opportunities in artificial intelligence for older adults. *Gerontologist*, 62(7), 947–955. <https://doi.org/10.1093/geront/gnab167>
- Chu, Z., Yuan, G., Zhang, X., & Han, L. (2012). Fingerprint orientation reconstruction from minutiae points. *Proceedings of the 10th World Congress on Intelligent Control and Automation, Beijing* (pp. 4583–4587). <https://doi.org/10.1109/wcica.2012.6359347>
- Espinoza, M. (2011). Vulnerabilities of fingerprint reader to fake fingerprints attacks. *Forensic Science International*, 204(1–3), 41–49. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.05.002>
- Gayrel, C. (2016). The Principle of Proportionality Applied to Biometrics in France: Review of Ten Years of CNIL's Deliberations. *Computer Law & Security Review*, 32(3), 450–461. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.01.013>
- Gelb, A., & Clark, J. (2013). Identification for Development: The Biometrics Revolution. *CGD Working Paper 315*. Washington, DC: Center for Global Development.
- Gran, A. B., Booth, P., & Bucher, T. (2020). To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? *Information, Communication & Society*, 24(12), 1779–1796. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2020.1736124>
- Faundez-Zanuy, M. (2004). On the vulnerability of biometric security systems. *IEEE Aerospace and Electronic Systems Magazine*, 19(6), 3–8. <https://doi.org/10.1109/maes.2004.1308819>
- Floridi, L., Cowls, J., Beltrametti, M., Chatila, R., Chazerand, P., Dignum, V., Luetge, C., Madelin, R., Pagallo, U., Rossi, F., Schafer, B., Valcke, P., Vayena, E. (2018). AI4People – An ethical framework for a good AI society: opportunities, risks, principles, and recommendations. *Minds & Machines*, 28, 689–707. <https://doi.org/10.1007/s11023-018-9482-5>
- Higgs, E. (2011). *Identifying the English: a History of Personal Identification 1500 to the Present*. London: Continuum.
- Jung, Y., & Virgil, E. D. (2024). Analysis of Legislative Framework Governing Biometric Data. *Procedia Computer Science*, 241, 48–55. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.08.009>
- Lai, L., Ho, S.-W., & Poor, H. V. (2011). Privacy – Security Trade-Offs in Biometric Security Systems – Part I: Single Use Case. In *IEEE Transactions on Information Forensics and Security* (Vol. 6, No. 1, pp. 122–139). <https://doi.org/10.1109/tifs.2010.2098872>

Ouyang, L., Wu, J., Jiang, X., и др. (2022). *Training language models to follow instructions with human feedback*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.02155>

Perkowitz, S. (2021, February 5). *The Bias in the Machine: Facial Recognition Technology and Racial Disparities*. *MIT Case Studies in Social and Ethical Responsibilities of Computing*. <https://doi.org/10.21428/2c646de5.62272586>

Yang, W., Wang, S., Hu, J., Zheng, G., & Valli, C. (2019). Security and Accuracy of Fingerprint-Based Biometrics: A Review. *Symmetry*, 11(2), 141. <https://doi.org/10.3390/sym11020141>

References

Akhmetshina, A. R., & Selivyorstova, N. S. (2024). Components of structural changes in the economy. *BSU bulletin. Economy and Management*, 2, 10–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-2-10-18>

Bakir, V., Laffer, A., & McStay, A. (2023). Blurring the moral limits of data markets: biometrics, emotion and data dividends. *AI & Society*, 39, 2569–2583. <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01739-5>

Borisevich, Y. R., Loxvickay, P. E., Sechko, V. V., & Suxinina, K. A. (2024). Conceptual directions and trends of digital transformation in the functioning of modern transportation and logistics clusters and global logistics hubs. In *Formation and development of a new scientific paradigm in the post-industrial society: collection of works of International scientific-practical conference, June 7, 2024, Irkutsk* (pp. 22–25). Ufa: Omega Science.

Cao, K., & Jain, A. K. (2015). Learning Fingerprint Reconstruction: From Minutiae to Image. *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*, 10(1), 104–117. <https://doi.org/10.1109/tifs.2014.2363951>

Casper, S., Davies, X., Shi, C., Gilbert, Th. K., Scheurer, J., Rando, J., Freedman, R., Korbak, T., Lindner, D., Freire, P., Wang, T., Marks, S., Segerie, Ch.-R., Carroll, M., Peng, A., Christoffersen, Ph., Damani, M., Slocum, S., Anwar, U. ... Hadfield-Menell, D. (2023). *Open Problems and Fundamental Limitations of Reinforcement Learning from Human Feedback*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.15217>

Chu, C. H., Nyrupe, R., Leslie, K., Shi, J., Bianchi, A., Lyn, A., McNicholl, M., Khan, Sh., Rahimi, S., Grenier, A. (2022). Digital ageism: challenges and opportunities in artificial intelligence for older adults. *Gerontologist*, 62(7), 947–955. <https://doi.org/10.1093/geront/gnab167>

Chu, Z., Yuan, G., Zhang, X., & Han, L. (2012). Fingerprint orientation reconstruction from minutiae points. *Proceedings of the 10th World Congress on Intelligent Control and Automation, Beijing* (pp. 4583–4587). <https://doi.org/10.1109/wcica.2012.6359347>

Espinoza, M. (2011). Vulnerabilities of fingerprint reader to fake fingerprints attacks. *Forensic Science International*, 204(1–3), 41–49. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.05.002>

Faundez-Zanuy, M. (2004). On the vulnerability of biometric security systems. *IEEE Aerospace and Electronic Systems Magazine*, 19(6), 3–8. <https://doi.org/10.1109/maes.2004.1308819>

Floridi, L., Cowls, J., Beltrametti, M., Chatila, R., Chazerand, P., Dignum, V., Luetge, C., Madelin, R., Pagallo, U., Rossi, F., Schafer, B., Valcke, P., Vayena, E. (2018). AI4People – An ethical framework for a good AI society: opportunities, risks, principles, and recommendations. *Minds & Machines*, 28, 689–707. <https://doi.org/10.1007/s11023-018-9482-5>

Gayrel, C. (2016). The Principle of Proportionality Applied to Biometrics in France: Review of Ten Years of CNIL's Deliberations. *Computer Law & Security Review*, 32(3), 450–461. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.01.013>

Gelb, A., & Clark, J. (2013). Identification for Development: The Biometrics Revolution. *CGD Working Paper 315*. Washington, DC: Center for Global Development.

Gran, A. B., Booth, P., & Bucher, T. (2020). To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? *Information, Communication & Society*, 24(12), 1779–1796. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2020.1736124>

Higgs, E. (2011). *Identifying the English: a History of Personal Identification 1500 to the Present*. London: Continuum.

Jung, Y., & Virgil, E. D. (2024). Analysis of Legislative Framework Governing Biometric Data. *Procedia Computer Science*, 241, 48–55. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2024.08.009>

Kotilko, V. V. (2024). Biometrics and the Russian economy. In *Formation and development of a new scientific paradigm in the post-industrial society: collection of works of International scientific-practical conference, June 7, 2024, Irkutsk* (pp. 93–100). Ufa: Omega Science.

Krasilnikov, O. Yu. (2001). *Structural shift in economy*. Saratov: Saratov University Publishing House.

Lai, L., Ho, S.-W., & Poor, H. V. (2011). Privacy – Security Trade-Offs in Biometric Security Systems – Part I: Single Use Case. In *IEEE Transactions on Information Forensics and Security* (Vol. 6, No. 1, pp. 122–139). <https://doi.org/10.1109/tifs.2010.2098872>

Ouyang, L., Wu, J., Jiang, X., и др. (2022). *Training language models to follow instructions with human feedback*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.02155>

Perkowitz, S. (2021, February 5). *The Bias in the Machine: Facial Recognition Technology and Racial Disparities*. *MIT Case Studies in Social and Ethical Responsibilities of Computing*. <https://doi.org/10.21428/2c646de5.62272586>

Sandel, M. (2012). *What money can't buy: the moral limits of markets*. Macmillan. Penguin, London.

Selishheva, T. A. (2006). *Structural transformations and problems of forming information economy in Russia: Dr. Sci. (Economics) thesis*. (In Russ.).

Seliverstova, N. S. (2024). Structural shifts in the Russian electronics industry. *Russian Journal of Industrial Economics*, 17(1), 67–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255>

Seliverstova, N. S. (2024). Systematization of methodological approaches to structural analysis of the economy and identification of structural shifts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 17(3), 122–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/em230311>

Sourina, I. V., & Kloushina, E. S. (2023). Digital financial assets as a type of securities, advantages and problems of its use in the territory of the Russian Federation. In: *Problems of national security of Russia: lessons of history and challenges of today: collection of works of All-Russia scientific-practical conference with international participation: to the 85th anniversary of Krasnodar krai, Sochi, November 4–8, 2022* (pp. 432–437). Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. (In Russ.).

Yang, W., Wang, S., Hu, J., Zheng, G., & Valli, C. (2019). Security and Accuracy of Fingerprint-Based Biometrics: A Review. *Symmetry*, 11(2), 141. <https://doi.org/10.3390/sym11020141>

Digital transformation of sectors: starting conditions and priorities: Report to the 22nd April International scientific conference on the problems of economy and society development, Moscow, April 13–30, 2021 (2021). National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: HSE University Publishing House.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.09.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.926-935>

УДК / UDC 343.98:343.14

А. Ю. Афанасьев^{1,2}

¹ Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Дисбаланс в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию

Афанасьев Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России; доцент кафедры судебной экспертизы, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: afanasev_alexey@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8319-0107>

eLIBRARY SPIN-код: 3817-1230

Аннотация

Цель: проверка и подтверждение (опровержение) гипотезы о несоответствии средств доказывания средствам преступной деятельности по силе и разнообразию как причины дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию.

Методы: при решении исследовательской задачи главным образом использовались дуалистический, гипотетико-дедуктивный методы, а также методы функциональных систем, сравнение и другие общенаучные методы.

Результаты: преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию выступают дуализмом двух сложных функциональных систем, которые противоположны, не сводимы друг к другу, равноправны, но не равносильны. Неравносильность проявляется в несоответствии средств доказывания средствам преступной деятельности по силе и разнообразию. С одной стороны, имеющиеся средства доказывания являются устаревшими и ограниченными, с другой – используются неэффективно при формировании доказательственных систем различного уровня. Указанное обстоятельство приводит к дисбалансу в дуалистической системе. Подтверждением выступают системообразующие проблемы действительности – критически низкая раскрываемость, нарушение прав и свобод участников уголовного процесса, низкий уровень возмещения ущерба от преступлений, затаенность производства многотомных уголовных дел и т. д.

Научная новизна: впервые деятельность по доказыванию представлена как сложная функциональная система, которая в совокупности с преступной деятельностью образует дуализм. В этой дуалистической системе обнаружен дисбаланс, заключающийся в неравносильности двух функциональных систем, где средства доказывания как по силе, так и по разнообразию уступают средствам преступной деятельности. В связи с этим в статье осуществляется попытка раскрыть механизм доказывания с целью определения того, как можно уравновесить две стороны в дуалистической системе.

© Афанасьев А. Ю., 2024

Практическая значимость: заложенные в исследовании положения в последующем могут выступить в качестве методологической основы для совершенствования средств доказывания и повышения эффективности формирования доказательственных систем различного уровня.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, уголовный процесс, криминалистика, дуализм преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию, средства доказывания, средства преступной деятельности, стандарты доказывания

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Афанасьев, А. Ю. (2024). Дисбаланс в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 926–935. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.926-935>

Scientific article

A. Yu. Afanasyev^{1, 2}

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

² Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

Imbalance in the duality of criminal activity and its proving

Aleksey Yu. Afanasyev, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Associate Professor of the Department of Forensics, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy

E-mail: afanasev_alexey@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8319-0107>

eLIBRARY SPIN-код: 3817-1230

Abstract

Objective: to verify and confirm (or refute) the hypothesis about the mismatch between the means of proof and the means of criminal activity in terms of strength and diversity, which causes imbalance in the dualism of criminal activity and its proving.

Methods: in solving the research problem, we used, first of all, dualistic and hypothetical-deductive methods, as well as methods of functional systems, comparison and other general scientific methods.

Results: criminal activity and its proving show the dualism of two complex functional systems, which are opposite, not reducible to each other, equal, but not equipollent. The lack of equipollency is manifested in the inconsistency of the means of proof with the means of criminal activity in terms of strength and diversity. On the one hand, the available means of proof are outdated and limited; on the other hand, they are used ineffectively when forming evidentiary systems of different levels. This leads to imbalance in the dualistic system. This is confirmed by systemic problems of reality – critically low disclosure rate, violation of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings, low level of compensation for damages from crimes, protracted procedures of multi-volume criminal cases, etc.

Scientific novelty: for the first time, the activity of proving is presented as a complex functional system, which together with criminal activity forms a dualism. In this dualistic system, an imbalance is found, consisting in the non-equipollent relationship between the two functional systems, where the means of proving are inferior to the means of criminal activity both in strength and in diversity. In this regard, the article attempts to reveal the mechanism of proving in order to determine how the two sides in the dualistic system can be balanced.

Practical significance: the provisions laid down in the study can in the future act as a methodological basis for improving the means of proving and increasing the effectiveness of forming evidentiary systems of different levels.

Keywords:

criminal-legal sciences, criminal procedure, criminology, dualism of criminal activity and its proving, means of proving, means of criminal activity, standards of proving

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Afanasyev, A. Yu. (2024). Imbalance in the duality of criminal activity and its proving. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 926–935. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.926-935>

Введение

Закон необходимого разнообразия, сформулированный известным кибернетиком У. Р. Эшби, сегодня актуален как никогда: «Управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие средств управляющего (в данном случае всей системы управления) по крайней мере не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации» (Эшби, 1959. С. 294). Несмотря на то, что в свое время криминалисты эту идею подхватили и использовали в собственных исследовательских целях (Крепышева, 2001. С. 127; Губанищев, 2009. С. 31, 60; Журавлев, 2022), надлежащего развития она не получила. Средства доказывания так и не соответствуют средствам преступной деятельности ни по разнообразию, ни по силе. Это и выступит «ядром» нашего гипотетического суждения. Предполагаем, что именно это обстоятельство свидетельствует о дисбалансе в дуалистической системе «преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию». Прежде чем приступить к проверке указанной гипотезы, необходимо оговориться, с одной стороны, о причинах такой ситуации, с другой – об основаниях для признания двух деятельностей дуализмом.

Очевидно, что причин, служащих плодородной почвой для отрицания необходимого критического переосмысления средств доказывания, может быть множество. Однако среди основных видится повсеместное процветание духа нормативизма. Возведение в абсолют действующей нормативной правовой регламентации, на наш взгляд, выступает ключевым препятствием для развития как науки, так и практики. Понимание деятельности по доказыванию происходит ровно настолько, насколько позволяет текст уголовно-процессуального закона. Как следствие, имеем точечное «латание» закона в надежде на совершенствование существующей действительности.

Другой причиной служит слепая вера в эффективность криминалистических методик, характеристик, тактик и т. д. Ни для кого не секрет, что субъекты доказывания в повседневной деятельности практически не обращаются к доктринальным источникам, в том числе ко всяческим криминалистическим рекомендациям. На этот счет уже звучали неоднократные размышления. Говорили об их непригодности для использования, о неподготовленности субъектов доказывания к их применению, о некорректном использовании, об отсутствии методик по созданию таких рекомендаций и характеристик (Лубин, 1997. С. 14–15; Белкин, 2001. С. 220–224). Пожалуй, дело не только в этом. Современные реалии диктуют принципиально иные условия деятельности – «формирование» уголовных дел в ограниченное время элементарно не предполагает обращение к таким источникам.

Третья причина заключается в асинхронности развития науки, практики и законодательства уголовно-правового направления. Зачастую мы становимся свидетелями внесения противоречивых изменений в соответствующие нормативные правовые акты, разрастания предмета одной науки за счет другой, взаимной критики без полноценной аргументации и т. д. Учет общих и частных тенденций развития мог бы указать на эти и другие недостатки. Примечательно, что начало уже положено – объединение научных специальностей может привести значимые коррективы.

Что касается дуальности преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию, необходимо отметить следующее.

1. Обе деятельности являются сложными функциональными системами. Если относительно преступной деятельности об этом уже было заявлено ранее (см., например, Колдин, 1989. С. 10), то деятельность по доказыванию является таковой, поскольку: имеет динамически изменчивые структурные компоненты – это объясняется динамичностью ПД; является частью целого «организма» – уголовный процесс есть целостный «организм»; имеет правила функционирования – нормы уголовно-процессуального доказательственного права; запрограммирована на полезный результат – доказательственные системы для принятия решений;

может моментально организоваться из составных частей в систему – средства доказывания вступают в действие каждый раз, когда проявляется преступная деятельность; может приспосабливаться – в зависимости от вида и категории преступления деятельность по доказыванию подстраивается (Анохин, 1973; Судаков, 1984; Парсонс, 2018; Мертон, 1968)¹. Сложность этой системы обусловлена не только ее динамичностью и структурным построением, но и количеством, качеством и последовательностью связей между элементами, позволяющими понять саму систему (Мамчур и др., 1989. С. 95, 107; Растринин, 1981. С. 45; Поваров, 1972. С. 155–156; Боулдинг, 1969. С. 106–124).

2. Дуализм означает существование двух противоположных, равноправных, но не сводимых друг к другу начал². Это справедливо относится к двум обозначенным функциональным системам. Объяснение видится в следующих частных и общих аргументах: во-первых, в природе не бывает одиночных сил (Демин, 2007. С. 81); во-вторых, дуальность исходит из того, что одно или подчиняется, или противостоит другому (Эпштейн, 2001. С. 179); в-третьих, где есть напряжение между двумя началами, есть и дуализм (Эпштейн, 2001. С. 102); в-четвертых, для всех процессов и явлений в мироздании, всей человеческой деятельности принцип дуализма выступает основополагающим (Дюркгейм, 2018. С. 126; Демин, 2007. С. 81, 83). Наша дуалистическая конструкция является логическим продолжением следующих дуализмов: души и тела (Дюркгейм, 2018. С. 126), добродетели и пользы (Бентам, 1998. С. 31), социального и антисоциального (Ломброзо, 2005. С. 243), конструктивного и деструктивного (Райдугин, 2007. С. 112), запрещенного и допустимого (Александрова, 1998. С. 134), нормы и патологии (Кудрявцев, 1982. С. 5), правомерного и неправомерного (Кудрявцев, 1982. С. 4–5; Байтин, 2001. С. 58; Райдугин, 2007. С. 112), нормосозидающего (нормального) и криминального (Пашаев, 2007. С. 8), криминального и антикриминального³, преступного и антипреступного⁴ и т. д.

3. Несмотря на дуальность их отношения, они остаются изоморфными по структуре (Белкин, 1970; Каминский, 1977. С. 153); Лубин, 1997. С. 39–73, 54–57; Образцов и др., 1997. С. 251), т. е. тождественными («зеркальными») по строению. Изоморфизм не исключает дуализма, а напротив, в этом плане охватывается им. Например, это проявляется в «зеркальности» таких элементов, как предмет, субъекты, средства и результат. Если по наименованию они звучат одинаково, демонстрируя изоморфность, то по содержанию предмета, субъектов, средств и результата проходит принципиальное отличие. В частности, деятельность лиц, занимающихся подготовкой, совершением и сокрытием преступной деятельности, направлена на охраняемые УК РФ общественные отношения, в целях удовлетворения потребностей, а деятельность лиц, занимающихся доказыванием преступной деятельности, направлена на преступную деятельность в целях формирования системы доказательств для принятия решений.

Пересечения возможны в наименовании средств двух видов деятельности – и там, и там могут быть информационные, орудийно-инструментальные, процедурные, финансовые и другие средства. Однако эти средства далеко не одинаковы по содержанию, они и не могут быть таковыми. Более того, именно они свидетельствуют о том, что разнообразие средств одной деятельности не соответствует разнообразию средств другой.

Результаты исследования

Никто не спорит с тем, что нельзя искоренить преступность. Про такую «нормальную» патологию общества с определенной периодичностью говорят различные мыслители и ученые (Дюркгейм, 1995. С. 85–87)⁵.

¹ Эти признаки функциональной системы уже были установлены представителями теории функциональных систем, прежде всего П. К. Анохиным, К. В. Судаковым, а также перекликаются в работах представителей структурного функционализма Т. Парсонса, Р. Мертона и др.

² См. об этом: Ильичев, Л. Ф. (гл. ред.), Федосеев, П. Н., Ковалев, С. М., Панов, В. Г. (1983). Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/358/ДУАЛИЗМ

³ Горшенков, Г. Н. (2016). Проблемы криминологии: магистерский курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом: Александров, А. С., Александрова, И. А. (2016). Современная уголовная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В сб. Е. Н. Рахманова (отв. ред.), Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (с. 20–27). <https://www.iuaj.net/node/2170>

В свою очередь вечная преступность детерминирует (Игнатов, 2020. С. 221) вечную деятельность по ее доказыванию. При этом «нормальность» определяется путем одобрения большинством, а антисоциальная (преступная. – Прим. А. А.) деятельность должна являться делом меньшинства (Ломброзо, 2005. С. 243). Представляется, что общество, зачастую даже само этого не ведая, в каждый исторический период определяет свой оптимальный уровень преступности, а также состав и характер преступных деяний (Дюркгейм, 1995. С. 85–87). Пожалуй, это и есть показатель цивилизованности общества и государства. Тем самым задача государства состоит не только в удерживании в нормальном состоянии количества преступлений, но и в адекватном реагировании на качественные изменения в криминальной среде.

Действительность указывает на то, что на сегодняшний день о «нормальности» говорить не приходится. Менее половины зарегистрированных (не говоря уже обо всех совершаемых) преступлений не раскрываются⁶, а равно не доказываются. Ситуация осложняется нарушениями прав и свобод участников уголовного процесса, низким уровнем возмещения нанесенного преступлениями ущерба, затянутым производством многотомных уголовных дел и т. д. Предполагаем, что это и есть наглядное проявление дисбаланса в средствах двух сторон дуалистической системы, демонстрацией неравенства в динамических силах двух видов деятельности. Это объясняется тем, что в какой-то момент силы разрушительные взяли верх над силами созидательными как минимум по отдельным видам преступлений. Можно долго говорить про синергию выравнивания⁷, поиск баланса сил и золотой середины (Пашаев, 2007. С. 8), но на сегодняшний день разнообразие сил и средств явно не соответствует криминальной действительности.

Под средствами и той, и другой деятельности мы понимаем технологический комплекс, предназначенный для обеспечения функционирования соответствующей деятельности. Технологический комплекс – это все то, что может быть использовано как для подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности, так и для ее доказывания. Это могут быть действия, мероприятия, операции, орудия, а также приемы, способы и методы их выполнения.

И тут мы столкнулись с ключевым отличием не только в средствах двух видов деятельности, но и в двух сторонах единой дуалистической системы. Средства преступной деятельности ничем не ограничены и не могут быть ограничены, а средства деятельности по доказыванию находятся в строгих рамках закона – можно использовать только то, что не запрещено (разрешено) Конституцией РФ, УПК РФ, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и т. д. Например, субъекты доказывания не могут проводить такие процессуальные действия или оперативно-разыскные мероприятия, которые не приведены в соответствующих нормативных правовых актах. В противном случае они будут признаны недопустимыми. Тактика использования имеющихся процедурных средств также не может противоречить закону.

В качестве примера – преступления с наименьшим показателем раскрытия – с использованием современных технологий. Например, в преступной деятельности проводятся разработка и применение вредоносного программного обеспечения в паре с фишинговыми ссылками и сайтами, анонимизация в сети Интернет с помощью VPN, прокси-серверов и других технологий, используемая для завладения персональными данными, информацией о платежных инструментах, а ответ в деятельности по доказыванию – осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, компьютерно-техническая экспертиза, получение объяснений, направление запросов в банковские учреждения, провайдерам, хостинг-платформы и т. д. Даже на слух это воспринимается, как нечто архаичное, не соответствующее современным реалиям. Большинство процедурных средств доказывания берет свое начало аж с Устава уголовного судопроизводства 1864 г., ставшего значительным достижением судебной реформы того периода. Несмотря на то, что последующие уголовно-процессуальные законы переняли (растеряли) большое количество норм из этого источника, следует признать, что прошло уже более 150 лет и принципиальных (необходимых) изменений с точки зрения усиления средств доказывания так и не происходило.

⁶ МВД РФ. (2024). Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. <https://media.mvd.ru/files/application/5095078>

⁷ Горшенков, Г. Н. (2016). Проблемы криминологии: магистерский курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия.

Практика наглядно подтверждает неспособность таких средств противодействовать преступной деятельности⁸. Неслучайно в научном сообществе все чаще говорят о необходимости применения новых средств доказывания – осмотра и выемки электронных носителей, обыска в электронных сетях, признания электронных доказательств в качестве самостоятельных и т. д. (Каменев, 2023; Яковлева, 2023; Телевицкая, 2023; Количенко, 2023). В этой же группе можно назвать и весьма эффективный метод OSINT (Васюков, Афанасьев, 2024) и многое другое, предлагаемое доктриной, но так и не реализованное практикой. Ситуация осложняется тем, что, пока мы предлагаем новые инструменты в рамках доктрины, появляются все более современные средства преступной деятельности на практике. В этом плане нельзя не учитывать средства доказывания, успешно внедренные в уголовно-процессуальные законы ряда стран. Например, контроль телекоммуникаций *Telekommunikationsüberwachung* (телефонные звонки, электронная почта и т. д.), онлайн-обыск *Online-Durchsuchung* (удаленная установка на компьютер специальной вирусной программы, которая записывает всю интересующую информацию) в Германии⁹. Разумеется, это не эталонное представление средств доказывания.

В настоящее время с критически низким уровнем раскрытия подобных преступлений приходится рассчитывать лишь на ошибки злоумышленников. А что бы могло соответствовать по силе? К примеру, не направление запросов в банковские учреждения для установления схемы движения денежных средств и ожидание ответов, а постоянный или оперативный доступ к банковским счетам в целях доказывания, не запросы операторам связи, провайдерам, хостинг-ресурсам и ожидание ответов, а оперативное получение информации в целях доказывания. И все это в формате специального процедурного средства.

Очевидно, помимо смены текущей практики взаимодействия и доступности к различным средствам, нужны и новые. Такими средствами могут быть, например, ханипоты (специальные системы или устройства, которые имитируют реальные цели для хакеров, но на самом деле служат для их обнаружения, анализа и отслеживания)¹⁰, которые могут быть использованы как средство доказывания для отслеживания и последующей идентификации поведения субъектов в преступной деятельности в смоделированной системе. Имеется в этом плане интересная практика обращения правоохранительных органов зарубежных стран к различным программам отслеживания типа Policeware (программное обеспечение, предназначенное для негласного наблюдения обсуждений и взаимодействий граждан с использованием вредоносных программ)¹¹, кейлогерам (keylogger) – программы, считывающие действия пользователя, и т. д.

Еще одним подтверждением дисбаланса выступает неэффективное или неразумное использование уже имеющихся средств доказывания и формирование доказательственных систем. Является довольно распространенным¹²: во-первых, включение документов и материалов, не предусмотренных УПК РФ и, как следствие, с неопределенным доказательственным значением; во-вторых, обращение лишь к части доказательств при составлении итоговых процессуальных документов – обвинительного заключения, акта или постановления; в-третьих, обращение лишь к части обстоятельств, подлежащих доказыванию, при перечислении доказательств, полученных в ходе расследования; в-четвертых, отсутствие соотнесения между доказательствами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Универсальная «машина» уголовного процесса дает сбой, и он настолько очевиден, что даже примеры из совсем других сфер деятельности представляются весьма любопытными. Например, медицине, которая всегда отличалась своими прагматичными подходами, в различных клинических рекомендациях прописы-

⁸ МВД РФ. (2024). Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. <https://media.mvd.ru/files/application/5095078>

⁹ Strafprozeßordnung Deutsche. <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17666>

¹⁰ Курс по анонимности и безопасности в Сети. Cyberyozh. <https://book.cyberyozh.com/ru/kak-lovyat-hakeroev/>

¹¹ См. об этом: ArsTechnica. <https://webcitation.org/6BhvkItkd?url=http://arstechnica.com/security/2007/07/will-security-firms-avoid-detecting-government-spyware/>

¹² Изучение ряда уголовных дел как общеуголовной, так и экономической направленности подтверждает обозначенные обстоятельства. См., например, по ст. 196 УК РФ: Уголовное дело № 11901030053002446. (2021). Архив Октябрьского районного суда г. Краснодар; по ст. 186 УК РФ: Уголовное дело № 12101360013000010. (2021). Архив Волжского районного суда Самарской области; по ст. 158 УК РФ: Уголовное дело № 580045. (2016). Архив Московского районного суда г. Нижнего Новгорода; по ст. 162 УК РФ: Уголовное дело № 510799. (2016). Архив Московского районного суда г. Нижнего Новгорода; по ст. 273 УК РФ: Уголовное дело № 12001650006000219. (2019). Архив Асбестовского городского суда Свердловской области и др.

ваются своего рода алгоритмы и критерии оценки достаточности доказательств для принятия решений. Так, в одной из таких рекомендаций содержатся критерии оценки качества медицинской помощи, определяемые по уровню достоверности доказательств (A, B, C) и уровню убедительности рекомендаций (от 1 до 5)¹³, основанные на ведомственном приказе¹⁴.

Имеется весьма любопытный зарубежный опыт установления различных стандартов доказывания в зависимости от убедительности и достаточности доказательств для принятия решений: «за пределами разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*) (вероятность виновности не менее 99 %), «ясные и убедительные доказательства» (*clear and convincing evidence*) (вероятность совершения нарушения хотя бы 75 %), «преобладание доказательств» (*preponderance of the evidence*) (вероятность более 50 %), «достаточное основание» («вероятная причина») (*probable cause*) (вероятность 25 %, для возбуждения, обвинения, ареста, обыска), «разумное подозрение» (*reasonable suspicion*) (вероятность не менее 1 %, для задержания, досмотра)¹⁵.

Вероятно, такая практика стандартизации доказывания является продолжением принятой логики «рациональной системы доказательств», когда: во-первых, вероятность факта определяется доказательствами, а сами факты указывают на совершенные действия¹⁶; во-вторых, разрешены все средства доказывания, не запрещенные законом¹⁷; в-третьих, необходимо использовать только те доказательства, которые обладают достаточной доказательной ценностью, а остальное не учитывать¹⁸; в-четвертых, необходимо устанавливать не характеристику элемента доказательств, а связь между элементом доказательства и вопросом, который может быть надлежащим образом доказуем по делу (читай – обстоятельства, подлежащего доказыванию)¹⁹.

Мы прекрасно понимаем, что в этой дуалистической системе баланса быть не может по сути, как и внутри любой сложной системы нет полной гармонии, и развитие их всегда происходит через преодоление противоречий (Амосов, 1969. С. 6–9). Но чтобы преступность не превосходила установленные предшествующими правилами для нее количественное и качественное состояние, требуется обеспечить «нормальную» деятельность по доказыванию.

На наш взгляд, в данном случае «нормальность» заключается не только в том, что на каждую преступную деятельность должна действовать равносильная деятельность по ее доказыванию, но и в том, что таких средств по силе и разнообразию должно быть достаточно для того, чтобы эффективно противодействовать преступной деятельности и каждый раз достигать своей цели.

Заключение

Гипотеза нашла свое подтверждение. Преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию выступают дуализмом двух сложных функциональных систем, которые противоположны, не сводимы друг к другу, равноправны, но не равносильны. Неравносильность проявляется в несоответствии средств доказывания средствам преступной деятельности по силе и разнообразию. С одной стороны, имеющиеся средства доказывания являются устаревшими и ограниченными, с другой – используются неэффективно при формировании доказательственных систем различного уровня. Указанное обстоятельство приводит к дисбалансу в дуалистической системе. Подтверждением выступают системообразующие проблемы действительности –

¹³ Клинические рекомендации «Острый холецистит». Рубрикатор клинических рекомендаций. https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/324_2

¹⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ № 103н от 28.02.2019. Гарант. <https://base.garant.ru/72240714/>

¹⁵ Будылин, С. Дело Кавано и стандарты доказывания. https://zakon.ru/blog/2018/10/03/delo_kavano_i_standarty_dokazyvaniya

¹⁶ См. об этом: Правило 401 Федеральных правил доказывания. Cornell Law School. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_401

¹⁷ Попытки отыскать средства доказывания (по-нашему – следственные действия) привели к таким, как: в Федеральных уголовно-процессуальных правилах – дача показаний, обыск, выемка. См. об этом: Federal Rules of Criminal Procedure. Cornell Law School. <https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp>; в Федеральных правилах доказывания – допросы различных типов, в том числе перекрестный, экспертиза. См. об этом: Federal Rules of Evidence. Cornell Law School. <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>; в Калифорнийском кодексе доказывания – допрос свидетелей, экспертиза. См. об этом: California Legislative Information. <https://leginfo.ca.gov/faces/codedisplayexpand.xhtml?tocCode=EVID>

¹⁸ См. об этом: Rule 401. Test for Relevant Evidence. Cornell Law School. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_401

¹⁹ См. там же.

критически низкая раскрываемость²⁰, нарушение прав и свобод участников уголовного процесса²¹, низкий уровень возмещения ущерба от преступлений²², затянутость производства многотомных уголовных дел²³ и т. д. Когда непригодные средства приводят к непригодным для общества и, вероятно, государства результатам. Основная задача заключается в раскрытии механизма доказывания с целью определения того, как именно можно уравновесить две стороны в дуалистической системе.

Список литературы

- Александрова, И. А. (1998). *Мода и преступность*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.
- Амосов, Н. М. (1969). *Искусственный разум*. Киев: Наукова думка.
- Анохин, П. К. (1973). *Принципы системной организации функций*. Москва: Наука.
- Байтин, М. И. (2001). *Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)*. Саратов: СГАП.
- Белкин, Р. С. (1970). *Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики*. Москва: Изд-во ВШ МВД СССР.
- Белкин, Р. С. (2001). *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики*. Москва: НОРМА.
- Бентам, И. (1998). *Введение в основания нравственности и законодательства*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Боулдинг, К. (1969). Общая теория систем – скелет науки. В сб. *Исследования по общей теории систем: сборник переводов с польского и английского* (с. 106–124). Москва: Прогресс.
- Васюков, В. Ф., Афанасьев, А. Ю. (2024). К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 1, 79–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-79-86>
- Губанищев, В. В. (2009). *Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.
- Демин, А. И. (2007). *Парадигма дуализма: Пространство – время, информация – энергия*. Москва: Издательство ЛКИ.
- Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* (пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана). Москва: Канон.
- Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии* (пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина). Москва: Элементарные формы.
- Журавлев, С. Ю. (2022). *Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики*: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород.
- Игнатов, А. Н. (2020). Противодействие преступности: симулякры и симуляции. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*, 6(1), 215–226.
- Каменев, А. С. (2023). *Осуществление функции защиты посредством собирания и проверки электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве*: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск.
- Каминский, М. К. (1977). Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. *Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Труды ГВШ МВД СССР*. Вып. 8, Ч. 1. Горький.
- Колдин, В. Я. (1989). *Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования*. Москва: Издательство Московского университета.
- Количенко, А. А. (2023). *Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.

²⁰ МВД РФ. (2024). Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. <https://media.mvd.ru/files/application/5095078>

²¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doklad-2022.pdf>

²² Оценка современного состояния государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений: аналитический доклад. (2023). https://fondpp.org/storage/2023/02/doklad-fpp-za-2022-g_.pdf

²³ См. об этом: Как сократить время расследования и почему нужны единые критерии достаточности собранных доказательств. Интервью Александра Бастрыкина. (2022, 27 сентября). RG.ru. <https://rg.ru/2022/09/27/horoshho-sledovatelno-vovremia.html>; постановление Конституционного Суда РФ № 33-П от 18 июля 2022 г. (2022). <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision622002.pdf>

- Крепышева, С. К. (2001). *Формирование прогностической методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.
- Кудрявцев, В. Н. (1982). *Правовое поведение: норма и патология*. Москва: Наука.
- Ломброзо, Ч. (2005). *Преступный человек*. Санкт-Петербург: Мидгард.
- Лубин, А. Ф. (1997). *Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности*: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород.
- Мамчур, Е. А., Овчинников, Н. Ф., Уемов, А. И. (1989). *Принцип простоты и меры сложности*. Москва: Наука.
- Мертон, Р. (1968). Структурно-функциональный анализ в современной социологии. *Информационный бюллетень ССА. Серия: переводы и рефераты*, 6(1), 82–179.
- Образцов, В. А. (1997). *Криминалистика*. Москва: Юристъ.
- Парсонс, Т. (2018). *Социальная система = The Social System*. Москва: Академический проект.
- Пашаев, Х. П.-оглы (2007). *Социально-философский анализ соотношения нормосозидающей и криминальной сфер общественной жизни*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул.
- Поваров, Г. Н. (1972). То daidalu ptero (К познанию научно-технического прогресса). *Системные исследования. Ежегодник-1971*. Москва: Наука.
- Райдугин, Д. С. (2007). *Философия преступления: социальные аспекты*: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар.
- Растринин, Л. А. (1981). *Адаптация сложных систем*. Рига: Зинатне.
- Судаков, К. В. (1984). *Общая теория функциональных систем*. Москва: Медицина.
- Телевицкая, Ю. А. (2023). *Выемка электронных носителей информации по уголовным делам*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.
- Эпштейн, М. Н. (2001). *Философия возможного*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Эшби, У. Р. (1959). *Введение в кибернетику*. Москва: Изд-во иностранной литературы.
- Яковлева, К. Ю. (2023). *Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

References

- Aleksandrova, I. A. (1998). *Fashion and crime*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Amosov, N. M. (1969). *Artificial intelligence*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.).
- Anokhin, P. K. (1973). *Principles of systemic organization of functions*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Ashby, W. R. (1959). *Introduction to cybernetics*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russ.).
- Baitin, M. I. (2001). *Essence of law (Modern normative interpretation of law at the verge of two centuries)*. Saratov: SGLA.
- Belkin, R. S. (1970). *Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminology*. Moscow: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. (In Russ.).
- Belkin, R. S. (2001). *Criminology: problems of today. Actual issues of the Russian criminology*. Moscow: NORMA. (In Russ.).
- Bentham, I. (1998). *Introduction to the basics of morality and legislation*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russ.).
- Boulding, K. (1969). General systems theory: the skeleton of science. In *Research on general systems theory: collection of translations from Polish and English* (pp. 106–124). Moscow: Progress. (In Russ.).
- Demin, A. I. (2007). *Paradigm of dualism: Space – time, information – energy*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
- Durkheim, E. (1995). *Sociology. Its object, method, and purpose* (Transl. from French, compiled, foreword and comments by A. B. Gofman). Moscow: Canon. (In Russ.).
- Durkheim, E. (2018). *The elementary forms of the religious life: totemic system in Australia* (transl. V. V. Zemskova; edited by D. Yu. Kurakin). Moscow: Elementary Forms. (In Russ.).
- Epstein, M. N. (2001). *A philosophy of the possible*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.).
- Gubanishchev, V. V. (2009). *Criminological analysis of the mechanism of criminal activity in economy*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Ignatov, A. N. (2020). Fighting crime: simulacra and simulations. *Proceedings of Crimean Federal University named after V. I. Vernadskiy. Juridical Sciences*, 6(1), 215–226. (In Russ.).
- Kamenev, A. S. (2023). *Performing the defense function by collecting and checking electronic evidences in criminal court procedures*: Cand. Sci. (Law) thesis. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Kaminsky, M. K. (1977). Criminological characteristics of the activities of crime identification, detection and investigation. *Legal and social-economic sciences and struggle against thefts of Socialist property. Works of Gorky Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs*. 8(1). Gorky. (In Russ.).
- Koldin, V. Ya. (1989). *Typical models and algorithms of criminal investigation*. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russ.).

- Kolichenko, A. A. (2023). *Problems of checking and assessing electronic evidences in modern criminal procedure*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Krepysheva, S. K. (2001). *Forming a prognostic methodology of investigating crimes related to legalizing (laundering) criminal revenues*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Kudryavtsev, V. N. (1982). *Legal behavior: norm an pathology*. Moscow: Science. (In Russ.).
- Lombroso, C. (2005). *Criminal man*. Saint Petersburg: Midgard. (In Russ.).
- Lubin, A. F. (1997). *Methodology of criminological investigation of the mechanism of criminal activity*: Dr. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Mamchur, E. A., Ovchinnikov, N. F., & Uemov, A. I. (1989). *Principle of simplicity and measure of complexity*. Moscow: Science. (In Russ.).
- Merton, R. (1968). Structural-functional analysis in modern sociology. *Information Bulletin of SSA. Series: translations and abstracts*, 6(1), 82–179. (In Russ.).
- Obratsov, V. A. (1997). *Criminology*. Moscow: Jurist. (In Russ.).
- Parsons, T. (2018). *The Social System*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
- Pashayev, H. P.-oglu (2007). *Social-philosophical analysis of correlation between norm-forming and criminal spheres of public life*: abstract of Cand. Sci. (Philosophy) thesis. Barnaul. (In Russ.).
- Povarov, G. N. (1972). To Daidalu Ptero (On cognition of scientific-technical progress). *Systems research. Yearbook-1971*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Raidugin, D. S. (2007). *Philosophy of crime: social aspects*: Cand. Sci. (Philosophy) thesis. Krasnodar. (In Russ.).
- Rastrigin, L. A. (1981). *Adaptation of complex systems*. Riga: Zinatne. (In Russ.).
- Sudakov, K. V. (1984). *General theory of functional systems*. Moscow: Meditsina. (In Russ.).
- Televitskaya, Yu. A. (2023). *Seizure of electronic carriers of information in criminal cases*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Vasyukov, V. F., & Afanasyev, A. Yu. (2024). On the issue of obtaining operationally significant information from open sources of information on the Internet. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 79–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-79-86>
- Yakovleva, K. Yu. (2023). *Using electronic information in criminal-procedural proving*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. Yu. (2022). *Methodological bases of improving methods of investing economic crimes*: Dr. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 08.08.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

А. А. Шутова¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: shutovaaa@ieml.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?origin=resultslist&authorId=57219032918>
Web of Science Researcher ID: GOG-9089-2022
eLIBRARY SPIN-код: 5235-4319

Аннотация

Цель: формирование теоретической концепции уголовно-правовой охраны цифрового здравоохранения на основе выявления ключевых криминальных рисков, а также терминологический анализ понятия «цифровая безопасность системы здравоохранения» и возможность его использования в юридической теории и практике.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: на основании проведенного исследования были выявлены ключевые криминальные риски и тенденции цифрового здравоохранения, проведен юрико-терминологический анализ понятия «цифровая безопасность системы здравоохранения», сформулированы авторские определения понятий «цифровая безопасность системы здравоохранения», «обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения» и «цифровая угроза», а также раскрыт комплекс причин, обуславливающих необходимость правового регулирования цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами.

Научная новизна: разработана теоретическая концепция уголовно-правовой охраны цифровой безопасности системы здравоохранения, которая включает в себя три группы элементов: ключевые криминальные риски цифровизации здравоохранения (риски, возникающие в связи с обращением цифровой информации в системе здравоохранения; риски, свойственные медицинским изделиям, разработанным на основе цифровых технологий; риски критической информационной инфраструктуры РФ); юрико-терминологический аппарат цифровой безопасности системы здравоохранения; факторы, обуславливающие необходимость правового регулирования цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами (цифровизация здравоохранения; риски взлома или несанкционированного доступа к медицинским изделиям, созданным на основе цифровых технологий; загруженность медицинских работников; повышенная общественная опасность противоправных посягательств в сфере цифрового здравоохранения и др.).

Практическая значимость: предложения и выводы исследования могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, а также формирования научной основы для междисциплинарных исследований на стыке уголовно-правовой науки и цифровых технологий.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, уголовно-правовые средства, цифровые технологии, цифровая безопасность, система здравоохранения, медицина, робототехника

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шутова, А. А. (2024). Обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 936–953. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.936-953>

Scientific article

A. A. Shutova¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means

Albina A. Shutova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher of Scientific-research Institute for Digital Technologies and Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: shutovaaa@ieml.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?origin=resultslist&authorId=57219032918>
Web of Science Researcher ID: GOG-9089-2022
eLIBRARY SPIN-code: 5235-4319

Abstract

Objective: to form a theoretical concept of criminal-legal protection of digital healthcare by identifying the key criminal risks; to perform a terminological analysis of the concept of “digital security of the healthcare system” and to analyze the possibility of its use in legal theory and practice.

Methods: the article uses the universal dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) methods of research.

Results: based on the conducted research, the key criminal risks and trends of digital healthcare were identified; legal and terminological analysis of the concept of “digital security of the healthcare system” was performed. The author has formulated the definitions of such concepts as “digital security of the healthcare system”, “ensuring digital security of the healthcare system” and “digital threat”, and reveals a set of reasons for legal regulation of digital security of the healthcare system.

Scientific novelty: the author has developed a theoretical concept of criminal-legal protection of digital security of the healthcare system, which includes three groups of elements: key criminal risks in healthcare digitalization (risks arising in the circulation of digital information in the healthcare system; risks inherent in medical devices based on digital technologies; risks of critical information infrastructure in the Russian Federation); legal and terminological apparatus of digital security of the healthcare system; factors that determine the need for legal regulation of digital security of the healthcare system by criminal-legal means (digitalization of healthcare; risks of hacking or unauthorized access to medical devices based on digital technologies; workload of medical workers; increased social danger of unlawful encroachments in the field of digital healthcare, etc.).

Practical significance: the proposals and conclusions of the study can be used to improve criminal legislation and practice of its application, as well as to form a scientific basis for interdisciplinary research at the intersection of criminal law science and digital technologies.

Keywords:

criminal-legal sciences, criminal-legal means, digital technologies, digital security, healthcare system, medicine, robotics

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shutova, A. A. (2024). Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 989–1006. (In Russ.). 936-953. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.936-953>

Введение

Повседневная деятельность человека с неизбежностью предполагает взаимодействие со всевозможными цифровыми технологиями, которые стремительно меняют представление о реальности. Специалисты уже рассматривают и выделяют цифровое право как комплексную отрасль права¹. Активная цифровизация затронула все без исключения сферы общественной жизни, не оставив без внимания и здравоохранение. Уже сейчас активно внедряются медицинские роботы и иные автономные системы, оснащенные технологиями искусственного интеллекта, призванные качественно изменить медицину, подняв ее на новый уровень.

На данный момент следует констатировать вектор развития государственной политики Российской Федерации, направленной на форсированную цифровизацию отечественного здравоохранения. Действующие нормативные правовые акты Российской Федерации уже детальным образом регулируют одно из важнейших направлений – стратегию цифровой трансформации здравоохранения. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. № 959-р определено стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения².

По причине того, что многие медицинские услуги, оказываемые населению, уходят в дистанционный режим, возрастают роль и количество цифровых данных (в том числе персональных данных) в свете внедрения методов машинного обучения и других технологий, а также в связи с тем, что здравоохранение представляет собой отрасль критической информационной инфраструктуры, непрерывность ее работы имеет большое значение для граждан страны, противоправные посягательства на цифровую составляющую учреждений здравоохранения неминуемо приведут к значимому ущербу. Таким образом, вопросам обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения должно уделяться пристальное внимание.

В связи с форсированной цифровизацией системы здравоохранения государству необходимо обеспечивать уровень ее безопасности в подобных условиях развития общественных отношений от нарастающих угроз (Шутова, 2023). В условиях сформированной цифровизации особенно актуальными являются вопросы обеспечения безопасности цифровых технологий (Жарова, 2023).

Развитие цифровых технологий не только трансформирует социальные связи, экономические отношения, способы взаимодействия между людьми, иные стороны общественной жизни, в том числе отрасль здравоохранения, но и провоцирует рост преступности, использование указанных инновационных решений в преступной деятельности. Злоумышленники быстро взяли на вооружение новые цифровые технологии и переместили часть своей противоправной деятельности в онлайн-пространство, вследствие чего преступность изменилась.

В связи с тем, что статистика по цифровым преступлениям в России не собирается централизованно, а в отдельных случаях кажется разрозненной, нами используются значительные сводки преступлений в других странах, так как спектр цифровых технологий, который используется в учреждениях системы здравоохранения, является схожим. Полагаем, что нам не следует дожидаться громких новостей о прорыве защиты учреждений здравоохранения Российской Федерации, а заблаговременно подготовить фундамент для формирования нормативной базы, адекватной формирующимся реалиям.

О росте цифровой преступности косвенно свидетельствуют статистические данные, сведения, полученные в результате опросов, а также исследований экспертных мнений. Имеются сведения МВД России об общем количестве совершаемых цифровых уголовно наказуемых деяний, а также данные о посягательствах на медицинские учреждения, что также позволит сделать умозаключение об их росте:

¹ Сидоренко, Э. Л. (ред.) (2024). Цифровое право: учебник. Москва: Юрлитинформ.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 959-р от 17 апреля 2024 г. (2024). СПС «КонсультантПлюс».

1) в первом полугодии 2024 г. центр мониторинга и реагирования на кибератаки МТС RED, входящий в ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС), отразил на 32 % больше критических атак на эту отрасль, чем за аналогичный период прошлого года³;

2) специалисты отдела анализа и оценки цифровых угроз ООО «Инфосекьюрити» (*Infosecurity*, входит в ГК *Softline*) подтверждают, что сфера здравоохранения в 2024 г. стала более приоритетной целью, чем в аналогичный период годом раньше⁴. В свою очередь, эксперты *KnowBe4* отмечают, что количество хакерских атак на медицинские организации значительно увеличилось, особенно во время пандемии COVID-19. В 2022 г. было зафиксировано увеличение атак на 45 % по сравнению с предыдущим годом, а в 2023 г. этот показатель вырос еще на 50 % по сравнению с 2021 г.⁵;

3) с 2016 г. сфера здравоохранения стала жертвой большего количества атак кибербезопасности по сравнению с финансовой отраслью (Argaw et al., 2020). По результатам проведенных исследований, последствия противоправных посягательств в период пандемии коронавируса оказали сильнейшее влияние на два сектора: здравоохранение и банковскую сферу (Alawida et al., 2022);

4) согласно статистике МВД России, в январе – декабре 2023 г. зарегистрировано 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 26,5 % в январе – декабре 2022 г. до 34,8 %⁶. Однако хотелось бы уточнить, что преступления в сфере компьютерной информации, входящие в 28-ю главу УК РФ, представляют лишь часть уголовно наказуемых деяний против цифровой безопасности системы здравоохранения.

С учетом форсированной цифровизации системы здравоохранения стоит констатировать несовершенство действующего законодательства в данной области, что негативным образом влияет на охрану общественных отношений и в целом снижает потенциал предупредительных мер. По мнению профессора А. Ю. Чупровой, если «в 1996 году УК РФ справлялся с поставленными задачами по уголовно-правовой охране наиболее важных общественных отношений, то в условиях глобализации и непрерывного развития научно-технического прогресса возникновение новых видов общественных отношений представляется неизбежным» (Чупрова, 2015). Кроме этого, в российском уголовном законодательстве в настоящее время объект уголовно-правовой охраны не соответствует динамичному развитию информационных технологий (Пучков, 2022). В связи с этим приходится констатировать то, что «уголовный закон нередко отстает от существующих реалий и тенденций развития технологий. Зачастую проходят годы, прежде чем будут приняты нормы, запрещающие очевидно опасные для общества действия, или изменено законодательство» (Чупрова, 2015). Несомненно, количество уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение информационной безопасности, в УК РФ увеличивается, что обусловлено ростом преступности, однако подобные факты не учитывают современные цифровые тенденции, а также вызовы и угрозы, которые несут подобные явления (Ефремова, 2018). В связи с этим процессы криминализации цифрового здравоохранения неизбежны, и если уже сейчас не предпринять меры предупреждения глобализации криминализации сферы, то будет значительно труднее противодействовать подобным уголовно наказуемым деяниям.

Цифровизация здравоохранения: основные тренды и проблемы практического применения

На данный момент в сфере цифрового здравоохранения наметились следующие тенденции:

– во-первых, в учреждениях системы здравоохранения активно применяются цифровые технологии (начиная от мобильных медицинских приложений и программного обеспечения, поддерживающих при-

³ Хакеры взяли за медицину. (2024, 29 июля). Comnews. <https://www.comnews.ru/content/234514/2024-07-29/2024-w31/1008/khakery-vzyalis-za-medicinu>

⁴ Там же.

⁵ Хакерские атаки на сферу здравоохранения. (2023, 20 октября). Региональные системы. Инжиниринговый центр. <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/khakerskie-ataki-na-sferu-zdravookhraneniya/>

⁶ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. (2024, 20 января). МВД России. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/>

нятие клинических решений, которые врачи осуществляют каждый день, и до искусственного интеллекта и машинного обучения (Ткаченко, Чеснюкова, 2023) и их потенциал будет только расти. Технологии медицинской робототехники, искусственного интеллекта и иные инновационные медицинские решения активно используются в современной клинической медицине (Ядав, 2023) и имеют ошеломляющий успех в связи с их многочисленными преимуществами (Бахтеев, 2023). Возможности применения цифровых технологий в сфере здравоохранения разнообразны и могут быть связаны с различными инновациями, ориентированными на пациентов, например, записью на прием к врачу из дома, проверкой списков ожидания; доступом к медицинской помощи не выходя из дома, обменом информацией с другими людьми с такими же проблемами со здоровьем и доступом к персонализированной медицинской информации (Martínez-Caro et al., 2013). Цифровое здравоохранение потенциально способно предотвращать заболевания и тем самым снижать затраты на предоставляемые населению медицинские услуги, одновременно помогая пациентам контролировать, точно диагностировать и лечить хронические заболевания, а также адаптировать лекарственные средства для конкретных больных граждан (в рамках персонализированной медицинской помощи);

– во-вторых, увеличиваются расходы на цифровую медицину. Так, по оценкам *Statista*, расходы на цифровую трансформацию в секторе здравоохранения во всем мире уже превысили 1,3 трлн долл. и растут на 10,4 % ежегодно⁷. В свою очередь, в России также наблюдается увеличение затрат организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 г. расходы на цифровое здравоохранение составляли 2,2 %, а в 2021 г. – 2,6 %⁸, и представляется, что данные показатели будут только расти;

– в-третьих, медицинские работники (целых 92 %) и медицинские учреждения добились повышения производительности только за счет цифровой трансформации (согласно исследованию, опубликованному *Deloitte*)⁹. В свою очередь, журнал *The Lancet Digital Health* опубликовал результаты исследования влияния цифровых технологий на медицинских работников, в ходе которого выяснилось, что внедрение телемедицины повышает их удовлетворенность профессией и даже способствует карьерному росту (Borges do Nascimento et al. 2023);

– в-четвертых, цифровое здравоохранение уходит от разработки цифровых продуктов для медицинских организаций и ориентируется на пациентов. Если ранее технологические инновационные решения разрабатывались для учреждений системы здравоохранения (системы электронных карт, система поддержки принятия решений, диагностическое оборудование и т. д.), то теперь можно наблюдать тренд на разработку цифровых продуктов пациентам¹⁰.

Таким образом, в здравоохранении традиционные методы диагностики постепенно вытесняются цифровыми методами, что привело к тому, что почти каждый компонент медицинской сферы находится в процессе оцифровки. Именно в этой сфере системообразующие элементы цифровой экономики находят свое прямое применение. Так, объем инвестиций в цифровое здравоохранение увеличивается¹¹.

Цифровизация системы здравоохранения породила этические, технические и правовые проблемы.

К этическим дилеммам можно отнести:

- проблему коммодификации тела человека в свете развития технологии биопринтинга;
- необходимость беречь свое здоровье в связи с возможностью замены больного органа на биопринтный, а следовательно, на здоровый. Как считает Vijayavenkataraman с соавторами, теперь можно выкурить сколько угодно сигар, а потом купить новую пару легких, напиться и купить печень в магазине органов (2016);
- использование достижений медицинской робототехники в целях оказания медицинской помощи (медицинской услуги) или трансформации тела человека и многие другие.

⁷ Номинальный ВВП, обусловленный цифровыми и другими преобразованиями предприятий по всему миру с 2018 по 2023 гг. (2022, 23 мая). Statista. <https://www.statista.com/statistics/1134766/nominal-gdp-driven-by-digitally-transformed-enterprises/>

⁸ Абдрахманова, Г. И., Васильковский, С. А., Вишневецкий, К. О. и др. (2023). Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ.

⁹ How digital transformation is driving action in healthcare. (2022, September 9). Weforum. <https://www.weforum.org/agenda/2022/09/health-information-system-digital-transformation-healthcare>

¹⁰ Тренды в цифровой медицине. (2023, 7 февраля). ProКачество <https://kachestvo.pro/innovatsii/trendy-v-tsifrovoy-medsitine/>

¹¹ Обзор российских инвестиций в цифровое здравоохранение. (2024, 16 июля). Webiomed. <https://webiomed.ru/blog/obzor-rossiiskikh-investitsii-v-tsifrovoe-zdravookhranenie/>

Технические проблемы связаны с тем, что, по мнению множества специалистов по безопасности, зрелость отрасли в отношении цифровой безопасности и защиты от цифровых угроз остается довольно низкой¹². Только 4–7 % бюджета систем здравоохранения инвестируется в их кибербезопасность (Morgan, 2020). Результаты исследования, проведенного специалистами по кибербезопасности компании «СёрчИнформ», свидетельствуют о том, что почти две трети медицинских организаций сталкивались с незаконными действиями, которые повлекли утечку данных. Кроме того, не всегда учреждения обращаются в правоохранительные органы, присутствует высокая латентность. По мнению экспертов, подобная проблема связана с нехваткой квалифицированных кадров и слабой цифровой грамотностью медицинского персонала¹³. Именно поэтому стоит констатировать отставание системы здравоохранения в обеспечении безопасности информации от иных сфер¹⁴. Поэтому злоумышленникам не требуются большие финансовые или ресурсные вложения для посягательства на отрасль.

В настоящее время готовые программные инструменты не справляются с обнаружением новых угроз и защитой медицинских учреждений. Так, в Великобритании злоумышленники, взломав сеть медицинской компании *Synnovis*, внедрили вредоносное ПО в ее систему¹⁵. Подобных фактов огромное множество как в России, так и во всем мире. При этом лица с антиобщественными взглядами пытаются:

- обойти средства защиты медицинских учреждений;
- организовать сетевые атаки с целью внедрения в медицинские организации вредоносного программного обеспечения;
- нарушить политику собственной безопасности.

Сюда же можно отнести нелегитимные действия администраторов информационных систем.

Для предотвращения крупномасштабных противоправных посягательств необходимо уделять значительное внимание собственной безопасности учреждений. Следует находить недостатки и уязвимости программного обеспечения, которые влияют на безопасность и качество обслуживания пациентов. Так, программисты уже продемонстрировали, как они могут вмешиваться в работу кардиостимуляторов и инсулиновой помпы, являющихся медицинскими изделиями, для получения дистанционного контроля над ними¹⁶. Получив доступ к цифровому устройству на значительном расстоянии, они могут ввести в организм пациента смертельную дозу препарата, используемого при лечении сахарного диабета. Можно предполагать, что потенциальные злоумышленники смогут взять под контроль и иное медицинское оборудование, включая медицинских роботов для проведения удаленной хирургической помощи. Во время телехирургической операции доктор удаленно управляет медицинским роботом с помощью специализированного программного и аппаратного обеспечения. Например, уязвимость была обнаружена в устройствах компании *Medtronic*¹⁷. Позже *Medtronic* была вынуждена привлечь сторонних специалистов для оценки безопасности своих продуктов.

В свою очередь, к правовым проблемам цифровизации отрасли здравоохранения следует отнести:

- отсутствие легального понятийно-категориального аппарата в условиях цифровизации системы здравоохранения (не выработаны определения понятиям «цифровизация», «цифровые технологии в системе здравоохранения», «цифровизация здравоохранения», «цифровое здравоохранение», «телемедицина» и т. д.);
- отсутствие в действующих стандартах оказания медицинской помощи и клинических рекомендациях Минздрава России возможности использования технологий искусственного интеллекта в целях реализации задач, возложенных на цифровое здравоохранение;

¹² Хакеры взяли за медицину. (2024, 29 июля). Comnews. <https://www.comnews.ru/content/234514/2024-07-29/2024-w31/1008/khakery-vzyalis-za-medicinu>

¹³ Выжать любой ценой: медицинская отрасль лидирует по утечкам данных. (2020, 27 февраля). iz.ru <https://iz.ru/975644/olga-kolentcova-anna-urmantseva/vyzhat-liuboi-tcenoi-meditsinskaia-otrasl-lidiruet-po-utechkam-dannykh>

¹⁴ Новые угрозы информационной безопасности здравоохранения (2020, 24 декабря). Touro University Illinois. <https://illinois.touro.edu/news/emerging-threats-in-healthcare-information-security.php>

¹⁵ Последствия кибератак на медицинские учреждения. (2024, 20 августа). Infowatch. <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/posledstviya-kiberatak-na-meditsinskiye-uchrezhdeniya>

¹⁶ Хакер, нашедший дыру в кардиостимуляторах, умер при таинственных обстоятельствах. (2013, 29 июля). Cnews. https://www.cnews.ru/news/top/hakernashedshij_dyru_v_kardiotimulyatorah

¹⁷ Там же.

– проблемы определения правового режима к сквозным медицинским технологиям и результатам их достижений (к примеру, необходим выбор оптимальной модели правового регулирования биопринтных технологий в Российской Федерации¹⁸);

– вопросы привлечения субъектов к юридической ответственности за действия (бездействия) при разработке (создании) и использовании (применении) медицинских изделий, разработанных на основе цифровых технологий (к примеру, медицинских роботов) (Шутова, 2024) и иные.

Учитывая дальнейшие процессы цифровизации системы здравоохранения и то, что это одно из направлений национальной безопасности Российской Федерации, необходимо обеспечить, чтобы меры цифровой безопасности были соизмеримы с имеющимися рисками.

Юрико-терминологический анализ понятия «цифровая безопасность системы здравоохранения»

Безопасность – это ключевое и комплексное понятие (Гончаров, 2009), имеющее, помимо доктринального понимания, и легальное толкование. В нормативных правовых актах Российской Федерации под термином «безопасность» понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства¹⁹, национальных интересов²⁰, участников дорожного движения²¹ от каких-либо угроз. В представленном исследовании мы придерживаемся уже сложившейся в национальной правовой системе России позиции относительно определения понятия «безопасность».

В свете форсированной цифровизации отрасли здравоохранения, активного внедрения цифровых технологий в различные процессы оказания медицинской помощи вопросам цифровой безопасности системы здравоохранения должно уделяться первостепенное значение. Кроме того, после совершения различных криминальных посягательств на цифровую безопасность медицинских учреждений пациенты должны продолжать получать медицинскую помощь, от которой может зависеть их жизнь и здоровье, в том числе оперироваться. В связи с этим особое место должно отдаваться охране цифровой инфраструктуры системы здравоохранения, которая нуждается в цифровой безопасности для защиты конфиденциальности, безопасности и жизни пациентов.

За последнее время злоумышленники атаковали сектор здравоохранения и использовали программы-вымогатели для предотвращения доступа к критически важным системам, в том числе электронным системам клиник и их данным, что может привести к причинению вреда жизни и здоровью пациентов. По результатам исследования, проведенного *Positive Technologies*, в 2023 г. во всем мире было зафиксировано рекордное количество атак с использованием программ шифрования цифровых данных учреждений системы здравоохранения в целях последующего вымогательства. Больше всего от таких действий пострадали медицинские организации: каждое пятое преступное посягательство на учреждения отрасли было проведено с использованием вымогательского программного обеспечения²². Поясним вышесказанное только некоторыми примерами из мировой практики:

1) в 2022 г. больница *Centre Hospitalier Sud Francilien*, расположенная в 28 км от центра Парижа, подверглась атаке, в результате которой клиника была вынуждена направить пациентов в другие медучреждения, а также отложить приемы больных и операции. Злоумышленники потребовали у руководства учреждения выкуп в размере 10 млн долларов в обмен на ключ дешифрования²³;

¹⁸ Более подробно можно ознакомиться в монографии: Шутова, А. А. (2022). Регулирование и охрана отношений в сфере биопринтных технологий. Москва: Проспект. EDN: RQFNTB

¹⁹ О безопасности. № 2446-І от 05.03.1992. (1992). Российская газета, 103.

²⁰ Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021. (2021). Собрание законодательства Российской Федерации, 27 (ч. II), ст. 5351.

²¹ О безопасности дорожного движения. № 196-ФЗ от 10.12.1995. (1995). Собрание законодательства Российской Федерации, 50, ст. 4873.

²² Стало известно, сколько заработали хакеры на вымогательстве в 2023 году. (2024, 25 апреля). РИА Новости. <https://ria.ru/20240425/khakery-1942179115.html>

²³ Французская больница срочно вывозит пациентов в другие госпитали из-за атаки программы-вымогателя. (2022, 24 августа). Cisoclub. <https://cisoclub.ru/francuzskaya-bolnicza-srochno-vyvozt-pacientov-v-drugie-gospitali-iz-za-ataki-programmy-vymogatelja/>

2) в 2023 г. российская лабораторная служба «Хеликс» подверглась атаке, в результате чего была частично приостановлена работа лабораторных комплексов и наблюдались задержки в выдаче результатов. Злоумышленники попытались внедрить вредоносное программное обеспечение, которое зашифровывает файлы и блокирует работу систем. После чего потребовали денежный выкуп за программное обеспечение, способное расшифровать поврежденные данные²⁴;

3) с января 2022 г. по июнь 2024 г. в Италии произошло 26 случаев использования программ-вымогателей в здравоохранении, при этом она стала третьей из числа наиболее пострадавших после сфер производства и розничной торговли²⁵.

В результате подобных криминальных посягательств на цифровую безопасность учреждений системы здравоохранения больницам, оказывающим медицинскую помощь населению, и их пациентам, был причинен следующий вред:

1) в Германии, Великобритании и США больницы были вынуждены отменять и откладывать прием больных, сдачу анализов и переливание крови, не могли перевозить пациентов в другие лечебные учреждения²⁶;

2) в Великобритании в больницах не смогли определять группу крови, в результате чего пациентам переливали первую группу крови²⁷;

3) в Коннектикуте нападения на больницу *Manchester Memorial* привели к сбоям в работе на шесть недель, прежде чем восстановилось предоставление услуг в прежних объемах²⁸;

4) в результате атаки на медицинский центр «Сюд-Франсильен» в Корбей-Эссоне (недалеко от Парижа) злоумышленники опубликовали персональные данные пациентов и сведения из их медицинских карт²⁹;

5) была отключена система обработки платежей, которой управляла компания *Change*, принадлежащая *UnitedHealthcare*, являющейся крупной компанией здравоохранения в США. *Change* функционировала как посредник между страховщиками, поставщиками, больницами и аптеками. Больницы и другие медицинские учреждения не смогли обрабатывать счета и получать платежи, необходимые им для работы. Врачи и пациенты не смогли получить одобрение страховой выплаты на некоторые процедуры, аптеки также были затронуты³⁰.

Однако последствия подобных противоправных посягательств могут создать угрозу оказания медицинской помощи другим нуждающимся пациентам³¹, а также невозможность проводить вовремя операции. Следовательно, последствия совершения уголовно наказуемых деяний, посягающих на цифровую безопасность системы здравоохранения, могут быть значительно серьезнее в связи с тем, что предоставление медицинских услуг зависит от применяемых цифровых решений.

²⁴ «Хеликс» предупредила о задержке выдачи результатов анализов из-за хакерской атаки. (2023, 17 июля). ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/18295025>

²⁵ Здравоохранение: информационная кампания по кибербезопасности начинается в регионе Лацио. (2024, 24 сентября). Агентство Нова. Ежедневное информационное агентство. <https://www.agenzianova.com/ru/news/Sanita>

²⁶ Больницы Великобритании столкнулись с беспрецедентной нехваткой крови после кибератаки. (2024, 26 июня). Азербайджанское государственное информационное агентство. https://azertag.az/ru/xeber/bolnicy_velikobritanii_stolknulis_s_besprecedentnoi_nehvatkoi_krovi_posle_kiberataki-3113306; Не успели спасти: пациентка умерла из-за хакерской атаки. (2020, 18 сентября). *gazeta.ru*. https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/18/13255255/ransomware_death.shtml; Лондонские больницы сообщили о масштабном ЧП из-за кибератаки. (2024, 4 июня). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/6746095>; Работа больницы в американском штате Айдахо была нарушена в результате кибератаки (2023, 1 июня). *Interfax*. <https://www.interfax.ru/world/904217>

²⁷ Больницы Великобритании столкнулись с беспрецедентной нехваткой крови после кибератаки. (2024, 26 июня). Азербайджанское государственное информационное агентство. https://azertag.az/ru/xeber/bolnicy_velikobritanii_stolknulis_s_besprecedentnoi_nehvatkoi_krovi_posle_kiberataki-3113306

²⁸ Последствия кибератак на медицинские учреждения. (2024, 20 августа). *Infowatch*. <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/posledstviya-kiberatak-na-meditsinskiye-uchrezhdeniya>

²⁹ Больница во французском Ренне подверглась кибератаке, сообщили СМИ. (2023, 22 июня). РИА Новости. <https://ria.ru/20230622/kiberataka-1879872152.html>

³⁰ Российские больницы под огнем. Число кибератак на медучреждения выросло на треть. (2024, 26 июля). *Cnews*. https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-26_kibertaki_na_meditsinskie

³¹ Могут быть и иные угрозы для пациентов: кредитные организации, узнав диагноз, анамнез и описание состояния больного человека через покупку базы данных в DarkNet пациентов, могут отказать человеку в выдаче кредита; данные о страховании, страховых полисах и выплатах могут использоваться для мошенничества.

Далее укажем то, что с развитием цифровых технологий и постепенной эволюцией от информационного общества к цифровому вслед за информационной безопасностью появился новый термин – «цифровая безопасность».

В правовой доктрине понятие «цифровая безопасность» является не новым и используется в трудах: В. Ф. Джафарли (2019), С. Я. Лебедева (2019), Н. А. Крайновой (2019), И. Р. Бегишева (2021), Г. З. Мансурова³², что также свидетельствует о его устойчивости и научной обоснованности. Одним из первых в юридических науках стал использовать термин «цифровая безопасность» В. Ф. Джафарли.

С точки зрения лексического понимания значение слова «цифровой» сильно изменилось: раньше оно было связано с «цифрой, числом», сейчас оно закрепляется за работой с информацией и массивами данных посредством цифр, связанный с двоичной компьютерной системой» (Бегишев, 2021).

При этом в российском законодательстве отсутствуют сегодня дефиниции «цифровая информация», «цифровые технологии», «цифровая инфраструктура», «цифровая безопасность», вместо них используются применяемые в законе термины «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерная информация», «информационная безопасность», «кибербезопасность».

Рассмотрим соотношение между собой информационной, кибер- и цифровой безопасности. В подпункте «в» пункта 2 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации³³ содержится определение понятия «информационная безопасность Российской Федерации», в котором ключевым является указание на внутренние и внешние информационные угрозы. В определении также важнейшее значение приобретает употребляемое понятие «информационная угроза», которая создает опасность нанесения ущерба интересам в информационной сфере. Однако «информационная сфера» представляет собой определенную совокупность информации, информационных технологий, сайтов в сети Интернет, субъектов, занимающихся обработкой информации и других элементов. Следовательно, исходя из вышеназванного Указа Президента Российской Федерации, информационная безопасность связана с обеспечением безопасности любых данных, представленных в любой форме, в том числе и в документальной.

Далее хотелось бы уточнить то, что между информационной безопасностью и кибербезопасностью также имеются отличия. Информационная безопасность направлена на защиту информации, а кибербезопасность, представляя собой разновидность информационной технологии (Козлова, Довгаль, 2021), защищает инфраструктуру, все системы, сети и информацию в цифровой форме – данные.

Далее рассмотрим соотношение цифровой и информационной безопасности. Учитывая то, что основу цифровой безопасности составляют цифровая информация и все процессы, происходящие с ней, то в ее правовую природу закладываются именно цифровые технологии. В свою очередь, в основе любой цифровой технологии присутствует информационная составляющая. Эволюция информационных технологий привела к смене традиционных парадигм и пониманию того, что в любой цифровой технологии есть информационная составляющая, но при этом не всегда любая информационная технология является цифровой³⁴. Поэтому можно сделать вывод о том, что цифровая безопасность является частью информационной и их можно рассматривать как часть и целое.

Развитие цифровых технологий, а вслед за ними систем обеспечения защиты информации определило высокую частоту использования термина «цифровая безопасность». Именно поэтому в целях исследования важным является определение цифровой безопасности системы здравоохранения и элементов, раскрывающих ее содержание.

Несмотря на использование термина «цифровая безопасность» в правовой доктрине, среди авторов, раскрывающих его содержание, имеется лишь незначительное количество исследований по этому поводу. В уголовно-правовой доктрине проводятся исследования, посвященные изучению феномена цифровой безопасности и ее элементов. Так, И. Р. Бегишев обосновывает концепцию «цифровой безопасности» через

³² Мансуров, Г. З. (2022). Право цифровой безопасности: учебник. Москва: Директ-Медиа.

³³ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 05.12.2016. (2016). Собрание законодательства Российской Федерации, 50, ст. 7074.

³⁴ Под цифровыми технологиями понимается разновидность технологий, в которых информация представляется в универсальном цифровом виде (числовой форме), что позволяет создавать, хранить и распространять данные. При этом цифровая информация представлена в виде битов, имеющих значение «0» и «1», что позволяет ее передавать и иным образом обрабатывать с помощью цифровых устройств, в отличие от аналоговых.

совокупность таких элементов, как безопасность цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий (Бегишев, 2021).

Поддерживая мнения авторов о том, что цифровое общество трансформировалось из информационного (Жукова, Крюков, 2022), полагаем возможным рассмотреть элементы, образующие «информационную безопасность Российской Федерации», выделяемые в законодательстве. Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации указывается, что информационную сферу образуют информация, информационная инфраструктура, информационные технологии и субъекты, которые являются своеобразными элементами информационной безопасности и составляют ее основу³⁵.

Кроме того, представляется, что элементами цифровой безопасности системы здравоохранения, а следовательно, наполняющими ее содержание, являются своеобразные предметы преступного посягательства, в связи и по поводу которых совершаются преступления. Противоправные посягательства в системе цифрового здравоохранения в России возникают по поводу следующих предметов:

1) **цифровой информации**, так как в настоящее время в здравоохранении собираются огромные объемы данных – не только описательная информация (имя, профессия, физическое и психическое состояние, генетический профиль), но также данные, полученные с помощью датчиков окружающей среды, изображений (полученных с помощью эндоскопии, радиологических методов и т. д.) (Oliva et al., 2022). Злоумышленники заинтересованы в получении хранящихся в цифровой форме персональных данных пациентов. Так, в *DarkNet* можно легко получить доступ к более чем 1 млрд медицинских записей пациентов, и ежедневно в базу добавляются миллионы дополнительных записей (Seh et al., 2020). Незаконный сбор сведений, представляющих персональные данные пациентов, образующих институт медицинской тайны, растет, поскольку эти записи стоят дороже из-за высокой ценности подобных сведений (Offner et al., 2020).

Особая ценность цифровой информации, обращающейся в учреждениях системы здравоохранения, вызывает огромный интерес у правонарушителей, стремящихся незаконным образом получить ее и затем злоупотребить ею. Грачева с соавторами указывает, что «в зарубежных странах имеются случаи, когда для искажения работы диагностического алгоритма врачи меняли пиксели в снимке магнитно-резонансной томографии для увеличения сумм страховых выплат. В результате медицинское изделие, разработанное на основе цифровых технологий, определяло признаки болезни, которой на самом деле не было» (Грачева и др., 2020. С. 150).

Данные о здоровье и генетические данные являются наиболее важной личной информацией; они могут быть использованы для совершения преступлений. Наиболее распространенной угрозой могут стать искажение данных о здоровье пациентов и доступ к конфиденциальным сведениям об их физическом состоянии, что способно спровоцировать:

- требование передачи денежных средств, сопряженное с угрозой уничтожения или разглашения медицинских данных (о заболевании пациента, к примеру ВИЧ);
- доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем манипулирования сведениями, которые стали известны о пациенте (серьезное заболевание, вызванное половым путем);
- склонение к совершению преступления под угрозой распространения ставших известными сведений о пациенте;
- склонение психически нездоровых пациентов к переводу денежных средств или продажи недвижимого имущества по цене ниже рыночной и др. (Грачева и др., 2020).

В результате нарушения режима неприкосновенности персональных данных и иной врачебной тайны о пациенте может наступить ряд негативных последствий:

- назначение неверной дозировки лекарственных средств и гибель пациента;
- неверный выбор метода лечения в результате подлога данных об анамнезе и выборе метода лечения пациента, что может стать причиной смерти или причинения вреда его здоровью;
- заключение эксперта о невменяемости лица, в результате изучения которого суд может признать человека невменяемым и наоборот (человек может быть растерян, что будет изучено судом как повод в признании его невменяемым);

³⁵ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 05.12.2016. (2016). Собрание законодательства Российской Федерации, 50, ст. 7074.

– получение различных мер социальной поддержки, например, если в результате модификации данных человеку будет установлен диагноз «бронхиальная астма» или назначена инвалидность, определен инсульт, позволяющие получать лекарственные средства на льготных основаниях и затем перепродавать дороже.

Рассмотрим несколько примеров, наглядным образом иллюстрирующих то, что цифровая информация, обращающаяся в учреждениях системы здравоохранения, подвержена многочисленным противоправным посягательствам:

– в 2023 г. одна из крупнейших больниц штата Флорида – *Tampa General* – заявила, что злоумышленники похитили конфиденциальные данные более чем 1,2 млн пациентов во время атаки на учреждение³⁶;

– подвержен массовой атаке медицинский центр «Сюд-Франсильен» (*CHSF*) в Корбей-Эссоне (рядом с Парижем), в результате которого злоумышленники требовали передать им денежные средства в размере 10 млн долларов, не получив которые распространили персональные данные пациентов и сведения из их медицинских карт³⁷;

– в 2023 г. противоправным посягательствам подверглись сервисы службы скорой помощи в департаменте Ланд (Франция), в результате чего были утеряны данные всех пациентов³⁸;

– в 2021 г. в результате взлома крупнейшей южнокорейской больницы, университетского госпиталя Сеульского национального университета (*SNUH*) похищены конфиденциальные медицинские данные и личная информация 831 тысячи человек, большинство из которых были пациентами госпиталя. Еще 17 тысяч пострадавших – нынешние и бывшие сотрудники университета³⁹.

Криминальную угрозу безопасности информации, обращающейся в учреждениях системы здравоохранения, представляют действия, направленные на их незаконное собирание, распространение, блокирование и модификацию;

2) **использующихся медицинских изделий и иных устройств**, созданных на основе цифровых технологий, которые собирают и обрабатывают цифровые данные. В силу наличия программной части у медицинского изделия, созданного и работающего на основе цифровых технологий, оно, даже выраженное в материальной форме, не имеет (чаще всего) интереса для злоумышленника в качестве предмета внешнего (окружающего) мира; для них интерес представляет именно его программная составляющая, позволяющая реализовать функционал изделия в преступных целях или использовать, к примеру, возможности медицинского робота. Не стоит забывать и о возможных криминальных рисках, связанных с противоправными действиями в отношении законного оборота биопринтера, в том числе хищением биопринтера, биочернил, незаконной торговлей биопринтерами, биочернилами;

3) **посягательств на объекты критической информационной инфраструктуры**, причиняющих ущерб как гражданам, так и обществу, и государству. В жизни государства и общества огромную роль занимают объекты информационной инфраструктуры, обеспечивающие наступательное развитие цифровизации (Дремлюга и др., 2019).

Значение критической информационной инфраструктуры и противоправные посягательства на нее проиллюстрируем следующими примерами:

а) в 2020 г. в Германии в одной из больниц вследствие хакерской атаки была поражена вся информационная инфраструктура больницы, в результате чего медики не смогли оказать помощь и пациент погиб, было возбуждено дело за непредумышленное убийство⁴⁰;

³⁶ Флоридская больница допустила утечку данных пациентов во время кибератаки 2 месяца назад. (2023, 25 июля). InformationSecurity. <https://www.itsec.ru/news/floridskaya-bolniza-dopustila-utechku-dannih-pazientov-vo-vremia-kiberataki-2-mesiazaz-nazad>.

³⁷ Больница во французском Ренне подверглась кибератаке, сообщили СМИ. (2023, 22 июня). РИА Новости. <https://ria.ru/20230622/kiberataka-1879872152.html>

³⁸ Там же.

³⁹ Северокорейские хакеры украли данные более 800 тысяч пациентов сеульской больницы. (2023, 11 мая). InformationSecurity. <https://www.itsec.ru/news/severkoreyskiye-hakeri-ukrali-danniye-bolee-800-tisiach-pazientov-seulskoy-bolnizi>.

⁴⁰ В Дюссельдорфе пациентка умерла после хакерской атаки на клинику. (2020, 17 сентября). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/9482283>.

б) в 2022 г. ряд медицинских организаций Хабаровского края (включая краевую психиатрическую больницу имени профессора Галанта) попали под серьезные DDoS-атаки, пострадала работоспособность медицинских информационных систем этих организаций⁴¹;

в) в 2022 г. в Нижнем Новгороде осуществлена фиктивная вакцинация от новой коронавирусной инфекции медицинской сестрой, которая внесла в систему несоответствующие действительности сведения. В отношении нее было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 274¹ УК РФ⁴².

Следовательно, полагаем возможным к основным элементам цифровой безопасности системы здравоохранения относить следующую триаду компонентов:

- безопасность цифровой информации, образующейся в учреждениях системы здравоохранения;
- безопасность цифровой инфраструктуры учреждений системы здравоохранения;
- безопасность цифровых технологий, используемых (применяемых) в системе здравоохранения.

Таким образом, цифровая безопасность системы здравоохранения подразумевает под собой состояние защищенности цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий в системе здравоохранения от внутренних и внешних цифровых угроз.

При этом под цифровой угрозой понимается совокупность условий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба личности, обществу и государству в цифровой сфере и направленных на нарушение безопасности цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий.

Полагаем, что сформулированный нами понятийно-категориальный аппарат в целом дополнит язык уголовно-правовой науки и позволит выработать конкретное направление по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые криминальные риски цифровизации здравоохранения

Стоит поддержать мнение Ю. Рягина, считающего, что безрискованных видов деятельности просто не существует⁴³. Сфера здравоохранения, а в особенности экспериментальная медицина, является особенно рискованным видом деятельности. Именно поэтому термин «риск» употребляется в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴⁴ **16 раз**. Учитывая изначально рискованный характер медицинской деятельности, представляется, что факторы риска должны быть учтены при рассмотрении вопросов правового регулирования, а также подробно регламентированы вопросы ответственности.

Учитывая, что предметами преступных посягательств против цифровой безопасности системы здравоохранения выступают цифровая информация, критическая информационная инфраструктура Российской Федерации и цифровые технологии (кроме того, последние могут выступать средствами совершения преступлений), то выделим следующие криминальные риски цифровизации здравоохранения:

- криминальные риски, возникающие в связи с обращением цифровой информации в системе здравоохранения;
- криминальные риски, свойственные медицинским изделиям, разработанным на основе цифровых технологий;
- криминальные риски критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Полагаем, что наиболее сложную систему криминальных рисков представляют собой риски, свойственные медицинским изделиям, разработанным на основе цифровых технологий, в связи с огромным количеством применяемых инновационных решений и множеством субъектов, вовлекаемых в их оборот, жизненного

⁴¹ Хакеры атаковали больницы в Хабаровском крае. (2022, 30 марта). D-Russia. <https://d-russia.ru/hakery-atakovali-bolnicy-v-habarovskom-krae.html>

⁴² СК расследует дела о фиктивной вакцинации от ковида. (2022, 30 января). RG.ru. <https://rg.ru/2022/01/30/reg-dfo/sk-rassleduet-dela-o-fiktivnoj-vakcinacii-ot-kovida.html>

⁴³ Рягин, Ю. (2012). Рискология: учебник для вузов: в 2 ч. ч. 1 М.: Юрайт. 255 с.

⁴⁴ Федеральный закон Российской Федерации № 323-ФЗ от 21.11.2011. (2011). Собрание законодательства Российской Федерации, 48, ст. 6724.

цикла медицинского изделия. В связи с этим система криминальных рисков той или иной цифровой здравоохранительной технологии будет уникальной, отличающейся от другой. Рассмотрим криминальные риски некоторых цифровых технологий, применяемых в здравоохранении, – технологии медицинской робототехники, технологии искусственного интеллекта.

Несомненно, для оценки уровня риска применения медицинских изделий, разработанных на основе цифровых технологий, в том числе «искусственного интеллекта, предполагается использование двух основных критериев: степень зависимости пользователей от принимаемых системой решений и степень ее опасности для жизни и здоровья граждан и нарушения их основных прав» (Эрахтина, 2023).

Ранее мы исследовали систему криминальных рисков, свойственных медицинским изделиям, разработанным на основе цифровых технологий (Шутова, 2024):

– *криминальные риски, действующие на медицинского робота извне* (риски, исходящие от злоумышленников в результате неправомерного доступа к медицинскому роботу; риски, исходящие от медицинского персонала в процессе эксплуатации медицинского робота; риски, исходящие от персонала, занимающегося ремонтом, сервисным обслуживанием медицинского робота (его основных частей (модулей)); риски, исходящие от пациента;

– *криминальные риски, свойственные медицинскому роботу* (незаметные внутренние нарушения; отказ от обслуживания; неправильные результаты измерений или показателей до полного отказа и нанесения вреда окружающей среде, вреда жизни или здоровью граждан);

– *криминальные риски, исходящие от медицинского робота* (связаны с конструкцией медицинского робота (острый скальпель, острый кончик консоли); окружением (электричество, рентгеновские лучи и т. д.); воздействием (электричество, рентгеновские, лазерные лучи, холод и т. д.).

Далее представим авторскую концепцию классификации криминальных рисков, связанных с созданием и применением медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта, по этапам жизненного цикла медицинского изделия⁴⁵:

I этап. Криминальные риски создания (разработки) медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта. Значительным риском для искусственного интеллекта является отсутствие прозрачности в отношении этапов: проектирования, разработки, оценки и внедрения технологий искусственного интеллекта в систему здравоохранения.

II этап. Криминальные риски применения в медицинской практике медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта (имеются риски в отношении конфиденциальности и безопасности данных пациентов, а также риски совершения неправомерного воздействия на медицинские изделия, разработанные на основе технологий искусственного интеллекта). По субъекту данные риски можно поделить на риски, исходящие от медицинского персонала в процессе применения медицинских изделий, оснащенных технологиями искусственного интеллекта; риски, исходящие от персонала, занимающегося ремонтом, сервисным обслуживанием, утилизацией медицинских изделий, оснащенных технологиями искусственного интеллекта; риски, исходящие от злоумышленников в результате неправомерного доступа к медицинскому изделию, оснащённому технологией искусственного интеллекта; риски, исходящие от пациента.

III этап. Криминальные риски утилизации медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта (неверная утилизация медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта создает риск незаконного распространения персональных данных и иной служебной информации, обращаемой в изделии).

Очевидно, что перечисленные криминальные риски создают базис потребности на уголовно-правовую охрану цифровой безопасности в системе здравоохранения.

⁴⁵ Более подробно с криминальными рисками, связанными с созданием и применением медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта, по этапам жизненного цикла медицинского изделия можно ознакомиться в работе (Шутова, Бегишев, 2023).

Запрос на уголовно-правовую охрану цифровой безопасности системы здравоохранения

Запрос на уголовно-правовую охрану цифровой безопасности системы здравоохранения обусловлен целым комплексом причин:

- форсированной цифровизацией всего здравоохранения и в связи с этим не менее ускоренными темпами развития цифровых технологий (медицинской робототехники, искусственного интеллекта, биопринтинга и других), с использованием которых или в отношении которых могут быть совершены уголовно наказуемые деяния. Возможности цифровых технологий облегчают процесс совершения противоправного деяния и позволяют совершать подобные деяния в отношении множества потерпевших (Русскиевич, 2022);

- рисками взлома или несанкционированного доступа к медицинским изделиям, созданным на основе цифровых технологий. Имеется множество сведений о том, что злоумышленники, получив доступ к медицинскому устройству, не позволяли медицинским организациям предоставлять необходимое жизненно важное лечение пациентам. Так, в 2017 г. в США зафиксировано первое противоправное посягательство на облачный сервис онкологической больницы путем использования вируса-вымогателя *WannaCry*, в результате чего вышло из строя медицинское оборудование (радиологические и иные приборы, используемые в целях оказания медицинской помощи, и пациентам с онкологией пришлось перенести лучевую терапию⁴⁶. Ситуацию ухудшает тот факт, что цифровые устройства, используемые для обмена данными пациентов, бывают не зашифрованы и уязвимы для преступников. По мнению исследователей, системы здравоохранения подключены к открытой среде (например, информационно-телекоммуникационной сети Интернет) через уязвимые протоколы связи (Магомедов, 2020), что также делает сферу здравоохранения уязвимой перед цифровыми угрозами;

- новым сквозным характером цифровых технологий, применение которых в системе здравоохранения может стать причиной причинения вреда жизни и здоровью пациентов и наступлению иных негативных процессов;

- отсутствием у некоторых учреждений системы здравоохранения технологических возможностей, позволяющих повысить цифровую безопасность медицинских изделий (Карпов и др., 2017). Приложения демонстрируют значительные недостатки в безопасности, включая использование слабых методов аутентификации и отсутствие соответствующих механизмов безопасности от цифровых угроз, которые создают риск утечки конфиденциальных данных о пациентах. Медицинские изделия, разработанные на основе цифровых технологий, обрабатывают значительные массивы данных, поэтому неправомерный доступ к ним может поставить под угрозу безопасность самого пациента, когда, к примеру, будет осуществлен захват управления изделием и его данных. Нападения такого типа могут поставить под угрозу их жизнь из-за изменения в них медицинских записей, делающих дальнейшие медицинские назначения врачей ошибочными. Именно поэтому стоит значительное внимание уделять обучению медицинских работников и пациентов безопасному обращению с системой искусственного интеллекта, чтобы избежать утечки данных и некорректного использования устройств (Галлезе-Нобиле, 2023);

- загруженностью медицинских работников на работе, что не оставляет им возможности пройти дополнительное обучение или повысить свою квалификацию по вопросам цифровой безопасности системы здравоохранения и способам ее обеспечения. Для того чтобы система здравоохранения могла воспользоваться преимуществами цифровых инструментов, каждый, кто работает в этой области, должен понимать, каким образом цифровые инструменты могут ухудшить здоровье и усугубить проблемы общественного здравоохранения, независимо от того, является ли этот вклад причинным, способствующим или благоприятным;

- повышенной общественной опасностью противоправных посягательств в сфере цифрового здравоохранения. Негативные последствия от преступлений в цифровой среде могут быть самыми различными и влиять на безопасность пациентов и оказание им медицинской помощи. Например, при посягательстве на медицинскую организацию злоумышленники могут получить доступ к конфиденциальной информации о пациентах, включая персональные данные, истории болезни и даже финансовую информацию. Противоправные посягательства с применением программ-вымогателей, блокирующих доступ к критически важным системам медицинской информации, вызывают перебои в работе, приводя к отмене амбулаторных приемов и плановых хирургических

⁴⁶ Атаки на здоровье: какие кибервызовы стоят перед современной медициной. (2022, 24 ноября). РБК. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/637f2a909a794747ebe66926?from=copy>

операций. Так, в ходе серьезных атак отделениям неотложной помощи приходится отказываться от приема пациентов, доставляемых скорой помощью, а онкологическим центрам – откладывать лечение своих пациентов⁴⁷;

– противоправными посягательствами на цифровую безопасность системы здравоохранения, от которых могут пострадать самые разнообразные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, в том числе интересы собственности, отношения, охраняющие жизнь и здоровье граждан, и т. д. Помимо посягательств на жизнь и здоровье граждан (пациентов и медицинских работников), противоправный вред причиняется системе здравоохранения, в целом подрывается ее авторитет, формируется негативное общественное отношение к отрасли среди населения;

– здравоохранение является привлекательной целью для злоумышленников в связи с тем, что медицинские данные, в том числе персональные данные пациентов, являются достаточно ценными в силу их конфиденциальности. Незаконным образом собранные медицинские записи могут быть использованы в целях совершения преступлений, к примеру, шантажа или вымогательства.

Итак, здравоохранение, в том числе цифровое, затрагивает самое ценное, что есть у человека, – его жизнь и здоровье, что обуславливает потребность в его уголовно-правовой охране и обеспечении его безопасности. Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения ставят под угрозу всю национальную безопасность государства, обеспечивающего достойный уровень жизни граждан. При этом юридическая регламентация общественных отношений, возникающих в сфере цифрового здравоохранения, создает естественное препятствие для реализации преступных намерений лиц, посягающих на цифровую безопасность. Упорядочивание отношений позволяет выявить круг существующих интересов, испытывающих потребность в уголовно-правовой охране.

Заключение

Здравоохранение является одной из самых важных сфер общественной жизни, от качества которой зависит продолжительность жизни и здоровья граждан в целом. В связи с форсированной цифровизацией отрасли здравоохранения, переходом ее на новый инновационный режим злоумышленники также активизировали свою преступную деятельность в данном направлении. Поэтому вопросам обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения должно уделяться больше внимания. Исходя из этого в исследовании была поставлена цель, которая последовательно решалась путем постановки задач.

Были определены тенденции в сфере цифрового здравоохранения, выявлены элементы цифровой безопасности системы здравоохранения, определен объем значения представленного понятия, проведен юридико-терминологический анализ понятия «цифровая безопасность системы здравоохранения», выявлен запрос на уголовно-правовую охрану цифрового здравоохранения, в результате чего на основе выявления ключевых криминальных рисков сформирована теоретическая концепция уголовно-правовой охраны цифрового здравоохранения.

Список литературы

- Бахтеев, Д. В. (2023). Этико-правовые модели взаимодействия общества с технологиями искусственного интеллекта. *Журнал цифровых технологий и права*, 1(2), 520–539. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.22>
- Бегишев, И. Р. (2021). Семантический анализ термина «цифровая безопасность». *Юрислингвистика*, 20(31), 24–38. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2005](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2005)
- Галлезе-Нобиле, К. (2023). Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в телемедицине. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 314–336. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.13>
- Гончаров, И. В. (2009). О соотношении понятий «Национальная безопасность», «Государственная безопасность», «Конституционная безопасность». *Актуальные проблемы российского права*, 1, 116–122.
- Грачева, Ю. В., Коробеев, А. И., Маликов, С. В., Чучаев, А. И. (2020). Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения. *Lex Russica*, 1(158), 145–159. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.145-159>

⁴⁷ Всемирная организация здравоохранения. (2024, 6 февраля). Кибератаки на объекты критической инфраструктуры здравоохранения. <https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/cyber-attacks-on-critical-health-infrastructure>.

Джафарли, В. Ф. (2019). О созвучности тезиса «Цифровая безопасность – цифровой уголовно-правовой ресурс» теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 4(55). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sozvuchnosti-tezisa-tsifrovoy-bezopasnosti-tsifrovoy-ugolovno-pravovoy-resurs-teorii-kriminologicheskoy-bezopasnosti-v-sfere>

Дремлюга, Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. (2019). Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, 2(21), 130–139. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/130-139>

Ефремова, М. А. (2018). *Уголовно-правовая охрана информационной безопасности*. Москва: Юрлитинформ.

Жарова, А. К. (2023). Достижение алгоритмической прозрачности и управление рисками информационной безопасности при принятии решений без вмешательства человека: правовые подходы. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 973–993. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.42>

Жукова, М. В., Крюков, Д. В. (2022). Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-08)

Карпов, О. Э., Субботин, С. А., Шишканов Д. В., Замятин, М. Н. (2017). Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки. *Врач и информационные технологии*, 3, 6–22.

Козлова, Н. Ш., Довгаль, В. А. (2021). Кибербезопасность и информационная безопасность: сходства и отличия. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки*, 3(286), 88–97. <https://doi.org/10.53598/2410-3225-2021-3-286-88-97>

Крайнова, Н. А. (2019). «Международная цифровая безопасность»: миф или реальность? *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 4(55), 42–46.

Лебедев, С. Я. (2019). Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 4(55), 17–25.

Магомедов, Ш. Г. (2020). Анализ защиты компьютерных сетей и приложений информационных процессов учреждений здравоохранения. *Cloud of Science*, 7(3), 685–704.

Пучков, Д. В. (2022). *Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики*: автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург.

Рускевич, Е. А. (2022). *Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения*: монография (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: ИНФРА-М.

Ткаченко, И. Н., Чеснукова, Л. К. (2023). Цифровые технологии в сфере здравоохранения как способ обеспечения качества человеческого капитала. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, 2(23), 163–173. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-163-173>

Файн, А., Ли, С., Миллер, М. (2024). Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 246–263. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263>

Чупрова, А. Ю. (2015). *Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции*: дис. ... д-ра юрид. наук.

Шутова, А. А. (2023). Угрозы информационной безопасности учреждений системы здравоохранения: уголовно-правовой аспект. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*, 3(101), 131–137.

Шутова, А. А. (2024). *Уголовно-правовая охрана медицинской робототехники*. Москва: Проспект. <https://doi.org/10.31085/9785392405183-2024-88>

Шутова, А. А., Бегишев, И. Р. (2023). Проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 873–881. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.873-881>

Эрахтина, О. С. (2023). Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и использования технологий искусственного интеллекта: особенности и практическое применение. *Журнал цифровых технологий и права*, 1(2), 421–437. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.17>

Ядав, Н. (2023). Этика искусственного интеллекта и робототехники: ключевые проблемы и современные способы их решения. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 955–972. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.41>

Alawida, M., Omolara, A. E., Abiodun, O. I., & Al-Rajab, M. (2022). A deeper look into cybersecurity issues in the wake of Covid-19: A survey. *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 34(10), 8176–8206. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.08.003>

Argaw, S. T., Troncso-Pastoriza, J., Lacey, D., Florinm M., Calcavecchia, F., Anderson, D., Burleson, W., Vogel, J. M., O'Leary, C., Eshaya-Chauvin, B., & Flahault, A. (2020). Cybersecurity of hospitals: discussing the challenges and working towards mitigating the risks. *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 20(1), 146. <https://doi.org/10.1186/s12911-020-01161-7>

Borges do Nascimento, I. J., Abdulazeem, H. M., Vasanthan, L. T., Martinez, E. Z., Zucoloto, M. L., Østengaard, L., Azzopardi-Muscat, N., Zapata, T., & Novillo-Ortiz, D. (2023). The global effect of digital health technologies on health workers' competencies and health workplace: an umbrella review of systematic reviews and lexical-based and sentence-based meta-analysis. *Lancet Digit Health*, 5(8), e534–e544. [https://doi.org/10.1016/s2589-7500\(23\)00092-4](https://doi.org/10.1016/s2589-7500(23)00092-4)

Martínez-Caro, E., Cegarra-Navarro, J. G., & Solano-Lorente, M. (2013). Understanding patient e-loyalty toward online health care services. *Health Care Management Review*, 38(1), 61–70. <https://doi.org/10.1097/hmr.0b013e31824b1c6b>

- Morgan, S. (2020). *The 2020-2021 Healthcare Cybersecurity Report*. Herjavec Group.
- Offner, K. L., Sitnikova, E., Joiner, K., & MacIntyre, C. R. (2020). Towards understanding cybersecurity capability in Australian healthcare organisations: a systematic review of recent trends, threats and mitigation. *Intelligence and National Security*, 35(4), 556–585. <https://doi.org/10.1080/02684527.2020.1752459>
- Oliva, A., Grassi, S., Vetrugno, G., Rossi, R., Della Morte, G., Pinchi, V., & Caputo, M. (2021). Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review. *Frontiers in Medicine*, 8, 821756. <https://doi.org/10.3389/fmed.2021.821756>
- She, A. H., Zarour, M., Alenezi, M., Sarkar, A. K., Agrawal, A., Kumar, R., Khan, R. A. (2020). Healthcare Data Breaches: Insights and Implications. *Healthcare*, 8(2), 133. <https://doi.org/10.3390/healthcare8020133>
- Vijayavenkataraman, S., Lu, W. F., & Fuh, J. Y. H. (2016). 3D bioprinting – An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. *Bioprinting*, 1-2, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.bprint.2016.08.001>

References

- Alawida, M., Omolara, A. E., Abiodun, O. I., & Al-Rajab, M. (2022). A deeper look into cybersecurity issues in the wake of Covid-19: A survey. *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 34(10), 8176–8206. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.08.003>
- Argaw, S. T., Troncoso-Pastoriza, J., Lacey, D., Florinm M., Calcavecchia, F., Anderson, D., Burleson, W., Vogel, J. M., O'Leary, C., Eshaya-Chauvin, B., & Flahault, A. (2020). Cybersecurity of hospitals: discussing the challenges and working towards mitigating the risks. *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 20(1), 146. <https://doi.org/10.1186/s12911-020-01161-7>
- Bakhteev, D. V. (2023). Ethical-Legal Models of the Society Interactions with the Artificial Intelligence Technology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 520–539. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.22>
- Begishev, I. (2021). Semantic Analysis of the Term “Digital Security”. *Legal Linguistics*, 20(31), 24–38. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2005](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2005)
- Borges do Nascimento, I. J., Abdulazeem, H. M., Vasanthan, L. T., Martinez, E. Z., Zucoloto, M. L., Østengaard, L., Azzopardi-Muscat, N., Zapata, T., & Novillo-Ortiz, D. (2023). The global effect of digital health technologies on health workers' competencies and health workplace: an umbrella review of systematic reviews and lexical-based and sentence-based meta-analysis. *Lancet Digit Health*, 5(8), e534–e544. [https://doi.org/10.1016/s2589-7500\(23\)00092-4](https://doi.org/10.1016/s2589-7500(23)00092-4)
- Chuprova, A. Yu. (2015). *Criminal-legal mechanisms of regulating relations in the sphere of electronic commerce*: Dr. Sci. (Law) thesis.
- Dremlyuga, R. I., Zotov, S. S., & Pavlinskaya, V. Yu. (2019). Critical informational infrastructure as object of a criminal offence. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2(21), 130–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/130-139>
- Dzhafarli, V. F. (2019). On the consonance between the thesis “Digital criminal law resource for digital security” and the theory of criminological security in it sphere. *Kriminology: Yesturday, today, tomorrow*, 4(55). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sozvuchnosti-tezisa-tsifrovoy-bezopasnosti-tsifrovoy-ugolovno-pravovoy-resurs-teorii-kriminologicheskoy-bezopasnosti-v-sfere>
- Efremova, M. A. (2018). *Criminal-legal protection of information security*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.).
- Erahtina, O. S. (2023). Approaches to Regulating Relations in the Sphere of Developing and Using the Artificial Intelligence Technologies: Features and Practical Applicability. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 421–437. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.17>
- Fine A., Le S., & Miller M. (2024). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 246–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263>
- Fine, A., Lee, S., Miller, M. (2024). Content analysis of judges' opinions on risk assessment tools using artificial intelligence. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 246–263. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263>
- Gallese Nobile C. (2023). Legal Aspects of the Use Artificial Intelligence in Telemedicine. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 314–336. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.13>
- Goncharov, I. V. (2009). On the correlation between the notions “National security”, “State security”, “Constitutional security”. *Actual Problems of Russian Law*, 1, 116–122. (In Russ.).
- Gracheva, Yu. V., Korobeev, A. I., Malikov, S. V., & Chuchayev, A. I. (2020). Criminal and Legal Risks in the Field of Digital Technologies: Problems and Suggestions. *Lex Russica*, 1(158), 145–159. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.145-159>
- Jukova, M. V., & Kryukov, D. V. (2022). Modern trend in the development of the economy and society: digital society as a special stage of the information society. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-08)
- Karpov, O.E., Subbotin, S.A., Shishkanov, D.V., & Zamyatin, M.N. (2017). Digital public health. Necessity and background. *Medical Doctor and Information Technologies*, 3, 6–22. (In Russ.).
- Kozlova, N. Sh., & Dovgal, V. A. (2021). Cybersecurity and information security: similarities and differences. *Bulletin of Adygea State University. Series 4: Natural, mathematical and technical sciences*, 3(286), 88–97. <https://doi.org/10.53598/2410-3225-2021-3-286-88-97>
- Krainova, N. A. (2019). "International digital security": myth or reality? *Kriminology: Yesturday, Today, Tomorrow*, 4(55), 42–46. (In Russ.).

- Lebedev, S. Ya. (2019). Digital criminal law resource for digital security. *Kriminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 4(55), 17–25. (In Russ.).
- Magomedov, S. G. (2020). Security analysis of computer networks and applications of the healthcare organizations information processes. *Cloud of Science*, 7(3), 685–704. (In Russ.).
- Martínez-Caro, E., Cegarra-Navarro, J. G., & Solano-Lorente, M. (2013). Understanding patient e-loyalty toward online health care services. *Health Care Management Review*, 38(1), 61–70. <https://doi.org/10.1097/hmr.0b013e31824b1c6b>
- Morgan, S. (2020). *The 2020-2021 Healthcare Cybersecurity Report*. Herjavec Group.
- Mosechkin, I. N. (2023). The Concept of Crimes against Digital Data Security. *Lex Russica*, 76(5), 49–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.198.5.049-059>
- Offner, K. L., Sitnikova, E., Joiner, K., & MacIntyre, C. R. (2020). Towards understanding cybersecurity capability in Australian healthcare organisations: a systematic review of recent trends, threats and mitigation. *Intelligence and National Security*, 35(4), 556–585. <https://doi.org/10.1080/02684527.2020.1752459>
- Oliva, A., Grassi, S., Vetrugno, G., Rossi, R., Della Morte, G., Pinchi, V., & Caputo, M. (2021). Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review. *Frontiers in Medicine*, 8, 821756. <https://doi.org/10.3389/fmed.2021.821756>
- Puchkov, D. V. (2022). *Criminal-legal model of protecting telecommunications against criminal infringements: problems of theory and practice*: abstract of Dr. Sci. (Law) thesis. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Russkevich, E. A. (2022). *Criminal law and “digital crime”: problems and solutions*: monograph (2nd ed., amended and compl.). Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
- She, A. H., Zarour, M., Alenezi, M., Sarkar, A. K., Agrawal, A., Kumar, R., & Khan, R. A. (2020). Healthcare Data Breaches: Insights and Implications. *Healthcare*, 8(2), 133. <https://doi.org/10.3390/healthcare8020133>
- Shutova, A. A. (2023). Threats to the information security of healthcare institutions: criminal-legal aspect. *Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 3(101), 131–137. (In Russ.).
- Shutova, A. A. (2024). *Criminal legal protection of medical robotics*. Moscow: Prospect. (In Russ.). <https://doi.org/10.31085/9785392405183-2024-88>
- Shutova, A. A., & Begishev, I. R. (2023). Draft of an ethical code of subjects implementing activity of creating, applying and utilizing medical products based on artificial intelligence technologies. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 873–881. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.873-881>
- Tkachenko, I. N., & Chesnyukova, L. K. (2023). Digital technologies in the sphere of health care as a way to ensure the quality of human capital. *Izvestiya of Saratov University. New series. Economics. Management. Law Series*, 2(23), 163–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-163-173>
- Vijayavenkataraman, S., Lu, W. F., & Fuh, J. Y. H. (2016). 3D bioprinting – An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. *Bioprinting*, 1-2, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.bprint.2016.08.001>
- Yadav, N. (2023). Ethics of Artificial Intelligence and Robotics: Key Issues and Modern Ways to Solve Them. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 955–972. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.41>
- Zharova, A. K. (2023). Achieving Algorithmic Transparency and Managing Risks of Data Security when Making Decisions without Human Interference: Legal Approaches. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 973–993. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.42>
- Zhukova, M. V., Kryukov, D. V. (2022). Modern trend in the development of economy and society: digital society as a special stage of the information society. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-08)

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 14.07.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 21.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 21.10.2024

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

УДК / UDC 316:613.86

О. Л. Адамс¹,

Дж. Бэл²

¹ Сэмфордский университет, г. Хомвуд, США

² Колледж Флаглер, г. Сент-Огастин, США

Теория двойной паники: новый взгляд на концепцию моральной паники

Переводчик Е. Н. Беляева

Омега Л. Адамс, кандидат на получение степени доктора права Юридической школы Камберленда, Сэмфордский университет

Контактное лицо:

Джошуа Бэл, PhD в области криминологии, права и общественных наук, доцент криминологии Колледжа Флаглер и заведующий кафедрой бихевиористики, Колледж Флаглер

E-mail: jbehl@flagler.edu

Аннотация

Цель: всесторонний анализ концепции моральной паники, разработанной в трудах S. Cohen, и выработка на данной основе новой концепции – теории двойной паники.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: концепция моральной паники с момента ее обоснования в трудах S. Cohen (1972) достаточно широко обсуждается в литературе. Несмотря на значительную степень разработанности проблемы, мы считаем, что данную теорию необходимо расширить из-за возросшей сложности социальных взаимодействий. Американское общество все

© Адамс О. Л., Бэл Дж., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.12.2024

Представленный материал публикуется без купюр, в интерпретации автора.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/api/v1/articles/90810-dual-panic-theory-new-insight-into-moral-panics.pdf>

больше поляризуется, а первоначальная концепция моральной паники представляется слишком упрощенной и уже не отражающей все возможные проблемы. На примере истории взаимодействия семьи Макклоски с протестующими из движения Black Lives Matter в 2020 г. и используя критерии, входящие в определение Goode и Ben-Yehuda (1994), в работе предложена новая, расширенная теория моральной паники – теория двойной паники.

Научная новизна: на основе анализа существующих подходов к концепции моральной паники в статье разработана и обоснована новая концепция моральной паники – теория двойной паники. Она предполагает, что может произойти событие, которое вызовет панику по какому-либо вопросу у двух противоположных сторон. В отличие от войны культур, двойная паника – это настоящая паника по поводу какого-либо действия, а не реакция на возмущение оппозиции со стороны группы с конкурирующими интересами. Goode и Ben-Yehuda утверждают, что изучение моральной паники не будет полным без изучения всех слоев общества от элит до низов, от идеологии и морали на одном конце спектра до статуса и материальных интересов на другом. По мере развития общества должны меняться и теоретические обоснования его реакций, будь то моральная паника или что-либо другое.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с концепцией моральной паники.

Ключевые слова:

моральная паника, теория паники, теория двойной паники

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Адамс, О. Л., Бэл, Дж. (2024). Теория двойной паники: новый взгляд на концепцию моральной паники. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 954–970. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

Scientific article

O. L. Adams¹,

J. Behl²

¹ Samford University, Homewood, USA

² Flagler College, St. Augustine, USA

Dual panic theory: new insight into moral panics

Translator E. N. Belyaeva

Omega L. Adams, Juris Doctor candidate at Cumberland School of Law, Samford University

Contact:

Joshua D. Behl, PhD in Criminology, Law and Society, Associate Professor of Criminology and Chair of Behavioral Sciences, Flagler College

E-mail: jbehl@flagler.edu

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/api/v1/articles/90810-dual-panic-theory-new-insight-into-moral-panics.pdf>

Abstract

Objective: to comprehensively analyze the moral panic concept, developed in the works by S. Cohen, and to elaborate, on its basis, a new concept – the dual panic theory.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, sociological.

Results: Moral panics have been broadly discussed in the public discourse since S. Cohen's (1972) seminal text on the topic. Despite copious research, we believe that the theory is in need of expansion due to the increased complexity of societal interactions. Through the lens of an increasingly polarizing American culture, we believe the original concept of moral panics is overly simplified and no longer encompasses the intricacies of American society. Using the story of the McCloskey family's 2020 interactions with Black Lives Matter protestors and Goode and Ben-Yehuda's (1994) definitional criteria, we propose a new, expanded theory of moral panics – Dual Panic Theory.

Scientific novelty: based on the analysis of the existing approaches to the moral panic concept, the paper offers and elaborates a new concept – the dual panic theory. It suggests that an event can happen that causes a competing panic by two opposing sides of an issue. Different from a culture war, dual panics are genuine panics about an action rather than a reaction to oppositional outrage from a competing interest group. Goode and Ben-Yehuda argue that researching moral panic cannot be complete without an examination of all societal levels, from elites to grassroots, and the full spectrum from ideology and morality at one end to class status and material interests at the other. As society has evolved, so too must the theoretical explanations of societal reactions, moral panic or otherwise.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the moral panic concept.

Keywords:

moral panic, panic theory, dual panic theory

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Adams, O. L., & Behl, J. (2024). Dual panic theory: new insight into moral panics. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 954–970. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.954-970>

Введение

Эпизод с семьей Макклоски

Вечером 28 июня 2020 г. группа протестующих из организации *Black Lives Matter* направилась по улицам Сент-Луиса (штат Миссури) к дому Лайды Крюсон – мэра этого города. Протест был направлен против гибели Джорджа Флойда от рук сотрудников правоохранительных органов, а также, как утверждали участники, против растущего числа убийств чернокожих полицейскими в Америке. Главный призыв был «не финансировать полицию», т. е. прекратить государственное финансирование учреждения, которое может исполнять законы дифференцированно по расовому признаку (Kohler, 2020; Lopez, 2020; Lussenhop, 2020; Pagones, 2020; Toropin & Waldrop, 2020; Ziegler, 2020). Участники акции протеста в Сент-Луисе прошли маршем по городскому району Центральный Вест-Энд к дому мэра, требуя ее отставки.

Во время шествия протестующие прошли через Портленд-Плейс, жилой район недалеко от дома мэра, где были вывешены таблички «Частная собственность». Когда протестующие начали заполнять улицы этого района, началась конфронтация. В результате жители района Марк и Патриция Макклоски, находясь на своей личной территории, направили оружие в сторону толпы. Макклоски заявляют, что это был акт самообороны, так как территория является частной собственностью; однако многие протестующие утверждают, что в сторону семьи Макклоски не было направлено никаких действий, указывающих на то, что им угрожает опасность. В итоге весь эпизод конфронтации продлился около 12 минут. Протестующие продолжили движение в сторону дома мэра; актов насилия не наблюдалось ни с одной стороны.

Реакция обеих сторон

Ход событий в этом деле кажется простым, однако инцидент вызвал противоречивую реакцию СМИ (например, Armus, 2020; Kohler, 2020; Lopez, 2020; Lussenhop, 2020; Pagones, 2020; Toropin & Waldrop, 2020; Ziegler, 2020). Более консервативные СМИ сразу же сосредоточились на правах личной собственности, самообороны и владения оружием, оправдывая действия Макклоски (Pagones, 2020). Более либеральные СМИ подчеркивали право на ненасильственный протест и положения Первой поправки в более широком контексте движения *Black Lives Matter* (Toropin & Waldrop, 2020).

Факты, содержащиеся в этих противоречивых статьях, также были различны. В целом лишь в очень немногих либеральных изданиях упоминалось, что госпожа Макклоски не могла ни в кого выстрелить, поскольку ее оружие было заблокировано; также очень немногие консервативные издания сообщили, что пешеходные ворота были открыты, когда протестующие вошли на территорию района, что опровергает их утверждения о том, что ворота были разрушены. В обоих случаях новостные СМИ изменяют нарратив в соответствии со своей социальной повесткой или избирательно устанавливают приоритеты в картине мира, который они стремятся изобразить (Randall, 1987). Это приводит к тому, что разные аудитории воспринимают ситуацию по-разному. СМИ преувеличивают факты и свидетельства, чтобы поддержать свою версию событий и привлечь больше сторонников.

Все это усугублялось тем, что с гибелью Джорджа Флойда совпали по времени сложный предвыборный год, локдаун из-за пандемии коронавирусной инфекции и уже имевшаяся расовая напряженность. Многие консервативные новостные издания прямо утверждали, что этот случай стал еще одним примером посягательства на одно из американских конституционных прав (Ziegler, 2020) и еще на один шаг приблизил нас к социализму. Аналогичным образом, более либеральные новостные источники, рассмотрев тот же инцидент через другую призму, заявили, что расисты отнимают свободу слова и ненасильственного протеста (Kohler, 2020). В данной статье, основываясь на концепции моральной паники (Cohen, 1972), мы представляем еще одну теоретическую модель (в дополнение к «модели низов», «модели элиты» и «модели групп интересов»), раскрывающую роль политики и средств массовой информации в создании так называемой двойной паники, т. е. противоположно направленных моральных паник, испытываемых противоположными сторонами по поводу одной и той же ситуации.

Моральная паника

Концепция моральной паники была разработана S. Cohen (1972) в работе «Народные дьяволы и моральная паника». Согласно определению Cohen (2004), моральная паника – это «состояние, эпизод, человек или группа людей, [которые] воспринимаются как угроза ценностям и интересам общества» (р. 1). На этой основе средства массовой информации оформляют проблему таким образом, что это усиливает панику (Cohen, 2004). Затем политики и другие руководящие структуры разрабатывают пути решения проблемы (Cohen, 2004). Проще говоря, моральная паника – это «чрезмерная реакция на предполагаемую социальную проблему» (Rohloff & Wright, 2010. Р. 404), которая затем усиливается средствами массовой информации и становится предметом деятельности политиков и других официальных лиц (Cohen, 2004). Моральная паника вызывает чувство «срочной необходимости сделать что-то немедленно, иначе общество пострадает от более серьезных последствий; это приводит к значительным изменениям в социальной политике» (Wright & Miller, 2005. Р. 1006).

Данная формулировка хорошо описывает концепцию моральной паники, однако не дает операционального определения этого явления. Поэтому Goode и Ben-Yehuda (1994) выделяют пять критериев, определяющих моральную панику: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость.

Обеспокоенность – это имеющая общественные последствия реакция общества на действия, вызвавшие панику (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005); эта реакция также характеризуется как «вызывающая тревогу» в обществе (Garland, 2008. Р. 11). Речь идет о действиях определенной группы лиц, которые предположительно будут иметь последствия для остальных членов общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Всплеск обеспокоенности также можно измерить с помощью анализа общественных и политических действий, которые являются результатом первоначального инцидента, например, повышения внимания СМИ или принятия законов.

Враждебность связана с действиями, когда некая группа людей классифицируется как враждебная (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Когда определенная группа совершает действия, которые общество в целом характеризует как «угрожающие [своим] ценностям, интересам, образу жизни [или]... самому существованию» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. Р. 157), то общество начинает вести себя враждебно по отношению к членам этой группы, проводя различие между собой и ею (Cohen, 1972). В первую очередь враждебность проистекает из чувства ответственности, возлагаемого на аберрантную группу, поскольку ее действия рассматриваются как угроза обществу (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

После возникновения озабоченности и враждебности общество формирует консенсус в отношении девиантной группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Консенсус – это утверждение, что социальную реакцию разделяет широкий круг людей (Wright & Miller, 2005). Однако, чтобы охарактеризовать ситуацию как моральную панику, не обязательно, что большая часть общества пришла к одному консенсусу или что все члены общества пришли к этому консенсусу одновременно (Goode & Ben-Yehuda, 1994). В ситуации моральной паники консенсус может достигаться на разных стадиях, и некоторые слои общества могут интерпретировать воспринимаемую угрозу не так, как другие (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Говоря иначе, моральные паники бывают разных форм и масштабов.

Критерий непропорциональности предполагает, что угроза действия преувеличена по сравнению с эмпирически воспринимаемой реальностью (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Обычно это происходит, когда общество получает сильно преувеличенные данные, чтобы представить ситуацию в новом свете, не соответствующем действительности (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако непропорциональность проявляется не только в преувеличенных данных, но и в том, что во время эпизодов моральной паники усиливается внимание к определенным предметам или внимание фокусируется на одном предмете, но не уделяется другому (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Наконец, неустойчивость – это внезапная вспышка паники в обществе, которая исчезает так же быстро, как и появилась, но остается в общественном сознании (Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Неустойчивость можно рассматривать как мгновенную вспышку паники в обществе, которая исчезает так же быстро, как и возникла (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако какими бы короткими ни были периоды моральной паники, это не снижает их влияния на общество и возможные последствия (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Указанные критерии служат определяющими характеристиками, которые наблюдаются во время моральной паники (Goode & Ben-Yehuda, 1994). С их помощью можно понять, как и почему возникает ощущение опасности и почему реакция непропорциональна возникшей угрозе. Моральные паники могут оказывать длительное воздействие на общество, изменяя социальные стандарты и нормы, независимо от продолжительности самого эпизода паники.

Изначально критерии моральной паники Goode и Ben-Yehuda (1994) оценивались качественно. Однако в последнее время исследователи пытаются измерить эти явления количественно, при этом часто находя подтверждение указанным критериям (см., например, Berryessa, 2021; Elsass et al., 2021; Klein & Mckissick, 2019; Schildkraut et al., 2015). В количественных результатах наблюдаются заметные различия. Например, при проведении факторного анализа пяти критериев моральной паники применительно к массовым расстрелам в школах Schildkraut et al. (2015) и Elsass et al. (2021) обнаружили, что переменная «обеспокоенность» распадается на две – «обеспокоенность применительно к защите от расстрелов в школе» (например, «Я считаю, что преподаватели должны иметь возможность носить огнестрельное оружие на территории школы, если у них есть лицензия на скрытое ношение оружия») и «обеспокоенность применительно к их предотвращению» (например, «Я считаю, что люди должны проходить проверку на криминальное прошлое, перед тем как приобрести огнестрельное оружие у частного продавца или на оружейной выставке»). Однако при изучении моральной паники, связанной с сексуальными преступлениями, Klein и Mckissick (2019) и Berryessa (2021) не обнаружили такого разделения данной переменной на аспекты защиты и предотвращения. Это может быть связано с различной напряженностью общественных дебатов о мерах в отношении сексуальных преступников по сравнению со школьными расстрелами (т. е. общественная политика, связанная с контролем над оружием, является более горячо обсуждаемой темой по сравнению с сексуальными преступлениями).

Аналогичным образом, Burns и Crawford (1999) в своем анализе моральной паники по поводу школьных расстрелов не рассматривали переменную «неустойчивость» из-за сложности ее измерения. Этот подход, по-видимому, разделяют также Schildkraut с соавторами (2015), которые обнаружили мало эмпирических данных

в поддержку этой переменной по сравнению с остальными четырьмя критериями (или пятью, если разделить «обеспокоенность» на два). Это может быть связано с тем, что Downs (2016) называет «циклом внимания к проблеме» или угасанием интереса общественности и СМИ к теме. Однако Elsass et al. (2021), Klein и Mckissick (2019) и Berryessa (2021) пришли к выводу, что неустойчивость является эмпирически обоснованной характеристикой моральной паники. Более того, Klein и Mckissick (2019) обнаружили, что неустойчивость является самой сильной переменной в их модели моральных паник, относящихся к сексуальным преступлениям.

Непропорциональность также является предметом споров в литературе о моральных паниках (см. Critcher, 2017; Waddington, 1986). Чтобы реакция была непропорциональной, общество должно знать, какой должна быть пропорциональная реакция. Чтобы определить соразмерную реакцию, общество также должно знать реальный масштаб проблемы. Без этого знания, по мнению критиков, сложно утверждать, является ли реакция пропорциональной или непропорциональной. Однако в эмпирических оценках критериев моральной паники непропорциональность является значимым фактором (см. Berryessa, 2021; Elsass et al., 2021; Klein & Mckissick, 2019; Schildkraut et al., 2015).

В совокупности эти эмпирические оценки не дают существенных оснований для отказа от пяти критериев моральной паники, первоначально разработанных Goode и Ben-Yehuda (1994). Фактически эти эмпирические данные подтверждают их предположение о том, что моральные паники бывают разных форм и масштабов. Поэтому реакция на различные события, приводящие к моральной панике (например, школьные расстрелы или сексуальные преступления), и даже сами элементы паники могут принимать разную форму.

Если кратко рассмотреть историю Макклоски (более подробно она будет описана ниже), то мы увидим наличие всех пяти первоначальных элементов. Когда по национальному телевидению показали, как Макклоски стоят во дворе с огнестрельным оружием в руках, это вызвало обеспокоенность. Она быстро переросла во враждебность, когда стало известно, что речь идет о состоятельных белых, юристах по профессии, которые угрожали огнестрельным оружием группе протестующих *Black Lives Matter*. Многие СМИ сошлись во мнении, что такое поведение недопустимо и что оно оказалось возможным только благодаря правым, которые выступали за ношение оружия и заблокировали законодательство, запрещающее подобное поведение. Хотя в этом случае актов насилия фактически не было, средства массовой информации непропорционально преподнесли это как проблему, связанную с аспектами расы, социально-экономического статуса и контроля над оружием, как пороховую бочку, готовую взорваться. Наконец, неустойчивость проявилась в том, что история Макклоски получила широкое освещение в различных СМИ. Согласно критериям, изложенным Goode и Ben-Yehuda (1994), это эпизод моральной паники, угрожающей богатым, белым, консервативным владельцам оружия в их отношениях с меньшинствами.

Однако это неполная картина паники, которая наблюдалась в Америке в то время. Используя те же самые факты, другая часть американского общества выражала обеспокоенность, когда СМИ показывали группу протестующих *Black Lives Matter*, проникших на частную территорию и якобы сломавших для этого ворота. Эта обеспокоенность переросла во враждебность, когда стало ясно, что был нанесен небольшой ущерб имуществу и что некоторые из протестующих якобы угрожали огнестрельным оружием членам семьи Макклоски. Консервативные СМИ и их аудитория сошлись во мнении, что если бы эти протестующие, названные «толпой», не нарушили границы, то Макклоски не демонстрировали бы свое огнестрельное оружие. Затем СМИ указали на уровень насилия в ходе протестов *Black Lives Matter* по всей стране и непропорционально преувеличили возможность насилия в данном случае. Наконец, неустойчивость проявилась в чрезмерном внимании и освещении этой истории со стороны консервативных СМИ, в том числе в приглашении Макклоски выступить на Республиканском национальном съезде, чтобы рассказать об опасности поддержки либеральной элитой таких агрессивных групп. Как один и тот же инцидент может быть так по-разному истолкован двумя разными группами? Какую роль сыграли СМИ в возникновении или разжигании этой паники?

Средства массовой информации и моральные паники

Ключевым аспектом описанных критериев является влияние средств массовой информации на каждую переменную (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При этом термин «средства массовой информации» определяется широко и включает как традиционные, так и социальные медиа. Следует признать, что СМИ целенаправленно подают свои нарративы таким образом, чтобы вызвать панику (т. е. целенаправленно увеличивают интенсив-

ность каждого из критериев), генерировать еще больше новостей и привлекать свою аудиторию (Garland, 2008) или, более конкретно, «питаться страхами своей аудитории» (Burns & Crawford, 1999. Р. 157). В качестве примера можно привести случаи, когда СМИ непропорционально часто освещают определенные события, используя преувеличенные формулировки, по сравнению с другими темами, заслуживающими внимания (Wright & Miller, 2005). В этом смысле СМИ можно рассматривать как кривое зеркало, искажающее реальность для зрителя (Reiman, 1990). Тем не менее намерения СМИ во время вспышки моральной паники и их влияние очень важны, настолько, что концепция моральной паники уже неотделима от СМИ (McRobbie & Thornton, 1995). Скорее, средства массовой информации следует понимать как первопричину моральных паник (Cohen, 2011).

СМИ и моральная паника связаны между собой так, что действия первого часто влияют на второе (McRobbie & Thornton, 1995). СМИ передают общественности информацию о событиях, связанных с эпизодом моральной паники. Общественность обычно имеет слишком мало информации, чтобы самостоятельно формировать свое мнение, и полагается на СМИ, которые предоставляют ей информацию; однако эта информация подвергается интерпретации со стороны конкретного средства массовой информации (Graber, 1980). В традиционных моделях моральной паники считается, что СМИ преувеличивают информацию, связанную с отклонениями и социальными беспорядками, что усиливает страх общества и заставляет его формировать мнения, основанные на ошибочной информации (Altheide, 2009). Однако с появлением круглосуточного новостного вещания и передач в традиционных новостных сетях, транслирующих мнения телеведущих, общественность уже не может делать собственные выводы. Вместо этого людям преподносят выводы, которые они должны сделать из медийных источников.

Соответствующие искажения зависят от повестки дня и нарративов, которые выбирают отдельные СМИ и журналисты (Altheide, 2009). СМИ редко полностью освещают события в надлежащем контексте (Burns & Crawford, 1999). Это может быть связано с тем, что медийная повестка дня – это адаптированная информация, подаваемая в соответствии с ожиданиями аудитории и ее ценностями (Feezell, 2017). Аудитория привыкла ожидать, что СМИ будут подавать новости и информацию таким образом, чтобы они отражали известную им повестку дня (Altheide, 2009). Это означает, что различные аудитории получают различные повестки (Feezell, 2017). В некоторых отношениях новости подаются одинаково, но каждое средство массовой информации изменяет их в соответствии с тем, что желает отразить. Поскольку существует, вероятно, бесконечное число повесток, возникают несоответствия между общественными группами в отношении того, что они считают важным. Это снижает возможности для выработки единого мнения о том, что считать злом или благом (Feezell, 2017). Кроме того, растет использование социальных сетей; эти новые платформы также могут определять социальную повестку и влиять на то, как пользователи оценивают степень важности той или иной темы. Это особенно актуально для аудитории, уделяющей меньше внимания более традиционным СМИ (Feezell, 2017). Отображение какой-либо социальной проблемы в СМИ может определить отношение общества к этой проблеме (Becker, 1963), а противоположные образы, создаваемые разными СМИ, позволяют воспринимать социальную проблему с разных точек зрения.

С повестками связаны и нарративы, использующиеся для изображения различных событий. Отдельные темы, представленные в СМИ, иллюстрируются нарративом, который соответствует их социальной повестке и используется для формирования мнения аудитории определенным образом (Altheide, 2009; Feezell, 2017; McRobbie & Thornton, 1995). В США часто наблюдается это явление, поскольку СМИ обычно квалифицируются как либеральные или консервативные по своим взглядам и связывают свою интерпретацию событий с программами Демократической либо Республиканской политической партии. Однако именно благодаря этим различным интерпретациям между людьми с разными взглядами в обществе возникает разобщенность. Поскольку каждый новостной источник представляет события в соответствии со своей собственной повесткой, логично предположить, что эта разобщенность будет заключаться не только в позитивной либо негативной интерпретации события, но и в том, как люди воспринимают истину и решают, кто прав.

Идея различий в социальных программах, создающих две разные версии событий, прослеживается в вышеупомянутом эпизоде с Макклоски. С одной точки зрения (либеральной), это история о белой привилегированной семье из высшего класса, которая с оружием в руках нападала на мирных протестующих, боровшихся за доброе дело, но исторически маргинализированных. С другой – консервативной – точки зрения, невинная семья стала жертвой жестокой толпы, стремящейся полностью изменить американский образ жизни. Из-за такого разного освещения событий в СМИ (обе стороны преувеличивали истинное положение дел) появились

две версии произошедшего и, следовательно, два разных призыва к действию. Рассматривая это явление через призму различий во взглядах СМИ, мы предлагаем новую теорию «двойной паники», которая поможет объяснить противоположные реакции на, казалось бы, одно и то же событие.

Результаты исследование

Критика теории моральной паники

Хотя цель нашей работы – развить теорию моральной паники, следует отметить, что некоторые ученые считают эту концепцию устаревшей, не учитывающей реалии общественной жизни. Есть мнение, что эпизоды моральной паники могут использоваться для дискредитации социальной проблемы – как чрезмерная реакция (Horsley, 2017). Определение «моральные паники» считается «расплывчатым» (Horsley, 2017. Р. 5) и слишком широким, чтобы его можно было применить с теоретической точки зрения (Horsley, 2017; Phillips & Chagnon, 2021). Поэтому, по мнению критиков, понятие моральной паники используется для описания любой ситуации, в которой СМИ эксплуатируют информацию, заставляя общество неправильно воспринимать ситуацию и слишком остро реагировать на нее. Некоторые критики считают, что необходимо выработать новую теорию, которая была бы более узкой и учитывала тонкие нюансы скрытых общественных явлений (Horsley, 2017; Phillips & Chagnon, 2021). Такая операционализация также должна сопровождаться практическими рекомендациями, поскольку в настоящее время литература в этой области не предлагает никаких реальных решений для устранения очевидных проблем (Phillips & Chagnon, 2021). Кроме того, ряд ученых утверждают, что термин «моральная паника» неверно интерпретирует это общественное явление в сторону его преувеличения (de Lint & Dalton, 2020); предлагают называть это явление моральной регуляцией (Hunt, 1999) или моральным спектаклем (Phillips & Chagnon, 2021; Young, 2009).

Отмечается также, что прежние определения моральной паники больше не соответствуют изменившимся общественным реалиям, а именно его структуре и влиянию СМИ (Horsley, 2017). По мнению указанного автора, постоянная нацеленность СМИ на освещение последних событий лишает смысла концепцию моральной паники, поскольку теперь какой-либо один источник информации не может оказывать такое сильное влияние, как раньше. На современное общество воздействует множество новостных СМИ, поэтому люди могут принимать собственные решения и не зависеть от интерпретаций одного источника. Акцент на связи СМИ с обществом преувеличивает влияние элит на формирование паники (Horsley, 2017). Ученый утверждает, что теперь моральная паника и настроение общества в целом могут формироваться иными путями, чем классическим «сверху вниз» (Horsley, 2017).

Данные критические замечания заслуживают внимания, однако мы не считаем, что они опровергают всю теоретическую концепцию. Во-первых, даже если та или иная реакция чрезмерна, это не означает, что соответствующий феномен не имеет реальных последствий для общества. Достаточно посмотреть, как политики внушают, что другая партия представляет угрозу демократии. Во-вторых, мы согласны с Horsley (2017) в том, что непрерывное освещение новостей изменило общество; однако этот автор игнорирует эффект повышенной партийной ангажированности, которая присутствует в подаче новостей и вызывает разный уровень понимания проблем и доверия к СМИ (Guess et al., 2021; Levendusky, 2013). Поэтому, прежде чем полностью отказаться от концепции моральной паники, следует попытаться привести эту теорию в соответствие с текущим состоянием общества. Это было успешно сделано в отдельных областях, связанных с наркотиками (например, Armstrong, 2007; Webb & Griffin, 2019), сексуальными преступлениями (например, Berryessa, 2021; Klein & Cooper, 2019; Klein & Mckissick 2019) и массовыми расстрелами в школах (Burns & Crawford, 1999; Elsass et al., 2021; Schildkraut et al., 2015). Мы предлагаем внести ряд уточнений в указанную теорию, используя для этого авторскую концепцию «двойной паники». Следует помнить, что «теория моральной паники остается одной из самых распространенных и часто упоминаемых аналитических моделей в социологии и криминологии» (Webb & Griffin, 2019. Р. 1261).

Теория двойной паники

Goode и Ben-Yehuda (1994) выделяют три теории моральной паники, которые представляют интерес для исследователей: модель «низов», модель «элиты» и модель «групп интересов». Первая модель предполагает, что паника исходит от широких слоев населения, она широко распространяется и явственно ощущается.

При этом нельзя сказать, что панику порождают действия какой-то отдельной группы; это скорее спонтанно возникающее среди населения беспокойство, а власть имущие (СМИ, политики и т. д.) просто реагируют на эту панику. Напротив, согласно модели элиты паника начинается намеренно с целью вызвать и поддерживать страх, беспокойство и тревогу по поводу какой-либо проблемы, которая не представляет особой опасности. Как правило, цель таких действий – отвлечь внимание от какой-то другой, реальной проблемы, с которой сталкивается общество и которая подрывает интересы элит. Наиболее распространенной считается теория групп интересов (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Она была выдвинута Becker (1963), который утверждал, что движение за выработку правил начинают законодатели моральных норм, желающие обеспечить принятие и соблюдение определенных правил в обществе. С этой целью профессиональные организации, правоохранительные органы или религиозные группы привлекают внимание общественности к какому-либо вопросу, который не зависит от элит, но может быть полезен в реализации их собственных планов. Как ни соблазнительно принять циничную точку зрения, что все паники преследуют в какой-то мере корыстные цели, следует все же признать, что некоторые из них ставят и нравственные (с точки зрения группы) цели. Однако ни в одной из этих моделей не учитывается возможность двойной, конкурирующей паники, которая развивается как в эпизоде с Макклоски (Примечание: хотя в этих моделях не ставится ограничений на количество направлений паники, большинство исследований не рассматривают это явление как разнонаправленное).

Мы не предполагаем, что теория двойной паники должна заменить теорию моральной паники или конкурировать с ней; скорее она дополняет ее при решении спорных вопросов с учетом последних изменений в области культуры и социальных медиа, а также растущей сложности американского общества. Эта модель не призвана заменить модели низов, элиты или групп интересов, а скорее предлагает еще одну точку зрения, с которой можно рассматривать моральные паники. Для этого мы предлагаем теорию двойной паники с теми же критериями, которые Goode и Ben-Yehuda (Goode & Ben-Yehuda, 1994) использовали для более традиционных моральных паник.

Предлагаемая теория расширяет представление о моральных паниках с учетом текущей динамики взаимоотношений между обществом и политическими силами США. Суровая реальность американской политики и ее влияния на СМИ заключается в том, что в стране действуют две основные политические партии: Демократическая и Республиканская. Более того, хотя нюансы политических убеждений каждой партии важны, также крайне важно понимать реалии политического климата в США, который стремится поместить каждую социальную проблему или действие в ту или иную категорию, на практике создавая бинарность. Влияние политического климата на моральную панику очень велико и может быть легко использовано политическими партиями для продвижения своей повестки (Critcher, 2008). Кроме того, взаимосвязь между СМИ, политикой и моральными паниками актуализируется тем, что общество неизбежно узнает о происходящем вокруг через СМИ, которые используют моральные паники в своих интересах (Critcher, 2008; Webb & Griffin, 2019). Цель такого расширения концепции моральной паники – определить и охарактеризовать нюансы, которые американская политика оказывает на моральную панику, и предложить дополнительную модель, которая может снять некоторые критические замечания. В частности, мы предлагаем, чтобы эта новая теоретическая модель имела те же переменные, что и традиционная модель моральных паник, а именно: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость.

Обеспокоенность

Обеспокоенность – это реакция на действия определенной группы, которые воспринимаются как опасные или вредные для всего общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Наиболее важным аспектом здесь является то, что должно существовать поведение, которое воспринимается как угроза обществу со стороны определенной группы. Следует отметить, что угроза не обязательно является реальной; достаточно *восприятия* действия в качестве угрозы (Wright & Miller, 2005). Проще говоря, общество наблюдает действия определенной группы, затем начинает считать, что это поведение может иметь последствия для других, и часть общества испытывает беспокойство (Wright & Miller, 2005). Эту обеспокоенность можно легко измерить с помощью реакции СМИ, общественных опросов или законодательных актов, которые демонстрируют несогласие с действиями, совершаемыми определенной группой (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Стандартная теория моральной паники рассматривает одну группу и ее действия как угрозу для общества (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако в теории двойной паники мы рассматриваем две противоположные группы как угрозу для общества, а по-

ведение каждой из этих групп воспринимается как угроза другой группе (например, сторонники контроля над оружием и владельцы оружия; противники аборт и пролайферы и т. д.).

Как и в традиционной модели, в теории двойной паники члены одной группы (группы А) рассматривают поведение другой группы (группы Б) как имеющее последствия для всего общества. Но теория двойной паники допускает и обратную ситуацию, когда члены группы Б воспринимают угрозу от действий группы А. Это создает интересную динамику, поскольку все события происходят одновременно, и обе группы воспринимают поведение друг друга как опасное воздействие на общество. Часто действия одной группы воспринимаются как опасные только потому, что они контрастируют с поведенческими предпочтениями другой группы. Так, одна группа будет воспринимать поведение другой группы как угрозу, если оно идет вразрез с их представлениями о том, что хорошо для общества (например, протесты). Более того, такую же реакцию будет вызывать и противоположная группа, и представления о том, что считать угрозой для общества, будут конкурировать между собой.

Это видно на примере эпизода с семьей Макклоски в июне 2020 г., когда обе стороны политической элиты назвали поведение представителей другой партии угрозой американскому обществу. Республиканцы считали Макклоски героями, отстаивающими основные права американцев, такие как право на владение оружием и самооборону, поскольку они защищали себя от опасности насилия со стороны протестующих *Black Lives Matter*. В первую очередь республиканцев беспокоили «акты насилия» со стороны протестующих, которых поддерживают демократы. По их мнению, эти акты насилия превращают американское общество в небезопасное, а меры против полиции являются угрозой для американцев, их безопасности и образа жизни в целом (Lopez, 2020). В глазах демократов Макклоски являются расистами, использующими свои привилегии белых и огнестрельное оружие, чтобы остановить мирных протестующих *Black Lives Matter*, борющихся за расовую справедливость (Lopez, 2020). Их беспокоят действия богатых белых и, следовательно, Республиканской партии; по их мнению, «акты насилия» со стороны семьи Макклоски укрепляют ситуацию угнетения и насилия в отношении меньшинств и оправдывают действия группы, исторически известной как угнетающая (Kohler, 2020). Демократы воспринимают республиканцев, поддерживающих расовое неравенство в работе полиции, как угрозу американским свободам и справедливости (Lopez, 2020). Для республиканцев же группа, представляющая угрозу для общества, – это протестующие *Black Lives Matter* и поддерживающие их демократы, поскольку они воспринимаются как те, кто вызвал вспышку насилия в масштабах всей страны.

Обе группы испытывают обеспокоенность по поводу угрозы американскому обществу, и представления каждой из них о свободе контрастируют с другими, поэтому восприятие этой угрозы у них разное. В данном случае республиканцы видят свободу как право на владение оружием, самооборону и защиту личной собственности, а демократы – как расовое равенство и право на протест. В данном случае не имеет значения, насколько правильным является то или иное представление о свободе; главное, что каждая группа очень обеспокоена действиями, которые совершает другая группа. Важным аспектом является то, что обе реакции проистекают из одного и того же события, но понимаются и выражаются по-разному. Другими словами, обе стороны явно обеспокоены этим событием, но источник этой обеспокоенности находится в разных местах и направлен на разные группы людей.

Враждебность

Враждебность – это реакция, которая возникает после появления обеспокоенности вокруг определенной группы из-за действий этой группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При этом проводится различие между теми, кто считается врагом общества и его ценностей, и теми, кто считается жертвой, испытывающей последствия, вызванные действиями оппозиции (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Однако первые рассматриваются не только как враги для предполагаемых жертв, но и как враги для благосостояния общества в целом (Goode & Ben-Yehuda, 1994). При формировании групп необходим определенный уровень стереотипизации, так как должен быть способ отделить врагов от жертв (Cohen, 1972). Кроме того, должна существовать связь между угрозой обществу и группой, стереотипно считающейся врагами, поскольку ее члены должны рассматриваться как ответственные за возможную угрозу обществу (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

В теории двойной паники используется иной подход к рассмотрению одной группы как врагов, а другой – как жертв. В данном случае обе группы испытывают враждебность друг к другу, так как каждая из них видит в другой врага общества и, следовательно, каждая группа видит в себе жертву. Это создает ситуацию,

при которой обе группы считаются врагами и жертвами одновременно, но классификация зависит от того, к какой группе принадлежит человек. Часто конфликтующие между собой группы имеют противоположные убеждения по одному и тому же вопросу и именно поэтому считают друг друга врагами. Противоположные взгляды заставляют каждую группу расценивать свою точку зрения как правильную, а противоположную ей – как угрозу обществу. Как и в случае с переменной «обеспокоенность», не имеет значения, кто прав; важно то, что обе группы считают других угрозой обществу, а себя – теми, кто страдает от последствий их деятельности. В итоге враждебность обеих групп друг к другу будет расти, создавая напряженность между ними и вынуждая членов общества выбирать одну из сторон.

Рост враждебности к противоположной группе можно наблюдать и в эпизоде с Макклоски. Каждая сторона считала, что противники подвергают общество опасности своим деструктивным поведением и убеждениями, и враждебность республиканцев и демократов по отношению друг к другу росла. После инцидента республиканцы быстро окрестили членов семьи Макклоски жертвами протестующих и насилия со стороны демократов (Kohler, 2020), а демократы так же быстро называли протестующих жертвами, поскольку их право на мирный протест столкнулось с насилием со стороны Макклоски (Lussenhop, 2020). Таким образом, каждая из групп испытывала враждебность по отношению к другой, стереотипно представляя другую сторону как угрозу обществу.

Консенсус

Консенсус – это единодушное убеждение в том, что угроза, исходящая от действий определенной группы, представляет серьезную и реальную опасность для общества, и эта опасность напрямую связана с действиями обозначенной группы (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Согласие, достигнутое в обществе, обычно имеет широкое распространение и отличается единообразием по уровню негативной реакции, проявляемой по отношению к опасной группе и ее действиям (Garland, 2008). Консенсус – это механизм, который объединяет людей в обществе в период моральной паники и способствует быстрому распространению паники, поскольку люди объединяются на основе общей веры в то, что угроза реальна и сильна. Существует также консенсус в отношении того, что ответственность за угрозу несет определенная группа и что необходимо предпринимать шаги для спасения общества от этой группы (Wright & Miller, 2005). Важной особенностью консенсуса при моральной панике является то, что консенсус не обязательно должен включать большинство общества, а скорее значительную часть общества, которая с ним согласна (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Эта особенность позволяет различным слоям или группам общества формировать моральную панику, даже если большая часть общества не входит в этот сектор (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Такая гибкость категории консенсуса позволяет применить его к теории двойной паники, согласно которой каждая группа может сформировать консенсус в отношении одного и того же инцидента, но консенсус каждой группы будет разным. Другими словами, две противоположные группы формируют две разнонаправленные моральные паники на основе одного и того же инцидента. Важно отметить, что каждая группа может считать, что все общество находится в опасности из-за действий другой группы. Возможно, будет более правильным сказать, что в рамках теории двойной паники каждая группа находится под угрозой из-за действий другой группы, как и восприятие ими своих возможностей через свои ценности.

Категорию консенсуса в рамках теории двойной паники хорошо иллюстрирует процесс распространения информации в эпизоде с Макклоски. Многие СМИ республиканской направленности передавали практически одинаковую информацию и новости, что создавало у консервативных зрителей ощущение консенсуса на основе предоставленной информации. Так, заголовки Fox News предупреждали читателей о том, что в их район скоро придет насилие и что насилие будет исходить от тех же людей, которые участвовали в «толпе», напавшей на Макклоски (Nelson, 2020); эти заголовки повторялись в других консервативных СМИ, которые также называли протестующих «жестокой толпой» (Ziegler, 2020), «преследующей» (Dreher, 2020) Макклоски, находившихся в своем доме. Такое единообразие настойчиво передает консервативной аудитории одну идею, подразумевая, что все члены их партии разделяют чувство опасности, исходящее от действий «толпы». В сочетании с заверениями в правоте Макклоски со стороны лидеров республиканцев, например, бывшего президента Дональда Трампа и губернатора штата Миссури Майка Парсона (Kohler, 2020; Murphy, 2020), это единообразие еще больше укрепляет ощущение консенсуса у консервативной аудитории во время паники.

Такое же формирование и усиление консенсуса наблюдается и на стороне демократов, поскольку либеральные новостные источники сообщают практически одну и ту же информацию. Это дает либеральной аудитории ощущение консенсуса противоположной консервативной части общества направленности. Так, в СМИ говорилось о безответственных действиях Макклоски, которые «размахивали оружием» (Kohler, 2020) по отношению к явно «мирным протестующим» (Lopez, 2020); таким образом, они считают Макклоски виновными в том, что они подвергли опасности граждан, осуществляющих свое право на протест (Toropin & Waldrop, 2020). Более того, эти широко распространенные представления о том, что Макклоски неправы, не ограничились только новостными СМИ, но и распространились в других средствах массовой информации, где супругов Макклоски стали называть иррациональными, опасными и «сумасшедшими... с оружием» (The ReidOut, 2020). В совокупности эти единообразные идеи позволили либерально настроенной аудитории сформировать консенсус, но он был противоположен консенсусу консервативной части общества, поскольку они получали разные интерпретации, а предъявляемые им сюжеты фокусировались на разной информации.

Приведенный пример показывает, как противоположные группы приходят к двум противоположным консенсусам согласно теории двойной паники. Тем самым каждая группа формирует единое мнение о том, что они подвергаются опасности, а другая группа представляет реальную угрозу для общества. Затем это мнение усиливается и закрепляется средствами массовой информации противоположной направленности; при этом они преувеличивают ощущение опасности каждой группы и последовательно формируют негативные образы друг друга.

Непропорциональность

Непропорциональность – это переменная, которая представляет собой меру преувеличения средствами массовой информации по сравнению с реальностью; при этом эмпирическая реальность угрозы преувеличивается за счет публикации данных и информации, которые вызывают у общества ложное чувство опасности (Garland, 2008; Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Чтобы усилить страхи общества, используются не только преувеличенные данные. СМИ могут акцентировать больше внимания на одной теме, чем на другой, или предоставлять «доказательства», которые являются скорее мнениями, чем фактами (или даже приводить вымышленные факты); тем самым они могут вызывать в обществе реальное и повышенное чувство опасности (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Это преувеличение является основным элементом, который создает впечатление опасности (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Теория двойной паники дает похожую, но иную интерпретацию этого критерия. Здесь вместо одной моральной паники, нагнетаемой СМИ, есть две противоположные точки зрения, преувеличенные конкурирующими медиаагентствами, что создает два противоположных вектора восприятия опасности. В рамках теории двойной паники элемент непропорциональности состоит в том, что противоположные СМИ преувеличивают противоположные данные об одном и том же событии, тем самым усиливая ощущение угрозы одной группы по отношению к другой. При этом могут использоваться несуществующие доказательства, преувеличенные данные или просто повышенное внимание к одной теме по сравнению с другой, что создает ложное ощущение значимости и заставляет общественность поверить в то, что ситуация серьезнее, чем в реальности. Важно отметить, что разные СМИ сообщают различную информацию, а большинство новостных источников часто сообщают только ту информацию, которая совпадает со стереотипной точкой зрения соответствующего агентства. В результате те, кто получает информацию от одного источника, формируют иное ощущение опасности по сравнению с теми, кто получает информацию от СМИ противоположной направленности. Согласно теории двойной паники, СМИ часто занимают позицию, которая соответствует их повестке. Эти позиции существенно отличаются от других в отношении убеждений и ценностей, что усиливает отличие того чувства опасности, которое каждая группа получает от своего дифференцированного средства массовой информации.

В случае с Макклоски новостные источники различной направленности делали преувеличенные заявления о событии, создавая у своей аудитории ложное ощущение реальности и порождая страхи. Консервативные СМИ в основном называли протестующих «толпой» (Dreher, 2020; Nelson, 2020; Ziegler, 2020), создавая впечатление, что эта группа опасна и что она подвергает опасности семью Макклоски. Характеристика протестующих как толпы является преувеличением и создает у консервативно настроенных граждан лож-

ное ощущение, что протестующие действовали более жестоко, чем на самом деле, хотя не было никакой конкретной информации, подтверждающей это впечатление. Либеральные СМИ, напротив, почти всегда называли протестующих просто протестующими или даже мирными протестующими (Lopez, 2020; Kohler, 2020; Toropin & Waldrop, 2020). Однако в либеральных СМИ также присутствовали преувеличения, когда говорилось о действиях Макклоски с применением оружия (Kohler, 2020) и их готовности подвергать опасности протестующих, большинство из которых принадлежали меньшинствам, и нарушать их право на протест (Lopez, 2020; Toropin & Waldrop, 2020).

Неустойчивость

Неустойчивость проявляется в быстром возникновении моральной паники в СМИ и общественном сознании, а затем, как правило, таком же быстром исчезновении (Garland, 2008; Goode & Ben-Yehuda, 1994; Wright & Miller, 2005). Внезапность моральной паники часто объясняется тем, что СМИ быстро подхватывают историю и практически мгновенно передают преувеличенную информацию, что также усиливает внезапное ощущение угрозы для общества (Garland, 2008). Моральные паники также характеризуются неустойчивостью: они исчезают так же быстро и внезапно, как и появляются (Goode & Ben-Yehuda, 1994). В основном это происходит, когда СМИ переходят от одного события к другому, прежние новости становятся неактуальными или же публика теряет интерес к ним. В целом моральные паники характеризуются как кратковременные по отношению к другим событиям, охватывающим значительный промежуток времени; однако моральные паники все же оказывают культурное и историческое влияние на общество, которое может сохраняться в течение долгого времени (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

Однако это не означает, что моральные паники являются единичными событиями (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Напротив, паника может возникать периодически в связи с определенными явлениями (например, моральная паника вокруг отравленных конфет возникает почти каждый год во время Хэллоуина (Best & Nogiuchi, 1985) или институционализироваться в результате изменения законодательства или политики. Это также не означает, что у паники нет исторических или структурных предшественников. Многие вспышки паники, особенно в политической сфере, развиваются как серия краткосрочных, дискретных паник, идущих одна за другой (Goode & Ben-Yehuda, 1994).

В теории двойной паники используется та же схема. Два противоположных медийных источника могут быстро создать две моральные паники на основе одного и того же события, за исключением представленных двух разных точек зрения. Каждое средство массовой информации будет быстро и последовательно передавать сообщения, но затем эта активность угаснет по мере того, как сменится вектор общественного интереса. Однако в обществе начнут циркулировать две противоположные точки зрения, аудитория разделится на два лагеря, и на основе преувеличенной информации, предоставленной различными СМИ, быстро сформируются две противоположно направленные моральные паники, или двойная паника.

Инцидент с Макклоски был быстро подхвачен СМИ, а видео и фотографии одновременно распространились в различных социальных сетях, в том числе и в твиттер¹-каналах лидеров государства. В то же время СМИ высказывали особые мнения, сообщали выборочную или преувеличенную информацию, представляя событие в соответствующем их расширенной социальной повестке свете. В результате консервативная и либеральная публика быстро получила нужную им информацию и разделилась по своим убеждениям.

Моральная паника или война культур?

Цель данной статьи – показать, что концепция моральной паники должна быть расширена с учетом тех все более частых случаев, когда моральная паника принимает форму, не вписывающуюся ни в одну из трех моделей, предложенных в работе Goode и Ben-Yehuda (1994). В инциденте с Макклоски американское общество, независимо от политических убеждений, было охвачено паникой. Однако в отличие от других моделей мы видим, что обе стороны были одинаково возмущены поведением друг друга. В результате консерваторы

¹ «Твиттер» (Twitter) – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

стали считать себя жертвами либеральных деятелей и наоборот. В настоящее время не существует модели моральной паники, которая бы рассматривала этот феномен.

Некоторые исследователи (например, Garland, 2008) утверждают, что предлагаемая концепция – это не новая модель паники, а лишь переосмысление идеи «войны культур», в рамках которой происходит обычный горизонтальный конфликт между социальными группами (в отличие от вертикальных отношений между обществом и девиантной группой). Garland утверждает, что «повсеместное появление расовых, религиозных и региональных разногласий, поощряемое политикой идентичности и получающее выражение в средствах массовой информации, находящихся в открытом доступе... вызывает значительно поляризованные реакции» (Garland, 2008. Р. 17). Но эти реакции не поднимаются до уровня настоящей паники из-за отсутствия «широкого общественного согласия» и отхода от «консенсусных моральных паник».

Мы не согласны с этой точкой зрения по нескольким причинам. Во-первых, Goode и Ben-Yehuda утверждают, что «моральные паники бывают разных масштабов – одни захватывают только определенные социальные категории, группы или сегменты общества, другие вызывают сильную обеспокоенность у большинства» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. Р. 157). Поскольку для возникновения паники не обязателен широкий консенсус, а скорее сильно выраженный, то главный аргумент Garland оказывается несостоятельным. Во-вторых, как бы нам ни хотелось рассматривать американское общество как единое, мы считаем, что это слишком упрощает реальность современного политического и правового ландшафта – иначе разве было бы важно, кто назначен членом Верховного суда?

Garland также утверждает, что в ходе войны культур «активисты» с обеих сторон будут возражать против своей исключительности и «отстаивать социальную ценность и нормальность своих действий» (Garland, 2008. Р. 17). Таким образом, мы получим возмущенную реакцию «активистов», а не моральную панику. В некоторых случаях это может быть верно (например, в большинстве случаев применение оружия полицейскими вызывает возмущение, что приводит к ответной реакции в защиту полицейских со стороны групп, которые пытаются оправдать их действия). Однако в последнее время появилось множество примеров, подобных описанному выше, когда две группы с противоположными интересами демонстрируют возмущенную реакцию на одно и то же событие. В результате выдвигаются и пропагандируются различные политические меры, основанные на групповых интересах. Другими словами, согласно теории войны культур, группа А возмущается действиями группы Б, как она их воспринимает, а группа Б в ответ оправдывает и обосновывает свое поведение. Согласно же теории двойной паники, происходит некое действие, которое может быть даже не связано ни с одной из групп; обе группы выражают свое возмущение, каждая возлагает вину за это действие на другую (вспомним, что либералы поддерживали протестующих против Макклоски, хотя Макклоски состоят в Демократической партии и в прошлом вели судебные дела о гражданских правах, – групповая принадлежность оказалась не так важна, как восприятие группы, в которой состояли Макклоски). Поэтому определять все конкурирующие культурные, политические и правовые конфликты как «войну культур», на наш взгляд, ошибочно.

Последний аргумент Garland заключается в том, что работа средств массовой информации с моральными паниками стала «рутинной и предсказуемой» (Garland, 2008. Р. 17). Поэтому реакция общества на моральные паники и их «мобилизующая сила» значительно ослабевают по мере того, как граждане теряют чувствительность к «сенсациям» и «паникерству» СМИ (Garland, 2008. Р. 18). В прошлом это, возможно, и было верно, но после выборов 2016 г., когда политические и юридические фронты борьбы обозначились с такой определенностью, что некоторые даже призывали разделить Соединенные Штаты на два государства (Issenberg, 2018), это явно не так. Крайние приверженцы обеих политических партий продолжают подпитываться все более и более пристрастными СМИ (включая социальные сети), создавая и усугубляя «нагнетаемую истерию», которую Jenkins (2007, раздел 4) так яростно критиковал во время вспышки птичьего гриппа.

Заключение

С тех пор как в 1972 г. Коэн впервые представил концепцию моральных паник, ученые изучают ее как причинно-следственный механизм различных реакций общества на те или иные события. Goode и Ben-Yehuda операционализировали данную концепцию, предложив пять критериев моральной паники: обеспокоенность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость (Goode & Ben-Yehuda, 1994). Далее они

предположили, что концепция моральной паники может быть объяснена с помощью трех различных теоретических моделей: это модели низов, элиты и групп интересов. Целью данной работы было предложить еще одну модель – модель двойной паники. Она предполагает, что может произойти событие, которое вызовет панику по какому-либо вопросу у двух противоположных сторон. В отличие от войны культур, двойная паника – это настоящая паника по поводу какого-либо действия, а не реакция на возмущение оппозиции со стороны группы с конкурирующими интересами. Goode и Ben-Yehuda утверждают, что «изучение моральной паники не будет полным без изучения всех слоев общества, от элит до низов, и от идеологии и морали на одном конце спектра до статуса и материальных интересов на другом» (Goode & Ben-Yehuda, 1994. P. 168). По мере развития общества должны меняться и теоретические обоснования его реакций, будь то моральная паника или что-либо другое.

Список литературы / References

- Adams, O. L., & Behl, J. (2023). Dual Panic Theory: New Insight into Moral Panics. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 50–62.
- Altheide, D. L. (2009). Moral panic: From sociological concept to public discourse. *Crime, Media, Culture: An International Journal*, 5(1), 79–99. <https://doi.org/10.1177/1741659008102063>
- Armstrong, E. G. (2007). Moral panic over meth. *Contemporary Justice Review*, 10(4), 427–442. <http://dx.doi.org/10.1080/10282580701677519>
- Armus, T. (2020, July 1). St. Louis lawyer who waved gun at protesters says he was 'victim of a mob'. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/07/01/mccloskey-st-louis-guns-protest/>
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Berryessa, C. M. (2021). A dual-process approach to moral panic and public support for sex offender management policies. *Journal of Interpersonal Violence*, 37, 17–18, NP16700–NP16726. <https://doi.org/08862605211023490>
- Best, J., & Horiuchi, G. T. (1985). The razor blade in the apple: The social construction of urban legends. *Social Problems*, 32(5), 488–499. <http://dx.doi.org/10.2307/800777>
- Burns, R., & Crawford, C. (1999). School shootings, the media, and public fear: Ingredients for a moral panic. *Crime, Law & Social Change*, 32, 147168. <https://doi.org/10.1023/A: 1008338323953>
- Cohen, S. (1972). Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers. *MacGibbon & Kee*.
- Cohen, S. (2004). *Folk devils and moral panics* (3rd ed). Routledge.
- Cohen, S. (2011). Whose side were we on? The undeclared politics of moral panic theory. *Crime, Media, Culture: An International Journal*, 7(3), 237–243. <https://doi.org/10.1177/1741659011417603>
- Critcher, C. (2008). Moral panic analysis: past, present and future. *Sociology Compass*, 2(4), 1127–1144. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00122.x>
- Critcher, C. (2017). Moral panics. In *Oxford research encyclopedia of criminology and criminal justice*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.155>
- de Lint, W., & Dalton, D. (2020). Anatomy of moral panic: The “List of 88” and runaway constructionism. *Critical Criminology*, 1–21. <http://dx.doi.org/10.1007/s10612-020-09514-4>
- Dreher, R. (2020). *The McCloskeys: Haute bourgeois Bernie Goetzes*. The American Conservative. <https://www.theamericanconservative.com/dreher/mccloskeys-unlikely-everymen-republicans-trump/>
- Downs, A. (2016). Up and down with ecology: The “issue-attention cycle”. In *Agenda setting* (pp. 27–33). Routledge.
- Elsass, H. J., Schildkraut, J., Haenfler, R., Klocke, B. V., Madfis, E., & Muschert, G. W. (2021). Moral panic, fear of crime, and school shootings: Does location matter? *Sociological Inquiry*, 91(2), 426–454. <http://dx.doi.org/10.1111/soin.12407>
- Feezell, J. T. (2017). Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era. *Political Research Quarterly*, 71(2), 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- Garland, D. (2008). On the concept of moral panic. *Crime Media Culture*, 4(1), 9–30. <http://dx.doi.org/10.1177/1741659007087270>
- Goode, E., & Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, 20(1), 149–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.20.080194.001053>
- Graber, D. A. (1980). *Crime news and the public*. Praeger.
- Guess, A. M., Barbera, P., Munzert, S., & Yang, J. (2021). The consequences of online partisan media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(14), 1–8. <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.2013464118>
- Horsley, M. (2017). Forget ‘moral panics’. *Journal of Theoretical & Philosophical Criminology*, 9(2), 84–98. <http://www.jtpcrim.org/ARCHIVES2/Horsley.pdf>
- Hunt, A. (1999). *Governing morals: A social history of moral regulation*. Cambridge University Press.

- Issenberg, S. (2018, November 14). Maybe it's time for America to split up. *Intelligencer*. <https://nymag.com/intelligencer/2018/11/maybe-its-time-for-america-to-split-up.html>
- Jenkins, S. (2007, February 14). Forget bird flu: Mad publicity disease is much more scary. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2007/feb/14/comment.politics1>
- Klein, J. L., & Mckissick, A. B. (2019). Moral panics and community member perceptions regarding reductions in sex offender recidivism. *Justice Policy Journal*, 16(1), 1–24. <https://www.cjcrj.org/media/import/documents/community-member-perceptions-reductions-sex-offender-recidivism.pdf>
- Klein, J. L., & Cooper, D. T. (2019). Punitive attitudes toward sex offenders: Do moral panics cause community members to be more punitive? *Criminal Justice Policy Review*, 30(6), 948–968. <https://doi.org/10.1177/2F0887403418767251>
- Kohler, J. (2020, August 19). The St. Louis couple charged with waving guns at protesters have a long history of not backing down. *STL Today*. <https://www.stltoday.com/news/local/metro/the-st-louis-couple-charged-with-waving-guns-at-protesters-have-a-long-history-of/article-281d9989-373e-53c3-abcb-ecd0225dd287.html>
- Levendusky, M. (2013). *How partisan media polarize America*. University of Chicago Press.
- Lopez, G. (2020, August 24). Mark and Patricia McCloskey, the gun-toting St. Louis couple, explained. *Vox*. <https://www.vox.com/2020-presidential-election/2020/8/24/21398970/mark-patricia-mccloskey-republican-convention-guns-black-lives-matter>
- Lussenhop, J. (2020, August 25). Mark and Patricia McCloskey: What really went on in St Louis that day? *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-53891184>
- McRobbie, A., & Thornton, S. L. (1995). Rethinking 'moral panic' for multi-mediated social worlds. *The British Journal of Sociology*, 46(4), 559–574. <https://doi.org/10.2307/591571>
- Murphy, D. (2020, May 23). Mike Parson says Donald Trump will take 'actions' to support the McCloskeys. *Riverfront Times*. <https://www.riverfronttimes.com/foodblog/2020/07/14/mike-parson-says-donald-trump-will-take-actions-to-support-the-mccloskeys>
- Nelson, J. (2020, August 24). McCloskeys warn violence and riots will come 'to a neighborhood near you'. *Fox News*. <https://www.foxnews.com/politics/mccloskey-violence-riots-come-neighborhood-near-you>
- Pagones, S. (2020, June 29). Armed St. Louis protesters broke iron gate, threatened couple before they drew their own guns, attorney says. *Fox News*. <https://www.foxnews.com/us/armed-st-louis-rioters-threatened-couple-guns-attorney>
- Phillips, N. D., & Chagnon, N. (2021). Where's the panic, where's the fire? Why claims of moral panic and witch hunts miss the mark when it comes to campus rape and MeToo. *Feminist Media Studies*, 21(3), 409–426. <http://dx.doi.org/10.1080/14680777.2020.1765836>
- Randall, D. (1987). The portrayal of business malfeasance in the elite and general public media. *Social Science Quarterly*, 68(2), 281–293.
- Reiman, J. H. (1990). *The rich get richer and the poor get prison* (3rd ed.). Allyn & Bacon.
- Rohloff, A., & Wright, S. (2010). Moral panic and social theory. *Current Sociology*, 58(3), 403–419. <https://doi.org/10.1177/0011392110364039>
- Schildkraut, J., Elsass, H. J., & Stafford, M. C. (2015). Could it happen here? Moral panic, school shootings, and fear of crime among college students. *Crime, Law and Social Change*, 63, 911–10. <https://doi.org/10.1007/s10611-015-9552-z>
- The ReidOut. (2020, August 21). Transcript: The ReidOut. *MSNBC*. <https://www.msnbc.com/transcripts/transcript-reidout-august-21-2020-n1259574>
- Toropin, K., & Waldrop, T. (2020, July 20). St. Louis couple who Waved guns at Protesters face charges. *CNN*. <https://www.cnn.com/2020/07/20/us/st-louis-couple-weapons-protesters-charges/index.html>
- Waddington, P. A. J. (1986). Mugging as a moral panic: A question of proportion. *British Journal of Sociology*, 37(2), 245–259. <http://dx.doi.org/10.2307/590356>
- Webb, M., & Griffin, O. H. (2019). A mild panic? Media accounts of kratom. *Deviant Behavior*, 41(10), 1258–1267. <http://dx.doi.org/10.1080/01639625.2019.1607114>
- Wright, R. A., & Miller, J. M. (2005). Moral panic. In *Encyclopedia of criminology* (Vol. 2, p. 10051009). Routledge.
- Young, J. (2009). Moral panic: Its origins in resistance, resentment and the translation of fantasy into reality. *The British Journal of Criminology*, 49(1), 4–16. <https://doi.org/10.1093/bic/azn074>
- Ziegler, Z. (2020, July 1). Gun-Wielding couple realized the only one who will protect you is you. *The Federalist*. <https://thefederalist.com/2020/07/01/gun-wielding-couple-realized-the-only-one-who-will-protect-you-is-you/>

Об авторах

Омега Л. Адамс является кандидатом на получение степени доктора права Юрической школы Камберленда при Сэмфордском университете; предполагаемый срок получения степени – май 2025 г. Она также выполняет обязанности младшего редактора журнала *Cumberland Law Review*, Vol. 54, является членом Национальной судебной команды Камберленда, а также стипендиатом судьи Абрахама Карутерса 2023/24 учебного года в области академического письма. Адамс получила степень бакалавра криминологии в Колледже Флаглер в 2022 г.

Джошуа Д. Бэл, Ph.D. – доцент криминологии Колледжа Флаглер и заведующий кафедрой бихевиористики в Колледже Флаглер. Он получил степень PhD в области криминологии, права и общественных наук в Университете Флориды в 2016 г. Его исследования посвящены теме принятия юридических решений, в частности, различным типам поведения свидетелей (например, свидетельство об алиби, подтверждение показаний, свидетельство в зале суда). Бэл является соредактором (с д-ром Меган Киэнзл) издания *Alibis and Corroborators: Psychological, Criminological, and Legal Perspectives* (Springer) и соавтором (с д-ром Леонардом Стиверсоном) учебника *Criminal Theory Profiles: Inside the Minds of Theorists of Crime and Deviance* (Routledge).

About the authors

Omega L. Adams is Juris Doctor candidate at Samford University's Cumberland School of Law, anticipated graduation May 2025. Adams is a Junior Editor of the Cumberland Law Review, Vol. 54, a member of Cumberland's National Trial Team, and a Judge Abraham Caruthers Fellow for legal writing for the 2023 – 2024 academic year. Adams received her B.A. in Criminology from the Flagler College Honor's College in 2022.

Joshua D. Behl, Ph.D., is an Associate Professor of Criminology and Chair of Behavioral Sciences at Flagler College. Behl received his Ph.D. in Criminology, Law and Society from the University of Florida in 2016. His research focuses on legal decision-making where he has focused on various types of witness behavior (e.g., alibi witnesses, corroborators, and courtroom witness testimony). Behl is co-editor (with Dr. Megan Kienze) of *Alibis and Corroborators: Psychological, Criminological, and Legal Perspectives* (Springer) and co-author (with Dr. Leonard Steverson) of the textbook *Criminal Theory Profiles: Inside the Minds of Theorists of Crime and Deviance* (Routledge).

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.03.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

Э. Ганнисон¹¹ Университет Сиэтла, г. Сиэтл, США

Отказ от преступной деятельности: гендерные сходства и различия

Переводчик Е. Н. Беляева

Элейн Ганнисон, PhD в области уголовного правосудия, доцент и руководитель магистерских программ кафедры уголовного правосудия, Университет Сиэтла
E-mail: gunnison@seattleu.edu

Аннотация

Цель: выявление общих и отличительных признаков между отдельными группами правонарушителей мужского и женского пола, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: несмотря на то, что ряд исследователей приходили к выводу о схожести социально-психологических предикторов преступности для обоих полов, другие криминологи утверждают, что предикторы преступности у женщин и мужчин различны. Результаты настоящего исследования показывают некоторые сходства и различия в факторах риска между отдельными группами преступников по полу, а также в предикторах отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Таким образом, исследователи, изучающие проблему отказа от преступной деятельности, не могут исходить из общего влияния переменных независимо от пола, напротив, необходимо учитывать возможность специфического влияния предикторов отказа от преступной деятельности у женщин и мужчин.

Научная новизна: в последние несколько десятилетий значительно активизировалось изучение женской преступности. Парадигма исследования криминальной карьеры, предложенная в 1986 г. Blumstein с соавторами, дает возможность изучать преступность, в том числе женскую, с различных точек зрения. Среди них можно выделить теоретические подходы к таким аспектам, как начало, продолжение и отказ от преступной деятельности. На основе материалов Национального опроса молодежи в работе изучаются черты сходства и различия между отдельными группами правонарушителей мужского и женского пола (отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов), а также теоретические предикторы отказа от совершения менее тяжких преступлений и продолжения преступной деятельности. В результате исследования были выявлены значительные гендерные различия между отдельными группами правонарушителей, а также черты сходства и различия между полами в отношении предикторов отказа от совершения менее тяжких преступлений и продолжения преступной деятельности.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением и пресечением правонарушений.

© Ганнисон Э., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<https://rusjel.ru>) 25.12.2024

Представленный материал публикуется без купюр, в интерпретации автора.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/422.pdf>

Ключевые слова:

преступность, правонарушение, отказ от преступной деятельности, продолжение преступной деятельности, пол преступника, отдельные группы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Ганнисон, Э. (2024). Отказ от преступной деятельности: гендерные сходства и различия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–992. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.971-992>

Scientific article

E. Gunnison¹

¹ Seattle University, Seattle, USA

Desistance from criminal offending: exploring gender similarities and differences

Translator E. N. Belyaeva

Elaine Gunnison, PhD in Criminal Justice Associate Professor and Graduate Director in the Criminal Justice Department, Seattle University
E-mail: gunnison@seattleu.edu

Abstract

Objective: to reveal the similarities and differences between female and male discrete offender groups (desisters, persisters, late onseters, and conformers).

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: while some researchers have concluded that psycho-social predictors of crime are similar across gender, other criminologists have argued that predictors of crime may vary between females and males. The results from this investigation reveal some similarities and differences in the risk factors between discrete offender groups by gender and the predictors of female and male desistance from crimes. Therefore, researchers studying desistance cannot assume the generality of effects of variables across gender; rather, they must also consider the possibility of specific effects of predictors on female and male desistance.

Scientific novelty: Over the past several decades, researchers have more fervently examined female offending. The criminal career research paradigm put forth by Blumstein and colleagues in 1986 offers an opportunity for researchers to examine offending, including female offending, from multiple perspectives including onset, persistence, and desistance from a multitude of theoretical traditions. Using data from the National Youth Survey, this investigation examined the similarities and/or differences between female and male discrete offender groups (desisters, persisters, late onseters, and conformers) and theoretical predictors of desistance and persistence from less serious crimes. Results of the research revealed significant gender differences between the discrete offender groups as well as similarities and differences between the genders in predictors of desistance and persistence for less serious crimes.

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/422.pdf>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to preventing and eliminating crimes.

Keywords:

crime, offense, desistance from criminal activity, persistence for criminal activity, gender of offenders, discrete offender groups

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Gunnison, E. (2024). Desistance from criminal offending: exploring gender similarities and differences. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–992. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.971-992>

Введение

Возрастная криминология, или криминология течения жизни, возникла в 1980-х гг. и коренным образом изменила то, как исследователи сегодня рассматривают модели совершения правонарушений. Криминологи этого направления не довольствуются однофакторными объяснениями криминального поведения, такими как напряжение или связи с делинквентными сверстниками, а расширяют границы своей дисциплины и изучают различные факторы риска, взятые из множества дисциплин (например, психологии, социологии, биологии) (Loeber & Le Blanc, 1990). Они рассматривают, как эти факторы риска проявляются и влияют на модели совершения правонарушений на протяжении криминальной карьеры, отмечая при этом, что существуют различные аспекты преступной деятельности (например, ее начало, продолжение или прекращение; Blumstein et al., 1986). В конечном счете преступное поведение следует понимать не только в контексте начала, но и в иных аспектах криминальной карьеры, таких как отказ от совершения преступлений. Более того, в отличие от многих традиционных криминологических подходов, которые в основном объясняли мужские модели преступного поведения (например, Cohen, 1955; Hirschi, 1969), теории в рамках криминологии течения жизни предлагают модели преступного поведения для обоих полов (например, Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 1993).

В 1986 г. Blumstein с соавторами подчеркивали, что отказ от преступной деятельности – это не только важнейший аспект возрастной криминологии, который необходимо учитывать при изучении жизненного пути девиантной личности, но и значимая область эмпирических исследований (Blumstein et al., 1986). Однако модели отказа от совершения преступлений поначалу практически игнорировались в криминологических исследованиях. В 1990-х гг. появились эмпирические исследования в этой области, а в 2000-е гг. их стало больше. Изначально исследования, посвященные проблеме отказа от преступной деятельности, сводились к изучению этого феномена среди мужчин (Loeber et al., 1991; Ouimet & Le Blanc, 1996; Shover & Thompson, 1992). Однако вскоре стали появляться исследования их у женщин (Brown & Ross, 2010; Craig & Foster, 2013; Doherty & Ensminger, 2013; Giordano et al., 2002; McIvor et al., 2009; Sommers et al., 1994; Uggen & Kruttschnitt, 1998; Varriale, 2008).

Несмотря на широкое распространение исследований по данной проблеме, ученым еще предстоит изучить сходства и/или различия между отдельными группами правонарушителей (например, между группами лиц, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте, и конформистов) и представителями разных полов, используя лонгитюдные данные. Например, Gunnison и Mazerolle (2007) в своей работе рассматривают отдельные группы правонарушителей, но не то, как факторы риска отличаются в этих группах по полу. Кроме того, они не изучали сходство и различие факторов, предсказывающих отказ от совершения преступлений, для женщин и мужчин в долгосрочной перспективе. Трудно переоценить важность более глубокого понимания проблемы отказа от преступлений для женщин, поскольку, по данным некоторых исследователей, женщины более склонны к такому отказу,

чем мужчины (Weiner, 1989). Таким образом, понимание причин, по которым это происходит, может помочь в выработке политики, способствующей отказу от преступлений как среди женщин, так и среди мужчин. Используя данные Национального опроса молодежи, мы в своей работе углубляем предыдущие исследования, фокусируясь на изучении как отдельных групп правонарушителей обоих полов, так и моделей отказа от преступной деятельности.

Теоретические объяснения и эмпирические подтверждения отказа от преступной деятельности

В работе Uggen и Piliavin утверждается, что «криминологи уделяют относительно мало внимания теоретическому осмыслению процесса отказа от преступной деятельности. Это объясняется тем, что криминологическая теория и исследования в основном рассматривают вопросы этиологии, то есть причины преступности» (Uggen & Piliavin, 1998. Р. 1400). Предпринимались лишь редкие попытки разработать общую криминологическую теорию, объясняющую отказ от преступной деятельности. В ряде теоретических исследований этот аспект преступности только упоминается, и лишь недавно исследователи вплотную приступили к его изучению. В следующих разделах представлены теоретические объяснения и эмпирические подтверждения отказа от преступной деятельности в связи с гендерными различиями.

Теории социального контроля

В ряде теорий социального контроля делаются попытки объяснить отказ от совершения преступлений. Некоторые ученые указывают на возраст или скрытые особенности в качестве фактора такого отказа; другие криминологи предполагают, что модели отказа от преступной деятельности лучше объясняются с помощью социальных аспектов (Gottfredson & Hirschi, 1990; Hirschi, 1969; Hirschi & Gottfredson, 1983; Sampson & Laub, 1993). Хотя Gottfredson и Hirschi (1990) в своей общей теории преступности утверждают, что такой отказ зависит исключительно от возраста, эмпирическое обоснование этой точки зрения представляется неоднозначным (Pezzin, 1995; Shover & Thompson, 1992; Sweeten et al., 2013). С другой стороны, сильное эмпирическое подтверждение получила теория возрастной градации Sampson и Laub (1993), которая предполагает, что крепкие, значимые связи (такие как брак и трудоустройство) способствуют отказу от совершения преступлений. Многие исследователи находили эмпирическое подтверждение тому, что социальные связи (например, брак, трудоустройство, привязанность к родителям) способствуют отказу от преступной деятельности (Farrington & West, 1995; Giordano et al., 2011; Horney et al., 1995; Laub et al., 1998; Meisenhelder, 1977; Rand, 1987; Sampson & Laub, 1993; Schroeder et al., 2010). Так, Sampson и Laub (1993) обнаружили, что крепкий брак заставляет многих правонарушителей отказаться от преступного образа жизни, а Horney с соавторами (1995) подтвердили, что правонарушители-мужчины, проживающие вместе со своими женами, с большей вероятностью прекращают совершать преступления. В других работах было показано, что брак способствует отказу как от преступной деятельности, так и от употребления алкоголя и наркотиков (Farrington & West, 1995; Fillmore et al., 1991; Labouvie, 1996; Laub et al., 1998; Leonard & Homish, 2005; Mischkowitz, 1994; Ragan & Beaver, 2010; Sampson & Laub, 1990; Temple et al., 1991; Thompson & Petrovic, 2009; Warr, 1998), а в последнее время некоторые исследователи также пришли к выводу, что сильная привязанность родителей к ребенку может способствовать отказу от преступной деятельности (Schroeder et al., 2010).

Появились эмпирические исследования того, является ли брак фактором отказа от совершения преступлений среди женщин (Bersani et al., 2009; Doherty & Ensminger, 2013; Giordano et al., 2002). Например, Giordano с соавторами (2002) проанализировали количественные и качественные данные 93 юношей и 104 девушек из Толедо, штат Огайо. В отличие от выводов Sampson и Laub (1993), исследователи обнаружили, что супружеская привязанность не связана с отказом от преступной деятельности ни у мужчин, ни у женщин. Однако нарративный анализ факторов такого отказа, проведенный Giordano с соавторами (2002), прояснил несколько ключевых черт сходства и различия в моделях этого феномена у мужчин и женщин. Было показано, что для некоторых женщин и мужчин брак может способствовать такому отказу, т. е. брачные партнеры воспринимались как «катализатор», помогающий отказаться от прежних моделей совершения правонарушений. В работе Doherty и Ensminger (2013) изучалось влияние брака на афроамериканцев обоих полов, однако значимого эффекта в отношении отказа от преступной деятельности для женщин обнаружено не было.

Дополнительные исследования, посвященные социальным связям, способствующим отказу от преступной деятельности, показали, что таким фактором для мужчин и женщин могут стать трудоустройство и даже служба в армии (Craig & Foster, 2013; Horney et al., 1995; Opsal, 2012; Rand, 1987; Sampson & Laub, 1993, 1996). Craig и Foster (2013) в своем лонгитюдном исследовании молодых людей, начинающих взрослую жизнь, обнаружили, что призыв в армию был связан с отказом от преступной деятельности у женщин, но не у мужчин.

Теории сдерживания/рационального выбора

Некоторые ученые объясняют отказ от совершения преступлений тем, что человек принимает рациональное решение прекратить преступный образ жизни (Cornish & Clarke, 1986). Эмпирическое подтверждение теории сдерживания/рационального выбора в отношении отказа от преступной деятельности является неоднозначным. Эту проблему изучали с ретроспективной и/или качественной точки зрения, обычно на небольших, нерепрезентативных выборках мужчин-правонарушителей (Esbensen & Elliott, 1994). Например, некоторые ученые пришли к выводу, что мужчины-правонарушители, вероятнее всего, отказываются от совершения преступных действий из-за страха перед тюремным заключением или осознания того, что преступление было контрпродуктивным для их жизни (Cusson & Pinsonneault, 1986; Shover, 1996). В одном из таких количественных исследований Shover и Thompson (1992) изучили отказ от преступной деятельности на материале данных о 948 мужчинах, заключенных в тюрьму за три года до момента анализа. В частности, исследователи определяли, оказывает ли возраст косвенное влияние на отказ от преступной деятельности через оценку человеком рисков и выгод, связанных с такой деятельностью. Было обнаружено, что преступники, имеющие низкие ожидания успеха своей преступной деятельности, более склонны отказаться от нее.

Изучение моделей отказа от преступной деятельности у женщин показало, что женщины, понимающие последствия своего преступного поведения, также более склонны отказаться от него. Sommers с соавторами (1994) провели качественное исследование 30 женщин с помощью опросов и самоотчетов. Они обнаружили, что для некоторых женщин фактором отказа от совершения преступлений явилось осознание, что девиантный образ жизни, который они вели, приводит к проблемам; другие решили, что достигли того момента в своей жизни, когда необходимы перемены и нужно заново открыть для себя обычные жизненные занятия. Особый интерес представляет тот факт, что многие женщины в выборке рассматривали свой возраст как фактор, влияющий на их отказ от преступной деятельности. Иными словами, эти женщины опасались более длительного тюремного заключения, если их снова поймают за преступной деятельностью. В количественном исследовании, в котором участвовали как мужчины, так и женщины, Pezzin (1995) на материале молодежной когорты Национального лонгитюдного опроса проанализировала решение о прекращении участия в преступной деятельности. Было обнаружено, что значимым предиктором такого решения являются издержки, связанные с карательными санкциями. В частности, она отметила, что лица, имеющие высокий легальный заработок или доход, с наибольшей вероятностью отказываются от продолжения преступного образа жизни. Таким образом, немногочисленные работы, посвященные изучению отказа от преступной деятельности с точки зрения теории сдерживания/рационального выбора, свидетельствуют о том, что мужчины и женщины описывают схожие мотивы отказа от совершения преступлений.

Теории дифференциальных связей/социального обучения

В криминологических исследованиях была показана связь начала преступной деятельности с усвоением криминальных взглядов и общением со сверстниками из преступных сообществ (Akers, 1990; Sutherland, 1947). Таким образом, ожидается, что воздействие просоциальных взглядов и общение с просоциальными сверстниками может привести к отказу от преступного поведения. Действительно, в исследованиях, посвященных отказу от употребления наркотиков, было показано, что устранение связей с антисоциальными сверстниками значительно влияет на решение об отказе от наркотиков (Lanza-Kaduce et al., 1984; White & Bates, 1995).

Другие эмпирические исследования, не относящиеся к сфере наркотиков, подтверждают теорию дифференциальных связей/социального обучения и ее роль в объяснении отказа от преступной деятельности. Так, Ayers с соавторами (1999) в лонгитюдном исследовании с участием 297 юношей и 269 девушек обнаружили, что принадлежность к более традиционной среде положительно коррелирует с отказом от преступной деятельности независимо от пола. Warr (1993) проанализировал данные о лицах мужского пола, полученные в ходе Национального опроса молодежи, и обнаружил, что связи со сверстниками в выборке менялись по

мере взросления респондентов: их делинквентные связи со сверстниками уменьшались, что, в свою очередь, приводило к снижению уровня вовлеченности в преступную деятельность. Опираясь на теорию дифференциальных связей Сазерленда, Warr (1998) исследовал зависимость между значительными изменениями в жизни, ведущими к отказу от преступных действий, и изменениями в отношениях со сверстниками (например, уменьшением времени, проводимого с девиантными друзьями, появлением новых просоциальных друзей). В своей работе, также на основе данных Национального опроса молодежи, Warr (1998) показал, что начало семейной жизни часто ведет к нарушению или разрыву отношений с друзьями, в том числе делинквентными. Это исследование не только подтверждает теорию дифференциальных связей/социального обучения, но и указывает на положительную роль социальных связей в отказе от преступной деятельности, о чем говорили Sampson и Laub (1993). В недавней работе Sweeten с соавторами (2013) обнаружили, что отказ от участия в преступных группировках был связан с уменьшением числа антисоциальных связей со сверстниками.

Общая теория напряжения

Еще одна теория, которая вносит свой вклад в понимание проблемы отказа от преступной деятельности, – это общая теория напряжения, предложенная Agnew (1992). Согласно этой теории, люди, испытывая напряжение, подвергаются повышенному риску возникновения негативных эмоций, в частности гнева. Когда подросток испытывает гнев, снижается воздействие сдерживающих факторов, препятствующих совершению преступления. Это повышает вероятность совершения преступного деяния, поскольку подростки часто не владеют просоциальными стратегиями преодоления гнева. Эмпирически было неоднократно показано, что напряжение может служить спусковым механизмом для начала преступного поведения (Agnew & White, 1992; Paternoster & Mazerolle, 1994). Однако вопрос о том, способствует ли снижение напряжения отказу от преступной деятельности, до настоящего времени не изучался.

При этом изучались гендерные различия в типах напряжения и реакциях на него, а также гендерные различия преступного поведения (Broidy & Agnew, 1997; Mazerolle, 1998). Broidy и Agnew (1997) исследовали, применима ли общая теория напряжения к представителям обоих полов, и пришли к выводу, что теория объясняет правонарушения как мужчин, так и женщин. Однако исследователи отмечали, что мужчины и женщины испытывают разные типы напряжения и по-разному реагируют на эти стрессовые воздействия. В лонгитюдном анализе данных первых двух волн Национального опроса молодежи Mazerolle (1998) обнаружил гендерные различия в том, как напряжение влияет на склонность к насильственному поведению. Например, он отметил, что воздействие множества негативных жизненных событий (например, смерть близкого человека) и негативные отношения со взрослыми людьми являются криминогенными для мужчин, но не для женщин. Таким образом, данное исследование показывает, может ли общая теория напряжения объяснить отказ от преступной деятельности и различаются ли процессы, связанные с напряжением, у мужчин и женщин. Это позволяет прогнозировать варианты такого отказа.

Другие факторы отказа от преступной деятельности

Мужчины. В работе Shover и Thompson (1992) было обнаружено, что отказ от преступной деятельности зависит в первую очередь от возраста, но значимыми предикторами оказались и другие факторы, например, надежды на успешное завершение преступного деяния и уровень образования. Также Loeber с соавторами (1991) на выборке из 850 подростков мужского пола по материалам Питтсбургского опроса молодежи показали, что отказ от преступной деятельности коррелирует с низким уровнем социального отчуждения и деструктивного поведения, а также с высоким уровнем позитивных мотивационных и мировоззренческих факторов.

Недостаточно изучена также вероятность того, что появление ребенка является мотивирующим фактором для отказа от преступной деятельности. Эта гипотеза была выдвинута Hughes (1998) в качественном исследовании 20 молодых мужчин афроамериканского и латиноамериканского происхождения. Rutter (1994) также пишет о том, что влияние отцовства в подростковом возрасте на жизненные траектории мужчин мало изучено. При этом, исследовав 106 мужчин-правонарушителей 1945 года рождения из Филадельфии, Rand (1987) не обнаружил значительного влияния отцовства на отказ от преступной деятельности.

Женщины. Эмпирических исследований, посвященных отказу от преступной деятельности среди женщин, очень немного. Большая часть их сосредоточивается на качественных, а не лонгитюдных количественных данных. Поэтому модели такого отказа еще менее изучены, чем в отношении мужчин.

Переходные периоды: беременность и родительство

Исследования по проблемам наркотиков показывают, что беременность или родительство способствуют отказу от употребления наркотиков у женщин-правонарушительниц (Yamaguchi & Kandel, 1985). Chen и Kandel (1998) обследовали 706 лиц мужского и женского пола, употреблявших марихуану, в старших классах школы, а затем повторно в возрасте 34–35 лет. Они обнаружили, что беременность, а затем рождение ребенка были наиболее важными факторами, которые привели к прекращению употребления марихуаны для женщин. Хотя Chen и Kandel (1998) не изучали связь между материнством и преступностью, их исследование представляет собой шаг на этом пути. В последнее время начали появляться исследования, посвященные выявлению возможной связи между материнством и отказом от совершения уголовных преступлений. Например, работа Giordano с соавторами (2002) не подтверждает, что этот фактор способствует отказу от преступлений. По мнению Rutter (1994), подавляющее большинство исследований указывает на то, что беременность в подростковом возрасте негативно влияет на дальнейшую жизнь женщины. Однако на материале опроса 11 женщин Graham и Bowling (1995) обнаружили, что появление детей было для женщин-правонарушительниц важнейшим фактором отказа от преступной деятельности. В работе Giordano с соавторами (2011) показали, что женщины, которые забеременели и хотели забеременеть, часто воздерживаются от преступных моделей поведения. Привязанность родителей к детям также может способствовать отказу от преступлений среди женщин (Michalsen, 2011).

Дополнительные **факторы отказа от преступной деятельности**. Помимо вышеперечисленных факторов, исследователи обнаружили и другие. Одно из немногих неколичественных исследований отказа от преступной деятельности среди женщин было опубликовано Uggen и Kruttschnitt (1998). Ученые изучили самоотчеты мужчин и женщин за трехлетний период и обнаружили, что факторы отказа от девиантного поведения в основном совпадают для обоих полов. Однако повторный анализ официальных данных показал ряд различий по признаку пола. Например, употребление наркотиков и наличие судимостей повышали риск ареста для женщин более чем в два раза по сравнению с мужчинами. Таким образом, женщины, имеющие судимости и употреблявшие наркотики, менее склонны к отказу от преступной деятельности, чем мужчины с такими же характеристиками. Аналогичным образом, Born с соавторами (1997) использовали данные проекта *Public institutions for the Protection of Youth (I.P.P.J.)*, в котором оценивались перспективы 363 несовершеннолетних мужского и женского пола, помещенных в специализированные учреждения в Бельгии. Ученые обнаружили, что отказ от совершения правонарушений определяется такими факторами, как продолжительность пребывания в учреждении, продолжительность проживания в домашних условиях, улучшение самооценки и наличие привязанностей. Однако исследователи не смогли определить, насколько схожи или различны эти показатели у лиц мужского и женского пола.

Хотя исследования по проблеме отказа от преступной деятельности активно ведутся в течение последних нескольких десятилетий, эта проблема остается во многом нерешенной применительно к женщинам. Недостаточность знаний о моделях криминальной карьеры женщин связана с тем, что большинство лонгитюдных исследований правонарушений проводилось на мужских выборках (Piquero, 2000). В тех работах, которые охватывают как мужчин, так и женщин, в выборку часто включается значительно меньше женщин, что не позволяет исследователям сделать значимые выводы об их моделях поведения (Giordano et al., 2002). Появляющиеся в последние годы исследования различных аспектов криминальной карьеры, таких как позднее начало, продолжение преступной деятельности и отказ от нее, позволили исследователям выявить факторы риска, связанные с принадлежностью к отдельным группам (Carr & Hanks, 2012; Gunnison & McCartan, 2005; Moffitt, 1993; White et al., 2012; Wiecko, 2014; Zara & Farrington, 2009). Однако до сих пор недостаточно изучено, как психосоциальные факторы риска могут различаться среди членов этих дискретных групп правонарушителей в зависимости от пола. Иными словами, прямое сравнение факторов риска не проводилось (за исключением работы Gunnison & Mazerolle, 2007).

Учитывая вышеупомянутые ограничения, данное исследование вносит определенный вклад в криминологические исследования преступной карьеры. Мы рассматриваем факторы, которые отличают лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других дискретных групп правонарушителей (а именно лиц, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте, и конформистов) по гендерному признаку, чего не было сделано предыдущими исследователями. Данная работа является одним из первых проспективных лонгитюдных исследований моделей отказа от преступной деятельности у мужчин и женщин, где размер

выборки женщин достаточно велик для проведения значимого анализа. Кроме того, мы изучили, различаются ли у мужчин и женщин процессы, которые приводят к отказу от преступной деятельности, в разрезе общей делинквентности и менее тяжких преступлений. Учитывая, что факторы начала преступной деятельности у мужчин и женщин имеют черты сходства и различия, факторы отказа от преступной деятельности также могут быть схожими и различными в зависимости от пола. В частности, чтобы систематически изучить факторы, способствующие отказу от преступной деятельности, мы рассматриваем предикторы такого отказа, обоснованные различными криминологическими теориями.

Методология

Данные, использованные для анализа, были получены в ходе Национального исследования молодежи (*National Youth Survey, NYS*) (Elliott et al., 1985, 1989). NYS – это панельное исследование, разработанное на основе общенациональной вероятностной выборки домохозяйств по всей территории США и охватывающее период с 1976 по 1993 г. (Elliott et al., 1985, 1989). Используя многоступенчатую кластерную выборку, Elliott с соавторами (1985) отметили, что в результате этой процедуры было отобрано около 67 тысяч домохозяйств, 8 тысяч из которых были включены в выборку. В них было 2 360 молодых людей, подходящих для включения в исследование. В 1976 г. 1 725 подростков обоего пола в возрасте 11–17 лет были включены в первую волну NYS¹. С момента первого сбора данных в 1976 г. прошло еще восемь волн сбора данных по этой когорте. В 1993 г. была собрана последняя волна данных по этим лицам, когда они достигли возраста 27–33 лет. В настоящее время в открытом доступе находятся данные только по семи волнам; данные по этим волнам (1–7), охватывающим 1976–1987 гг., были взяты с веб-страницы Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (*Inter-University Consortium for Political and Social Research*).

В рамках всех семи волн данные собирались посредством личных интервью с респондентами. В каждой волне основное внимание уделялось предыдущему году, т. е. респонденты должны были вспомнить инциденты, произошедшие в течение предыдущих 12 месяцев. В первой волне сбора данных для обследования в рамках NYS были случайным образом отобраны 1 725 подростков, из них 917 мужского и 808 женского пола. Для целей дальнейшего анализа в окончательную выборку включаются только те испытуемые, которые имеют данные по всем семи волнам. Из-за отсутствия данных в какой-либо волне из окончательной выборки были исключены 195 человек. Таким образом, общее число лиц, по которым имеются данные по всем семи волнам, составляет 1 517² из 1 725 человек первоначальной выборки, т. е. показатель отсева составляет 12 %. Из 1 517 человек, по которым имеются данные по всем семи волнам, было 789 лиц мужского и 728 лиц женского пола.

В первой волне средний возраст выборки составлял 13,8 года; 47 % выборки составляли подростки женского пола; 63 % респондентов сообщили, что имели работу в течение последнего года. Кроме того, 79 % выборки были белыми, 14 % – афроамериканцами и 4 % – латиноамериканцами. По мнению Elliott с соавторами (1985. Р. 92), выборка первой волны NYS «представляет репрезентативной для всего населения США в возрасте от 11 до 17 лет согласно данным Бюро переписи населения США» (*U.S. Census Bureau*) в отношении демографических характеристик возраста, расы и пола в 1976 г.

Показатели отказа от преступной деятельности

Поскольку развивались преимущественно эмпирические исследования по проблеме отказа от преступной деятельности, измерение этого показателя было затруднено. Некоторые ученые объясняют это тем, что существуют «серьезные проблемы с измерением отказа от преступной деятельности» (Laub & Sampson, 2001. Р. 9). Поэтому исследования, посвященные показателям моделей отказа от преступной деятельности, сталкиваются с некоторыми эмпирическими проблемами. Одной из таких проблем является определение

¹ 635 подростков, отобранных для исследования, не приняли в нем участия из-за отказа родителей, отказа самого подростка или невозможности установить контакт с потенциальным испытуемым (Elliott et al., 1985).

² Из первоначальных 1 725 респондентов имеются данные по всем семи волнам для 1 530 респондентов. Еще 13 респондентов были исключены из-за компьютерной ошибки, в результате которой их данные стали непригодными для использования; окончательный размер выборки составил 1 517 человек.

отказа от преступной деятельности (Laub & Sampson, 2001). Так, например, его определяют как отсутствие преступных посягательств в течение более двух лет или более пятнадцати лет (Farrington & Hawkins, 1991; Sampson & Laub, 1993; Shover & Thompson, 1992).

В настоящей работе отказ от правонарушений определяется как отсутствие правонарушений в течение как минимум трех лет³. Например, все подростки, которые сообщили об участии в менее серьезных преступных действиях (например, угон автомобиля, продажа марихуаны, кража) один или несколько раз в течение волн 1–6, но ни разу в течение 1984, 1985 или 1986 гг. (волна 7), были классифицированы как «отказавшиеся от преступной деятельности». Для построения этой группы использовались общие показатели делинквентности, в результате чего в нее вошли 315 человек. Те подростки, которые сообщили об участии в менее серьезных преступных деяниях один или несколько раз в течение волн 1–6 и продолжали участвовать в них в течение 1984, 1985 или 1986 гг. (волна 7), были классифицированы как «продолжающие преступную деятельность». Для построения этой группы также использовались общие показатели делинквентности, в нее вошли 472 человека. По той же методике были выделены группы «конформистов» (92 человека) и «поздно начавших преступную деятельность» (34 человека).

Показатели теоретических конструктов

В анализ были включены показатели из различных криминологических теорий, включая социальный контроль, сдерживание, напряжение и социальное обучение. Например, в ответ на положения Gottfredson и Hirschi (1990) о низком самоконтроле в анализ включен показатель «антиобщественных наклонностей», адаптированный из работы Paternoster и Mazerolle (1994). Респондентам задавали ряд вопросов, чтобы оценить, одобряют ли они преступное и антиобщественное поведение (например, ложь, обман, избиение, нарушение правил, нарушение законов). Шкала строилась как сумма ответов на одиннадцать вопросов.

Степень социального контроля оценивалась рядом показателей. Так, о привязанности к семье свидетельствуют отношения с родителями (респондента просили оценить наличие теплых отношений и/или привязанности, поддержки и/или поощрения, получаемых от родителей). Различные аспекты привязанности к семье оценивались как сумма четырех пунктов. Далее респондентов спрашивали об их семейном положении (состоят или не состоят в браке (например, одинокие, вдовцы и т. д.)) и качестве супружеских отношений, включая значимость брака и степень удовлетворенности им. Этот вопрос оценивался как сумма шести пунктов. Вопросы о том, с кем проживает респондент, позволили оценить, влияет ли на отказ от преступной деятельности проживание с супругом или супругой по сравнению с наличием неофициальных отношений. Ответы о том, с кем респондент проживал в течение последнего года, были закодированы в две отдельные фиктивные переменные, где 1 – «состоит в браке» и 0 – «не состоит в браке» или 1 – «состоит в отношениях» и 0 – «не состоит в отношениях».

В качестве дополнительного показателя социального контроля рассматривалась привязанность к детям. Респондентов спрашивали о том, сколько часов в неделю они проводят с детьми, нравится ли им быть с детьми и удовлетворены ли они своими отношениями с ними. Эти три пункта суммировались, давая шкалу привязанности к детям⁴.

Для определения просоциальных установок респондентов просили оценить, насколько неприемлемыми они считают некие действия (например, порчу имущества, продажу наркотиков) по шкале от «действие является совершенно неприемлемым» до «действие не является неприемлемым». Девять пунктов, которые использовались для создания этой шкалы, были взяты из работы Paternoster и Mazerolle (1994). Шкала вовлеченности в повседневную деятельность охватывала ответы на 12 вопросов. Респондентов просили сообщить, сколько времени они тратят на обычные виды деятельности (например, учебу, школьные мероприятия) по вечерам в течение рабочей недели и в выходные дни.

Опросник включал также такие показатели социального контроля, как уровень образования (выпускник средней школы и выпускник колледжа), статуса занятости (трудоустроенность в прошлом году), отношение к трудоустройству (значимость работы и удовлетворенность ею), религиозная принадлежность (частота по-

³ Для данного анализа использовались только респонденты, для которых имеются данные по всем семи волнам.

⁴ Данная часть исследования ограничена группой правонарушителей, у которых были дети в изучаемый период.

сещения религиозных служб и значимость религии в жизни), беременность (была ли респондентка беременна когда-либо), употребление наркотиков и алкоголя (частота употребления алкоголя и наркотиков в прошлом году).

Для оценки теории дифференциальных связей/социального обучения оценивалось влияние девиантного поведения сверстников: респондентов спрашивали, есть ли у них друзья, совершившие различные уголовные и делинквентные поступки (например, продажа наркотиков, обман на школьных тестах). В данном исследовании использовалась шкала из девяти пунктов, основанная на работе Paternoster и Mazerolle (1994). Также был включен показатель привязанности к сверстникам. Эта шкала из девяти пунктов основана на работе Warr (1998); оценивались количество времени, проведенного со сверстниками, а также их влияние, значимость, удовлетворенность общением с ними, степень поддержки и лояльности с их стороны.

Для оценки психологического напряжения были включены показатели профессионального напряжения (например, пять пунктов для оценки напряженности от разрыва между образовательными целями, такими как окончание колледжа, и профессиональными ожиданиями, такими как получение хорошей работы или зарплаты), а также показатели негативных или вредных влияний, включая проблемы в районе проживания (например, вандализм, заброшенные дома, кражи со взломом, аварийные здания, грабежи и нападения), негативные события в жизни респондента и его родителей (например, серьезные несчастные случаи, болезни, смерти, разводы, безработица) и негативные отношения со взрослыми (например, родители респондента считали, что ему нужна помощь, что он плохой ребенок, что он непутевый, попадает в неприятности, нарушает правила поведения и законы; см., например, (Paternoster & Mazerolle, 1994)).

Для оценки отказа от преступной деятельности или влияния рационального выбора были включены показатели определенности и суровости наказания. Согласно теории, люди взвешивают риски и выгоды, прежде чем принять решение об участии в преступлении. В ходе Национального исследования молодежи респондентов спрашивали, какова, по их мнению, вероятность получить штраф или быть арестованным за участие в преступных действиях (таких как нападение, кража стоимостью более 50 долларов и др.). Респонденты отмечали свои ответы в диапазоне от 0 до 10 баллов, что означало вероятность от 0 до 100 % соответственно. Тем самым была сформирована шкала из шести пунктов, где высокие баллы указывали на высокую уверенность в наказании. Респондентов спрашивали, как они оценивают суровость наказаний за различные преступные деяния (например, нападение, проникновение в здание). Эта шкала состояла из шести пунктов, где высокие баллы указывают на значительную, по мнению респондентов, суровость наказания.

Показатели теоретических конструкторов

Опираясь на работы Elliott с соавторами (1985, 1989), мы сформировали общую шкалу делинквентности⁵, отдельные пункты которой отражали преступления различной степени тяжести. В ней суммировались ответы на девять вопросов от скрытого ношения оружия до кражи.

Показатели теоретических конструкторов

В многомерном анализе использовалось несколько контрольных переменных. Возраст измеряли в полных годах на момент оценки. Расовая принадлежность кодировалась как 0 для белых и 1 для небелых. Мужской пол кодировался как 0, женский – как 1.

Анализ

Сначала был проведен дисперсионный анализ между отдельными группами правонарушителей (т. е. лицами, отказавшимися от преступной деятельности, продолжающими преступную деятельность, начавшими ее в позднем возрасте и конформистами), чтобы оценить, существуют ли различия в психосоциальных характеристиках между группами в рамках шестой волны. Затем были проведены проверки по критерию Стьюдента, чтобы оценить, существуют ли однозначные различия на среднем уровне между лицами, отказавшимися от преступной деятельности, и продолжающими ее. Эти сравнения также позволяют оценить, насколько

⁵ За исключением тех пунктов, которые пересекаются со шкалой «индексированных правонарушений» или считаются серьезными правонарушениями. К ним относятся: скупка краденого, скрытое ношение оружия, кража вещей стоимостью менее 5 долларов, проституция, продажа марихуаны, продажа тяжелых наркотиков, нарушение общественного порядка, угон автомобиля и кража вещей стоимостью от 5 до 50 долларов.

характеристики различаются между полами. Наконец, был проведен логистический регрессионный анализ для женской и мужской выборок, чтобы определить, является ли какая-либо из теоретически выведенных переменных предиктором отказа от совершения правонарушений.

Результаты исследования

Гендерные различия в отдельных группах преступников

После дисперсионного анализа различных психосоциальных факторов риска для отдельных групп, чтобы определить возможные различия между ними, были проведены проверки по критерию Стьюдента между отдельными группами с целью выявления конкретных различий. Результаты сравнения средних уровней по отдельным группам правонарушителей (т. е. лиц, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов) для женщин представлены в табл. 1, а результаты ретроспективного тестирования мужчин – в табл. 2. Выявлен ряд важных сходств и различий между группами.

Таблица 1

Проверка по критерию Стьюдента между отдельными группами правонарушителей (волна 6: женщины), $n = 728$

Table 1. T-Test Comparisons Between Discrete Offender Groups (wave 6: Females), $n = 728$

Показатель / Indicator	Критерий Стьюдента / T-Value					
	D vs. P	D vs. L	D vs. C	P vs. L	P vs. C	L vs. C
Социальный контроль / Social Control						
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	3,053**	-0,366	1,195	1,487	-1,097	0,937
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	2,341**	-1,892*	-3,158**	-2,296**	-4,927**	0,097
Участие в повседневной деятельности / Involvement in Conventional Activities	1,966*	1,879*	0,459	1,181	-1,876*	-1,736*
Трудоустройство (1981) / Employed (1981)	0,748	0,547	2,441**	0,215	1,845*	0,767
Отношение к трудоустройству / Employment Attachment	1,133	0,691	-2,966**	0,347	-4,033**	-1,481
Религиозная принадлежность / Religious Attachment	2,230**	-1,142	-3,047**	-1,903*	-4,337**	-0,498
События жизни / Transitional Life Events						
Неудачная беременность / Failed Pregnancy	0,805	-0,111	-4,097**	-0,438	-5,230**	-1,00
Дифференциальные связи/социальное обучение / Differential Association/Social Learning						
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-1,306	1,299	5,605**	2,036**	7,019**	1,238
Привязанность к сверстникам / Peer Attachment	-2,259**	-0,427	-2,019**	0,483	-0,050	-0,539
Напряжение / Strain						
Традиционное напряжение / Traditional Strain	0,073	-0,490	-3,163**	-0,538	-3,346**	-1,265
Проблемы в районе проживания / Neighborhood Problems	-2,010**	0,171	1,304	1,033	2,802**	0,492
Сдерживание/рациональный выбор / Deterrence/Rational Choice						
Определенность наказания / Certainty of Punishment	2,724**	2,237**	-1,531	1,457	-3,358**	-2,692**
Суровость наказания / Severity of Punishment	2,441**	2,349**	-1,419	1,284	-3,206**	-2,906**
Употребление наркотиков/алкоголя / Drug/Alcohol Use						
1981	-1,961*	2,546**	6,645**	3,331**	8,215**	0,304
1982	-1,538	4,095**	6,372**	3,394**	7,649**	0,095
1983	-1,326	3,052**	7,144**	3,836**	7,892**	1,457

Примечание: D – лица, отказавшиеся от преступной деятельности, P – лица, продолжающие преступную деятельность, L – лица, начавшие преступную деятельность в позднем возрасте, C – конформисты.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,10$.

Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,10$.

Проверка по критерию Стьюдента ($p < 0,05$, $p < 0,10$) показала, что женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, отличаются от других групп по таким аспектам, как семейное положение, моральные убеждения, религиозность, определенность и суровость наказаний, привязанность к сверстникам, употребление наркотиков/алкоголя и проблемы в районе проживания. В частности, результаты теста Стьюдента, представленные в табл. 1, показывают, что такие женщины чаще ($p < 0,05$), чем женщины, продолжающие преступную деятельность, выходили замуж в 1983 г., имели более твердые моральные и религиозные убеждения. Кроме того, у женщин, отказавшихся от преступной деятельности, было больше ($p < 0,05$) неудачных беременностей, чем у конформисток. Кроме того, женщины из группы отказавшихся от преступной деятельности были чаще ($p < 0,10$) вовлечены в повседневную деятельность, чем женщины, продолжающие или поздно начавшие преступную деятельность. Однако женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, были менее склонны ($p < 0,05$) к религии, чем конформистки. Кроме того, женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, испытывали значительно меньшее ($p < 0,05$) традиционное напряжение, чем конформистки, и реже ($p < 0,05$) проживали в неблагополучном районе, чем те, кто продолжал преступную деятельность. Кроме того, женщины из первой группы воспринимали определенность и суровость наказаний как значительно более высокую ($p < 0,05$), чем женщины из второй и третьей групп, однако с большей вероятностью ($p < 0,05$) употребляли наркотики или алкоголь в 1981, 1982 и 1983 гг., чем женщины из третьей и четвертой групп.

Таблица 2

Проверка по критерию Стьюдента между отдельными группами правонарушителей (волна 6: мужчины), $n = 789$

Table 2. T-Test Comparisons Between Discrete Offender Groups (wave 6: Males), $n = 789$

Показатель / Indicator	Критерий Стьюдента / T-Value					
	D vs. P	D vs. L	D vs. C	P vs. L	P vs. C	L vs. C
Социальный контроль / Social Control						
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	1,454a	0,493	-1,357a	-0,122	-2,039a*	-1,450a
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	2,283**	-2,932a**	-5,622a*	-4,860a**	-8,868a**	-1,240a
Окончил среднюю школу / H.S. Graduate	1,685a*	0,267	-2,640a**	-0,345	-4,772a**	-1,254a
Трудоустройство (1981) / Employed (1981)	1,082a	1,966a*	1,597a	1,661a	1,186a	-0,548
Трудоустройство (1982) / Employed (1982)	0,847	2,199a**	1,294a	1,969a*	0,976a	-1,037
Религиозная принадлежность / Religious Attachment	2,289**	-0,329	-2,771**	-1,388	-4,272**	-1,892*
Дифференциальные связи/социальное обучение / Differential Association/Social Learning						
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-4,559**	3,393a**	4,00a**	8,240a**	7,127a**	1,416
Привязанность к сверстникам / Peer Attachment	0,935	2,756**	2,102a**	2,321**	1,818a*	-0,071
Напряжение / Strain						
Негативные отношения со взрослыми / Negative Relations with Adults	-2,983a**	0,201	1,605a	2,649a**	4,239a**	0,926
Сдерживание/рациональный выбор / Deterrence/Rational Choice						
Суровость наказания / Severity of Punishment	1,389	-0,300	-1,451	-0,938	-2,241**	-0,757
Употребление наркотиков/алкоголя / Drug/Alcohol Use						
1981	-1,678	4,126a**	3,552**	5,724a**	5,625a**	0,317
1982	-1,588	4,625a**	3,939**	6,535a**	6,729a**	0,796a
1983	-2,615a**	2,234**	5,248a**	4,78a**	7,924a**	1,206

Примечание: D – лица, отказавшиеся от преступной деятельности, P – лица, продолжающие преступную деятельность, L – лица, начавшие преступную деятельность в позднем возрасте, C – конформисты.

a – показатели Стьюдента получены после корректировки неоднородности вариаций.

** $p < 0,05$; * $p < 0,10$.

В результате попарных сравнений этих переменных, представленных в табл. 2, было выявлено множество значимых различий между отдельными группами мужчин. Так, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, имели более твердые ($p < 0,05$) моральные убеждения, чем те, кто продолжал ее, но вероятность наличия у них твердых моральных убеждений была значительно ниже, чем у мужчин, начавших преступную деятельность в позднем возрасте ($p < 0,05$), и у конформистов. Кроме того, среди мужчин, отказавшихся от преступной деятельности, было значительно больше ($p < 0,10$) тех, кто окончил среднюю школу, чем среди продолжавших преступную деятельность, но меньше ($p < 0,05$), чем среди конформистов. Кроме того, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, с большей вероятностью были трудоустроены в 1981 г. ($p < 0,10$) и 1982 г. ($p < 0,05$), чем мужчины, поздно начавшие преступную деятельность. Более того, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, были значительно сильнее ($p < 0,05$) привязаны к религии, чем те, кто не отказался от преступной деятельности, но слабее по сравнению с конформистами. Далее мужчины из первой группы значительно реже ($p < 0,05$) имели делинквентные связи со сверстниками, чем мужчины из второй группы. Однако у первых вероятность наличия делинквентных сверстников и степень привязанности к сверстникам была значительно выше ($p < 0,05$), чем у мужчин, поздно начавших преступную деятельность, и конформистов. Кроме того, лица, отказавшиеся от преступной деятельности, значительно реже ($p < 0,05$), чем те, кто не отказался от нее, имели негативные отношения со взрослыми. Анализ с помощью критерия Стьюдента показал, что конформисты значительно выше ($p < 0,05$) оценивают строгость наказания, чем мужчины, продолжающие преступную деятельность. Наконец, те, кто отказался от преступной деятельности, значительно чаще ($p < 0,05$) употребляли наркотики или алкоголь в 1981, 1982 и 1983 гг., чем конформисты и те, кто начал преступную деятельность в позднем возрасте, однако существенно реже ($p < 0,05$), чем лица, продолжающие преступную деятельность.

В целом между отдельными группами преступников были выявлены черты как значительного сходства, так и различия по гендерному признаку. Хотя некоторые факторы риска для отдельных групп были схожи для обоих полов – например, моральные убеждения и употребление наркотиков/алкоголя, – между группами также проявились различия. Например, для разных полов значимы были отличия по таким аспектам, как семейное положение, делинквентное общение со сверстниками и проблемы в районе проживания. Чтобы выяснить сходство и различие факторов отказа от совершения правонарушений для разных полов, был использован логистический регрессионный анализ.

Роль гендерных различий в прогнозировании отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности

Проанализированы психосоциальные факторы продолжения преступной деятельности или отказа от нее у женщин-правонарушителей шестой волны^{6,7}. Результаты анализа показали, что возраст неизменно является значимым ($p < 0,05$) фактором во всех моделях (общее количество моделей – 21). В большинстве моделей респонденты старшего возраста с большей вероятностью отказывались от совершения преступлений. Замужество стало фактором отказа от преступной деятельности у женщин при $p < 0,05$, что подтверждает теорию социального контроля. Этот вывод совпадает с утверждением Sampson и Laub (1993) о том, что развитие качественных супружеских отношений может способствовать отказу от преступной деятельности. То же было показано и в исследовании Giordano с соавторами (2002). Религиозность также является предиктором отказа от преступной деятельности у женщин ($p < 0,05$). Кроме того, проблемы в районе проживания негативно связаны с отказом от преступной деятельности и, следовательно, являются значимым предиктором ее продолжения ($p < 0,10$). Кроме того, убежденность в высокой определенности и суровости наказания ($p < 0,05$) также является предиктором отказа от преступной деятельности у женщин. Наконец, употребление наркотиков/

⁶ Из-за относительно меньшего размера выборки лиц, начавших преступную деятельность в более позднем возрасте, и конформистов, для целей логистического регрессионного анализа в логит-модели сравнивались напрямую лица, отказавшиеся от преступной деятельности и продолжающие ее. Таким образом, зависимая переменная кодировалась как 0 = лицо, продолжающее преступную деятельность, и 1 = лицо, отказавшееся от преступной деятельности. При этом общий размер выборки женщин сократился до 335, а мужчин – до 452 человек.

⁷ Прогностические переменные, использованные для построения этих моделей, не стандартизировались перед включением в каждую модель. Таким образом, переменные сохранили свое первоначальное масштабирование, но относительные значения коэффициентов внутри моделей нельзя сравнивать.

алкоголя в 1981 г. значительно отличало женщин, продолжавших преступную деятельность и отказавшихся от нее: первые чаще употребляли наркотики и алкоголь в течение указанного года. В полной модели⁸ с более высокой вероятностью ($p < 0,05$, $p < 0,10$) отказывались от преступной деятельности женщины более старшего возраста, состоящие в браке, родители которых пережили негативные события в 1983 г., и имевшие высокую степень уверенности в определенности наказания (табл. 3).

Таблица 3

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности или ее продолжения, женщины – полная модель

Table 3. Wave 6 Predictors of Desistance/Persistence from General Delinquency, Females – Full Model

Переменная / Variable	B	SE B	Wald	df	P
Возраст / Age	0,1264	0,0642	3,8795	1	0,0489
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	0,5215	0,2649	3,8758	1	0,0490
Негативные события в жизни – родители (1983) / Negative Life Events-Parents (1983)	0,3674	0,2191	2,8105	1	0,0937
Определенность наказания / Certainty of Punishment	0,1902	0,0900	4,4678	1	0,0345
Употребление наркотиков / алкоголя – 1981 / Use – 1981	-0,1450	0,0999	2,1089	1	0,1465

Анализ социально-психологических факторов отказа от преступной деятельности или ее продолжения среди мужчин шестой волны представлен в приложении. Результаты анализа показали, что значимым предиктором отказа от преступной деятельности ($p < 0,05$, $p < 0,10$) является возраст, что верно для всех моделей за исключением двух. В частности, респонденты мужского пола старшего возраста были более склонны к отказу от преступной деятельности, а более молодые – к ее продолжению. Что касается теории социального контроля, то более высокий уровень моральных убеждений, привязанности к семье и религиозности повышал вероятность отказа от преступной деятельности у мужчин ($p < 0,05$, $p < 0,10$). Однако воздействие делинквентных сверстников ($p < 0,05$) и негативные отношения со взрослыми ($p < 0,05$) увеличивали вероятность того, что мужчины будут продолжать совершать правонарушения. Наконец, употребление наркотиков/алкоголя в 1981, 1982 и 1983 гг. значительно отличало группу мужчин, продолжавших преступную деятельность, от отказавшихся от нее: первые чаще употребляли наркотики и алкоголь в указанные годы. В полной модели⁹ у мужчин, имеющих делинквентные связи со сверстниками, была повышена вероятность продолжения преступной деятельности ($p < 0,05$) (табл. 4).

Таблица 4

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности или ее продолжения, мужчины – полная модель

Table 4. Wave 6 Predictors of Desistance/Persistence from General Delinquency, Males – Full Model

Переменная / Variable	B	SE B	Wald	df	P
Возраст / Age	0,0637	0,0724	0,7734	1	0,3792
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	0,3218	0,2040	2,4894	1	0,1146
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-0,2137	0,0746	8,1988	1	0,0042
Негативные отношения со взрослыми / Negative Relations with Adults	-0,2199	0,2174	1,0230	1	0,3118
Употребление наркотиков / алкоголя – 1983 / Use – 1983	0,1329	0,1268	1,0993	1	0,2944

⁸ Полная модель включает переменные, статистически значимые ($p < 0,10$) в рамках моделей 1–21, показанных в приложении, и исключает переменные, снижающие размер выборки до 100 человек и менее. Кроме того, два предиктора из теории социального контроля и два предиктора из теории напряжения оказались значимыми, и в каждом случае для включения в полную модель выбирался предиктор с более высоким значением статистики Вальда.

⁹ Полная модель включает переменные, статистически значимые ($p < 0,10$) в рамках моделей 1–21, показанных в приложении, и исключает переменные, снижающие размер выборки до 100 человек и менее. Кроме того, два предиктора из теории социального контроля и три предиктора из категории употребления наркотиков и алкоголя оказались значимыми, и в каждом случае для включения в полную модель выбирался предиктор с более высоким значением статистики Вальда.

В целом логистический регрессионный анализ предикторов отказа от преступной деятельности или ее продолжения для женщин 6-й волны показал, что респонденты более старшего возраста, состоявшие в браке в 1983 г., имеющие родителей, переживших негативные события, и уверенные в определенности наказания, с большей вероятностью откажутся от совершения правонарушений. С другой стороны, для мужчин вероятность отказа от преступной деятельности повышалась при уменьшении делинквентных связей со сверстниками.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что феномен отказа от преступной деятельности может объясняться различными теориями. Одной из центральных тем данного исследования было изучение того, существуют ли гендерные черты сходства и различия между отдельными группами правонарушителей. Результаты анализа с помощью критерия Стьюдента выявили сходство психосоциальных факторов, отличающих группу лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других групп правонарушителей по полу. Иными словами, действительно существуют определенные сходства и различия в факторах риска для женщин и для мужчин, отказавшихся от преступной деятельности, по сравнению с другими группами правонарушителей, такими как лица, продолжающие совершать преступления. Так, женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, чаще состояли в браке, чем мужчины из той же группы или лица обоих полов, продолжающие преступную деятельность. Этот вывод согласуется с результатами, полученными Gunnison и Mazerolle (2007), однако он противоречит другим исследованиям, в которых утверждается, что наличие брака должно отличать лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других групп правонарушителей (Sampson & Laub, 1993). Аналогичным образом, лица обоих полов, отказавшиеся от преступной деятельности, продемонстрировали сокращение потребления наркотиков и алкоголя по сравнению с теми, кто не отказался от нее. Таким образом, дифференциация представителей этих двух групп может основываться на показателях, предложенных различными криминологическими теориями.

Еще одной важной темой данного исследования было изучение предикторов отказа от совершения преступлений в зависимости от пола и выявление сходств и различий между ними. Проведенный логистический регрессионный анализ показал, что существует ряд сходств и различий предикторов отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Так, возраст неизменно являлся предиктором отказа от преступной деятельности. Лица обоих полов более старшего возраста чаще отказывались от совершения правонарушений. Этот результат подтверждает вывод Hirschi и Gottfredson (1983) о прямой связи между возрастом и преступностью независимо от пола.

Несмотря на некоторое сходство предикторов отказа от преступной деятельности по гендерному признаку, выявились и различия между ними. Одно из самых значимых таких различий касается семейного положения. Женщины, состоящие в браке, чаще отказывались от совершения правонарушений. Этот вывод согласуется с мнением ряда исследователей, которые обнаружили небольшой «эффект брака» для женщин в связи с отказом от преступной деятельности (Doherty & Ensminger, 2013; King et al., 2007; Simons et al., 2002). Для мужчин, напротив, брак не был значимым предиктором отказа от совершения преступлений. В ряде предыдущих исследований брак был признан фактором такого отказа среди мужчин (Craig & Foster, 2013; Horney et al., 1995; King et al., 2007; Sampson & Laub, 1993), однако в других исследованиях высказывалось предположение, что связь между браком и отказом от преступной деятельности для мужчин не является прямой и что такой отказ в большей степени объясняется нарушением связей с делинквентными сверстниками (см. Simons et al., 2002; Warr 1998, 2002). Последний фактор стал еще одним ключевым различием между полами в данном исследовании. Фактически сокращение делинквентных связей со сверстниками было единственным предиктором отказа от совершения преступлений среди мужчин. Этот вывод подтверждает теорию социального обучения, согласно которой люди перенимают преступное или конформное поведение у своего окружения (Akers, 1990; Sutherland, 1947). Кроме того, этот вывод подтверждает мнения предыдущих исследователей о том, что у мужчин отказ от совершения преступлений в большей степени зависит от сокращения числа делинквентных связей со сверстниками, чем от вступления в брак (Simons et al., 2002; Warr 1998, 2002). Еще одним различием в предикторах отказа от преступной деятельности было наличие родителей, переживших негативные события. Этот фактор был значимым для женщин, но не для мужчин. Поскольку этот вывод противоречит теории напряжения, он требует дальнейших исследований. Наконец,

высокая степень определенности наказания служила предиктором отказа от преступной деятельности для женщин, но не для мужчин. Этот результат в некоторой степени подтверждает теорию сдерживания/рационального выбора и вносит вклад в развитие этого теоретического подхода к изучению отказа от преступной деятельности среди женщин; в рамках этого подхода предполагается, что женщины могут отказываться от совершения преступлений, если осознают последствия своих решений (см. Sommers et al., 1994).

Одно из ограничений данного исследования связано с тем, что оно опирается на самоотчеты о правонарушениях. При использовании самоотчетов респонденты могут преувеличивать свое участие в преступлениях или, напротив, не сообщать о преступлениях, в которых они участвовали (Bachman & Schutt, 2013). Кроме того, в самоотчетах респонденты, как правило, сообщают лишь о незначительных правонарушениях. Еще одно ограничение данной работы состоит в рассмотрении только легких правонарушений. Кроме того, в нашем исследовании использовались достаточно старые данные. Это объясняется тем, что материалы Национального опроса молодежи содержат множество психосоциальных характеристик, а также отсутствием других, более современных лонгитюдных наборов данных или их недоступностью для исследователей. Несмотря на то, что наши данные старые, исследуемые теоретические конструкты должны оставаться относительно инвариантными для разных поколений. Отсутствие современных данных создает несколько возможных ограничений, в том числе: 1) не учитываются некоторые виды преступных деяний (например, преступления, связанные с использованием технологий); и 2) в набор данных не включены факторы риска (например, предшествующее сексуальное насилие) для женщин.

Еще одно ограничение данного исследования касается операционального определения отказа от преступной деятельности. Некоторые исследователи утверждают, что отказ от преступной деятельности – это не состояние, а скорее процесс (см. Bushway et al., 2005). Такой подход имеет свои преимущества, поскольку он снимает ограничения статического определения (т. е. использования произвольных и непоследовательных показателей того, когда происходит данный отказ). Однако исследователи все еще расходятся во мнениях относительно того, следует ли рассматривать отказ от преступной деятельности как процесс. Очевидно, что рассмотрение этого феномена как процесса не является в настоящее время нормой. Помимо общего вывода об отсутствии значительных различий между женщинами и мужчинами в данной области, наше исследование призвано напомнить криминологическому сообществу о различных подходах, которые могут способствовать пониманию проблемы отказа от преступной деятельности. Например, теория возрастных градаций Sampson и Laub (1993) предлагает несколько предикторов отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Ряд объяснений выдвигает также теория дифференциальных связей/социального обучения. Что касается теории напряжения, то в ней многие переменные не предсказывают отказа от преступной деятельности. Наконец, в рамках теории сдерживания/рационального выбора было предложено достоверное объяснение отказа от совершения преступлений среди женщин, но не среди мужчин. Таким образом, обобщая полученные результаты, криминологам следует рассмотреть возможность разработки единой теории отказа от преступной деятельности для женщин и мужчин. Единая теория, объединяющая теорию возрастных градаций, теорию дифференциальных связей/социального обучения, теорию напряжения и теорию сдерживания/рационального выбора, должна объяснить отказ от совершения преступлений у женщин. Более того, комплексная теория, опирающаяся на теорию возрастных градаций, теорию дифференциальных связей/социального обучения и теорию напряжения, способствовала бы объяснению отказа мужчин от совершения преступлений.

Один из практических выводов нашей работы состоит в том, что исправительные программы, направленные на содействие отказу от преступной деятельности, должны быть одновременно инклюзивными и гендерно-специфичными. Согласно результатам данного исследования, женщины, уверенные в определенности наказания, с большей вероятностью откажутся от совершения преступления. Из этого следует, что реабилитационные программы, проводимые для женщин в исправительных учреждениях или с помощью сеансов групповой терапии, должны быть направлены на формирование у женщин представления об определенности наказаний, назначаемых системой уголовного правосудия. Результаты нашего исследования также позволяют корректировать гендерно-специфические программы для мужчин. Например, мы обнаружили, что сокращение числа делинквентных связей со сверстниками является фактором отказа от преступной деятельности у мужчин. Следовательно, программы наставничества, которые обеспечивают просоциальное взаимодействие и способствуют развитию связей со сверстниками, не совершающими правонарушений, могут способствовать отказу мужчин от совершения преступлений (Shover, 1996).

В заключение следует отметить, что хотя ряд исследователей приходили к выводу о схожести социально-психологических предикторов преступности для обоих полов, другие криминологи утверждают, что предикторы преступности у женщин и мужчин различны (Belknap, 2007; Burton et al., 1998; Smith & Paternoster, 1987). Результаты настоящего исследования показывают некоторые сходства и различия в факторах риска между отдельными группами преступников по полу, а также в предикторах отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Таким образом, исследователи, изучающие проблему отказа от преступной деятельности, не могут исходить из общего влияния переменных независимо от пола (см. Gottfredson & Hirschi, 1990); напротив, необходимо учитывать возможность специфического влияния предикторов отказа от преступной деятельности у женщин и мужчин.

Список литературы / References

- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30, 47–88. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Agnew, R., & White, H. R. (1992). An empirical test of general strain theory. *Criminology*, 30, 475–505. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01113.x>
- Akers, R. L. (1990). Rational choice, deterrence, and social learning in criminology: The path not taken. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 81, 653–676. <https://doi.org/10.2307/1143850>
- Ayers, C. D., Williams, J. H., Hawkins, J. D., Peterson, P. L., Catalano, R. F., & Abbott, R. (1999). Assessing correlates of onset, escalation, deescalation, and desistance of delinquent behavior. *Journal of Quantitative Criminology*, 15, 277–306. <https://doi.org/10.1023/a:1007576431270>
- Bachman, R., & Schutt, R. K. (2013). *The practice of research in criminology and criminal justice* (5th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Belknap, J. (2007). *The invisible woman*. Cincinnati, OH: Wadsworth.
- Bersani, B., Laub, J., & Nieuwebeerta, P. (2009). Marriage and desistance from crime in the Netherlands: *Do gender and socio-historical context matter?* *Journal of Quantitative Criminology*, 25(1), 3–24. <https://doi.org/10.1007/s10940-008-9056-4>
- Blumstein, A., Cohen, J., Roth, J. A., & Visher, C. A. (1986). *Criminal careers and career criminals*. Washington, D.C.: National Academy Press.
- Born, M., Chevalier, V., & Humblet, I. (1997). Resilience, desistance, and delinquent careers of adolescent offenders. *Journal of Adolescence*, 20, 679–694. <https://doi.org/10.1006/jado.1997.0119>
- Broidy, L., & Agnew, R. (1997). Gender and crime: A general strain theory perspective. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 3, 275–306. <https://doi.org/10.1177/0022427897034003001>
- Brown, M., & Ross, S. (2010). Mentoring, social capital and desistance: A study of women released from prison. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 43(1), 31–50. <https://doi.org/10.1375/acri.43.1.31>
- Burton, V., Cullen, F., Evans, T., Alarid, L. & Dunaway, R. (1998). Gender, self-control, and crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 35, 123–147. <https://doi.org/10.1177/0022427898035002001>
- Bushway, S., Thornberry, T., & Krohn, M. (2003). Desistance as a developmental process: A comparison of static and dynamic approaches to the study of desistance. *Journal of Quantitative Criminology*, 19, 129–153. <https://doi.org/10.1023/a:1023050103707>
- Carr, N. T., & Hanks, R. S. (2012). If "60 is the new 40," is 35 the new 15? Late onset crime and delinquency. *Deviant Behavior*, 33(5), 393–411. <https://doi.org/10.1080/01639625.2011.636660>
- Chen, K., & Kandel, D. B. (1998). Predictors of cessation of marijuana use: An event history analysis. *Drug and Alcohol Dependence*, 50(2), 109–121. [https://doi.org/10.1016/s0376-8716\(98\)00021-0](https://doi.org/10.1016/s0376-8716(98)00021-0)
- Cohen, A. K. (1955). *Delinquent boys: The culture of the gang*. New York: Free Press.
- Cornish, D. B., & Clarke, R. V. (1986). *The reasoning criminal: Rational choice perspectives on offending*. New York: Springer-Verlag.
- Craig, J., & Foster, H. (2013). Desistance in the transition to adulthood: The roles of marriage, military, and gender. *Deviant Behavior*, 34(3), 208–233. <https://doi.org/10.1080/01639625.2012.726173>
- Cusson, M., & Pinsonneault, P. (1986). The decision to give up crime. In D. B. Cornish & R. V. Clarke (Eds.), *The reasoning criminal: Rational choice perspectives of offending* (pp. 72–82). New York: Springer-Verlag.
- Doherty, E. E., & Ensminger, M. E. (2013). Marriage and offending among a cohort of disadvantaged African Americans. *Journal of Research in Crime & Delinquency*, 50(1), 104–131. <https://doi.org/10.1177/0022427811423106>
- Elliott, D. S., Huizinga, D., & Ageton, S. S. (1985). *Explaining delinquency and drug use*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Elliott, D. S., Huizinga, D., & Menard, S. (1989). *Multiple problem youth*. New York: Springer-Verlag.
- Esbensen, F., & Elliott, D. S. (1994). Continuity and discontinuity in illicit drug use: Patterns and antecedents. *The Journal of Drug Issues*, 24, 7597.
- Farrington, D. P., & Hawkins, J. D. (1991). Predicting participation, early onset, and later persistence in officially recorded offending. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 1, 1–33.

- Farrington, D. P., & West, D. J. (1995). Effects of marriage, separation, and children on offending by adult males. In Z. Vlau & J. Hagan (Eds.), *Current perspectives on aging and the life cycle* (Vol. 4, pp. 249–281). Greenwich, CT: JAI Press.
- Fillmore, K. M., Hartka, E., Johnstone, B. M., Leino, E. V., Motoyoshi, M., & Temple, M. T. (1991). A meta-analysis of life course variation in drinking. *British Journal of Addiction*, 86, 1221–1268. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb01702.x>
- Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.
- Giordano, P. C., Cernkovich, S. A., & Rudolph, J. L. (2002). Gender, crime and desistance: Toward a theory of cognitive transformation. *American Journal of Sociology*, 107(4), 990–1064. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-8930-6_3
- Giordano, P. C., Seffrin, P. M., Manning, W., & Longmore, M. A. (2011). Parenthood and crime: The role of wantedness, relationships with partners, and SES. *Journal of Criminal Justice*, 39(5), 404–441. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2011.05.006>
- Gottfredson, M. R., & Hirschi, T. (1990). *A general theory of crime*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Graham, J., & Bowling, B. (1995). *Young people and crime*. London: Home Office Research Study 145.
- Gunnison, E., & Mazerolle, P. (2007). Desistance from serious and not so serious crime: A comparison of psychosocial risk factors. *Criminal Justice Studies*, 20(3), 231–253. <https://doi.org/10.1080/14786010701617649>
- Gunnison, E., & McCartan, L. (2005). The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence. *Women and Criminal Justice*, 16(3), 43–65. https://doi.org/10.1300/j012v16n03_03
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hirschi, T., & Gottfredson, M. R. (1983). Age and the explanation of crime. *American Journal of Sociology*, 89, 552–584. <https://doi.org/10.1086/227905>
- Horney, J. Osgood, D. W., & Marshall, I. H. (1995). Criminal careers in the short-term: Intra- individual variability in crime and its relation to local life circumstances. *American Sociological Review*, 60, 655–673. <https://doi.org/10.2307/2096316>
- Hughes, M. (1998). Turning points in the lives of young inner-city men forgoing destructive criminal behaviors: A qualitative study. *Social Work Research*, 22, 143–151. <https://doi.org/10.1093/swr/22.3.143>
- King, R. D., Massoglia, M., & MacMillan, R. (2007). The context of marriage and crime: Gender, the propensity to marry, and offending in early adulthood. *Criminology*, 45(1), 33–65. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00071.x>
- Labouvie, E. (1996). Maturing out of substance use: Selection and self-correction. *Journal of Drug Issues*, 26, 457–476.
- Lanza-Kaduce, L., Akers, R. L., Krohn, M. D., & Radosevich, M. (1984). Cessation of alcohol and drug use among adolescents: A social learning model. *Deviant Behavior*, 5, 79–96. <https://doi.org/10.1080/01639625.1984.9967633>
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2001). Understanding desistance from crime. In M. Tonry (Ed.), *Crime and justice: A review of research* (pp. 1–69). Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Laub, J. H., Nagin, D. S., & Sampson, R. J. (1998). Trajectories of change in criminal offending: Good marriages and the desistance process. *American Sociological Review*, 63, 225–238. <https://doi.org/10.2307/2657324>
- Leonard, K. E., & Homish, G. G. (2005). Change in marijuana use over the transition into marriage. *Journal of Drug Issues*, 35(2), 409–429. <https://doi.org/10.1177/002204260503500209>
- Loeber, R., & Le Blanc, M. (1990). Toward a developmental criminology. In M. Tonry & N. Morris (Eds.), *Crime and justice* (Vol. 12, pp. 375–437). Chicago: University of Chicago Press.
- Loeber, R., Stouthamer-Loeber, M., Van Kammen, W., & Farrington, D. P. (1991). Initiation, escalation, and desistance in juvenile offending and their correlates. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 82(1), 36–82. <https://doi.org/10.2307/1143789>
- Mazerolle, P. (1998). Gender, general strain, and delinquency: An empirical examination. *Justice Quarterly*, 15, 65–91. <https://doi.org/10.1080/07418829800093641>
- McIvor, G., Trotter, C., & Sheehan, R. (2009). Women, resettlement, and desistance. *Probation Journal*, 56(4), 247–361. <https://doi.org/10.1177/0264550509346515>
- Meisenhelder, T. (1977). An exploratory study of exiting from criminal careers. *Criminology*, 15, 319–334. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1977.tb00069.x>
- Michalsen, V. (2011). Mothering as a life course transition: Do women go straight for their children? *Journal of Offender Rehabilitation*, 50(6), 349–366. <https://doi.org/10.1080/10509674.2011.589887>
- Mischowitz, R. (1994). Desistance from a delinquent way of life? In E. G. M. Weitekamp, & H. J. Kerner (Eds.), *Cross-national longitudinal research on human development and criminal behavior* (pp. 303–327). Dordrecht, the Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
- Moffitt, T. (1993). Adolescence-limited and life- course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100(4), 674–701. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.100.4.674>
- Opsal, T. (2012). 'Livin' on the straights': Identity, desistance, and work among women post-incarceration. *Sociological Inquiry*, 82(3), 378–403. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.2012.00421.x>
- Ouimet, M., & LeBlanc, M. (1996). The role of life experiences in the continuation of the adult criminal career. *Criminal Behaviour & Mental Health*, 6(1), 73–97. <https://doi.org/10.1002/cbm.65>
- Paternoster, R., & Mazerolle, P. (1994). General strain theory and delinquency: A replication and extension. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 33, 235–263. <https://doi.org/10.1177/0022427894031003001>
- Patterson, G. R., & Yoerger, K. (1993). Developmental models for delinquent behavior. In S. Hodgins (Ed.), *Mental disorder and crime* (pp. 140–172). Newbury Park, CA: Sage.
- Pezzin, L. E. (1995). Earning prospects, matching effects, and the decision to terminate a criminal career. *Journal of Quantitative Criminology*, 11, 29–50. <https://doi.org/10.1007/bf02221299>

- Piquero, A. R. (2000). Assessing the relationships between gender, chronicity, seriousness, and offense skewness in criminal offending. *Journal of Criminal Justice*, 28, 103–115. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(99\)00040-9](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(99)00040-9)
- Rand, A. (1987). Transitional life events and desistance from delinquency and crime. In M. E. Wolfgang, T. P. Thornberry, & R. M. Figlio (Eds.), *From boy to man, from delinquency to crime* (pp. 134–162). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Ragan, D. T., & Beaver, K. M. (2010). Chronic offenders: A life-course analysis of marijuana users. *Youth & Society*, 42(2), 174–198. <https://doi.org/10.1177/0044118x09351788>
- Rutter, M. (1994). Continuities, transitions, and turning points in development. In M. Rutter & D. F. Hay (Eds.), *Development through life: A handbook for clinicians* (pp. 1–25). Oxford, UK: Blackwell Scientific Publications.
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1990). Crime and deviance over the life course: The salience of adult social bonds. *American Sociological Review*, 55, 609–627. <https://doi.org/10.2307/2095859>
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1993). *Crime in the making: Pathways and turning points through life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1996). Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940–1965. *American Sociological Review*, 61, 347–367. <https://doi.org/10.2307/2096353>
- Schroeder, R. D., Giordano, P. C., & Cernkovich, S. A. (2010). Adult child-parent bonds and life course criminality. *Journal of Criminal Justice*, 38(4), 562–571. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.04.027>
- Shover, N. (1996). *Great pretenders: Pursuits and careers of persistent thieves*. Boulder, CO: Westview Press.
- Shover, N., & Thompson, C. Y. (1992). Age, differential expectations, and crime desistance. *Criminology*, 30, 89–104. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01094.x>
- Simons, R. L., Stewart, E., Gordon, L. C., Conger, R. D., & Elder, G. H. (2002). A test of lifecourse explanations for stability and change in antisocial behavior from adolescence to young adulthood. *Criminology*, 40(2), 401–434. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2002.tb00961.x>
- Smith, D. A., & Paternoster, R. (1987). The gender gap in theories of deviance: Issues and evidence. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 24, 140–172. <https://doi.org/10.1177/0022427887024002004>
- Sommers, I., Baskin, D. & Fagan, J. (1994). Getting out of the life: Crime desistance by female street offenders. *Deviant Behavior*, 15, 125–150. <https://doi.org/10.1080/01639625.1994.9967964>
- Steffensmeier, D. J., & Ulmer, J. T. (2005). *Confessions of a dying thief: Understanding criminal careers and illegal enterprise*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
- Sutherland, E. (1947). *Principles of criminology* (4th ed.). Chicago, IL: J.B. Lippincott Co.
- Sweeten, G., Piquero, A., & Steinberg, L. (2013). Age and the explanation of crime, revisited. *Journal of Youth & Adolescence*, 42(6), 921–938. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9926-4>
- Temple, M. T., Fillmore, K. M., Hartka, E., Johnstone, B. M., Leino, E. V., & Motoyoshi, M. (1991). A meta-analysis of change in marital and employment status as predictors of Alcohol consumption on a typical occasion. *British Journal of Addiction*, 86, 1269–1281. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb01703.x>
- Thompson, M., & Petrovic, M. (2009). Gendered transitions: Within-person changes in employment, family, and illicit drug use. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 46(3), 377–408. <https://doi.org/10.1177/0022427809335172>
- Uggen, C., & I. Piliavin. (1998). Asymmetrical causation and criminal desistance. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 88(4), 1399–1422. <https://doi.org/10.2307/1144260>
- Uggen, C., & Kruttschnitt, C. (1998). Crime in the breaking: Gender differences in desistance. *Law and Society Review*, 32, 339–366. <https://doi.org/10.2307/827766>
- Varriale, J. A. (2008). Female gang members and desistance: Pregnancy as a possible exit strategy? *Journal of Gang Research*, 15(4), 35–64.
- Warr, M. (1993). Age, peers, and delinquency. *Criminology*, 31, 17–40. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1993.tb01120.x>
- Warr, M. (1998). Life-course transitions and desistance from crime. *Criminology*, 36, 183–216. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1998.tb01246.x>
- Warr, M. (2002). *Companions in crime: The social aspects of criminal conduct*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Weiner, N. (1989). Violent criminal careers and violent criminals. In N. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Violent crime, violent criminals* (pp. 35–138). Newbury Park, CA: Sage.
- White, H. R., & Bates, M. E. (1995). Cessation from cocaine use. *Addiction*, 90, 947–957. <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1995.9079477.x>
- White, H. R., Lee, C., Mun, E. Y., & Loeber, R. (2012). Developmental patterns of alcohol use in relation to the persistence and desistance of serious violent offending among African American and Caucasian young men. *Criminology*, 50(2), 391–342. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00263.x>
- Wiecko, F. M. (2014). Late-onset offending: Fact or fiction. *International Journal of Offender Therapy & Comparative Criminology*, 58(1), 107–129. <https://doi.org/10.1177/0306624x12458503>
- Yamaguchi, K., & Kandel, D. B. (1985). On the resolution of role incompatibility: A life history analysis of family roles and marijuana use. *American Journal of Sociology*, 90, 1284–1325. <https://doi.org/10.1086/228211>
- Zara, G., & Farrington, D. (2009). Childhood and adolescent predictors of late onset criminal careers. *Journal of Youth & Adolescence*, 38(3), 287–300. <https://doi.org/10.1007/s10964-008-9350-3>

Логистические регрессии для женщин и мужчин

Таблица П1

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди женщин, $n = 335$

Контрольные переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9
Возраст	0,1441**	0,0697	0,1463**	0,1523**	1479**	0,1510**	0,1503**	0,1128*	0,1481**
Раса	0,0109	0,8845	0,0503	0,0374	0,0475	-0,3459	-0,0128	0,0587	0,0470
Самоконтроль									
Преступные наклонности		-0,2139							
Социальный контроль									
Трудоустройство (1981)			0,0307						
Трудоустройство (1982)				-0,1812					
Трудоустройство (1983)					0,0082				
Отношение к трудоустройству						0,1879			
Религиозная принадлежность							0,3340**		
Семейное положение (1983)								0,6144**	
События жизни									
Беременность									-0,0015

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Таблица П2

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди женщин, $n = 335$ (продолжение)

Контрольные переменные	Модель 10	Модель 11	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Возраст	0,1481**	0,1526**	0,1423**	0,1549**	0,1562**	0,1630**	0,1333*	0,1384**	0,1640**	0,1537**	0,1397**	0,1405**
Раса	0,1927	0,4658	0,1583	0,1414	0,1059	0,0822	0,1647	0,0549	-0,0060	-0,0556	-0,0341	0,0084
Дифференциальные связи / социальное обучение												
Влияние делинквентных сверстников	-0,0400											
Привязанность к сверстникам		-0,1479										
Напряжение												
Проблемы в районе проживания			-0,1131*									
Негативные события в жизни – Родители (1981)				-0,2395								
Негативные события в жизни – Родители (1982)					0,0376							
Негативные события в жизни – Родители (1983)						0,4049*						

Продолжение табл. П2

Контрольные переменные	Модель 10	Модель 11	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Негативные отношения со взрослыми							-0,2349					
Сдерживание / рациональный выбор												
Определенность наказания								0,2028**				
Суровость наказания									0,2236**			
Употребление наркотиков / алкоголя												
1981										-0,2004**		
1982											-0,1228	
1983												-0,0933

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Таблица П3

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди мужчин, $n = 452$

Контрольные переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11
Возраст	0,1409**	0,1604**	0,1035	0,1349**	0,1336**	0,1358**	0,1485**	0,1404**	0,1246**	0,0828	0,1528**
Раса	-0,0233	0,0082	-0,1774	0,0934	0,1165	0,1074	0,1386	0,0442	0,0994	0,1899	0,2830
Социальный контроль											
Индекс моральных убеждений		0,3622**									
Привязанность к семье			0,9892*								
Трудоустройство (1981)				0,0442							
Трудоустройство (1982)					0,1320						
Трудоустройство (1983)						0,1315					
Отношение к трудоустройству							0,0800				
Религиозная принадлежность								0,3054**			
Семейное положение (1983)									0,2073		
Дифференциальные связи / социальное обучение											
Влияние делинквентных сверстников										-0,2126**	
Привязанность к сверстникам											0,1442

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Таблица П4

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди мужчин, n = 452 (продолжение)

Контрольные переменные	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Возраст	0,1446**	0,1511**	0,1478**	0,1491**	0,1195*	0,1409**	0,1515**	0,1648**	0,1530**	0,1364**
Раса	0,1549	0,0600	0,0519	0,0536	0,5975*	0,0998	-0,0419	0,0398	0,0453	0,0375
Напряжение										
Проблемы в районе проживания	-0,0759									
Негативные события в жизни – Родители (1981)		-0,0656								
Негативные события в жизни – Родители (1982)			-0,1376							
Негативные события в жизни – Родители (1983)				-0,0726						
Негативные отношения со взрослыми					-0,4731**					
Сдерживание / рациональный выбор										
Определенность наказания						0,0485				
Суровость наказания							0,1168			
Употребление наркотиков / алкоголя										
1981							-1749**			
1982								-0,1519*		
1983									-0,1956**	

** p < 0,05, * p < 0,10.

Об авторе

Элейн Ганнисон является доцентом и руководителем магистерских программ кафедры уголовного правосудия в Университете Сиэтла. Она получила степень PhD в области уголовного правосудия в Университете Цинциннати в 2001 г., специализируясь на таких проблемах, как криминология жизненного цикла, женская преступность и коррекционные процессы. Ее научные интересы охватывают вопросы моделей женской преступности, таких как отказ от преступной деятельности и ее продолжение, применимость криминологических теорий к лицам женского пола, а также возвращение преступников к обычной жизни. Она выступила соавтором книги «Возвращение преступников к обычной жизни: после преступления и наказания» (соавтор – Линн Рейннер). Работы Элейн Ганнисон печатались в различных изданиях, включая Crime and Delinquency, Criminal Justice Studies, Federal Probation, Women and Criminal Justice.

About the author

Elaine Gunnison is an Associate Professor and Graduate Director in the Criminal Justice Department at Seattle University. She received her Ph.D. in Criminal Justice from the University of Cincinnati in 2001 with a specialization in life course criminology, female offending, and corrections. Her research interests include understanding female offending patterns such as desistance and persistence, the applicability of criminological theory to females, and offender reentry. She recently co-authored a book entitled, Offender Reentry: Beyond Crime and Punishment (Lynne Rienner). Her research has been published in various outlets including Crime and Delinquency, Criminal Justice Studies, Federal Probation, and Women and Criminal Justice.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.03.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024
Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ / INTERDISCIPLINARY ARTICLES

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006>

УДК 338.2:347.736:658.1(470+571)

JEL: G21, G33, K00, K35

А. Л. Белоусов¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения

Белоусов Андрей Леонидович, кандидат экономических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: albelousov@fa.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>

Web of Science Researcher ID: L-2766-2018

eLIBRARY SPIN-код: 3633-3515

Аннотация

Цель: исследование проблематики регулирования отношений в области банкротства и определение путей дальнейшего развития правового поля в данной сфере.

Методы: исторический метод, логический и структурный анализ, системно-функциональный подход, формально-юридический метод.

Результаты: в рамках статьи рассмотрен вопрос становления института банкротства в Российской Федерации. Помимо этого, проведен анализ современного состояния правового обеспечения в области банкротства. Обозначены особенности российской модели регулирования банкротства. Далее автором выделена соответствующая проблематика в регулировании отношений в области банкротства в Российской Федерации в настоящее время. В частности, отмечена не востребованность на практике процедур, направленных на восстановление платежеспособности должников. Также сделан акцент на такой проблеме, как относительно низкий процент удовлетворенных требований кредиторов по результатам проводимых процедур банкротства. Дана оценка предлагаемому в настоящее время законодателем актуальному проекту изменений правового поля в данной сфере. Определены пути дальнейшего развития законодательства в области банкротства.

Научная новизна: комплексный характер исследования отношений в области банкротства. В частности, в исследовании получили новое развитие теоретические положения, а также разработаны практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования и повышению эффективности института банкротства. Установлено, что на сегодняшний день происходит плавный переход от доминирующей ранее сугубо продолжниковой модели построения банкротных отношений к более сбалансированной с точки зрения интересов кредитора и должника механизм регулирования несостоятельности. Также аргументирована необходимость отказаться от фактически неработающих на практике процедур финансового оздоровления и внешнего управления, заменив их единой реабилитационной процедурой, направленной на восстановление платежеспособности должника.

Практическая значимость: формирование определенной теоретической базы, необходимой как для изучения сущности института банкротства в Российской Федерации, так и для выработки предложений по корректировке регуляторной политики в данной сфере в будущем.

Ключевые слова:

банкротство, несостоятельность, восстановление платежеспособности, предупреждение банкротства, реабилитационные процедуры, требования кредиторов

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Белоусов, А. Л. (2024). Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 993–1006. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006>

Scientific article

A. L. Belousov¹

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Institute of bankruptcy in the Russian Federation: establishment and ways of development of the legal provision

Andrey L. Belousov, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: albelousov@fa.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>

Web of Science Researcher ID: L-2766-2018

eLIBRARY SPIN-code: 3633-3515

Abstract

Objective: to study the issues of regulation of bankruptcy relations and to determine the ways of further development of the legal field in this sphere.

Methods: historical method, logical and structural analysis, system-functional approach, formal-legal method.

Results: the article considers formation of the bankruptcy institute in the Russian Federation. In addition, the modern state of legal support in this field is analyzed. The peculiarities of the Russian model of bankruptcy regulation are outlined. Further, the author emphasizes the current problems in the regulation of bankruptcy relations in the Russian Federation. In particular, the author notes that the procedures aimed at restoring the solvency of debtors are not in demand in practice. The study also emphasizes the problem of a relatively low percentage of satisfied creditors' claims as a result of bankruptcy procedures. An assessment is given of the current project of changing the legal field in this area proposed by the legislator. The ways of further development of bankruptcy legislation are defined.

Scientific novelty: consists in the complex nature of the study of bankruptcy relations. In particular, the research provides a new development of theoretical provisions, as well as practical recommendations to improve legal regulation and increase the effectiveness of the bankruptcy institute. It is established that today there is a smooth transition from the pro-debtor model of bankruptcy relations, which was previously dominating, to a more balanced mechanisms of insolvency regulation from the viewpoint of creditor and debtor interests. It is also argued that it is necessary to abandon the financial rehabilitation and external management procedures, which actually do not work in practice, and to replace them with a single rehabilitation procedure aimed at restoring the debtor's solvency.

Practical significance: a certain theoretical basis was formed, which is necessary both for researching the essence of the bankruptcy institute in the Russian Federation and for developing proposals to adjust regulatory policy in this area in the future.

Keywords: bankruptcy, insolvency, restoration of solvency, prevention of bankruptcy, rehabilitation procedures, creditors' claims

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Belousov, A. L. (2024). Institute of bankruptcy in the Russian Federation: establishment and ways of development of the legal provision. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 993–1006. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006>

Введение

Российская Федерация в рамках реформ, проведенных в конце прошлого века, выбрала рыночный путь построения экономических отношений. Ключевой чертой экономики рыночного типа является свобода предпринимательских отношений. При этом, реализуя данный принцип на практике, представители бизнеса могут как достигать своей главной цели, т. е. извлекать прибыль, так и терпеть убытки. В последнем случае для субъектов предпринимательства существенно возрастают риски оказаться неплатежеспособными. И здесь процедура банкротства является одним из главных инструментов урегулирования разногласий по поводу задолженности между кредиторами и должником.

На сегодняшний день институт банкротства занимает одно из важнейших мест в российской системе регуляторных механизмов предпринимательских отношений. Особую актуальность вопросы регулирования банкротства приобретают в кризисные периоды в экономике, когда заметно возрастают риски неисполнения контрагентами своих обязательств. В этой связи возникает потребность в наличии системы норм, способных должным образом урегулировать возникающие правоотношения и обеспечить защиту интересов как должника, так и кредиторов.

В условиях определенной нестабильности российской экономики, а также роста долговой нагрузки как физических лиц, так и корпоративного сектора, нормы, регулирующие банкротство, приобретают все большую востребованность. При этом закрепленные в действующем законодательстве реабилитационные процедуры в отношении должников в подавляющем большинстве случаев остаются не востребованными на практике. Инструменты защиты интересов и должников, и кредиторов объективно нуждаются в реформировании. В этой связи определенного дополнения требуют и научные исследования в области регулирования банкротных отношений.

Отметим, что изучение теоретических основ института банкротства всегда находилось в фокусе внимания представителей отечественной научной среды. Причем исследование обозначенной проблематики в настоящее время входит в сферу научных интересов не только ученых-правоведов, но также и специалистов в области экономики и смежных наук. Поэтому на сегодняшний день можно наблюдать широкое разнообразие подходов к исследованию проблем регулирования отношений в области процедур банкротства.

В частности, отметим вклад в развитие теоретической базы в области регулирования банкротства таких известных правоведов, как В. С. Белых (2017) и В. Ф. Попондопуло (2021). К вопросам реформирования законодательства в данной сфере общественных отношений обращаются в своих трудах С. А. Карелина (2021) и Е. Б. Лаутс (2018). Также стоит упомянуть научные исследования Ю. Д. Подольского (2020), посвященные регулированию процессуальных отношений в рамках банкротства. Помимо этого, внимания заслуживают работы О. М. Свириденко (2020), рассматривающего проблематику отношений в сфере оспаривания сделок должника и Г. Ф. Ручкиной (2022), в фокусе внимания которой оказались вопросы предупреждения несостоятельности субъектов малого и среднего бизнеса и их поддержка со стороны государства.

Однако, несмотря на наличие серьезных и актуальных исследований по вопросам регулирования отношений в области банкротства, для дальнейшего эффективного развития правового поля в данной сфере, а также успешного проведения необходимых реформ в части регулирования процедур несостоятельности

требуется как дополнение сложившихся теоретических подходов, так и формирование новых предложений в части пересмотра действующих правовых норм. В этой связи с позиции автора целью исследования является формирование комплексного представления о генезисе развития института банкротства в Российской Федерации, изучение проблематики правового регулирования отношений в области банкротства в настоящее время и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Можно отметить необходимость решения следующих задач, способствующих успешному достижению данной цели:

- раскрыть этапы становления и развития отечественного законодательства в области банкротства. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы лучше понять особенности построения современной модели регулирования банкротных отношений и определить дальнейшие перспективы ее развития;
- изучить зарубежный опыт регулирования подобных отношений и возможности реализации его отдельных инструментов в российском правовом поле;
- на основе анализа правоприменительной практики выявить ключевые проблемы в регулировании отношений в области банкротства в настоящее время;
- определить ключевые направления дальнейшего развития законодательства в данной сфере.

Результаты исследования

Генезис развития института банкротства в Российской Федерации

Объективная необходимость в регулировании банкротства появилась еще в самом начале реформ, направленных на сворачивание плановой модели хозяйствования и переход к капиталистическим отношениям. В то время начинают появляться первые субъекты, наделенные правом легально вести предпринимательскую деятельность. Это, в свою очередь, порождает потребность в соответствующем правовом поле, которое в то время практически отсутствовало.

Первым нормативным актом, закрепляющим вопросы ведения процедуры банкротства, становится Указ Президента РФ от 14.07.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур». Этот документ можно рассматривать как временный, так как он должен был обеспечить возможность ведения процедур банкротства до принятия отдельного закона, комплексно регулирующего данные отношения. И таким правовым актом в итоге стал Закон от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», вступивший в силу с 1 марта 1993 г.

Новый Закон о банкротстве был относительно небольшим по объему: он состоял всего из 51 статьи (для сравнения, действующий сегодня закон включает в себя 233 статьи). Одной из особенностей принятого в 1992 г. Закона о банкротстве было то, что для признания должника несостоятельным необходимо было не только установить само по себе неисполнение обязательств, но и доказать, что размер задолженности превышает стоимость активов потенциального банкрота. Это положение закона вызывало справедливую критику, поскольку значительно затрудняло возможности кредиторов начать процедуру банкротства. Рассмотрение вопросов относительно обоснованности требований кредиторов затягивалось на достаточно продолжительное время. В условиях кризиса неплатежей, который был характерной чертой экономики России в 90-е годы прошлого века, подобный подход законодателя в отношении механизма запуска банкротства создавал почву для злоупотреблений со стороны должников и обмана кредиторов.

Если сравнивать Закон о банкротстве 1992 г. с действующим на сегодняшний день регулированием данной процедуры, то стоит сказать о том, что в то время значительно чаще применялись на практике реабилитационные процедуры, направленные на восстановление платежеспособности должника. Заметим, что в целом первый российский закон о банкротстве защищал в большей степени интересы именно должника. При этом процедура финансового оздоровления в законодательстве в то время не была закреплена. Так же точно не применялся в делах о банкротстве и финансовый анализ состояния должника, что по меркам сегодняшнего дня выглядит достаточно странно. Интересно отметить, что правом на подачу заявления о банкротстве был наделен, помимо собственно должника и кредитора, еще и прокурор.

К очевидным минусам Закона о банкротстве 1992 г. можно отнести слабую регламентацию процессуальных моментов рассмотрения дел о несостоятельности. Это приводило к тому, что правоприменители использовали в основном общие процессуальные нормы, закрепленные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и изначально предназначенные для искового производства. Также с позиции сегодняшнего дня сложно согласиться с подходом законодателя, не дифференцирующего должников по отдельным категориям. То есть были предусмотрены одинаковые процедуры и для индивидуальных предпринимателей, и для финансовых организаций, и для субъектов естественных монополий и т. д.

Также сложности для правоприменителей вызывал закрепленный в Законе о банкротстве 1992 г. такой внешний критерий определения банкротства, как приостановление текущих платежей. Например, в ситуации, когда субъект имеет многомиллионные долги, но при этом платит условно по одной тысяче рублей в месяц, этот критерий формально не выполняется.

Однако первый российский Закон о банкротстве, имея множество недостатков и являясь по сути «сырым», тем не менее, во-первых, впервые ввел в правовой оборот ключевые термины в области банкротства. Во-вторых, легально были закреплены совершенно новые для отечественного права механизмы признания субъекта несостоятельным. Тем самым этот правовой акт заложил необходимую институциональную основу для последующего формирования законодательства в данной сфере регулирования общественных отношений.

Спустя более чем пять лет с момента вступления в силу первого комплексного акта, посвященного вопросам банкротства, из-под пера законодателей вышел новый Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 1998 г.). Не будет преувеличением сказать, что данный нормативный акт ознаменовал новый этап в процессе формирования правовых основ отношений в области банкротства.

В Законе 1998 г. нашел отражение зарубежный опыт регулирования подобных отношений. В сравнении с прежде действующим законом, новый правовой акт значительно прибавил в объеме, увеличившись более чем в три раза (189 статей на момент принятия). Это обусловлено более полной регламентацией процедур банкротства. Помимо этого, законодателем были введены четкие критерии банкротства, завязанные как на размеры задолженности, так и на сроки неисполнения обязательств.

По своему характеру Закон 1998 г. в большей степени защищал интересы уже кредиторов. Смещение баланса интересов в сторону кредиторов привело к тому, что на практике его нормы позволяли недобросовестным субъектам через процедуры банкротства проводить рейдерские захваты потенциально платежеспособных предприятий.

Важным нововведением в сравнении с Законом о банкротстве 1992 г. стала дифференциация должников. Также конкретизацию получили процедуры банкротства сельскохозяйственных предприятий и отдельных субъектов финансового рынка.

Далее, уже в 1999 г., принимаются нормативные акты, регламентирующие процедуры банкротства кредитных организаций и субъектов естественных монополий: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса».

Стоит отметить, что в Законе 1998 г. более отчетливо прослеживается отражение накопленного к тому моменту зарубежного опыта в регулировании банкротных отношений. В частности, были ужесточены нормы, касающиеся ответственности учредителей и руководителей должника. Помимо этого, среди стадий банкротства появилась процедура наблюдения. Также обязательным стало «просуживание» задолженности.

В середине 1998 г. создается Федеральная служба России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению, ключевой задачей которой являлась реализация на практике правовых механизмов регулирования отношений в сфере предупреждения несостоятельности и проведения процедур банкротства. Спустя шесть лет в 2004 г. этот орган был упразднен, а его полномочия переданы Федеральной налоговой службе.

Несмотря на достаточно позитивные изменения в регулировании процедур несостоятельности, в Российской Федерации на стыке 1990–2000-х гг. банкротство оставалось в большей степени способом ухода от долгов, а также инструментом передела собственности. С активным развитием экономических отношений в начале нулевых годов возникла объективная необходимость в ревизии действующих механизмов банкротства и формировании новых правил игры в данной сфере. Помимо этого, регулирование арбитражного

процесса в то время выходит на новый уровень с принятием в середине 2002 г. нового Арбитражно-процессуального кодекса (далее – АПК РФ). В нем законодателем была выделена отдельная глава, посвященная рассмотрению дел о банкротстве. Это также требовало определенной синхронизации норм материального и процессуального права.

В итоге в 2002 г. принимается Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Он представляет собой объемный и значимый правовой акт, включающий в себя нормы как материального, так и процессуального права (Фролов, 2020). По своей сути, Закон о банкротстве, который и сейчас сохраняет свою силу и регулирует соответствующие отношения, напоминает кодифицированный документ.

В сравнении с ранее действующими правовыми актами, о которых говорилось выше, Закон о банкротстве намного более детально и развернуто урегулировал отношения в данной сфере. Как представляется, авторы Закона о банкротстве рассчитывали на широкое применение на практике реабилитационных процедур в отношении должника. Для этих целей в Законе были закреплены такие стадии, как наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление. Однако спустя два десятилетия с уверенностью можно сказать, что подобные механизмы на практике практически не заработали. Об этом подробно будет сказано далее.

Особенности современной российской модели банкротства

В настоящее время Закон о банкротстве уже более двадцати лет регулирует отношения в сфере банкротства в Российской Федерации. За это время данный нормативный акт претерпел значительные изменения. Это обусловлено как развитием регуляторных механизмов и соответствующей правоприменительной практики, так и адаптацией законодательства под веяния времени и текущую экономическую ситуацию (Белоусов, 2022). Отметим в сравнении с первоначальной редакцией Закона о банкротстве такие важнейшие нововведения, как:

- более детальное урегулирование правового статуса арбитражного управляющего;
- формирование правового поля, позволяющего оспаривать сделки должника;
- закрепление правил привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности;
- запуск процедуры банкротства физических лиц и т. д.

В настоящее время в Закон о банкротстве внесено уже более сотни поправок. Также менялись и подходы к регулированию отдельных аспектов банкротства со стороны высших судебных инстанций (Витрянский, 2015). Таким образом, на данный момент этот нормативный акт напоминает «лоскутное одеяло». Тем самым, по мнению автора, правовое поле в сфере регулирования банкротства в Российской Федерации логично пришло к необходимости пересмотра многих подходов и установок и принятию на смену действующему Закону о банкротстве нового нормативного акта, который снимет большую часть спорных моментов и противоречий и сможет придать новый импульс для успешного развития данной сферы в будущем.

Важным моментом является обращение к зарубежному опыту и сопоставление российской модели ведения банкротства с соответствующими примерами из законодательства других государств. Если рассматривать подходы к выстраиванию процессов несостоятельности, реализуемые в мировой практике, и взять в качестве критерия направленность регуляторного механизма на защиту интересов той или иной стороны, то, на взгляд автора, можно выделить пять основных моделей банкротства:

- радикально продолжниковая (США);
- умеренно продолжниковая (Франция, Бельгия, Испания);
- нейтральная (Германия, Италия, Чехия);
- умеренно прокредиторская (Канада, Польша);
- радикально прокредиторская (Великобритания, Израиль, Австрия).

Как видим, на одном полюсе находится США с жестко продолжниковой системой банкротства (Elbers, 2016). Здесь реализуется концепция *fresh start* («новый старт»), в рамках которой большинство рисков должника перекладываются на кредиторов (Dignam & Oh, 2019). В частности, считается, что бизнес сам по себе является риском и поэтому кредитор, вступая в отношения с должником, несет ответственность за выбор контрагента и тем самым принимает на себя все неблагоприятные последствия такого решения, включая неплатежи в его пользу (Oglinda, 2015). Однако это правило работает только при условии, что должник изначально действовал добросовестно (Al-Tawil, 2019).

На другом полюсе можно наблюдать построение радикально прокредиторской системы банкротства, которая заточена главным образом на возврат долга и защиту интересов кредиторов (Warren, 2016). Так, в Великобритании действует специальная система судов по банкротству и несостоятельности (He, 2017). Приоритет в рамках банкротства отдается либо переходу должника под контроль специального управляющего, который наделен обязанностью в максимальном размере удовлетворить интересы кредиторов, либо ликвидационным процедурам (Petrin & Choudhury, 2018). При этом заметим, что в последние годы в правовом поле Великобритании можно отметить определенное движение к усилению защиты интересов должников при реализации процедур несостоятельности (Anderson, 2019).

Остальные три модели в целом с позиции баланса интересов должника и кредитора являются более сбалансированными, отдавая небольшой приоритет той или иной стороне (Fabian, 2016). Что касается Российской Федерации, то долгое время доминировала точка зрения, что институт банкротства в Российской Федерации носит сугубо продолжниковый характер (Шишмарева, 2023). Эта позиция основывается на том, что реализуемые в рамках банкротства процедуры искусственно затягивают процесс возврата долгов. Заложенные в Законе о банкротстве инструменты восстановления платежеспособности должника фактически не работают, и все в итоге сводится к реализации имущества должника в рамках конкурсного производства. При этом большая часть активов должника к этому времени, как правило, уже недоступна для обращения взыскания (Сиземова, 2018).

Однако на сегодняшний день ситуация уже заметно поменялась, и, по мнению автора, в настоящее время уже не приходится говорить о сугубо продолжниковой направленности Закона о банкротстве. Это обусловлено тем, что за последнее десятилетие законодатель значительно перекроил правовое поле, серьезно усилив защиту интересов кредиторов (Голубцов, 2020). В первую очередь это касается расширения перечня оснований, которые позволяют привлечь контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности (Горбашев, 2018).

Помимо этого, все активнее развивается институт оспаривания сделок должника как инструмент защиты прав кредиторов через возврат активов в конкурсную массу (Филатова, Горбач, 2019).

Также отметим, что начиная еще с 2017 г. со стороны кредиторов имеется возможность субординации займов от участников в корпоративные отношения¹. Это позволяет, в частности, отказывать лицам, основывающим свои требования на договоре займа, во включении в реестр кредиторов. В результате у недобросовестных должников значительно сокращаются возможности оказывать влияние на ведение процедуры несостоятельности посредством формирования задолженности, вытекающей из договоров займа. В то же время исключительно продолжниковая процедура финансового оздоровления на практике так и остается невостребованной.

Проблематика действующего регулирования отношений в области банкротства

Как уже было сказано выше, в российскую модель регулирования банкротства заложены определенные инструменты восстановления платежеспособности должника. В частности, Законом о банкротстве предусмотрены процедуры финансового оздоровления и внешнего управления, задачами которых как раз и является проведение мероприятий, нацеленных на планомерное погашение задолженности и выход на режим полной платежеспособности. Однако в российской практике данные процедуры, к сожалению, совсем не прижились (Казаков, 2018). Для иллюстрации этого тезиса обратимся к статистике, используя при этом данные официального портала дел о банкротстве за период с 2015 по 2023 г. Агрегируем необходимые для анализа статистические данные в табл. 1.

Отраженные в табл. 1 статистические данные за последние девять лет показывают, что доля введенных реабилитационных процедур (внешнее управление и финансовое оздоровление), рассчитываемая в процентах к общему количеству дел о банкротстве, составляет менее 2 % и имеет тенденцию к дальнейшему снижению (в 2023 г. этот показатель достиг уже 1,3 %). При этом, для сравнения, в американской системе банкротства практически в каждом третьем деле вводятся процедуры, целью которых является попытка восстановить платежеспособность должника (Могилат, 2019).

¹ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556 (1). (2017). <https://base.garant.ru/71713828/>

Таблица 1

Количество введенных процедур за 2015–2023 гг.
Table 1. Number of procedures introduced in 2015–2023

Судебное решение / Court decision	Количество процедур / Number of procedures								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
О признании должника банкротом / On recognizing a debtor to be bankrupt	13 044	12 549	13 541	13 117	12 401	9 930	10 306	9 047	7 400
О введении наблюдения / On starting surveillance	10 198	10 487	11 495	10 547	10 134	7 775	8 572	5 225	7 532
О введении внешнего управления / On introducing external control	434	372	363	278	209	150	157	140	88
О введении финансового оздоровления / On starting financial recovery	38	52	32	19	19	23	22	9	9
Доля реабилитационных процедур, % / Share of rehabilitation procedures, %	2	1,8	1,6	1,25	1,4	1,75	1,73	1,6	1,3

Источник: Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ). <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202023.pdf>

Source: Unified federal register of data about bankruptcy (UFRDB). <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202023.pdf>

В этой связи очевидным представляется тот факт, что изначально закрепленные в Законе о банкротстве инструменты восстановления платежеспособности должника оказались на практике невостребованными. По сути, получается, что должник, вступая на путь банкротства, практически не имеет шансов сохранить бизнес (Белоусов, 2021). При этом и кредиторы должника также не имеют должной защиты. Это обусловлено в том числе и тем, что недобросовестные должники, перед тем как зайти в банкротство, успевают вывести основные активы, чтобы не было возможности обратиться на них взыскание (Суворов, 2021).

Обозначив ключевую проблематику и приведя аргументацию, опирающуюся на соответствующие статистические показатели, обозначим необходимость дальнейшего развития института оспаривания сделок должника. Здесь отметим, что законодатель уже закрепил в Законе о банкротстве нормы об оспаривании некоторых сделок должника. Заложенные в них механизмы разворота сделок в последние годы стали все активнее применяться на практике. С одной стороны, это, безусловно, отражает интересы кредиторов. Если сделка является подозрительной, то имеется возможность ее оспорить и в перспективе вернуть отчужденные активы в конкурсную массу. Однако, с другой стороны, подобный механизм при его массовом использовании и отсутствии четких и однозначных критериев подозрительности способен значительно ухудшить стабильность гражданского оборота. Здесь также важно учитывать интересы и контрагентов должника, чьи сделки попадают в зону риска.

В итоге сегодня мы видим ситуацию, когда, с одной стороны, любой субъект, будь то физическое или юридическое лицо, рискует при покупке, например, транспортного средства или недвижимости потерять приобретенный актив в силу того, что продавец впоследствии заходит в процедуру банкротства. С другой стороны, недобросовестный должник, выводя свои активы в пользу аффилированных структур, изначально может предусмотреть все возможности для минимизации оспаривания сделки. Также отметим, что оспаривание сделок должника затягивает и так достаточно длительную процедуру банкротства.

Раскрывая практические аспекты оспаривания сделок должника в процедуре банкротства, имеет смысл отметить, что оспаривать сделки по банкротным основаниям возможно только в тех случаях, если они действительно причиняют вред кредиторам. В частности, как указал Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в одном из своих определений: «Если сделка не приводит к тому, что у должника возникают новые обязательства, или к тому, что он вынужден нести дополнительные расходы, то такую сделку оспорить по банкротным основаниям нельзя»².

² Верховный Суд РФ. (2022). Определение № 79005_1862723 от 1 сентября 2022 г. http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2157386

Однако стоит сказать и о том, что активное развитие института оспаривания сделок должника, а также применение на практике норм о субсидиарной ответственности в отношении контролирующих должника лиц в последние годы дали и определенный положительный эффект (табл. 2). В частности, начиная с 2019 г. значительно вырос такой показатель, как доля удовлетворенных требований кредиторов (с 2,6 % в 2019 г. до 7 % по итогам 2023 г.).

Таблица 2

Удовлетворение требований кредиторов в 2019–2023 гг.**Table 2. Satisfaction of creditors' claims in 2019–2023**

Показатель / Indicator	Год / Year				
	2019	2020	2021	2022	2023
Общая сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов / Total sum of creditors' claims included into the register	6,03	5,94	7,04	7,39	5,58
Сумма удовлетворенных требований / Sum of satisfied claims	0,159	0,119	0,212	0,294	0,393
Доля удовлетворенных требований кредиторов, % / Share of satisfied claims, %	2,6	2,0	3,0	3,9	7,0

Источник: Кулыша, А. (2024, 13 февраля). Банкротство в России становится эффективнее. *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/02/13/1019896-bankrotstvo-v-rossii-stanovitsya-effektivnee>

Source: Kulsha, A. (2024, February 13). Bankruptcy becomes more effective in Russia. *Vedomosti*. <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/02/13/1019896-bankrotstvo-v-rossii-stanovitsya-effektivnee>

Хотя, конечно, стоит признать, что даже сейчас это значение все равно остается достаточно низким и требует принятия дополнительных мер по дальнейшему повышению уровня удовлетворения требований кредиторов.

Пути развития правового поля в сфере банкротства

Сформулировав ключевые претензии к действующему регулированию отношений в сфере банкротства, необходимо обозначить основные направления реформирования соответствующего правового поля.

Отметим, что первые серьезные попытки переосмыслить правила игры в процедуре банкротства предпринимались еще в 2015 и 2016 гг., когда появлялись на свет законопроекты, предусматривающие существенные изменения действующих норм о банкротстве. Однако они, получив отклик у профессионального сообщества, не нашли поддержку у законодателей.

Тем не менее в 2018 г. Верховным Судом Российской Федерации в нижнюю палату Парламента вносится проект изменений в Закон о банкротстве № 598603-7 (далее – Законопроект 2018 г.). В пояснительной записке к Законопроекту 2018 г. указывается, что «изменения направлены на совершенствование процедуры рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве), повышение его эффективности и качества»³. В частности, данным Законопроектом предлагалось полномочия установления требований кредиторов к должнику в реестре требований кредиторов и рассмотрения вопроса об их обоснованности передать от Арбитражного Суда в ведение арбитражных управляющих. Пройдя первое чтение в середине 2019 г., движение законопроекта застопорилось. И лишь в начале 2024 г., уже имея альтернативный вариант изменения законодательства о банкротстве (о чем будет сказано ниже), Государственная Дума принимает решение отклонить данный законопроект.

Далее, уже в 2020 г., вновь поднимается вопрос о необходимости перемен в регулировании банкротства. В итоге спустя год в Госдуму был внесен Законопроект № 1172553-7 (далее – законопроект 2021 г.), предполагающий введение единого реабилитационного механизма, направленного на восстановление платежеспособности должника.

³ Государственная Дума Федерального Собрания. (2024). Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/598603-7>

способности должника взамен неэффективных процедур финансового оздоровления и внешнего управления. Помимо этого, в соответствии с законопроектом 2021 г. существенные изменения затрагивали также важнейшего субъекта в процедуре банкротства – фигуру арбитражного управляющего. В частности, был предложен новый подход к процессу отбора арбитражных управляющих с внедрением балльной шкалы оценивания претендентов. При этом для новой системы оценки арбитражных управляющих законопроектом 2021 г. предусматривались разнообразные критерии. Например, процент погашения требований кредиторов, уровень повышения цены имущества при реализации на торгах, стоимость проданного с торгов имущества, а также общее время ведения процедуры банкротства. Однако в итоге законопроект 2021 г., вопреки ожиданиям, не прошел даже первое чтение в Государственной Думе.

Новый импульс реформе законодательства в сфере банкротства дал ВС РФ, представив в конце 2023 г. свою версию проекта федерального закона, вносящего серьезные изменения в Закон о банкротстве и АПК РФ (далее – Законопроект 2023 года).⁴ В сравнении с Законопроектом 2021 года новая версия, предложенная ВС РФ, содержала более серьезные и, как представляется, оправданные нововведения.

В итоге законопроект 2023 г. миновала судьба предыдущих проектов изменения правового поля, и в мае 2024 г. увидел свет новый Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ, вносящий изменения в действующие Закон о банкротстве и АПК РФ⁵. Наиболее значимыми изменениями можно назвать, во-первых, повышение порога неисполненных денежных обязательств должника – юридического лица, необходимого для инициирования дела о его банкротстве. Теперь по общему правилу размер неисполненных должником обязательств увеличивается почти в семь раз – до 2 млн руб. Во-вторых, отметим изменение порядка рассмотрения обособленных споров об установлении размера требований кредиторов.

Далее имеет смысл сформулировать общие пути развития правового поля в области банкротства, которые, по мнению автора, представляется оправданным воплотить в жизнь на практике в том или ином виде при реформировании соответствующего законодательства. Условно предлагаемые автором изменения правового поля можно разбить на четыре группы.

Во-первых, отметим необходимость дальнейшего упрощения ряда процедур по отдельным категориям обособленных споров. Это связано с тем, что количество подобных споров (например, об освобождении арбитражного управляющего по его заявлению от возложенных на него обязанностей; о распределении судебных расходов по делу, о рассмотрении требований о включении в реестр) в последнее время значительно возросло. При этом большая часть из них носит бесспорный характер и на практике фактически не обжалуется (Шайдуллин, 2023). Поэтому упрощение и, в частности, внедрение так называемого документарного судопроизводства здесь выглядит весьма оправданным. Суть документарного судопроизводства состоит в том, что если у участников спора нет возражений, то судья может выносить отдельные решения без проведения судебного заседания и с изготовлением только резолютивной части определения (Егоров, 2019).

Во-вторых, предлагается применительно к юридическим лицам и дальше повышать планку задолженности для вхождения в процедуру банкротства. Это обусловлено тем, что инфляционные процессы предполагают с течением времени пересмотр установленных минимальных требований. Также это может хотя бы частично снизить возможность злоупотреблений со стороны аффилированных кредиторов.

В-третьих, необходимо дальнейшее развитие института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. На сегодняшний день судебная практика все активнее использует подобные механизмы для обеспечения защиты прав кредиторов. Помимо этого, в отдельных случаях имеет смысл расширить ответственность и самих кредиторов, если их действиями причиняется ущерб конкурсной массе должника. Так, в конце 2022 г. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ при разрешении спора в своем решении отметила, что кредиторов, которые контролировали банкротство, можно привлечь к ответственности за при-

⁴ Государственная Дума Федерального Собрания. (2024). Законопроект № 516699-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8?ysclid=ltvg05px80726569794#bh_histras

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. № 107-ФЗ от 29.05.2024. (2024). Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202405290010>

чинение вреда конкурсной массе. Такая ответственность может наступать, например, если кредиторы решат продолжить убыточную деятельность должника⁶.

В-четвертых, при развитии института оспаривания сделок должника имеет смысл отойти от исключительно формальных критериев при развороте неравнозначных сделок. На этом, в частности, в одном из своих определений делал акцент и ВС РФ, отмечая, что «то обстоятельство, что цена сделки отличается от рыночной более чем на 20 %, еще не означает, что сделку обязательно оспорят. Нужно учитывать все обстоятельства. Чтобы признать сделку недействительной, нужно доказать, что у контрагента-должника не могли не возникнуть подозрения относительно невыгодности сделки»⁷.

Также отметим и перспективы возможного изменения рассматриваемого правового поля под влиянием новых цифровых технологий. Развитие информационных систем затрагивает либо затронет в ближайшее время подавляющее большинство отраслей экономики. Как представляется, сфера банкротства не является здесь исключением. Это обусловлено тем, что внедрение новых цифровых решений способно значительно упростить взаимодействие между участниками процесса, снизить транзакционные издержки и в перспективе сократить продолжительность проводимых процедур. В частности, издержки могут быть снижены за счет развития электронного документооборота, отмены обязательной публикации в «Коммерсанте», отказа от почтовых отправок и организации проведения собраний кредиторов в онлайн-формате.

Заключение

Российская система регулирования банкротства на данном этапе объективно нуждается в переменах. И для законодателя, и для правоприменителей уже стало достаточно очевидным, что регуляторные механизмы банкротства требуют если не полной замены, то хотя бы определенной перенастройки.

Необходимость реформирования российского правового поля подтверждает и статистика по числу банкротств. Так, в частности, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по итогам 2023 г. общий объем долгов хозяйствующих субъектов и населения, которые зашли в процедуру банкротства, составил 4,52 трлн рублей (из них 3,98 трлн рублей приходится на юридические лица)⁸. Для сравнения, в 2022 г. эта цифра была на уровне 2,1 трлн рублей (здесь долги юридических лиц составляли 1,67 трлн рублей)⁹. Как видно из приведенных статистических показателей, в большей степени увеличивались долги бизнеса, а не домохозяйств. В целом только за один год имеет место рост просуженной задолженности, которая вошла в банкротные процедуры, более чем в два раза. Это и дополнительная нагрузка на судебную систему.

Поэтому затягивать реформу уже практически нет возможности. По крайней мере, необходимо обеспечить дальнейшее повышение процента удовлетворенных требований кредиторов. Также должен быть сокращен сам срок процедуры. Для этого имеет смысл отказаться от такой архаичной стадии банкротства, как наблюдение, которая в большинстве случаев лишь затягивает процесс. И, конечно, важно увеличить долю должников, которые сумели через реабилитационные процедуры восстановить свою платежеспособность и финансовую устойчивость, сохранив действующий бизнес.

В этой связи, по мнению автора, Закон о банкротстве, регулирующий данные отношения уже более двадцати лет, требует не столько внесения изменений, которых и так уже накопилось больше сотни, а пересмотра с принятием концептуально нового нормативного акта.

⁶ Верховный Суд РФ. (2022). Определение № 79006_1900557 от 14 ноября 2022 г. http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2180758

⁷ Верховный Суд РФ. (2022). Определение № 79005_1796735 от 5 мая 2022 г. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5a5cb80b-abd2-458c-853c-954d15eed539/0396eaf3-0cd8-4917-922b-d99ad47c0e7f/A12-42-2019_20220506_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

⁸ Судебный департамент при ВС РФ. (2024). Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 12 месяцев 2023 года. <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8687>

⁹ Судебный департамент при ВС РФ. (2023). Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 12 месяцев 2022 года. Судебный департамент при ВС РФ. <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650>

Список литературы

- Белоусов, А. Л. (2021). Восстановление финансовой устойчивости должников: изменение подходов в законодательстве. *Экономический анализ: теория и практика*, 20(5), 959–971. <https://doi.org/10.24891/ea.20.5.959>
- Белоусов, А. Л., Васильева, С. А. (2022). Вопросы регулирования банкротства: пути развития законодательства. *Legal Bulletin*, 7(4), 64–71. EDN: MFPCVG
- Белых, В. (2017). Возмещение убытков в результате недобросовестных действий конкурсного управляющего. *Бизнес, менеджмент и право*, 3-4, 65–72. EDN: YPXKSV
- Витрянский, В. (2015). Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. *Хозяйство и право*, 4(459), 3–29. EDN: UFFALN
- Голубцов, В. Г. (2020). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 48, 248–273. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-248-273>
- Горбашев, И. В. (2018). О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ. *Вестник гражданского права*, 18(4), 154–202. EDN: VBORAG
- Егоров, А. В. (2019). Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов. *Вестник гражданского права*, 19(1), 114–139. EDN: YZXZMT
- Казаков, А. В., Колышкин, А. В. (2018). Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 34(2), 241–266. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>
- Карелина, С. А. (2021). Мораторий на банкротство: проблемы правового регулирования. *Ученые записки юридического факультета*, 2, 11–14. EDN: YQYKPW
- Лаутс, Е. Б. (2018). Законодательство о банкротстве кредитных организаций: понятие и соотношение с банковским законодательством. *Банковское право*, 4, 34–41. EDN: OXGRBN
- Могилат, А. Н. (2019). Оценка финансовой устойчивости российских промышленных компаний, или О чем говорят банкротства. *Вопросы экономики*, 3, 101–118. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-101-118>
- Подольский, Ю. Д. (2020). Процессуальная реформа в банкротстве: внесудебное формирование реестра требований. *Арбитражный и гражданский процесс*, 11, 47–49. <https://doi.org/10.18572/1812-383x-2020-11-47-49>
- Попондопуло, В. Ф. (2021). Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития. *Юрист*, 5, 10–16. EDN: TTVQVE
- Ручкина, Г. Ф. (2022). Некоторые антикризисные финансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. *Банковское право*, 3, 29–37. EDN: TLDSKC
- Свириденко, О. М. (2020). Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание). *Актуальные проблемы российского права*, 15(2), 105–112. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.105-112>
- Сиземова, О. Б., Пчелкин, А. В., Мамаков А. М. (2018). Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 5(72), 80–87. <https://doi.org/10.12737/art.2018.5.12>
- Суворов, Е. Д. (2021). Конкурсная корпорация: к вопросу о потенциальной правосубъектности конкурсной массы. *Вестник Арбитражного суда Московского округа*, 3, 63–89. EDN: PZOVVO
- Филатова, У. Б., Горбач, О. В. (2019). Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения. *Гражданское право*, 1, 7–10. EDN: XHJZVK
- Фролов, И. В. (2020). Институт несостоятельности (банкротства) в системе российского права: модель и внутренняя структура. *Предпринимательское право*, 1, 30–38.
- Шайдуллин, А. И. (2023). Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства. *Вестник гражданского права*, 23(2), 7–49. EDN: KHGVGX
- Шишмарева, Т. П. (2023). Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) граждан в России и Германии. *Закон*, 6, 52–62. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-52-62>
- Al-Tawil, T. N. (2019). Piercing the corporate veil: when LLCs and corporations may be at risk. *International Journal of Law and Management*, 61(2), 328–344.
- Anderson, H. (2019). Piercing the Corporate Veil to Reach the Money for Employees: Why, How and Where to Next? *Company and Securities Law Journal*, 36(7), 536–551.
- Dignam, A., & Oh P. B. (2019). Disregarding the Salomon Principle: an Empirical Analysis, 1885-2014. *Oxford Journal of Legal Studies*, 39(1), 16–49.
- Elbers, J. (2016). Challenging Prejudice to Creditors Involving Abuse of Separate Identities in Tax Matters; a Dutch Approach. *INTERTAX*, 44(4), 324–333.
- Fabian, A. Y. C. (2016). The Precariousness of the Corporate Veil to Avoid the Phenomenon of Fraud in Companies. *Revista E-Mercatoria*, 15(1), 103–117.
- He, S. (2017). Improvement on the Initiator and Causes of Current “Piercing the Corporate Veil” System. *International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS)*. Qingdao, PEOPLES R CHINA.

- Oglinda, B. (2015). The Doctrine of Piercing the Corporate Veil. In *10th International Conference on Accounting and Management Information Systems (AMIS). Bucharest Univ Econ Studies, Bucharest, ROMANIA* (pp. 410–420).
- Petrin, M., & Choudhury, B. (2018). Group Company Liability. *European Business Organization Law Review*, 19(4), 771–796.
- Warren, M. (2016). Corporate Structures, the Veil and the Role of the Courts. *Melbourne University Law Review*, 40(2), 657–687.

References

- Al-Tawil, T. N. (2019). Piercing the corporate veil: when LLCs and corporations may be at risk. *International Journal of Law and Management*, 61(2), 328–344.
- Anderson, H. (2019). Piercing the Corporate Veil to Reach the Money for Employees: Why, How and Where to Next? *Company and Securities Law Journal*, 36(7), 536–551.
- Belousov, A. L. (2021). Restoring the financial stability of debtors: changing approaches to legislation. *Economic analysis: theory and practice*, 20(5), 959–971. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ea.20.5.959>
- Belousov, A. L., & Vasilyeva, S. A. (2022). Issues of bankruptcy regulation: ways of developing legislation. *Legal Bulletin*, 7(4), 64–71. (In Russ.).
- Belykh, V. (2017). Recovery of losses caused by unfair practices of bankruptcy manager. *Business, Management and Law*, 3–4, 65–72. (In Russ.).
- Dignam, A., & Oh P. B. (2019). Disregarding the Salomon Principle: an Empirical Analysis, 1885–2014. *Oxford Journal of Legal Studies*, 39(1), 16–49.
- Egorov, A. V. (2019). Winding-up procedure: comment on key issues. *Civil Law Review*, 19(1), 114–139. (In Russ.).
- Elbers, J. (2016). Challenging Prejudice to Creditors Involving Abuse of Separate Identities in Tax Matters; a Dutch Approach. *INTERTAX*, 44(4), 324–333.
- Fabian, A. Y. C. (2016). The Precariousness of the Corporate Veil to Avoid the Phenomenon of Fraud in Companies. *Revista E-Mercatoria*, 15(1), 103–117.
- Filatova, U. B., & Gorbach, O. V. (2019). The Doctrine of Lifting the Corporate Veil: Some Aspects of Application. *Civil Law*, 1, 7–10. (In Russ.).
- Frolov, I. V. (2020). Institute of insolvency (bankruptcy) in the system of Russian law: model and internal structure. *Entrepreneurial Law*, 1, 30–38. (In Russ.).
- Golubtsov, V. G. (2020). Subsidiary Liability of Persons Controlling a Debtor: Legislative Approach Evolution. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 48, 248–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-248-273>
- Gorbachev, I. V. (2018). On some legal material issues in the ruling of the supreme court of the Russian Federation regarding the invocation for subsidiary liability. *Civil Law Review*, 18(4), 154–202. (In Russ.).
- He, S. (2017). Improvement on the Initiator and Causes of Current “Piercing the Corporate Veil” System. *International Conference on Management, Education and Social Science (ICMESS)*. Qingdao, PEOPLES R CHINA.
- Karelina, S. A. (2021). Characteristics and current problems of the implementation of the mechanism of deceased person’s bankruptcy procedure. *Academic Notes of the Faculty of Law*, 2, 11–14. (In Russ.).
- Kazakov, A. V., & Kolyshkin, A. V. (2018). The development of bankruptcy prediction models in modern Russian economy. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 34(2), 241–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.203>
- Lauts, E. B. (2018). The law on bankruptcy of credit institutions: the concept and correlation with banking laws. *Banking law*, 4, 34–41. (In Russ.).
- Mogilat, A. N. (2019). Modelling financial distress of Russian industrial companies, or What bankruptcy analysis can tell. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 101–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-101-118>
- Oglinda, B. (2015). The Doctrine of Piercing the Corporate Veil. In *10th International Conference on Accounting and Management Information Systems (AMIS). Bucharest Univ Econ Studies, Bucharest, ROMANIA* (pp. 410–420).
- Petrin, M., & Choudhury, B. (2018). Group Company Liability. *European Business Organization Law Review*, 19(4), 771–796.
- Podolsky, Yu. D. (2020). A Procedural reform in bankruptcy: extrajudicial compilation of a register of claims. *Arbitrazh-civil procedure*, 11, 47–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-383x-2020-11-47-49>
- Popondopulo, V. F. (2021). The Russian System of the Legal Regulation of Bankruptcy Relationships: The Status and Development Tendencies. *Jurist*, 5, 10–16. (In Russ.).
- Ruchkina, G. F. (2022). Some anti-crisis financial measures of support of small and medium-sized enterprises. *Banking Law*, 3, 29–37. (In Russ.).
- Shaidullin, A. I. (2023). Protection of Information Rights of the Creditors in the Insolvency Proceedings. *Civil Law Review*, 23(2), 7–49. (In Russ.).
- Shishmareva, T. P. (2023). Legal Regulation of Citizen’s Bankruptcy in Russia and Germany. *Zakon*, 6, 52–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-52-62>

Sizemova, O. B., Pchelkin, A. V., & Mamakov, A. M. (2018). Comparative analysis of the legislation on the bankruptcy of the individuals in Russia and the USA. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 5(72), 80–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/art.2018.5.12>

Suvorov, E. D. (2021). Bankruptcy corporation: on the issue of the potential legal personality of the bankruptcy estate. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 3, 63–89. (In Russ.).

Sviridenko, O. M. (2020). Transactions Detrimental to the Creditors beyond the Insolvency Proceedings (Out-of-Court Challenge). *Actual Problems of Russian Law*, 15(2), 105–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.105-112>

Vitryansky, V. (2015). Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. *Economy and Law*, 4(459), 3–29. (In Russ.).

Warren, M. (2016). Corporate Structures, the Veil and the Role of the Courts. *Melbourne University Law Review*, 40(2), 657–687.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 09.07.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024

Е. Л. Яковлева¹,

Р. А. Григорьев¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Назад в будущее: примитивизация, варваризация или новые сценарии развития человека?

Контактное лицо:

Яковлева Елена Львовна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: mifoigra@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY SPIN-код: 3784-8642

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: Ruslan.grigoryev@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7707-2657>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-6697-2015>

eLIBRARY SPIN-код: 4289-2740

Аннотация

Цель: анализ вступившего в свои права цифрового этапа развития с точки зрения общественного устройства и проявлений в нем индивида, приобретшего новую форму идентичности – цифровое кочевничество.

Методы: диалектический и феноменологический методы с использованием сравнительного анализа. Материалом для теоретического осмысления проблемы послужили идеи А. А. Дыдрова и Р. В. Пеннера, Г. Л. Тульчинского, М. Шпитцера, Е. Л. Яковлевой.

Результаты: анализ проблемы позволил выявить в современном бытии общества и электронного кочевника, начавших функционировать в системе координат двоемирия, черты примитивизации и варваризации. Их модус сегодня оказывается цифровым. При этом примитивизация связана с интеллектуальными проявлениями электронного кочевника, а варваризация – с его действиями в виртуальном пространстве. Пересечение элементов примитивизации и варваризации приводит к некоторым аморальным проявлениям электронного кочевника, позволяющим себе в цифровой среде неблагоприятные поступки. Пытаясь прогнозировать будущее, авторы указывают на лучший вариант развития, связанный с сотрудничеством электронных кочевников и роботов, и худший, обусловленный внедрением в человеческий мозг имплантов. Второй сценарий развития сделает электронного кочевника полностью управляемым, что станет выгодным для владельцев корпораций и цифровых платформ. Но всегда остается надежда на избежание негативного. И в ситуации электронного кочевника его постепенная адаптация к цифровой среде и запуск процесса рационализации позволит пойти по оптимистичному пути развития.

Научная новизна: обусловленный достижениями в области науки и техники процесс цифровизации носит неоднозначный характер. Несмотря на высокий уровень комфортности современной цивилизации, в бытии электронного кочевника проступают черты примитивизации и варваризации. Подчеркивается, что данные характеристики имеют временный характер, связанный с этапом переходности общества на новую ступень развития, и постепенно электронный кочевник научится грамотно функционировать, работать и проявлять себя в цифровой среде. Но возможен и иной исход. В условиях развития технологий модифицирования работы мозга электронный кочевник может быть интегрирован в новую экономику, что не даст возможности для его развития и приведет к полной изоляции от осмысленности, осознанности и рефлексии, присущих самодостаточной личности.

Практическая значимость: использование результатов исследования для дальнейшего изучения состояния современного этапа цивилизационного развития, связанного с цифровизацией, и особенностей нового типа личности – электронного кочевника, а также выявления зон рисков в бытии социального и индивидуального с целью их блокировки или минимизации.

Ключевые слова:

электронный кочевник, цивилизация, примитивизация, digital dementia, клиповое мышление, мифизация, варваризация, цифровое варварство, культурное насилие, безнравственные проявления

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Яковлева, Е. Л., Григорьев, Р. А. (2024). Назад в будущее: примитивизация, варваризация или новые сценарии развития человека? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 1007–1023. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.1007-1023>

Scientific article

E. L. Iakovleva¹,

R. A. Grigoryev¹

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Back to the future: primitivization, barbarization, or new scenarios of human development?

Contact:

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: mifoigra@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1799-0883>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY SPIN-code: 3784-8642

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: ruslan.grigoryev@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7707-2657>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-6697-2015>

eLIBRARY SPIN-code: 4289-2740

Abstract

Objective: to analyze the current digital stage of development from the viewpoint of the social structure and manifestations of an individual in it, as the latter has acquired a new form of identity – digital nomadism.

Methods: dialectical and phenomenological methods using comparative analysis. The ideas of A. A. Dydrov and R. V. Penner, G. L. Tulchinsky, M. Shpitzer, and E. L. Yakovleva served as material for theoretical understanding of the problem.

Results: the analysis made it possible to identify the features of primitivization and barbarization in the modern existence of society and the electronic nomad, which began to function in the coordinate system of the two worlds. Their modus appears to be digital. At the same time, primitivization is associated with the intellectual manifestations of the electronic nomad, and barbarization is associated with their actions in the virtual space. The intersection of elements of primitivization and barbarization leads to some immoral manifestations of the electronic nomad, who allow themselves indecent deeds in the digital environment. Trying to predict the future, the authors point to the best development option associated with the cooperation of electronic

nomads and robots, and the worst one, determined by the introduction of implants into the human brain. The latter scenario will make the electronic nomad fully manageable, which will be beneficial for owners of corporations and digital platforms. But there is always hope to avoid the negative option. In the situation of the electronic nomad, their gradual adaptation to the digital environment and the launch of the rationalization process will allow them to follow an optimistic path of development.

Scientific novelty: due to advances in science and technology, the digitalization process is ambiguous. Despite the high level of comfort of modern civilization, the features of primitivization and barbarization appear in the existence of the electronic nomad. The authors emphasize that these characteristics are temporary in nature, associated with the society transition to a new stage of development; hence, the electronic nomad will gradually learn to function competently, work and express themselves in the digital environment. But a different outcome is also possible. In the context of the development of brain modification technologies, the electronic nomad can be integrated into a new economy, which will not allow for their development and will lead to complete isolation from the meaningfulness, awareness and reflection inherent in a self-sufficient personality.

Practical significance: consists in using the research results to further study the modern stage of civilizational development associated with digitalization and the features of a new type of personality – the electronic nomad, as well as in identifying risk zones in social and individual existence in order to block or minimize them.

Keywords:

electronic nomad, civilization, primitivization, digital dementia, clip thinking, mythization, barbarization, digital barbarism, cultural violence, immoral manifestations

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Iakovleva, E. L., & Grigoryev, R. A. (2024). Back to the future: primitivization, barbarization, or new scenarios of human development? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 1007–1023. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.1007-1023>

Введение

Цифровой сдвиг современности

Мы живем в эпоху очередного сдвига в истории человеческой цивилизации, и он связан с цифровизацией. Как резюмировал Г. Л. Тульчинский, «цифровизация – суть разработка и использование технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычисляемости, программируемости», и «эти компьютерные, информационно-коммуникативные технологии, их применение – определяют облик современной цивилизации, точнее – смену формата развития всей цивилизационной среды» (Тульчинский, 2021. С. 35). Переход на цифровой виток развития в современности способствует переструктурированию всех социальных сфер и их систем. «Буквально на наших глазах привычное мироустройство становится достоянием прошлого, переопределяясь в нечто иное, обретая другую, заметно более сложную композицию»: «одновременно изменяется миропонимание, подвергаются сомнению смысловые начала и ценности современной цивилизации»¹.

Процесс цифровизации онтологически оказывается всеохватывающим. Он проник не только в каждую социальную сферу, но и в жизнь людей, изменив их алгоритмы мышления и действий. Происходящая в обществе цифровизация показывает не только довольно высокий уровень цивилизационного развития, но и создает благоприятную среду бытия-в-мире каждого человека. Как справедливо подчеркивает Г. Л. Тульчинский, «человечество никогда еще не жило в столь комфортных условиях», как сегодня, а «цифровые технологии, в сочетании с основанным на обработке Big data маркетингом подталкивания (nudge), способны не только удовлетворить, но и стимулировать практически любые потребности» (Тульчинский, 2021. С. 35). Без цифровых технологий сегодня уже никто не способен представить себе бытие-в-мире.

¹ Неклесса, А. И. (2024, 24 сентября). Сюжеты цивилизационной навигации. Независимая газета. https://www.ng.ru/science/2024-09-24/9_9100_navigation.html

Внедрение технологий довольно сильно трансформировало облик отдельного человека: он изменился вследствие взаимодействия с компьютерами, мобильными устройствами и разнообразными гаджетами. Его приобретенную и уже начавшую укореняться форму идентичности мы называем электронным кочевничеством (Яковлева, 2023а, 2024). Акцент на кочевничестве принципиален и неслучаен. Современный кочевник, используя мобильные устройства, мигрирует в системе координат двоемирия – между реальным и виртуальным мирами, практически не замечая переходов между ними. Как утверждают А. А. Дыдров и Р. В. Пеннер, «человек в единстве своих классических ипостасей как био-социо-культурное существо соответственно принадлежит миру физическому (сохраняя свою телесность), но все увереннее заходит в пространство виртуального (делая цифровые копии своих Я и все чаще обитая в онлайн)» (Дыдров, Пеннер, 2024. С. 35). Повседневность, рабочий/учебный процесс, коммуникация и развлечения электронного кочевника сопряжены с реальным и цифровым мирами, а мобильные устройства и подключение к Сети позволяют беспрепятственно переходить границы между ними (в любое время и в любом пространстве). Для перехода границ современный кочевник приобрел технологическую сноровку, но многие операции, осуществляемые им, имеют автоматический, машинальный характер.

Необходимо признать, что сегодня на смену очарованности виртуальностью приходит ее принятие как естественной среды, помогающей электронному кочевнику и позволяющей ему проявить себя. Более того, кочевник не воспринимает в полном объеме ситуации двоемирия: сегодня виртуальный мир довольно органично встраивается в реальный, считаясь его продолжением или одним из модусов, где можно функционировать. У электронного кочевника практически стирается граница между мирами, и нередко он проявляет себя одновременно в обоих мирах, демонстрируя навык работы в режиме многозадачности.

Анализ современности позволяет говорить, что электронный кочевник во всем полагается на множество мобильных устройств, которыми свободно оперирует, и Интернет. В виртуальной реальности индивид находит/создает/пересылает рабочие/учебные материалы, общается, развлекается, нередко не замечая *текущей современности* (Бауман, 2006). На первый взгляд, цифровизация и происходящие под ее влиянием изменения имеют позитивное значение для общества и человека, создают комфортные условия для жизнедеятельности. Но нахождение внутри цивилизационных изменений заставляет критически относиться к ним. Выявляются некоторые неоднозначные моменты, риски и негативные последствия которых в результате накопительного эффекта проявят себя в будущем. Перечисленное заставляет исследовать влияние цифровизации на общественное устройство и личность электронного кочевника с точки зрения его онтологических, интеллектуальных и нравственных качеств, что и стало объектом статьи. В качестве методов рассуждений избраны диалектический и феноменологический с использованием сравнительного анализа.

Результаты исследования

Современный модус примитивизации

Само именование формы идентичности – электронное кочевничество – не только указывает на современность, но и отбрасывает нас в прошлое, к кочевому образу жизни. На кочевом этапе развития люди не задерживались долго на одном месте, постоянно перемещаясь в пространстве с целью получения новых источников питания. Сегодня кочевание переместилось в виртуальную среду, а его целью, как и в древности, является поиск источников для поддержания жизни в виде дохода, саморазвития, утверждения власти, коммуникации, отдыха и развлечений.

Исходя из того, что «цивилизация в большей степени ассоциируется с технологией, прогрессом, комфортом, достижениями науки, техническими устройствами» (Буданов и др., 2022. С. 155), мы не будем отрицать ее преимуществ в современности. Но многие ее аспекты свидетельствуют об определенной *примитивизации и варваризации* как своеобразном откате человечества назад, в прошлое (с технологиями настоящего и будущего).

Начнем наши рассуждения с примитивизации. Она представляет собой процесс, связанный с упрощением представлений о мире, поверхностным пониманием чего-либо. Данная трактовка в первую очередь характеризует когнитивную сферу индивида. В современности, несмотря на достижения в области науки и техники, наблюдаются обратные процессы в бытии личности, начинающей полагаться на компьютеры и гаджеты. Неслучайно некоторые исследователи называют электронного кочевника *цифровым аборигеном* (М. Пренски,

М. Шпитцер). Так, М. Шпитцер следующим образом описывает его: «типичный абориген цифрового общества постоянно или большей частью находится онлайн; он постоянно связан с друзьями и родственниками по электронной почте, коротким сообщениям или через социальные сети, по несколько часов в день слушает музыку и предаётся этим занятиям даже тогда, когда, к примеру, сидит вечером перед телевизором или играет в видеоигру» (Шпитцер, 2014. С. 177). Образ жизни электронного кочевника сводится к удовлетворению небольшого количества потребностей (в еде, заработке, дофаминовых удовольствиях и развлечениях), но самое главное – круглосуточному доступу к Сети. Довольно часто у кочевника отсутствуют долгосрочные планы и цели, смысложизненные поиски, теряется навык сосредоточения на главном. Нередко он не может понять и объяснить, что он хочет. Его бытие-в-мире приобретает бессмысленный, поверхностный формат.

Из жизни кочевника исчезают знания, что делает его интеллектуально примитивным. Им на смену приходит быстро считываемая и так же быстро забываемая информация. Из-за этого электронный кочевник оказывается человеком довольно неглубоким и недалеким, у него отсутствуют фундаментальные знания, в том числе касающиеся профессиональной сферы. Он становится неспособным к образованию, довольствуясь получением поверхностного представления о чем-либо с помощью различных социальных платформ. Механизмы получения информации у кочевника сводятся к следующим операциям: он «некоторое время беспорядочно щелкает по ссылкам и никогда не возвращается назад; он осуществляет поиск в горизонтальной плоскости (т. е. поверхностно), а не в вертикальной (не идет вглубь и не поднимается к вершинам)» (Шпитцер, 2014. С. 184). Напомним, что процесс получения и усвоения знаний представляет собой работу с ними: детальное изучение, мысленную проработку, анализ. Усвоение знаний – «это нечто совершенно иное, нежели перенос битов и байтов из одного запоминающего устройства в другое» (Шпитцер, 2014. С. 184), и при «поверхностном брожении по Сети» «исключено истинное понимание информации, а в памяти ничего не задерживается» (Шпитцер, 2014. С. 184).

Свое незнание кочевник компенсирует посредством технологий и добывания с их помощью необходимых (информационных) ресурсов, но данная компенсация имеет краткосрочный характер. Электронный кочевник оказывается «запрограммированным на то, чтобы обращаться к компьютеру, когда... сталкивается с пробелами в знаниях» (Шпитцер, 2014. С. 86, 84), но «если он не использует... головной мозг, то и следы памяти в нем не возникают, т. е. он ничему не обучается» (Шпитцер, 2014. С. 86, 84). Перечисленное приводит к тому, что у кочевника утрачиваются или не формируются потребности к интеллектуальной деятельности, запоминанию знаний, самообразованию и самоконтролю, что приводит к деградации. Как справедливо резюмирует М. Шпитцер, «передача информации от компьютерной обучающей программы прямо в головной мозг процессу запоминания и усвоения учебного материала не способствует» (Шпитцер, 2014. С. 185).

В отношении современного кочевника сегодня можно говорить о проявлении его слабоумия, или *digital dementia*. Данный диагноз связан с изменениями в функционировании головного мозга: они «схожи с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии деменции – слабоумия, которое обычно развивается в старческом возрасте»². Практически для всех кочевников сегодня характерны следующие симптомы, являющиеся показателями его слабоумия: «потеря памяти, расстройство внимания, когнитивные нарушения, подавленность и депрессия, низкий уровень самоконтроля» (Стрельникова, 2014), а также «снижение умственной работоспособности, утрата навыков мышления и способности к критической оценке фактов, неумение ориентироваться в потоках информации» (Шпитцер, 2014. С. 17). Постоянное пребывание в цифровой среде и манипуляция с гаджетами приводят к потере мозгом своей пластичности, благодаря которой он реагирует на среду и обучается в ней. «Чем больше внешних стимулов в детстве и отрочестве, тем активнее и быстрее формируется мозг»³. Но длительное времяпрепровождение электронного кочевника с раннего детства в виртуальности приводит к деградации мозга. «Применение цифровых средств для письма, которое начинается уже в детском возрасте, отрицательно влияет на способность к чтению у детей и взрослых» (Шпитцер, 2014. С. 156). В результате «постоянное отчуждение от реальности посредством переключения внимания на виртуальность, где осуществляется бесконечное обновление информации и бездумное ее считывание, приводит к снижению активности мозга, в том числе в непосредственной действи-

² Стрельникова, Л. (2014). Цифровое слабоумие. Химия и жизнь, 12. <https://www.hij.ru/read/5210/>

³ Там же.

тельности» (Яковлева, 2024. С. 316). Кочевник проявляет зависимость от гаджетов и в результате начинает испытывать негативные эмоции, приобретает бессонницу, становится нервным. Он теряет контроль над собой и ситуацией, находясь всегда в напряжении. «Цифровые средства массовой информации и коммуникации противодействуют способности к самоконтролю и потому вызывают стресс» (Шпитцер, 2014. С. 222).

Как мы отметили, усиливает эффект проявлений слабоумия электронного кочевника в результате взаимодействия с компьютером переустройство функционирования его мозга. «Специфика современной рациональности состоит в том, что рациональное мышление характеризуется как проективно-конструктивное ментальное действие, отражающее интерактивные процессы, которые опосредуются знаково-символическими системами» (Мамедова, 2021), в результате чего «формируется ослабленный вариант рациональности» (Мамедова, 2021). Потоки информации, образующие гипертекст, приводят к ее поверхностному считыванию без аналитической обработки. «Незавершенность, нелинейность, фрагментарность... электронного текста качественно изменяют процесс работы с ним» (Богданова и др., 2024. С. 11). Появившееся *клиповое мышление* неспособно воспринимать большие объемы информации и создавать объемную картину мира. У индивида не складывается панорамное видение истории, не рождается перспектива собственной жизни, не формируются навыки анализа, сравнения, выявления причинно-следственных связей. Кочевник предпочитает мыслить образами и характеризовать их небольшими объемами информации.

Многие функции мозга начинают относиться к атавизмам (в том числе память, эмоциональный интеллект). Кочевник полагается только на высокие технологии и созданных на их основе помощников, например *ChatGPT*. «Клиповое (мозаичное) сознание на глазах превращается в геймерское, в реакцию на ситуацию, задаваемую неким алгоритмом», а «эмоциональное переживание связано не столько с занимаемой позицией, сколько является непосредственной, желательно быстрой (автоматической) реакцией на ситуацию» (Тульчинский, 2021. С. 39). Все чаще кочевник не размышляет и не анализирует происходящее с ним, а подчиняется уже подготовленной для него реакции в виде закадрового смеха, неодобрения, аплодисментов и пр. Хотя именно «в процессе использования мозг постоянно изменяется»: «восприятие, мышление, переживание, ощущение и любые поступки – все оставляет так называемые следы памяти» (Шпитцер, 2014. С. 14). Но все эти операции индивид должен осуществлять самостоятельно, обучаясь им: «чем активнее и глубже мозг обрабатывает информацию, тем лучше она будет усвоена» (Шпитцер, 2014. С. 83). Только в этом случае приобретает навык, способный дать когнитивный эффект в бытии личности.

Для клипового мышления характерно снижение концентрации внимания, что приводит к эффекту *попкорнового мозга* (термин Д. Леви, не относящийся к числу официальных). Данная метафора неслучайна. Подобно жарящемуся попкорну, издающему хлопки, мозг кочевника, подверженный интенсивному влиянию цифровой среды, начинает проявлять себя подобным образом. Рождаемые в нем мысли схлопываются и буквально рассеиваются: не успев появиться, они тут же исчезают и забываются. Кочевник неспособен длительное время быть сосредоточенным на чем-то одном: его внимание из-за использования гаджетов постоянно переключается на другие темы/проблемы.

Обращает на себя внимание еще один аспект примитивизации кочевника. Сегодня в информации довольно сильно заявляет о себе элемент *мифизаций*, захватывающий внимание аудитории. Реальность и созданный о ней информационный текст, являющий *реальную виртуальность* (М. Кастельс), не совпадают между собой. Каждый из элементов живет своей жизнью. Но кочевник, как мы уже отмечали, потерял навык критического понимания прочитанного, принимая все к сведению. «Виртуальная реальность может выступать мощным инструментом деформации и деградации мировосприятия и миропонимания» (Буданова, 2018), усиливая примитивизацию электронного кочевника и служа его варваризации. При восприятии информации у кочевника формируется «*эффект фрейминга*, т. е. эффект воздействия рамок восприятия, зависящий от формы подачи материала и уровня интеллектуальной культуры» индивида, в результате чего у него появляются «когнитивные искажения, влекущие за собой отклонения в мышлении, восприятии, поведении» (Яковлева, 2023а. С. 66). И искаженная, деструктивная информация, и эффект фрейминга приводят к «негативным последствиям, связанным с неправильными убеждениями, лежащими в основу мировидения, алгоритмов (нелогичного) мышления и (иррациональных) действий» (Яковлева, 2023а. С. 66).

В социальном отношении у электронного кочевника нарушаются взаимодействия с людьми и коммуникация. Он предпочитает общение на расстоянии, в безъязыковом и отчужденном формате. Коммуникация в Сети оставляет кочевника одиноким и отчужденным от других коммуникантов: создается ситуация *одиночества*

вместе/в-месте. В подобной ситуации у электронного кочевника уменьшается социальное мышление и разрушаются социальные навыки, в том числе «способность сопереживать, умение поставить себя на место другого человека, совершение поступков, направленных на улучшение положения других людей» (Шпитцер, 2014. С. 110, 100). Сами «контакты через виртуальные социальные сети намного чаще связаны с передачей отрицательных эмоций, чем общение в реальном мире» (Шпитцер, 2014. С. 100).

Высказываясь на социальных платформах, кочевник ждет одобрения. Но сегодня оно оказывается невербальным, практически пиктографическим или идеографическим – в виде лайков, стикеров, гифок, эмодзи и т.д., показывающих эмоции, состояния, действия, предметы. Данные знаки помогают выразить эмоции или определенную мысль. Сегодня «коммуникационная схема возникает вследствие переживания, а не осмысления своего „я“, она экстернизирует внутреннюю речь» (Мамедова, 2021), являющуюся довольно эмоциональной. Используемые кочевником при переписке графические символы выступают в качестве смысловых единиц. На наших глазах произошел своеобразный невербальный поворот, который был воспринят кочевниками. Лайки, стикеры, гифки, эмодзи и т.д. стали неотъемлемой частью сознания кочевника, усугубив его примитивизм и клиповость мышления. Видимость и заметность в социальных сетях становятся принципом жизни современного индивида.

Заметим, сегодня лайк, придуманный в 1998 г. программистом Ван дер Меером и впервые появившийся в 2009 г. в *Facebook*⁴, возведен в своеобразный фетиш. Скульптор Дэвид Шриглы в 2016 г. на Трафальгарской площади в Лондоне установил ему семиметровую бронзовую скульптуру «Лайк» в виде комбинации большого пальца.

В целом у электронного кочевника обнаруживаются черты когнитивной деградации натуры, говорящие в пользу его примитивизации. Из-за того, что кочевник полагается на мощь высоких технологий, у него происходит уменьшение объемов его памяти, теряются некоторые навыки аналитического мышления, связанные с анализом информации и умением прогнозировать риски, учитывая сильные и слабые стороны проблемы. Кочевник испытывает сложности с устной и письменной речью: не умея объяснить, что он хочет или испытывает, современный индивид переходит на стилизованное графическое письмо в виде изображений (смайликов).

Над возникающими проблемами и вопросами кочевник предпочитает глубоко не размышлять, проявляя *тонкое искусство пофигизма* (М. Мэнсон). Возникающие задачи кочевник пробует решить, опираясь на ресурсы Интернета. В своем мобильном телефоне индивид оставляет множество напоминаний, позволяющих использовать их в качестве подсказок о событиях и делах. Самого электронного кочевника элементарные вопросы/ситуации/действия нередко ставят в тупик. Он не понимает, каким образом необходимо проявить себя для решения возникшей проблемы, что требует обращения за помощью к Интернету. При этом отсутствие доступа к Сети делает его нервным и истеричным. Перечисленные черты есть свидетельство примитивизации современного электронного кочевника.

Варваризация электронного кочевника

Переходим к следующей части наших рассуждений, касающихся процессов варваризации, наблюдаемой в системе координат двоимирия. В истории человечества *варварство* (с греч. βάρβαρος – «чужеземец»), связанное с первобытной историей, характеризуется деструктивностью, бесчеловечностью, уничтожением ценностей, отсутствием культуры, коварными методами действий, игнорированием разного рода норм, невежественным и грубым поведением, за которые не несет никакая ответственность. При этом варваром мог быть человек, находящийся не только на низкой ступени развития, но и на высокой. Главная его характеристика связана с конфликтогенностью и разрушением в действиях и проявлениях.

«В любой точке бифуркации варварство культивировало отрицание, распад и умирание» (Буданова, 2018). Приведенное описание характеризует образ жизни варвара, его интеллектуальный и эмоциональный уровень развития, связанный с отрицанием ценностей, что демонстрировалось в его действиях. Как справедливо замечает В. П. Буданова, варварство многопланово. Оно есть «исторически пройденный этап материального и духовного развития», «обществоцивилизационная идеология разрушения», «деструкция цивилизации», «действие,

⁴ Социальная сеть, принадлежащая Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

модель злонамеренного поведения, произвольная или преднамеренная активность людей, направленная на достижение осознаваемой цели», «морально- и нравственно-этическая характеристика поведения человека», «„темная сторона“ человеческой природы» (Буданова, 2018).

Многие современные исследователи считают, что в современной цивилизации имеет место варварство, а сами «варвары... – это в значительной степени порождение самой цивилизации» (Ерасов, 2002. С. 99). Варварство оказывается *транзитивным сквозным состоянием* (В. П. Буданова), присущим развитию общества. Оно приобретает *вертикальный формат*, ассоциируемый «не с прямым столкновением этносов или конфессий, а со сложными социальными процессами, в первую очередь с мощной вертикальной мобильностью и резким расширением доступа широких общественных слоев к достижениям цивилизации», «выходом из глубин общества и включения в число политических, социальных, экономических и культурных акторов, непосредственно влияющих на развитие человечества, „массового человека“, который не приемлет основ цивилизации, враждебен к носителям ее ценностей и культурных кодов» (Малашенко и др., 2018). Справедливым, на наш взгляд, является вывод Н. В. Мотрошиловой о том, что цивилизация «порождала на каждой ступени своего развития – наряду с новыми средствами цивилизации – и новое варварство» (Мотрошилова, 2010. С. 118). Данный вид варварства Н. В. Мотрошилова называет внутренним.

Резюмируя вышесказанное, отнесем к варваризации в условиях цифровизации определенные действия и алгоритмы поведения электронного кочевника, связанные с захватом и покорением пространства и аудитории, а также проявлением им власти. Другое дело, что сегодня подобные тактики осуществляются в цифровой среде.

Современный модус варварства стал цифровым. Предложенные исследователями Н. В. Мотрошиловой (политическое, милитаристское, экологическое, бытовое, безнравственное варварство) и А. В. Будановым (интеллектуальное, эстетическое и мировоззренческое варварство) (Буданов, 2013) классификации варварства можно дополнить еще и *цифровым варварством*, нередко включающим в себя все перечисленные виды. Подчеркнем, цифровое варварство мы уже не можем обнаружить в качестве ничтожений в реальности. В новом своем формате – виртуальном – оно имеет иные акценты, обладающие поведенческими и вербальными деструкциями.

Подобно древним варварам, электронный кочевник является (нередко хищным) захватчиком и покорителем территорий, но не реальных, а виртуальных. Он интенсивно осваивает пространства Интернета, начиная чувствовать в нем свою безграничность. Как известно, цифровая среда и ее массовое освоение электронными кочевниками оказываются неоднозначными. Наряду с большим количеством положительных моментов (доступностью, комфортностью, мобильностью), здесь появляются многочисленные угрозы и риски. В цифровой среде активизировалась «варварская матрица поведения человека», обозначив «тенденцию к тиражированию варварства, становясь стереотипом фантомного, угрожающего восприятия мира», что «создало ощущение незащищенности и фантомообразной угрозы» (Буданова, 2018). Данному факту способствует и направленность занятости современных кочевников. У них «мерой качества бытия стало свободное время как полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), богатство ощущений (*Reichtum der Empfindung*) и бьющая ключом радость жизни», а «„революция 4.0.“ открывает перспективу перекачки занятости в тоффлеровскую „четвертичную“ сферу свободного творческого самовыражения, любительства, волонтерства, благотворительности, развлечений» (Тульчинский, 2021. С. 36).

Цифровая среда обесценивает человека, превращая его в *пустую отрицательность* (Г. В. Ф. Гегель). Сама среда технологична, являя собой пространство девальвации человечности и человекосоразмерности. Так, «появление “everyday digital traces” не могут быть однозначно оценены: с одной стороны, в категориях индивидуализма, это явления порядка “self”, с другой – независимое, автономное существование digital self» (Дыдров, Пеннер, 2024. С. 44).

В виртуальности кочевник буквально *забывает* себя, что сказывается на отчужденном отношении к своей жизни и жизни других кочевников. Эмпатия, лежащая в основе социального взаимодействия и коммуникации, у кочевника не формируется или оказывается в зачаточном состоянии. Утрата этого социального навыка не способствует полноценному контакту с другими кочевниками, влияя на качество социальной жизни, начинающей подвергаться ничтожению, т. е. протеканию со знаком *минус*. Индивид в виртуальности приравнивается к вещи, цифровому коду, оцифрованному элементу или Ничто, а его жизнедеятельность превращается в *активацию опций* (Г. Л. Тульчинский). Данное обесценивание сказывается и на трудовом

процессе. Например, «цифровая экономика в целом предстает закономерным этапом трансформации капитализма – системы ведения хозяйства, в принципе, вне- и бесчеловечной, ориентированной исключительно на самовозрастание капитала – этапом дальнейшего расчеловечивания, близким к буквальной реализации» (Тульчинский, 2021. С. 37).

Но и сам кочевник, подобно варвару, теряя человеческую соразмерность, действуя бесконтактно, проявляя анонимность и чувствуя собственную безнаказанность, в виртуальности начинает демонстрировать отрицание существующих общекультурных норм и принципов, выстраивает разного рода мошеннические схемы. Называемое В. П. Будановой *новое варварство* характеризуется «злонамеренным агрессивным поведением, содержащим угрозу, наносящим оскорбление, обиду и причиняющим ущерб другим»: «облачившись в одежды „тайности“ и „скрытности“, варвары стремительно заявили себя в информационном пространстве, распространяя оскорбления, клевету, сплетни, интриги, месть и провокации» (Буданова, 2018). По отношению к некоторым проявлениям электронного кочевника справедливым будет замечание В. П. Будановой: его «деструктивное поведение... стало все более напоминать классическое варварское поведение» (Буданова, 2018). Именно в цифровой среде «разворачиваются новые форматы социальных интеракций – от коллабораций до соперничества и откровенной вражды» (Дыдров, Пеннер, 2024. С. 43). Коммуницируя и функционируя в виртуальной среде, электронный кочевник проявляет характерные для варваров элементы поведения.

В пользу современной цифровой варваризации свидетельствует и тот факт, что в виртуальности начинает развиваться *культурное насилие* (Й. Галтунг) и заявляет о себе *прозрачность зла* (Ж. Бодрийяр). Наиболее ярко это проявляется в отношении размещаемой в Интернете (анонимной) информации, за которую нередко никто не несет ответственность. Виртуальная среда и ее площадки становятся мощным средством продвижения разного рода провокаций. В ней осуществляются взламывание профилей, тиражирование аморальной и скандальной информации, троллинг.

Современные потоки информации, нередко обладающие деструктивным посылом и манипулирующие восприятием и эмоциями, выстраиваются мифотехнологиями с привлечением внимания и «имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить» согласно написанному или вопреки (Бауман, 2006. С. 113). Парадоксальность ситуации современного кочевника-варвара заключается в том, что некоторые свои деструктивные стороны он прикрывает позитивностью. Во внешне позитивных манипулятивных текстах имеют место скрытые механизмы управления из негативных слов или фраз, инициирующие агрессивные реакции и алгоритмы действий современных кочевников. Оправдываются сегодня и действия хакеров. В них «сосредоточен потенциал интеллектуального развития как партикулярного индивида, так всего общества и мира в целом», а «стратегией в действиях хакеров выступает борьба за освобождение каналов информации» (Дыдров, Пеннер, 2024. С. 39).

Позиционирование кочевником себя в цифровой среде выказывает определенный нарциссизм, демонстрирующий шаг в прошлое. Кочевник начинает активно обращаться к мифологическому типу мировоззрения, эксплуатируя мифологическую компоненту своего сознания. Сегодня «люди стараются „превратить“ себя в богов посредством визуальной идеализации и „сочинения“ своей повседневности ради яркого поста» (Маякова, 2024. С. 88). Превращение себя в современного бога обусловлено ситуацией обесценивания личности в цифровой среде и ее отчужденности от себя и других. Индивид желает компенсировать утраченные качества. Электронный кочевник как варвар убежден, что никто не может быть лучше его, поэтому только он может пользоваться всеми благами цивилизации. Убежденность в своей исключительности делает кочевника агрессивным и непримиримым с ценностными доминантами ему подобных. Кочевник, позиционируя себя в виртуальности и желая придать значимость, обращается к мифотворчеству. «Создание мифа о себе действительно становится жизнью для многих современников, они уже и сами не замечают, где есть „я“ подлинный» (Маякова, 2024. С. 89). В виртуальности (особенно в социальных сетях) появляется множество богов, требующих поклонения себе. Более того, такой индивид начинает навязывать свой жизненный мир другим кочевникам. Именно своей уникальностью кочевник пытается оправдать себя, в том числе и в неблагоприятных действиях. «Нарратив (приписывание себе определенных черт) вместе с медийной саморепрезентацией создает возможность управлять впечатлениями о самом себе» (Мамедова, 2021).

Формой общения кочевников стал текстинг. Сама коммуникация кочевников в безязыковом и бессловесном формате имеет отчужденный формат и даже не предполагает диалога. Кочевник и здесь проявляет себя

как варвар, захватывающий коммуникативное пространство. Его «монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты)»: монолог современного кочевника «глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы, монолог обходится без другого» (Бахтин, 1986. С. 327, 328). Кочевник монологичен. Он не слышит никого, считая, что его слово истинно, а мнение божественно.

Одной из распространенных форм занятий современного электронного кочевника оказывается собирательство, осуществляемое им в цифровой среде. Кочевник собирает информацию, людей в группы на социальных платформах, лайки, впечатления, коллекционируя и/или монетизируя эмоции (Яковлева, 2023б). «Человечество на новом уровне возвращается к собирательству: мол, какая разница – срывать плод с дерева или получать его на 3D-принтере: природная рента сменяется цифровой и сетевой» (Тульчинский, 2021. С. 36).

Вследствие варваризации как захвата в обществе постепенно формируется цифровое неравенство. Сегодня оно обусловлено доступом к цифровым ресурсам и умением разрабатывать компьютерные алгоритмы. Капитализм платформ как характеристика современной стадии развития общества «развернулся к данным, ища теперь в них источник экономического роста и жизнестойкости» (Срничек, 2020. С. 6). Сегодня массивы данных превратились в ресурс, умелое обращение с которыми (в виде регистрации, извлечения, анализа и использования) может принести прибыль. В «цифровой экономике владельцы капитала – это, по сути, владельцы алгоритмов»: «основной актив многих, если не большинства, современных хайтек-компаний зачастую не недвижимость, оборудование и прочие основные фонды, а алгоритм и средство коммуникации – платформа, в основном в виде мобильного приложения для той или иной деятельности (вроде Uber’a)» (Тульчинский, 2021. С. 40).

Особую роль в захвате цифрового пространства и демонстрации власти играют «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей – покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты» (Срничек, 2020. С. 32). Большое количество пользователей платформ как базовых инфраструктур делает их значимыми и, как следствие, приносит хорошую прибыль владельцам. «Множество пользователей притягивает новых пользователей», «и в результате платформа естественным образом движется к модели монополии», что «подталкивает платформы к динамике развития, заставляющей предлагать доступ ко все более широкому спектру видов деятельности, а следовательно, и накапливать новые данные» (Срничек, 2020. С. 33). Для удержания пользователей владельцы платформ постоянно прибегают к разнообразным тактикам: например, одни услуги/товары предлагают бесплатно, другие – продают по низким ценам, а третьи – по высоким. В итоге платформы выступают сегодня в качестве бизнес-моделей, занимающихся извлечением данных и контролем за ними. Со временем расслоение общества проявится в том, что «одни будут иметь работу, хорошее образование, качественную медицинскую помощь, перспективы саморазвития, а другие – испытывать страх потери работы, падения доходов, отсутствие жизненных перспектив» (Богданова и др., 2024. С. 12).

Точкой пересечения примитивизации и варваризации кочевника оказываются его безнравственные проявления. И захватнический тип поведения, и искажения в когнитивной сфере приводят к нарушениям в области этики и делового этикета. Так, популярное времяпровождение в виде стриминга как непрерывного прослушивания вещания в общественных местах на достаточной громкости нарушает пространства других и их спокойствие, незнание делового этикета приводит к написанию сообщений в режиме 24/7 или к нарушениям в деловой переписке, в которую постоянно вставляются гифки, мемы или открытки по случаю, или написание некорректных замечаний в социальных сетях с огромным количеством ошибок.

Нарушению этической составляющей в бытии электронного кочевника способствует его возможность проявлять себя в цифровом мире анонимно. «Нигде нет большего количества аватаров, псевдонимов, вымышленных адресов, фальшивых личностей и фиктивных личных страничек», потому что «компьютер и Интернет представляют собой невероятно мощное средство для обеспечения анонимности» (Шпитцер, 2014. С. 95). Данный факт ведет к проявлению неблагоприятных черт индивида, начинающего лгать, симулировать свои действия, шантажировать, клеветать, запугивать, дискредитировать других и пр.

С этической точки зрения, «все более тревожной становится практика подчинения человека цифровой инфраструктуре, беспрецедентный масштаб контроля и принуждения, вторжений в приватное пространство личной жизни и отсутствие конфиденциальности, чему способствует формирование систем распознавания

лиц, биллинга, геолокации и пр.» (Богданова и др., 2024. С. 12). У кочевника оказываются незащищенными его персональные данные, что делает его открытым для разного рода мошенников.

Как и в древности, на месте своего пребывания кочевники оставляют следы. Но современный след оказывается цифровым. «Геолокация, имущество, связи, слова и даже мотивы поведения стали прозрачны для маркетинга и манипулируемы на протяжении всего жизненного цикла», посредством «сбора, хранения и обработки этих массивов данных (Big Data) корпорации, государства создают, используя возможности современных технологий, все более изощренные системы наблюдения за собственными работниками, потребителями и гражданами» (Тульчинский, 2021. С. 39). И подобный тип виртуального слежения ограничивает свободу кочевника: за ним всегда ведется слежение/подсматривание.

Одновременно с этим обращают на себя внимание качества электронного кочевника, оказавшегося у власти. Нередко он демонстрирует примитивизм и варварство в профессиональной деятельности, ведя себя как непрофессионал. И это негативно сказывается на его взаимодействии с другими, в том числе коллегами и подчиненными. Сегодня «ученых наличествует больше, чем когда-либо, а подлинно образованных людей гораздо меньше, чем было в предшествующие эпохи», и «проявляется данный синдром в том, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах – в политике, в искусстве, в религии – „люди от науки“, а за ними и все категории узкоквалифицированной рабсилы (врачи, инженеры, экономисты, учителя)» (Волошин, Тума, 2015).

Обратим внимание еще на один аспект. Несмотря на то, что кочевник как варвар рождает в бытии Других огромное количество проблем, тем не менее и у него оказываются зоны уязвимости. Он подвержен «рискам интенсивного внедрения и использования виртуально-цифровой реальности и искусственного интеллекта» (Богданова и др., 2024. С. 10). В недалеком будущем возможно появление имплантов для головного мозга, с помощью которых будет осуществляться слежение и полный контроль (например, со стороны работодателей) за жизнедеятельностью электронных кочевников. В этом случае сознание кочевника полностью утратит свою самостоятельность, подчинившись контролю со стороны технологий и тех, кто ими владеет, что также внесет вклад в процесс варваризации цифрового общества. Нечто подобное описал А. Зиновьев в своей антиутопии «Глобальный человек» (1998), назвав период тотального подчинения технике и технологиям эпохой «сверхчеловеческой и постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщения и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти» (Зиновьев, 2022. С. 15). Согласно А. Зиновьеву, кочевник, превратившись в слугу техники, станет являть собой собственную ничтожность, а его «*желание проявлять свободу* в механизме тотального закрепощения» окажется бесполезным (Яковлева, 2022. С. 188).

Обратим внимание на одну деталь. Варварство в цифровом мире имеет латентный характер. В. П. Буданова определяет его как «скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы и намерения, имеющие целью достижение негативных последствий, причинение вреда, боли или страдания другим», что достигается посредством «выставления в невыгодном свете, пренебрежительном высказывании за глаза, злобной клеветы, сплетнях, распространении слухов, интриги, мести, публичного осмеяния и др.» (Буданова, 2018). Отметим, все перечисленные способы легко и безнаказанно можно осуществить в виртуальности, при этом сам кочевник не признает свое варварство. Используя различные гаджеты и неплохо ориентируясь в цифровой среде, он считает себя прогрессивным и цивилизованным человеком.

Среди угроз, имеющих негативное воздействие на кочевника и обладающих этическим измерением, называют валеологические, когнитивные и социальные. Так, валеологические проблемы связаны с сохранением здоровья и обусловлены «продолжительным пребыванием человека перед компьютером», что влечет за собой «зрительное утомление; проблемы опорно-двигательного аппарата, органов дыхания, эндокринной системы; психическое напряжение, снижение иммунитета и пр.» (Богданова и др., 2024. С. 11). Итогом продолжительной работы за компьютером оказываются повышенная тревожность и депрессивные состояния.

В целом современный электронный кочевник, как и древний, нуждается в безопасности, современную модификацию которой можно назвать *цифровой безопасностью*. Но сегодня пока рано говорить о появлении подобной среды в виртуальности. Цифровое общество находится в стадии своего становления, и многие его проблемы оказываются вуалированными. Более того, электронный кочевник не осознает в полном объеме рисков своего существования, своей примитивизации и варваризации и, как следствие, не готов к изменению себя и формированию безопасной цифровой среды.

Некоторые сценарии будущего, или Какой тип личности выгоден экономической сфере?

Представленные выше размышления характеризуют индивида с деформированным сознанием и мышлением, не готового встраиваться в постоянно усложняющийся мир. Тем не менее следует полагать, что в одном из сценариев экономика может быть спасена не только в рамках концепции роботизации. Согласно ей, главенствующим оказывается принцип о том, что «роботы нам помогут, а люди будут заниматься творчеством и находиться в виртуальном пространстве» (Гришин, 2008)⁵. При таком развитии будущего электронный кочевник и роботы начнут активно взаимодействовать друг с другом в разных сферах, решая возникающие проблемы. Вспомним произведения А. Азимова, где роботы, выступая в качестве помощников человека, проявляли себя человечно и разумно. Но при этом сотрудничество электронного кочевника с роботами породит очередной виток проблем, понимание которых возможно только в сложившихся условиях. Так, американский философ Джон Саллинс считает, что взаимодействие с роботами поможет понять человеческий мозг (Sullins, 2012), а Марк Кокельберг утверждает, что перед кочевником встанет проблема социализации робота и сотрудничества, но не соперничества, с человеком (Coeckelbergh, 2014).

Другой сценарий связан с внедрением технологий в самого кочевника. Можно допустить, что развитие технологий мозговых имплантов и корректоров мыслительной деятельности приведут к появлению нового вида человека, а значит – к новому типу работников/сотрудников. Уже сегодня существует множество программ управления и контроля за персоналом в рамках ERP-систем (Gueutal, 2003). Представим себе, что их парадигму GTD (Get Things Done (Allen, 2003)) и AGILE (Cohen et al., 2004; Abrahamsson et al., 2017)⁶ удастся интегрировать с мозговыми имплантами, что расширит продуктивность человека в рамках задач корпорации. Властные структуры посредством технологий внедрят *диктат обязанностей*. Люди добровольно будут брать на себя функцию подчинения системе для осуществления повседневных обязанностей на работе и дома, так как самоконтроль мозга кочевника уже перестал работать. Виной тому – его электронная зависимость и постоянные выбросы дофамина. Более того, добровольное внедрение мозговых имплантов будет стимулироваться получением бонусов или повышенной зарплатой от работодателя.

Со временем мозговые импланты станут необходимостью каждого электронного кочевника. Данный факт обусловлен несколькими причинами. Во-первых, импланты решают проблемы потери памяти (уже сегодня большинство кочевников не помнят, что было две недели назад, неделю назад). В памяти благодаря техническим устройствам можно будет постоянно держать задачи корпорации с дедлайнами и убирать ненужные воспоминания прошлых событий, отвлекающих человека от продуктивной деятельности. Во-вторых, посредством имплантов будут контролировать уровни гормонов, кортизола, адреналина, серотонина, эндорфинов у электронного кочевника, заставляя их посредством определенной программы в нужные моменты генерировать их или впрыскивать напрямую в организм⁷. Это позволит корпорации контролировать виды деятельности индивида и направлять его энергию на продуктивную работу с подкреплением гормонами удовольствия или, напротив, искусственно вызывать отвращение к определенным видам непродуктивной деятельности, отвлекающих кочевника от нужных задач. В-третьих, совмещение контроля памяти и возможности управления уровнями гормонов позволит управлять воспоминаниями о прошлом опыте, забыванием об усталости, стиранием ненужной для корпорации информации и навязыванием необходимых фобий (например, боязни невыполнения задачи, дедлайнов, критики начальства), потребляемым контентом (отсутствие подкрепления гормонами за потребление мусорного контента). С точки зрения корпорации, электронный кочевник должен

⁵ Мацкевич, В. В. (1988). Занимательная анатомия роботов. Москва: Радио и связь.

⁶ Agile («проворный») – это «семейство „гибких“ подходов к разработке программного обеспечения. Такие подходы также иногда называют фреймворками, или agile-методологиями. Agile возник в IT-среде, но затем распространился и в другие сферы – от промышленной инженерии до искусственного интеллекта» (<https://www.itru.ru/гибкие-методологии-разработки/>).

⁷ В книге Харари «сосредоточьтесь на единственной вещи, которая может сделать нас по-настоящему счастливыми: манипулирование нашей биохимией» (Harari, 2014), и далее, приводя пример Олдоса Хаксли с антиутопией «О дивный новый мир», опубликованной в 1932 г., описывает прием таблеток «сома», где все люди становятся счастливыми без снижения продуктивности и эффективности. В кастовом обществе знать получает «сома» каждый день, а низшим дают только после каждой рабочей смены (Huxley, 1932).

всего отдаваться только продуктивной деятельности. В-четвертых, подключение ИИ к слуховым центрам, а компьютерных мониторов к зрительным центрам полностью подчинит человека технологиям.

Приведенное описание будущего оказывается катастрофичным и страшенным при внешней позитивности. Дело в том, что внедрение систем *GTD* и *AGILE* в человеческий мозг с целью работы кочевника со стопроцентной отдачей на корпорации приведет не столько к повышению «само»дисциплины индивида, сколько к полному диктату обязанностей. Возможно, для кочевника подобное включение инородного станет спасением из дофаминовой ямы, где он обречен на вечное потребление мусорного контента, но для самодостаточного индивида, выступающего полной противоположностью кочевнику, это станет виртуальной каторгой: контроль дофамина и постоянный выброс кортизола заставит его круглосуточно выполнять задания, поступающие одно за другим.

В перспективе речь может идти о контроле за мозговыми центрами. Более того, в новой реальности все структурные элементы сознания индивида могут быть перепрограммированы (перепрошиты). Естественные функции головного мозга заменятся искусственными, технологичными, что позволит манипулировать кочевником и программировать его на определенные мысли/высказывания/действия. Достигается абсолютная пластичность ментальной части сознания, контроль потока мыслей, включение и выключение внутреннего, навязанного имплантами собеседника. Контроль будет осуществляться не только за перемещениями кочевника и его мыслительной активностью, но и за его конфликтностью, выбросами при встречах и общении индивидов дофамина/адреналина, афродизиаков. Но кочевник перестанет ощущать имплант и встроенную в себя иную, техногенную самость, осуществляя контролируемый внутренний диалог с технособеседником непосредственно в мозгу. Последнее даст корпорации и государству поистине обескураживающий спектр возможностей по управлению социумом, когда задачи и нужное настроение, ценности и ориентиры приходят непосредственно в мозг индивида. Подобное может привести к появлению сетевых групп индивидов с имплантами с внушением нового типа парадигм, принципов или религиозности. Складываемая ситуация с управлением электронным кочевником посредством имплантов окажется выгодной владельцам корпораций/цифровых платформ, позволяя внедрять определенные идеи (например, о светлом будущем) и манипулировать ими.

Внедрение имплантов в мозг создаст почву для переосмысления социального капитала. Он окажется нивелированным ввиду ничтожения электронного кочевника как самодостаточной личности. Кастомизация сознания (сохранение нужного и стирание из сознания ненужного) кочевника превратит его в пластичный атом социального мироустройства, а социум в рой, стаю или человекий (Зиновьев, 2022). Таким образом, при контроле индивидуумов в стае можно модифицировать цели и задачи самой стаи и принципы ее организации (по желанию можно трансформировать группу в муравьиную колонию, стадо слонов или толпу разъяренных болельщиков). «Описанное положение дел и характеристики кочевника оказываются нормой в социальном, загоняя личность в тупиковое состояние безысходности, ощущения собственной ничтожности и ненужности в цивилизации одиноких людей» (Яковлева, 2022. С. 190), но помыслить об этом для кочевника будет роскошью, так как гормональный «кнут и пряник» будет отсеивать ненужные мыслеформы. «Надзирать и наказывать» (М. Фуко) – станет основным дисциплинирующим принципом общества электронных кочевников, где надзор проникнет даже в повседневную жизнь, осуществляя контроль 24/7. Кочевник подчинится тотальной слежке, испытывая страх из-за возможных карательных мер, обусловленных правилом *Get the things done* – «Доведение дел до завершения» (Allen, 2003). «Отсутствие убеждений, нивелировка различий „из-за одинаковой интеллектуально-информационной техники и одинаковой информированности“ (Зиновьев, 2022) превратит людей в человекообразных информационных роботов (одной серии), а их существование – в роботообразное, обесмысливая жизнь» (Яковлева, 2022. С. 189). В качестве одной из главных обязанностей кочевника как функционального работника станут быстрый поиск, отбор и структурирование информации, подобно системам *Notion*, *Obsidian*.

Возможен еще один сценарий будущего. Посредством технологий осуществится локальное отключение (стирание) памяти с целью корректировки мировоззрения, фобий и страхов электронного кочевника, что приведет к воплощению ницшеанской идеи о рождении белокурой бестии. Такой тип личности проявит нарциссичность. Его «я» будет игнорировать окружающих людей, позиционируя собственную богоподобность. В результате утраты памяти, в том числе о совершенных проступках, кочевник начнет чувствовать свою непогрешимость. Его «я» станет очищенным, как только что переустановленная операционная система,

без намеков на отражение в сознании опыта прошлых лет. И «я» такого электронного кочевника, совмещающая в себе вечного ребенка, взрослого и старца в одном лице, станет формировать удобную для себя позицию, алгоритмы действий и нравственность, игнорируя желания и потребности окружающих его людей.

Несмотря на наличие целого ряда этических вопросов относительно бытия электронного кочевника и процесса его деградации, по-видимому, предложенный сценарий будет для него своеобразным решением некоторых проблем: он окажется следующим этапом их адаптации к реалиям нового мира, точнее, к системе двоемирия.

Полагаем также, что глубинная погруженность в виртуальную реальность и компьютерные игры способна помочь обретению навыков в специфических профессиях будущего. Подобно тому, как *Counter Strike* оттачивает тактические навыки бойцов, а игра «Танки» – навыки прицеливания, расчета баллистики и работы дронами. Эти игры воспитали поколения геймеров, сформировав среду и специфический язык взаимодействия между игроками. В будущем, по-видимому, у различных игр найдутся аналоги деятельности в реальном мире⁸. И здесь для нас возникает поле для форсайта в поисках ответов на вопросы: например, для каких реальных задач готовят игроков в *MineCraft*? Ответ связан с образом жизни кочевников: *MineCraft* нацеливает игроков на освоение и обустройство незанятых территорий с суровыми условиями обитания, что можно осуществить посредством дистанционно управляемых роботов. Можно сказать, что электронный кочевник начинает с раннего детства готовиться к «работе мечты», в отличие от тезиса Харари, что в будущем класс «ненужных людей» (*unnecessary people*) следует занять наркотиками и компьютерными играми (Harari, 2016).

Обсуждение и выводы

Современная цивилизация перешла на цифровой виток развития, и многие ее тенденции оказываются довольно неоднозначными, рождая определенные проблемы и риски. В процессе становления цифрового общества обнаруживают себя черты примитивизации и варварства. В первую очередь данные характеристики заявляют о себе в экзистенциальных проявлениях электронного кочевника, являющего собой новый тип личности. У кочевника нарушаются социальные связи, когнитивные и нравственные аспекты его бытия.

Электронный кочевник примитивен в своем слабоумии, отсутствии эмпатии, бездумности, бесцельности и бессмысленности. Он упрощает многие аспекты своего бытия-в-мире, в том числе язык и письмо, что негативно сказывается на его когнитивных способностях. Кочевник оказывается зависимым от современных технологий, что делает его манипулируемым объектом. В результате манипуляции с гаджетами и длительного пребывания в цифровой среде многие отделы его мозга оказываются недоразвитыми. Варварство кочевника, связанное с его действиями, проявлениями (нередко прозрачной) агрессивности, захватом цифровых территорий, мягкой силой, связанной с владением цифровыми ресурсами и манипуляцией другими кочевниками, деструктивно. Кочевник разрушает стабильность как своего бытия, так и бытия общества, ничтожит многие ценности. При этом многие аспекты варварства оказываются скрытыми анонимностью кочевника в социальных сетях. Несмотря на разнонаправленность примитивизации (в мышлении и когнитивной сфере) и варваризации (в действиях), они отражаются на нравственном облике электронного кочевника, в жизни которого появляются аморальные алгоритмы мыслей и действий. Примитивизация и варварство электронного кочевника есть показатель кризисности его бытия, что в качестве накопительного эффекта отразится в будущем не только на нем, но и на ситуации в социальном.

Учитывая факт проявления варварства и примитивизации в переходные эпохи, мы считаем, что они у современного кочевника оказываются явлениями преходящими. Постепенное освоение в пространствах двоемирия приведет к стабилизации антропогенных качеств личности, и кочевник сможет проявлять себя как вполне цивилизованный индивид. Неслучайно шаг назад есть залог движения вперед. Поэтому метафора

⁸ Со слов Алены Шунулиной, HR-директора мебельной группы «Дятково», «на собеседовании на должность дизайнера кандидат без опыта работы уверенно заявил, что никогда не занимался проектированием, но порядка десяти лет играл в *The Sims*, где строил дома, расставлял мебель. После пробного задания стало ясно: соискатель и правда выполняет эту задачу быстро и качественно. Теперь вопрос “Играете ли вы в *The Sims*?” стал вполне рабочим при поиске подходящего сотрудника» (<https://lenta.ru/articles/2024/08/25/net-opyta/>).

назад в будущее актуальна в современности, находящейся в стадии освоения новых социокультурных реалий, связанных с цифровизацией.

Понимая негативные тенденции, связанные с электронным кочевником (в виде примитивизации и варваризации), прогнозы на будущее оказываются неоднозначными. Сценарии будущего могут быть как оптимистичными, связанными с поиском алгоритмов взаимодействия роботов и кочевников, так противоречивыми (пессимистичными для электронного кочевника и оптимистичными для владельцев корпораций и цифровых платформ). Пытаясь улучшить индивида посредством внедрения в него мозговых имплантов, владельцы капитала сформируют новый тип человека, полностью управляемого ими. Безусловно, для развития корпораций подобное решение будет эффективным, принося огромные прибыли. Но электронный кочевник оказывается полностью поработоченным, не имея возможности проявить свою индивидуальность. И данный факт он сам не осознает, оказавшись навсегда в дне сурка. Развитие приведет либо к очередному кризису, либо к восстановлению электронных кочевников, либо к скуке владельцев капитала, для преодоления которой они создадут очередные технологии, улучшающие природу человека. Но не будем слишком сгущать краски, надеясь на тот факт, что постепенное привыкание к системе двоемирия выработает у электронных кочевников определенный иммунитет. Привыкание к цифровой среде приведет кочевника к рационализации своих мыслей и действий, что не позволит ему согласиться с процедурой внедрения мозговых имплантов.

Список литературы

- Бауман, З. (2006). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Москва: Весь Мир.
- Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Богданова, М. А., Абросимова, Л. С., Татарченко, А. Г. (2024). Человек в цифровой реальности: классификация рисков. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 2(43), 9–13. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-43-9-13>
- Буданов, А. В. (2013). Постмодерн и варварство. В кн. *Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством* (II, с. 379–400).
- Буданов, В. Г., Кучуков, М. М., Барахвостов, П. А., Санакоев, И. Б., Дзугаев, К. Г., Шохов, А. С. (2022). Межцивилизационный диалог: возможности локальных цивилизаций (материалы научной дискуссии). *Россия и мир: научный диалог*, 1(3), 142–159. [https://doi.org/10.53658/gw2022-2-1\(3\)-142-159](https://doi.org/10.53658/gw2022-2-1(3)-142-159)
- Буданова, В. П. (2018). О сущности и проявлении современного варварства. *Преподаватель XXI век*, 4, 233–246.
- Волошин, Д. А., Тума, Е. А. (2015). Варварский быт и «социальное небытие» современной России (о некоторых особо актуальных аспектах). *Концепт*, 5, 66–70.
- Гришин, Е. А. (2008). Об интеллекте: просто о сложном (реплики на выдержки из книги Д. Хокинса и С. Блейкли «Об интеллекте»). *Искусственный интеллект и принятие решений*, 4, 49–57.
- Дыдров, А. А., Пеннер, Р. В. (2024). Манифест цифровой антропологии. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2, 34–51. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.466>
- Ерасов, Б. С. (2002). *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. Москва: Наука.
- Зиновьев, А. (2022). *Глобальный человек*. Москва: Канон+.
- Малашенко, А. В., Нисневич, Ю. А., Рябов, А. В. (2018). Современное варварство: причины и следствия. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2(89), 6–22. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-varvarstvo-prichiny-i-sledstviya>
- Мамедова, Н. М. (2021). Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального. *Век глобализации*, 3(39), 74–85. <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.03.06>
- Маякова, О. В. (2024). Изменение телесно-пространственного ощущения человека в контексте цифровой культуры. *Сфера культуры*, 2(16), 87–94.
- Мотрошилова, Н. В. (2010). *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*. Москва: ИФ-РАН, Канон+, РООИ «Реабилитация».
- Срничек, Н. (2020). *Капитализм платформ*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Тульчинский, Г. Л. (2021). Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки. *Ведомости прикладной этики*, 57, 34–47.
- Шпитцер, М. (2014). *Антимозг: цифровые технологии и мозг*. Москва: АСТ.
- Яковлева, Е. Л. (2024). Когнитивные риски в бытии электронного кочевника. В сб. М. Н. Филатова (ред.), *Гуманитарные Губкинские чтения – Человек в координатах современной цивилизации и культуры: материалы VIII Международной научно-практической конференции* (с. 314–317). Москва: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина.

Яковлева, Е. Л. (2022). На новом витке цивилизационного развития: актуализация идей антиутопии А. Зиновьева. В сб. Г. К. Гизатова, О. Г. Иванова, Ф. Ф. Серебряков, Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова (ред.), *IX Садыковские чтения. Зияющие высоты. Памяти А. А. Зиновьева: материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 21–22 октября 2022 г.)* (с. 186–192). Казань: Издательство Казанского университета.

Яковлева, Е. Л. (2023a). Социальные сети как разновидность информационной войны. Информационные войны: когнитивные и аксиологические аспекты. В кн. *Сборник трудов Международной конференции* (с. 62–69). Новосибирск.

Яковлева, Е. Л. (2023b). Философский взгляд на проблему монетизации эмоций. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 473–489. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.473-489>

Abrahamsson, P., Salo, O., Ronkainen, J., & Warsta, J. (2017). Agile software development methods: Review and analysis. *arXiv preprint arXiv:1709.08439*.

Allen, D. (2003). *Ready for Anything: 52 Productivity Principles for Work and Life*. Viking Books.

Coeckelbergh, M. (2014). Responsibility, Robots, and Humans: A Preliminary Reflection on the Phenomenology of Self-Driving Cars. In *Sociable Robots and the Future of Social Relations* (pp. 265–269). IOS Press.

Cohen, D., Lindvall, M., & Costa, P. (2004). An introduction to agile methods. *Adv. Comput.*, 62(03), 1–66.

Dulebohn, J. H., & Johnson, R. D. (2013). Human resource metrics and decision support: A classification framework. *Human Resource Management Review*, 23(1), 71–83.

Gueutal, H. G. (2003). The brave new world of eHR. In *Advances in human performance and cognitive engineering research* (pp. 13–36). Emerald Group Publishing Limited.

Harari, Yu. N. (2014). *Sapiens: A brief history of humankind*. Random House.

Harari, Yu. N. (2016). *Homo deus: a brief history of tomorrow*. Signal Books.

Huxley, A. (1932). *Brave New World* (London, Chatto & Windus). Garden City, NY.

Sullins, J. P. (2012). Robots, love, and sex: the ethics of building a love machine. *IEEE transactions on affective computing*, 3(4), 398–409.

References

Abrahamsson, P., Salo, O., Ronkainen, J., & Warsta, J. (2017). Agile software development methods: Review and analysis. *arXiv preprint arXiv:1709.08439*.

Allen, D. (2003). *Ready for Anything: 52 Productivity Principles for Work and Life*. Viking Books.

Bakhtin, M. M. (1986). *Esthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskustvo. (In Russ.).

Bauman, Z. (2006). *Globalization. Implications for a man and society*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.).

Bogdanova, M. A., Abrosimova, L. S., & Tatarchenko, A. G. (2024). Man in Digital Reality: Classification of Risks. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2(43), 9–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-43-9-13>

Budanov, A. V. (2013). Postmodernism and barbarianism. In: *Civilization and barbarianism: paradoxes of a victory of civilization over barbarianism* (II, pp. 379–400). (In Russ.).

Budanov, V. G., Kuchukov, M. M., Barakhvostov, P. A., Sanakoev, I. B., Dzugaev, K. G., & Shokhov, A. S. (2022). Intercivilizational dialogue: The possibilities of local civilisations. *Russia & World: Sc. Dialogue*, 1(3), 142–159. (In Russ.). [https://doi.org/10.53658/rw2022-2-1\(3\)-142-159](https://doi.org/10.53658/rw2022-2-1(3)-142-159)

Budanova, V. P. (2018). On the essence and manifestation of modern barbarianism. *Prepodavatel XXI vek*, 4, 233–246. (In Russ.).

Coeckelbergh, M. (2014). Responsibility, Robots, and Humans: A Preliminary Reflection on the Phenomenology of Self-Driving Cars. In *Sociable Robots and the Future of Social Relations* (pp. 265–269). IOS Press.

Cohen, D., Lindvall, M., & Costa, P. (2004). An introduction to agile methods. *Adv. Comput.*, 62(03), 1–66.

Dulebohn, J. H., & Johnson, R. D. (2013). Human resource metrics and decision support: A classification framework. *Human Resource Management Review*, 23(1), 71–83.

Dydrov, A., & Penner, R. (2024). Digital Anthropology Manifesto. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 17–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.466>

Erasov, B. S. (2002). *Civilizations: universalities and originality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Grishin, E. A. (2008). On intelligence: speaking about difficult things in simple words (replies to extracts from J. Hawkins and S. Blakeslee's 'On intelligence'). *Artificial Intelligence and Decision Making*, 4, 49–57. (In Russ.).

Gueutal, H. G. (2003). The brave new world of eHR. In *Advances in human performance and cognitive engineering research* (pp. 13–36). Emerald Group Publishing Limited.

Harari, Yu. N. (2014). *Sapiens: A brief history of humankind*. Random House.

Harari, Yu. N. (2016). *Homo deus: a brief history of tomorrow*. Signal Books. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.473-489>

Huxley, A. (1932). *Brave New World* (London, Chatto & Windus). Garden City, NY.

- Iakovleva, E. L. (2022). At a new stage of civilization development: actualizing the ideas of A. Zinovyev's antiutopia. In G. K. Gizatova, O. G. Ivanova, F. F. Serebryakov, N. A. Tereshhenko, & T. M. Shatunova (Eds.), *9th Sadykov's Readings. Gaping heights. To the memory of A. A. Zinovyev: works of the International scientific-educational conference (Kazan, October 21–22, 2022)* (pp. 186–192). Kazan: KFU Publishing House. (In Russ.).
- Iakovleva, E. L. (2023b). Monetization of emotions in the existence of an electronic nomad. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(3), 473–489. (In Russ.).
- Iakovleva, E. L. (2023a). Social networks as a kind of information war. Information wars: cognitive and axiological aspects. In *Collection of works of the International conference* (pp. 62–69). Novosibirsk. (In Russ.).
- Iakovleva, E. L. (2024). Cognitive risks in the being of an electronic nomad. In M. N. Filatova (ed.), *Humanitarian Gubkin's Readings – Human in the coordinates of modern civilization and culture: works of the 8th International scientific-practical conference* (pp. 314–317). Moscow: Gubkin University. (In Russ.).
- Malashenko, A. V., Nisnevich, Yu. A., & Ryabov, A. V. (2018). Modern barbarism: reasons and consequences. *Politeia journal*, 2(89), 6–22. (In Russ.).
- Mamedova, N. M. (2021). Human in the age of digitalization: at the verge of the real and virtual. *Vek globalizacii*, 3(39), 74–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.03.06>
- Mayakova, O. V. (2024). Changing the body-spatial feeling of a human in the context of digital culture. *Sfera kultury*, 2(16), 87–94. (In Russ.).
- Motroshilova, N. V. (2010). *Civilization and barbarianism in the epoch of global crises*. Moscow: IF-RAN, Kanon+, ROOI “Reabilitacziya”. (In Russ.).
- Pelipenko, A. A. (2002). Postmodernism in the context of transitional processes. In N. A. Hrenov (Ed.), *Art in the situation of a change of cycles: Interdisciplinary aspects of researching artistic culture in transitional processes* (pp. 383–398). Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Shpiter, M. (2014). *Antibrain: digital technologies and brain*. Moscow: AST. (In Russ.).
- Srnichuk, N. (2020). *Platform capitalism*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Sullins, J. P. (2012). Robots, love, and sex: the ethics of building a love machine. *IEEE transactions on affective computing*, 3(4), 398–409.
- Tulchinskiy, G. L. (2021). Digitalization: opportunities and social-humanitarian costs. *Vedomosti prikladnoy etiki*, 57, 34–47. (In Russ.).
- Voloshin, D. A., Tuma, E. A. (2015). Barbarian lifestyle and “social nonbeing” of modern Russia (on certain especially topical aspects). *Concept*, 5, 66–70. (In Russ.).
- Zinovev, A. (2022). *Global human ant-hill*. Moscow: Kanon+. (In Russ.).

Вклад авторов

Е. Л. Яковлева осуществляла основные работы по статье, проводила обзор литературы.
Р. А. Григорьев разрабатывал концепцию статьи, осуществлял структурирование статьи, финальную редактуру.

The author's contributions

E. L. Iakovleva performed the overall research and literature review.
R. A. Grigoryev elaborated the article concept, performed structuring and final editing.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (Р. А. Григорьев) является членом редколлегии (ответственным секретарем) журнала. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (R. A. Grigoryev) is a member of the Journal Editorial Board (Executive secretary). The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.09.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 08.10.2024
Дата принятия в печать / Accepted 08.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

XXVI ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»

Отделение общественных наук и Секция экономики Российской академии наук, Центральный экономико-математический институт РАН, Региональная общественная организация содействия развитию институтов ОЭ РАН, Научный совет ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий», Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Международный научный фонд экономических исследований академика Н. П. Федоренко, Ассоциация «Системная экономика», НП «Объединение контроллеров», Российский электротехнический концерн «РУСЭЛПРОМ» извещают о проведении в Москве XXVI Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий».

Информационную поддержку симпозиума осуществляют журналы «Экономическая наука современной России», «Российский журнал менеджмента», Russian Journal of Economics and Law, «Имущественные отношения в Российской Федерации».

Симпозиум состоится **15 и 16 апреля 2025 г.** в Центральном экономико-математическом институте Российской академии наук по адресу: г. Москва, Нахимовский проспект, 47.

Работа симпозиума в первый день будет проходить в формате пленарного заседания и круглого стола. Второй день будет посвящен секционным заседаниям. Состав и тематика секций симпозиума:

Секция 1 «Теоретические проблемы стратегического планирования».

Секция 2 «Опыт стратегического планирования и управления на микро- и мезоэкономическом уровне».

Секция 3 «Проблемы моделирования и прогнозирования бизнес-процессов на предприятиях и в организациях».

Круглый стол по тематике симпозиума проводится в рамках работы Научного совета ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий».

Регистрация

Зарегистрироваться для участия в работе симпозиума можно на сайте: <https://symposium-cemi.ru>. Регистрация участников начинается **1 декабря 2024 г.** и завершается **1 февраля 2025 г.**

Публикации

Материалы секционных сообщений принимаются на сайте симпозиума в период проведения регистрации. Публикация материалов на сайте симпозиума будет осуществлена при условии уплаты регистрационного взноса.

Требования к оформлению материалов секционных сообщений опубликованы на сайте симпозиума: <https://sympozium-cemi.ru>. Содержание материала должно соответствовать тематике симпозиума. Объем текста не должен превышать 20 тыс. знаков с учетом пробелов. Все материалы проходят рецензирование. Оргкомитет оставляет за собой право отказать автору(ам) в опубликовании. Один участник может быть (со)автором не более двух секционных сообщений. Издание материалов в электронном виде с присвоением соответствующих библиографических индексов и цифровых идентификаторов объекта (DOI) планируется в день открытия симпозиума. Информация об опубликованных материалах сообщений будет размещена в базе РИНЦ.

Сопредседатели оргкомитета:

Макаров Валерий Леонидович, академик РАН, научный руководитель ЦЭМИ РАН;
Клейнер Георгий Борисович, член-корр. РАН, руководитель научного направления ЦЭМИ РАН.

Председатель программного комитета:

Бахтизин Альберт Рауфович, член-корр. РАН, директор ЦЭМИ РАН.

Ученый секретарь симпозиума:

Качалов Роман Михайлович, д-р экон. наук, ЦЭМИ РАН.

Контакты:

Сайт симпозиума: <https://sympozium-cemi.ru>

E-mail: info@sympozium-cemi.ru

Адрес оргкомитета симпозиума: 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 47, ЦЭМИ РАН.

Куратор работы по подготовке и проведению симпозиума:

Куропаткина Людмила Владимировна, e-mail: leolus1@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Маслюкова Елена Васильевна, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Elena V. Maslyukova, Associate Professor of the Economics Faculty, South Federal University, Rostov-on-Don

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom